

HEBA

7•2024

НЕВА

7
2024

ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1955 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Татьяна СТОЯНОВА

Смута. *Стихи* • 3

Алина МИТРОФАНОВА

Молчание Паулины. *Повесть* • 7

Стефания ДАНИЛОВА

Чем успокоить мерцание. *Стихи* • 28

Роман РАЗЖИВИН

Работяги на грани вечности. *Рассказ* • 35

Клавдия ШАРЫГИНА

Стихи • 48

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ

Человек, не встретивший человека. *Рассказ* • 51

Оксана СОБОЛЬ

Стихи • 69

Игорь ШУМЕЙКО

Егр. *Федеральный роман* • 72

Данила КРЫЛОВ

Эрмитаж. *Стихи* • 171

НЕСТОЛИЧНАЯ РОССИЯ

Илья АНСЕРОВ

Газовый ключ. *Повесть* • 173

ВСЕЛЕННАЯ ДЕТСТВА

Арина ОБУХ

Я тут был, я тут буду еще долго. *Рассказ* • 199

12+

МОЛОДЫЕ. О МОЛОДЫХ

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр МЕЛИХОВ

Самый драгоценный и опасный дар Прометея • 205

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Виктор КОСТЕЦКИЙ

Эстетика улицы в ранней античности:
истоки западной философии • 208

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КНИГОВИК

Территория памяти. Александр Васькин. Корней
Чуковский: Путешествие из Ленинграда в Москву.

Книжный остров. Публикация Е. Зиновьевой • 220

ПИЛИГРИМ

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

Харбин — «русский Китеж». Часть 14 • 240

*Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.
Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала
(191186, Санкт-Петербург, а/я 9).
Рукописи не возвращаются и не рецензируются.*

Главный редактор

Александр Мотелевич МЕЛИХОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Игорь Сухих (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (редактор-координатор).

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **Д. Зенченко**

© Журнал «Нева», 2024

Татьяна СТОЯНОВА

СМУТА

ЛЖЕДМИТРИЙ

Псы государевы. Сбить с них спесь
Время настало, и вот я здесь.
Пусть все, кто думал, что я отребье,
Вскоре узнают: да, их Отрепьев
Гришка обманом навел на след
Всех этих лживых и смутных лет.
Ваши раздоры пошли мне впрок:
Будет Руси навсегда урок.
Каждой эпохе грядет конец —
Набело пишет судьбу чернец.
Истинный царь нужен вам, ну что ж.
Дмитрий я Углицкий. Не похож?
Мальчик воскресший и сын тирана.
Кто же на троне не без изъяна?
Вы получили, кого хотели.
Важно ли, кто я — на самом деле?
Царским грехам — будет божья кара.
Я только искра того пожара.

БОРИС ГОДУНОВ

великий голод
смута
мраз
царевич
гроб
донос
указ

Татьяна Стоянова — поэт, куратор литературных проектов, финалист и лауреат поэтических конкурсов и премий. С 2015 года занимается продвижением современной русской литературы в издательстве «Редакция Елены Шубиной». Автор сборников стихотворений «Матрешка» (2019) и «Контур тела» (2023). Публиковалась в литературных журналах «Дружба народов», «Юность», «Традиции & Авангард», «Формаслов», «МногоЛитер», «Пашня», «Дагестан», «Нижний Новгород», «Литературной газете», «Новых Известиях», а также в сборниках «Живые поэты. Книга II», «Возврату не подлежит» и других книгах. Стихи переведены на турецкий и болгарский языки.

монаший постриг
Филарет
пустой амбар
толпа
навет
мятеж
бояре
бунт
народ
Господня кара
мечь
извод
гниющий хлеб
господский
склад
семейный склеп
мой дом
мой ад

МАРИЯ ГОДУНОВА

Я никому из них
здесь не верю:
ворье и звери.
Мне ли страшиться
их жалкой смуты?
Я — дочь Малюты.
Сколько веревке
петлей ни виться,
ведет к царице.
Я бы сожгла ей глаза,
пытая.
Солжет Нагая:
сыном погибшим —
нам всем из мести —
врага окрестит.
Око за око,
и сын мой тоже
погибнет?
Боже.

МАРИНА МНИШЕК

С утра умылась кровью
и нянчила воренка.
Иван-Иван-Ивашка.
Заруцкий-Грозный-сын.

Второй и первый Дмитрий —
теперь мне как один,
два самозванца-мужа,
два вора и подонка.
Ужель мне стать царицей
не суждено отныне?
Не я ли их гордыне —
прикрытием была?
Дорога до престола —
прямая, как стрела,
петлей вдруг затянулась
на малом моем сыне.
И вот я в башню эту,
заброшена, как знамя
отверженного войска,
погибшего в бою.
Пусть подступает к окнам
к моим высоким — пламя.
Я выбрала свой путь —
и устою.

НАРОДНАЯ

Буйны головы катились
По кровавому по спуску.
По земле по святорусской —
Красны реченьки разлились.

Течь обрушила запруду.
Крест Христов — в пыли походной.
Ой, да сами — эту смуту —
Все мы сделали народной.

Нам ли не хватало мора?
Лиха ль не хлебнули лишку?
Сами же расстрижку Гришку
В сени запустили — вора.

На престол на царский — плута
Всем народом посадили.
Ой, да сами — эту смуту —
Мы себе и народили.

КСЕНИЯ ГОДУНОВА

Спи, царевна,
самозванец
тоже спит.

Голь красна,
и цвет сошел
с твоих ланит.
Голь красна,
и блуд смердит,
как тлен из гроба.
Смута так смердит,
ее утроба.
Спи, царевна,
это будет
тихий сон.
Дмитрий умер,
проклят он
и осужден.
А тебе в миру
осталось только
воплотиться
инокиней Ольгой.
Спи, царевна,
плат твой красный
станет бел.
Каждой смуте в мире —
есть предел.
В русском том распаде
и спасении —
крест твой,
Годунова Ксения.

ФИЛАРЕТ

Верую, Господи: ибо на воре и шапка горит.
Пусть и насильно мне были предписаны постриг и скит.
Пусть и провел восемь лет с иноверцами в польском плену.
Я никогда не отрину твой крест. Я признаю вину.
Власть против власти. Там — в стане врага — я узрел:
Вся эта смута итогом была — наших — дел.
Власть против власти. Я видел, как рушится Русь,
И для ее устояния — знал, что вернусь.
Верую, Господи, муки — во благо даны.
Мир этот выстрадан был. Нам довольно войны.
Сына не видел так долго, что страшно подчас,
Вдруг не признаю при встрече любимых я глаз.
Завтра обмен. Эту ночь проведу я — моля:
Господи, пусть продолжается наша земля.

Алина МИТРОФАНОВА

МОЛЧАНИЕ ПАУЛИНЫ

Повесть

— В детстве я почему-то думала, что Париж у нас в люстре расположен. Вот в той самой люстре в гостиной. Почему? До сих пор не могу понять свою детскую логику. Вот несколько Париж на люстру не похож. Я бы его сравнила с витриной с пирожными. Дома как огромные куски тортов... Ах, ах! А как я впервые туда поехала? Денег совсем не было, только на билеты. Я тогда не в одну кондитерскую не зашла, покупала яйца, варила их в хостеле да ела во всех этих красивых сквериках. И вином самым дешевым запивала! Ну куда ты отвернулась, я же тебя рисую!

Паулина сидит за столом, зажав плечом трубку старинного телефона с диском — позирует.

Трубка молчит. Зато Наталья Владимировна продолжает говорить:

— А в свадебное путешествие мы поехали в Грецию. Представь, я, когда замуж выходила, еще девочкой была. По нашим временам это нонсенс. Муж и не догадывался. Он мне очень быстро предложение сделал, совсем с ума сошел!.. Да, красиво у нас все начиналось.

Паулине было неинтересно, она слушала уже эти истории раз десять. Наталья Владимировна любит повторяться, особенно когда рисует.

У Паулины не было таких историй — ни Парижа, ни Греции, ни замужества. Было кое-что свое. Кому его расскажешь?

В окно тычется снег, подсматривает, что там по ту сторону стекла. А там комната, оборудованная под мастерскую. Внутренность дома, которому больше ста лет. И Наталья Владимировна за работой все рассказывает свою жизнь... А Паулина вспоминает свою.

* * *

В жизни ей дано было только имя. Странное, нездешнее имя — Паулина. Прихоть ее бестолковой матери. Последняя воля, так сказать. Паулина. Нет, нет, не Полина. Паулина, мама. Ее зовут Паулина! Мать чмокает бабушку, обнимает Паулину и скрывается за дверью. В комнате еще долго пахнет духами. А за дверью таится ночь, подслащенная южными травами.

Паулина даже не плачет, она ничего не понимает, только бабушка обнимает ее крепче прежнего и что-то бормочет себе под нос:

Алина Митрофанова родилась в г. Тихвине Ленинградской области в 1992 году. Окончила Санкт-Петербургский институт культуры по специальности «библиотекарь». Пишет стихи и прозу. Публиковалась в журналах «Балтика», «Нева», «Звезда», «Сибирские огни», «Аврора», «Урал». Автор двух книг стихотворений. Живет в Санкт-Петербурге.

Паулина! Как же! Вот выдумала!.. Полина, и довольно.

Исчезнувшая мать так и не появлялась. Паулина почти и не спрашивала о ней. Она мало знала ее. Она мало что знала вообще в свои три года.

А бабушка знала больше. Однажды она получила письмо, после которого долго рыдала, но так, чтоб внучка не видела. Она не сразу сказала внучке, что мать больше не вернется. Она решила вообще поменьше говорить. А внучку, так и быть, стала звать Паулиной.

Жили они в своем доме, в частном секторе. У бабушки был и огород, и цветы. Тем и другим занималась она с полной отдачей.

Дедушки у бабушки не было — умер давным-давно. Были только подруги, такие же бабушки.

Подруги приходили к ней, что-то говорили. Рассказывали про свои дела, про детей, внуков, цветы и огороды, а бабушка только кивала да подливала им своей наливки.

Сидели они обыкновенно на веранде. Из глубины дома доносились звуки телевизора. Но никто его не слушал. Только рассказы, рассказы и рассказы самых разных бабушек, бабушек и еще раз бабушек.

Иногда бабушки обращались к Паулине.

— Паулина — это Полина, что ли?

— Нет, Паулина — это Паулина, — отвечала за Паулину бабушка.

— Это из телевизора что-то? Из сериала?

— Не знаю. Так дочь решила...

— А... — грустно кивали подруги и переводили разговор на другую тему, тоже не всегда веселую. <...>

— Да, жизнь прожить — оно такое дело...

— Ой, хватит уже вспоминать! У меня вон сын женится! Мы тут долго ему костюм выбирали.

— Что это он у тебя жениться надумал? Невеста беременна, что ли?

— Ну что вы! Просто мой сын — вот такой. Знакомы уже года три с ней, пожили вместе. Чего бы теперь не жениться?

— Да уж, наверное, залетела невеста-то... Так просто кто теперь женится? Вот в наши-то времена...

— Ой, да, хорошие времена были...

— Помнишь, как из-за нашей Ленки драка была прямо перед ее свадьбой?

— Я помню...

— И я...

— А чем это так вкусно пахнет?

Но мир Паулины состоял не из одних бабушек. Была еще школа с одноклассниками.

С Паулиной все хотели дружить. Из-за имени. Все хотели иметь подружку по имени Паулина. Красивую подружку, почти принцессу. Только Паулина не была красивой. Она была обычной. Обычно одевалась, обычно выглядела.

А потому подружки быстро теряли к ней интерес. Обычно и разговор с ними не длился долго:

— Привет, девочка, как тебя зовут?

— Меня зовут Паулина!

— Паулина! Какое имя красивое!

— Мама так назвала.

— Давай дружить, Паулина!

— Давай!

И начиналась дружба, где Паулину только называли по имени и все.

Вот, например, со Светой так было. Со Светой, девочкой из хорошей семьи, как любила говорить бабушка. Жила Света в богатой квартире, с новой мебелью, пахнущей магазином. Паулине нравилось ощущать себя в этой квартире без грустных ковров с оленями, без выцветших фотообоев с видами моря. Уверенные стены пастельных тонов, картины. Люстра в форме лотоса. Гостиная! Тоже слово из какого-то другого мира. Да, Паулине полюбилась эта квартира.

А Свете полюбила наряжать Паулину в свои платья. У Светы была своя комната. С домиком для Барби. С фортепиано. С большим шкафом, откуда выглядывали разноцветные платья.

Кто что наденет, распоряжалась Света — Света же королева! А Паулина просто ее подружка-принцесса из дальнего королевства. Больше всего Паулине нравилось длинное, цвета морской волны. Но королева-Света обычно надевала его сама. А Паулину наряжала в черное бархатное платье с блестками. Паулине оно не так нравилось. Но она не говорила об этом Свете. Вдруг она обидится и больше не позовет ее в гости?

Только Паулина надевала платье, как вся преображалась.

— Вот теперь ты похожа на Паулину! А то в чем ты ходишь?! — иногда вмешивалась Светина мама.

Паулина благодарно улыбалась и молчала.

— Покружись, Паулина! Покружись! — командовала Света порой.

И Паулина кружилась, пританцовывала. А Света напевала. Иногда она даже садилась за фортепиано и играла что-то красивое, карамельное, принцесское.

Паулине нравилось быть подружкой Светы. Подружкой-принцессой. Одной из свиты Светы.

А еще у Светы был брат Игорь. Жил он в своей комнате. Туда они заходили не каждый раз. Только когда Свете хотелось потанцевать или чтоб ее покружили. Игорь нехотя отвлекался от своих уроков. Его комната больше была похожа на кабинет ученого. Весь стол в бумажках, стопки книг, чертежи, беспорядок в вещах. Он был старше Светы лет на пять. Света ему всегда мешала. Но что делать — приходилось потакать сестре.

Умный, хорошо одетый Игорь казался Паулине очень приятным парнем. Настоящий принц. Принц-ученый. Она его так и звала про себя — принц Игорь. Слово «ученый» как-то отвалилось. Когда-нибудь потом, думая о своей первой любви, Паулина скажет сама себе, что это был принц Игорь.

Так она его и запомнила — за письменным столом с тысячько уроков. Со сгорбленной спиной — поводом постоянных замечаний от матери и копировавшей ее Светы. Но постоянно чем-то увлеченным.

Приходили они к Свете из школы, бросали на пол докучные портфели и наряжались. Пили сок из трубочек, ели пирожные. Смотрели фильмы про красивые платья, принцесс, королей и стародавние времена.

А потом у Светы появилась новая подружка Кира.

Она была старше их года на два, носила джинсы и, говорят, убегала курить на переменах. Кира любила петь. Фильмы про принцесс сменили передачи о жизни начинающих звезд. Платья в шкафу были забыты. Только Паулина иногда спрашивала, нельзя ли ей понаряжаться. Света и Кира смотрели на нее странно. Носи, что хочешь, Паулина, даже то самое платье цвета морской волны. Кому оно теперь нужно?

Одинокая Паулина бродила по большой квартире Светы, кружилась в одинокой гостиной, когда из Светиной комнаты доносились хиты из «Фабрики звезд».

Как-то раз ее и увидел принц Игорь. Был ли он в хорошем настроении, или мать и сестра научили его вести себя по-джентльменски, но он сказал Паулине:

— Юная леди, позвольте пригласить вас на танец?

Паулина зарделась и тихо промямлила:

— Да я не умею...

Принц Игорь улыбнулся великодушно:

— Это не трудно!

Он протянул ей руку и повальсировал с ней по комнате. Платье цвета морской волны поднималось при кружении. А ноги сами вставали на цыпочки, как бы желая совсем оторваться от земли.

Танец закончился. Игорь угостил Паулину пирожным, расспросил про ее успехи в школе и исчез, бросив напоследок:

— Моя сестра слушает дурацкую музыку...

Паулине снова зарделась. Она не знала, что ответить принцу Игорю.

А надо было всего лишь спросить, какая же музыка не дурацкая. Или согласиться, что да, конечно же, дурацкую музыку слушают его сестра, то ли дело раньше...

Но Паулина молчала. Все хорошие мысли приходили к ней глубоко позже, когда она заново прокручивала в голове понравившийся разговор.

А потом Игорь уехал учиться в другой город. Далеко-далеко на север. Без него в квартире Светы стало пустынно. Паулина перестала наряжаться. Тихо сидела на краешке дивана и смотрела с подругами передачи да клипы. На нее не обращали внимания. Паулина и Паулина. Сидит себе с краю и сидит. Ну и пускай!

Скоро и вся семья Светы уехала. В любимой квартире Паулины поселились совсем другие люди.

На прощание Света отдала Паулине свое платье. Паулина уже не влезала в него. Платье совсем разошлось по швам в области груди. Но иногда Паулина надевала его, включала передачи о звездах и кружилась.

Иногда эти кружения замечала бабушка. «Это еще что за самостоятельность!» — восклицала она и уходила на участок. К любимым цветам.

* * *

— Когда я вырасту, я стану самой-самой знаменитой. Попаду на «Фабрику звезд»! Вот увидишь! Меня уже все в городе знают. В музыкалку, правда, не хожу. Но это все оттого, что семья у меня... ну, небогатая. Пианино мне никогда не купят, и гитару тоже. А я все равно стану звездой! Мне вон с детства говорят, что я талантливая. У меня голос есть! В школе я раньше пела на утренниках... ну, пока хорошей девочкой была... Только в школе что петь — там никакого развития! Мне продюсер нужен или группа. Я иногда Грэгу подпеваю. Он, правда, в меня не верит. Ну... это потому, что Грэг. В кого он верит, кроме себя... Всегда смеется, когда я говорю, что со мной обязательно снимут клип и покажут по ТВ. Главное — мечтать! Вселенная нам поможет!.. А пока я со шляпой на набережной хожу, когда Грэг с группой играет. И подпеваю про себя тихонько...

Так откровенничала с Паулиной Кира. После того как Света уехала, они почему-то стали дружить. Не сразу. Где-то классе в девятом. Кира тогда училась в одиннадцатом.

Стояла себе Паулина на перемене в коридоре одна, невидимая для одноклассников. Стояла и уроки повторяла от нечего делать. А тут к ней Кира подходит:

— И чего мы грустим?

Паулина пожалала плечами.

— А нечего грустить. Пошли к нам!

И повела Кира ее окольными тропами за школу.

— Так у меня ведь урок скоро!

— Подумаешь! Опоздаешь, соврешь что-нибудь.

Соврет? Да она и правду-то сказать не может. Какое там врать?

Но за Кирой она пошла. Благо перемена длинная.

На улице уже было тепло — апрель. Можно выходить без куртки.

Через дырку в школьном заборе выбрались они к гаражам. А там уже вся компания собралась. Андрюха с челкой, первокурсник, Настя Колобова, его девушка, десятиклассница. Еще два незнакомых пацана и собственно Грэг.

Грэг был из них старшим. Уже успел поучиться в двух вузах. Она внимательно посмотрела на него. Вот он какой! Высокий, лохматый, в рваной джинсовке. Лицо скуластое, взгляд бесцеремонный. Вечерами он выступал с группой на набережной.

Кира демонстративно поцеловала Грэга. Чтобы всем было ясно, кто здесь кто.

Паулина прижалась к стене и неловко улыбнулась.

— А это Паулина! — представила ее Кира.

— Какое имя! Вы вместе учитесь? — посыпались вопросы.

Грэг так посмотрел на Паулину, что ей стало совсем неловко.

— Она в девятом.

— Что ты за нее отвечаешь? Она что — немая?

Паулина рассмеялась. В кармане она нащупала мобильник, глянула на него и охнула:

— Ой, мне пора! Урок начинается.

И убежала.

А через пару дней вечером за ней зашла Кира.

— Ну что сидишь? Пошли?

— Куда?

— На набережную! Грэга слушать. Ребята сегодня играют!

На набережную!

Паулина до этого вечера как будто не знала, что в городе есть набережная. А ведь набережная была. И море было. И закат был.

На море она ездила только на дикое в детстве с бабушкой. А когда прогуливалась сама, и не понимала, что вот оно — море. Ну, было — и было рядом.

А сегодня вдруг она оказалась на море и в компании.

Кира со шляпой не давала покоя прохожим. Грэг и Андрюха с челкой играли на гитарах. Никита-барабанщик бил в одноименный инструмент. Сначала Паулине показалось здесь очень шумно, но вскоре она привыкла. Парни помахали ей в перерыве между песнями.

А Паулина прислонилась к покоцанным перилам и бессмысленно улыбалась.

Так побежала-помчалась совсем другая жизнь. Паулина стала опаздывать на уроки. Надвигалось лето. Вдарила жара.

За ней стал ухлестывать Никита-барабанщик.

Ну, как ухлестывать? Ухлестывал по-настоящему он только за барабанами. И за той девушкой, про которую постоянно говорил.

— Тогда у нас были старые убогие электронные барабаны, которых ни фи́га не слышно. А репять приходилось много. Ей это не нравилось. Она мне так и сказала: выби-рай — либо я, либо барабаны! Этот момент всегда наступает. Со всеми девушками. С девушкой до нее — та же история... Почему бы не принять то, что я каждый день часа по два занимаюсь? Неужели, кроме меня, больше нет никаких интересов?

Паулина слушала его задумчиво.

Зачем он ей все это рассказывает? Что он находит в ней? Идеального слушателя? Паулина не знала. Она была обычной долговязой девчонкой с растрепанными волосами.

А Никита был кудрявый и курносый и постоянно настукивал всевозможные ритмы.

Паулина знала о любви только по фильмам. То, что чувствовала она к Никите, на фильмы было не похоже. Кажется, она ничего не чувствовала. Просто странно. Как будто бы и незачем. А вроде бы и приятно. Приятно ходить вечерами по набережной не одной. Приятно, когда ее не одну встречают знакомые. Приятно, когда он держит ее за руку — дальше и не надо, кажется. Пару раз он приводил ее к себе в квартиру, когда один оставался. И там тоже не было ничего неприятного, просто глупо как-то все было, неудобно, не как в кино. И музыку он все время включал не ту. А какая музыка «та» — ее не спрашивал.

Бабушка устало поглядывала на внуку, когда та собиралась на вечерние гулянки:

— Смотри в подоле не принеси!

Паулина пожимала плечами и молчала. Какое — «в подоле»? Никита все время на репетициях. Впрочем, ее это только устраивало!

А у Киры с Грэггом разыгралась целая драма!

Кира застала Грэга с какой-то девицей в гараже, где они репетировали. Грэг даже оправдываться не пытался. Ну вот, подруга, ну вот так. Кира рыдала, переспала с половиной друзей Грэга и вскорости уехала в соседний город учиться в медицинский колледж.

— Эх, Паулина! Гиблый у нас городишко! Тут никто ничего не добьется. Я уезжаю! Далеко! Три часа на электричке! Там больше групп и больше возможностей. Ну, себя проявить, понимаешь? Да, поначалу буду учиться на медсестру. Ну, это я так, ради общаги только. И чтобы отсюда свалить. Грустно тут, понимаешь? Все напоминает этого... А там найду себе группу... Да! Я теперь больше не буду ходить со шляпой. Теперь я только петь буду. Обязательно. Соседка говорит, что мне надо в музыкальное училище поступать, но это ж готовиться надо? Кто меня готовить будет? Да и продюсер мне нужен, а не образование. Главное — отсюда выбраться. А там как-нибудь все наладится... Ну и тебе отсюда надо выбираться! Только у тебя тут Никита... Как там у вас с Никитой, кстати? Мне кажется, он тоже отсюда свалить будет рад. Море морем, а настоящая жизнь не здесь... Надо себя преодолевать. Вот. Только так можно чего-то добиться. Когда-нибудь ты меня увидишь в клипе по ТВ.

Паулина обняла на прощание подругу и все. Исчезла Кира, как будто и не было.

Грэг стал появляться в компании других девушек. Ни с одной из них Паулина не разговаривала, только холодно кивала при встрече. Все-таки она подруга Киры.

Наступили каникулы. Лето повернуло на жару.

У Грэга надвигался концерт. Все в тусовке это обсуждали. Никита-Барабанщик совсем затерялся в своих репетициях. Репетировал он сразу с несколькими группами. А Паулина бродила по городу одна. Дойдет до какого-нибудь парка с книгой и сидит, мечтает, книгу не читает.

В одну из таких прогулок она и встретила Грэга. Тот шел куда-то с гитарой через плечо.

— Грэг? — она сама окликнула его. Как странно и неловко было обращаться к незнакомому человеку по имени, когда еще имя такое странное. То есть обычное имя, конечно. Но так все зовут, на англоязычный лад.

— Грустная Паулина! Неужели?

— Грустная? — переспросила она.

— Веселой тебя не назовешь...

— А какой назовешь? — вся она вспыхнула, заулыбалась.

— Задумчивой, загадочной, — он оценивающе посмотрел на нее. — И никто не знает, какая ты... Может, ты шпионка или инопланетянка? Изучаешь тут нас, а ночами передаешь инопланетным службам секретные данные.

Паулина так и вылипилась на него. Как интересно он говорит о ней!

— Пойдем! — Грэг коснулся ее плеча.

— А куда мы?

— Увидишь...

Они какое-то время молчали.

— Только имя у тебя для шпионки не самое удачное... Слишком яркое...

— Так захотела мама.

— С таким именем легко запомниться! А тебе ведь этого не надо... Да?

— Не знаю.

За дорогой она не следила. Знакомый город вдруг стал для нее каким-то незнакомым.

— Ну, расскажи чего-нибудь?

— Зачем? — она оборонялась.

— Всем же интересно узнать, кто ты такая.

— Кому всем?

— Мне, например, — разве этого мало?

Что рассказывать?

— В детстве я хотела платье цвета морской волны. Я бы и сейчас его носила, но выросла из него. Тогда у меня была подруга Света, у нее столько платьев было. У нее был брат, он потом уехал... И сама Света уехала...

— И все уехали? — помогал ей Грэг.

И она что-то говорила, и они шли все дальше и дальше, уже из города вышли. Потянулись рыночки, а за ними раскаленная дорога. Паулина мало знала окрестности. В какой-то момент она замолчала. Грэг тоже не говорил. Голову напекло, и больше всего на свете хотелось пить.

— В самое пекло попали! Скоро тенок будет...

В ближайшем киоске они купили воды и разом выпили по бутылке.

— Тут где-то парк есть заброшенный, там дом, развалины, говорят...

— Я туда и шел... Я там люблю песни новые писать.

В парке она сразу воспряла. Потрескавшаяся дорога плутала то вверх, то вниз. Нависали деревья.

— Тут еще до революции была усадьба, важные люди жили. А потом в революцию здесь белогвардейцев расстреливали.

Усадьбы уже и не было. Только два мутных пруда да развалины грота.

Паулина посмотрела на свое отражение в воде. Представила, как бы она здесь умирала и что бы думала. Вряд ли бы она была на стороне белых. Чисто из-за происхождения. А думала бы она... о бабушке, о маме? Тоже вряд ли. Наверняка о любимом... О каком любимом? Дальше фантазия ее не увлекла. Больше увлекал ее Грэг. Такой неожиданно красивый. Нет, он всегда ей казался красивым, но сейчас как будто больше, чем всегда — что изменилось?

— Присядем?

Грэг раздел свою гитару и расстелил чехол под деревом. Паулина села, прислонившись спиной к вековому стволу. Грэг был совсем близко. Он перебирал струны гитары, ничего толком не играя. Оба они молчали, смотрели сквозь прорези веток в душное июльское небо. В какой-то момент он взял ее руку, долго держал в своей, а потом отпустил. Они еще посидели, помолчали, встали и пошли.

Обратно ехали в маршрутке и продолжали молчать.
— Придешь на мой концерт? — сказал Грэг на прощание и исчез.

А до концерта была еще целая неделя. Странная, беспокойная неделя.
Паулина помогала бабушке по огороду. Тревожно следила, как распускаются розы.
Ждала дождя и все не дожидалась.

На концерт она впервые нарядилась, надела платье покороче.
— Ишь какая! Смотри там... — привычно пробурчала бабушка.
Паулина в ответ промолчала, вышла из дома, села в маршрутку и поехала.

А на концерте ее ждало столпотворение. В маленький клуб набились все знакомые.
Вот промелькнул Никита. Помахал ей, чмокнул в губы, шепнул: «Какая ты сегодня не такая!» Паулина пожала плечами, отметив про себя, что целуется Никита совершенно неприятно.

Из гримерки выскочил Андрюха с челкой, поцеловал свою неразлучную Настю.
Затем подвел ее, Паулину, к барной стойке и заказал ей сидр.

— От Грэга! — пояснил он. — Не скушайте тут! Скоро начнем.

При имени «Грэг» все внутри Паулины вдруг вспыхнуло. Как, наверное, в кино бывает. Неужели? Не успела она обдумать это, как загрохотала музыка.

Выскочил хозяин клуба. Заговорил что-то вроде: «Вы все ждали этого дня? Будет горячо!»

Паулина уже успела побывать на нескольких таких концертах и знала, что обычно говорят. Она отхлебнула из стакана. И отошла в сторонку. Все места за столами были заняты. Наполнялся людьми танцпол. Событие, однако, для их города.

И тут появились они. Внезапно другие, с идеальной кожей, прической, одеждой — как будто из телевизора. Зал радостно завопил.

Паулина снова отхлебнула. А сидр — ничего так напиток.

Никита забарабанил. Андрюха заиграл на гитаре. Грэг подошел к микрофону.

Пел он, конечно, не очень. Он был скорее артистом. Паулина это замечала и не замечала, жадно вслушиваясь в его голос. Слова она еле разбирала в остальном потоке звуков. Но мелодии, мелодии! Иногда мелодии были грустными, и в голове ее постоянно прокручивалась та прогулка за город. Прокручивалась то медленно, то быстрее. Доходила до момента, когда он брал ее за руку. И тормозила.

— Ну, Грэг задал жару! — однообразно перекикивались восторженные слушатели, расходясь.

Зал пустел. Паулина все не уходила. Настя Колобова пошла в гримерку. Пойти с ней? Паулина не решалась. Но там же еще и Никита... Еще начнет ее целовать при Грэге... Так она и сидела в зале, пытаясь различить голоса из гримерки.

— Паулина, ты тут? — выскочил Никита-барабанщик. — Мы идем к Грэгу сейчас отмечать! Ты с нами?

Шли они долго и шумно в новый район города. В белоснежные двенадцатизатяжки. Солнце уже село. Их обдало томительной южной темнотой.

Грэг шел впереди, болтал с Андрюхой. Никита что-то рассказывал Насте, времена-ми поглядывая на Паулину, идет ли она за ними.

А она шла последней, как всегда ощущая свою отдельность.

Грэг жил на пятом этаже. В подъезде горел тусклый свет. Разрисованные стены. Среди прочих автографов встречалось «Грэг, ты лучший!», «Грэг, я люблю тебя», сердца, разбитые сердца, мат и многое-многое другое.

— Вот она, слава! — пояснил Андрюха эти записи Паулине, остановившейся рассмотреть.

— Это разве слава! — Грэг махнул рукой. — Это все так...

— Слава впереди! — уверил всех Андрюха.

— Слава впереди. Путешествия, заграница, концерты, поклонницы... Все впереди! Выпьем за это! — Грэг поднял рюмку.

Квартира у него была большая. Ему тут принадлежала одна комната, но сейчас его родители уехали, и он тут царил. Впрочем, его и в другое время не притесняли. О тусовках у Грэга в городе ходили легенды...

Парни спорили о музыке, предрекали смерть попсе, вспоминали своих кумиров. Иногда в их спор вмешивалась Настя. А Паулина не знала, что сказать. Она выскользнула из комнаты на балкон.

Голоса спорщиков стихли, отдалились. Можно было смотреть вниз на подсвеченный фонарями двор, вдыхать сладкий вечерний воздух и думать о своем. Но что теперь было *ее*?

— Почти поймал! — Грэг подкрался незаметно.

— Кого?

— Тебя в контакте с инопланетянами. К тебе же сейчас они сюда прилетали? И ты передала им очередной отчет. Говорила, наверное: «А так себе тут, знаете, концерт был... У нас на альфе Центавра лучше...»

Паулина засмеялась.

— Хорошо у вас там на альфе Центавра?

Он подошел совсем близко и поцеловал ее долгим голодным поцелуем, а потом зашептал на ухо:

— Иди домой, Паулина. Сегодня здесь скучно, приходи завтра... Одна... Придешь?

— Приду, — тихо отозвалась она. А внутри стало горячо-горячо, радостно и покорно.

— И платье свое приноси, то, про которое ты рассказывала.

— Цвета морской волны?

— Да!

— Но я же в него не влезаю совсем.

— Не страшно...

А наутро послезавтрашнего дня она смотрелась здесь в зеркало в ванной и как бы впервые видела себя. Вот она — Паулина. Долговязая, волосы спутались, старое платье разорвано.

В комнате закрипела кровать. Грэг проснулся. Вот он медленно встает, открывает дверь. Паулина отступает. Он подходит к раковине, умывается.

— Чаю?

Паулина кивает.

Они проходят на кухню. Садятся за стол. С балкона льется свет.

Замызганный чайник бесконечно долго закипает. Грэг молчит.

Так хочется к нему подойти, обнять, погладить по голове, по волосам этим взлохмаченным, но никак. Как будто этого нельзя! Весь вечер и всю ночь было можно, а сейчас — нельзя!

Можно только тихо сидеть и сиротливо поглядывать по сторонам.

Чайник вскипел. Грэг достал старое унылое печенье «Мария». Чай еще долго будет стечь в кружку. Выпить сейчас? Обжечь язык? Обожжет. Не страшно.

Солнце светит с балкона, разгоняя сумрак на кухне.

Грэг сидит напротив нее, покачивается на стуле. Думает о чем-то своем.

Посмотри же на меня, скажи мне что-нибудь обо мне.
 Но он молчит. Он смотрит только в телефон.
 И Паулина чувствует обиду.
 Вот сейчас она встанет, уйдет и навсегда его забудет.

Встала, ушла и не забыла. Они еще встретятся несколько раз. Всегда он будет с какой-то компанией. Вечно занят, полон планов. В таком тумане проплывет десятый класс, начнется одиннадцатый.

А потом он уедет в большой город, куда-то туда, где погода холоднее, а жизнь значительнее. И затеряется там навеки.

* * *

А вот и сама она здесь потерялась. Паулина просыпается в полдень. За окном вечная зима.

Когда она приехала сюда, был конец лета. Сколько лет прошло? Приехала и застряла.
 — И чего тебе дома не живетесь? — охала бабушка, когда Паулина собиралась в дорогу. — Как мать хочешь? Уехать и пропасть?

«Да я уже пропала», — думала Паулина.

Оставалось только уехать. В тот самый далекий город на севере. Куда все уезжали. На второй неделе жизни здесь, как-то раз днем, после пар, она подъехала к одной частной школе и поджидала Андрея Евгеньевича.

Тот вышел из школы, весь элегантный, в длинном плаще, и поспешил по делам.

Паулина знала, что путь его лежит через арку. Опередив его шагов на сто, она скинула с себя куртку и встала у него на пути. В длинном красном платье.

— Паулина? Это вы? Что вы здесь делаете? — осторожный, вкрадчивый голос.

Паулина молчала. Ей было страшно неловко. Но без него ей было совсем невозможно.

— Паулина! Холодно! Наденьте куртку. Здесь вам не юг.

Он поднял куртку с асфальта и набросил на нее.

— Ну что с вами делать?

Потом взял ее за руку. Повел с собой. Снял первые попавшиеся апартаменты.

Раз на десятый таких встреч он взмолился:

— Паулина! Ну не могу я так больше! У меня семья!

А она все молчала, прижималась к нему сильнее и, казалось, совсем его не слышала.

Она уже поняла, что все любимые быстро становятся чужими. Только пока они с тобой, пока они в тебе, они — твои.

Андрея Евгеньевича она еще долго преследовала. Только когда он сменил работу, в Паулине наконец разыгралась гордость.

Серые холодные улицы тянулись бесконечно. Недружелюбный ветер давал пощечины почище всякого кавалера. А Паулине предстояло здесь жить.

Училась она в колледже. В педагогическом. На историка. Бросила такой же колледж у себя дома. И приехала сюда. За Андреем Евгеньевичем.

— Дома ей не живетесь, понимаешь ли? — продолжала ворчать бабушка в ее голове. — У тебя же тут и мальчик есть! Что тебе надо?

А мальчика не было. С Никитой оно как-то само распалось, после истории с Грэггом. Без объяснений. Просто он стал для нее таким же чужим, как все. И не за кого уцепиться.

Только сидеть дома, следить, как бабушка возится то на огороде, то на кухне. И ничего не ждать.

Нового мальчика не появилось. Появился Андрей Евгеньевич.

Начиналось все благородно. Тогда он у них литературу преподавал. И однажды похвалил ее сочинение. Потом второе, третье. Потом она его встретила в городе. Потом снова. Потом ничего не было. Только лекции да семинары. На семинарах Паулина молчала. А в сочинениях внезапно становилась разговорчивой.

А в конце года Андрей Евгеньевич объявил, что уезжает.

«Куда?» — ужаснулась Паулина.

Да все туда же, в большой город, куда уехала и Света с принцем Игорем, куда поехал Грэг.

Жить без лекций Андрея Евгеньевича? Нет! Хватит с нее.

Паулина ушла из колледжа и уехала сама.

— Паулина, у вас такое редкое имя. Ваш отец, случайно, не богослов? — на первой случайной встрече спросил Андрей Евгеньевич.

Было это на набережной. Где-то ранней весной.

— Богослов? — Паулина удивленно пожала плечами и потупилась. — Я не знаю своего отца.

— Ах, простите! Не должен я был этого спрашивать.

Паулина посмотрела на него внимательно, как бы изучая.

— А почему он должен быть богословом?

— Меня всегда завораживало, когда послания апостола Павла называли «Христианством Паулины». Встретил это в ряде книг...

— Как будто вы сами богослов...

— Учился, да недоучился.

И, видя заинтересованный взгляд Паулины, продолжил:

— Вы же читали апостола Павла?

Паулина мотнула головой.

— Почитайте! Вы девушка думающая, вам понравится... Есть мнение, что именно апостол Павел создал теперешнее христианство. Его называли апостолом язычников... Эти его послания к коринфянам, к ефесянам, галатам... В послании к коринфянам есть знаменитые строки о любви. Вы наверняка их слышали...

Голос его стал торжественным, таким он всегда становился, когда Андрей Евгеньевич что-то вспоминал наизусть:

— Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего...

Паулина рассеянно улыбнулась.

Он замолчал.

— Удивительное у вас имя. Я даже думал, что родись у меня дочь, я ее так бы и назвал... Но у меня сын родился... Только зачем я это вам рассказываю?

Он вдруг сам этому рассмеялся и продолжил:

— Паулины еще орден католический был. И сестру Наполеона так звали...

Они смотрели на море. На прибавляющийся день. На расцветающий миндаль.

Тем же вечером она в Интернете нашла эти знаменитые слова о любви. И прочитала их много раз. Они стали ассоциироваться у нее именно с Андреем Евгеньевичем. Как будто до этого она и о любви ничего не знала.

* * *

Сколько лет она здесь? Пять-семь-десять? Сбилась со счета.

Андрей Евгеньевич занял из них только полгода.

Дальше можно было возвращаться домой. Но оттуда уезжали все, с кем Паулине хоть ненадолго случалось сблизиться.

Жила она теперь в общежитии с двумя соседками.

Соседка Елена училась на третьем курсе на том же факультете, что и она. Елена была набожна и постоянно ходила в церковь. Говорила мало, все больше пела всякие богослужебные распевы и в наушниках проповеди смотрела.

Говорить им друг с другом почти не приходилось.

Другая соседка, Нина, приехала совсем издалека, откуда-то из Сибири. Она блистательно училась, много работала и все успевала. С возмущением она поглядывала на Паулину, все время сидящую дома после того, как Андрей Евгеньевич исчез из ее жизни.

Учеба Паулине перестала казаться интересной. Ни один из преподавателей не говорил ей вкрадчивым голосом глубинных вещей. Паулина все искала, к кому бы ей прислушаться. Кто бы ей сказал что-то главное, после чего жизнь покажется понятной и красивой, как в кино. Но кинематографично в ее жизни только снег падал вплоть до самого мая, заметая все дороги назад.

На Пасху соседка Елена угостила Паулину куличом. И позвала с собой в храм — подняться на колокольню.

С высоты колокольни мир казался другим — спокойным, неизменным. Внизу, на земле, у прихожан просили подаяния голуби и нищие. И получали. Без нервов, без напряжения. Этого спокойствия захотелось и Паулине. Она стала ходить с Еленой в храм.

Первые полчаса на службе ей было хорошо. Небольшая жизнь прокручивалась перед глазами под церковное пение. Слов не различить. Только догадывайся, о чем это. Наверное, о том, что всех надо простить и отпустить. Паулина прощала, отпускала и не смотрела в телефон. Но на втором часу службы начинала скучать, перетаптываться с ноги на ногу. Тогда она глядела на Елену. Та улыбалась ей своей легкой улыбкой. И Паулине хорошо было от этой улыбки. И не хотелось расстраивать Елену, и она продолжала ходить с ней.

Соседка Нина иронично хмурилась, когда по утрам в воскресенье они спешили на службу.

Паулина смотрела, как молится Елена, как быстро ей становится хорошо и легко. Врожденная небесность! Она восхищалась подругой.

А холодный город меж тем оттаял, зазеленел. С Еленой и другими девушками они высаживали цветы у храма. Паулина вспоминала бабушку. Как там она? У них цветы уже давно растут. Время нарциссов и тюльпанов прошло, в горах маки на подходе, а здесь еще только первые листочки пробиваются.

— Больше всего люблю, когда отец Михаил проповеди читает, у него всегда интересные примеры из жизни! Как Господь помогает верующим людям! Удивительно!

— А мне нравятся проповеди отца Александра! Я их никогда не пропускаю!

— А в среду отец Владимир будет беседы с молодежью проводить! Надо пойти! Расскажет, как правильно семью создавать.

Паулина слушала разговоры и улыбалась. А поддержать разговор не могла. И снова она ощущала свою отдельность. Но ходить продолжала, потому что жить было

страшно и пусто. Потому что вокруг были одни бесприютные коридоры колледжа да выстуженные ветрами улицы прямого серого города.

Вот идет она по колледжу, окна раскрыты всюду. Холодно, сквозит. Студенты в телефоны устали, каждый в свой. Идет она, и никто на нее не смотрит. Никто ее не видит. А если где и соберется компания и кто-то вдруг заговорит, то ей, как вот сейчас, как вот всю жизнь, в разговор этот не вписаться.

Как-то в июне она с утра пришла в храм. Как всегда, первый час литургии она слушала благоговейно, потом отрешенный настрой проходил, и она начинала смотреть по сторонам. На людей смотреть. Думать: о чем бы каждый из них мог думать? Сокрушаться о своей жизни? Или благодарить за нее? За все хорошее, что в ней есть, что в ней было. И Паулина тут же начинала благодарить Бога за бабушку с ее цветами, за море, за короткое счастье с Грэггом, за более долгое счастье с Андреем Евгеньевичем... Потом снова смотрела на прихожан. На кого каждый из них более похож — на нее или на Елену? Слушает службу или думает свое? Так вглядывалась она в лица, пока не увидела случайно Андрея Евгеньевича. Стоял он рядом с женщиной, женой видимо. И держал за руку своего сына. Неужели в этом огромном городе бывают случайные встречи? Паулина сняла платок. Подошла к нему поближе. Так хотелось поймать его взгляд! Но он не замечал ее.

Тогда она вышла из храма. И больше туда не зашла.

* * *

Заплаканную Паулину обнаружила соседка Нина.

— Чего ты плачешь? Все же хорошо у тебя?.. Или нет, нехорошо? Расскажешь? Впрочем, ты ведь никогда не говоришь. Как ты вообще можешь так жить и не говорить?

— Я не умею, — рыдала Паулина.

— Надо учиться! Не умеешь говорить, никто тебя учить не будет. Я давно за тобой слежу. Ты какая-то пустая, повторяю какая-то: подсматриваешь за другими и копируешь. А надо свою жизнь жить! Понимаешь?

Паулина кивала, хотя как свою жизнь жить, она совсем не понимала.

— А я тебя научу. Тебе очень повезло, что ты со мной по соседству оказалась. А то так бы за Еленой все и повторяла.

— У тебя есть какая-нибудь мечта, Паулина?

Паулина усмехнулась. Мечта у нее сейчас была простая. Чтобы вон там, в храме, женой Андрея Евгеньевича была она.

— Примитивно-то как, подруга! Ты должна быть сама у себя! А не зависеть от каких-то Андреев Евгеньевичей и прочих мужиков. Ты вот на что живешь?.. А, без матери, пособие приходит... Ну, ничего, много кто без матери живет. Мужик бросил? Да ну их, мужиков этих! Надо быть сильной и самодостаточной.

Сильной и самодостаточной... Сильной и самодостаточной... Эхом эти слова отзывались в голове у Паулины, когда она мыла посуду в летнем кафе, вместо того чтобы на каникулы уехать домой.

Теперь она — взрослый человек, ходит на работу.

В городе лето. И как-то мучительно жарко. Центр города особенно нагрет. Но Паулине к жару не привыкать. В жару она расцветает! Видел бы Андрей Евгеньевич, как бежит она бледной северной ночью домой в общагу, такая романтическая и одинокая.

Иногда она ходит на свидания. Но пока ни в кого не влюбляется. Страшно тяжело быть невлюбленной! Как будто все хорошо, но главного не хватает. Зато когда не любишь, тебя как будто больше ценят. Хотя по-прежнему не слышат.

Ей подарили цветы. Она ставит их в банку у себя на столе. Плачет оттого, что они не от *того*... Глупая Паулина!

Быть сильной и независимой. Сильной и независимой. Независимой и сильной.

В ее смену разбили несколько бокалов. Вычтут из зарплаты.

Купи уже себе вазу для цветов, Паулина! Ты ведь можешь себе это позволить.

Какую вазу, девушка? Без разницы. Лучше с высоким горлышком, чтобы стебли не подрезать.

А вон другое дело.

Паулина, Паулина! Ты давно не причащалась! Пойдем со мной.

Нет. Нет. Нет. Я сильная и независимая, без всяких церквей и мужчин.

Пошли на вечеринку?

Пошли.

Купи уже себе нормальное пальто. А то ходишь в этой драной куртке! Да, пора. Она ведь сильная и независимая.

И за сколько ты это купила? Двадцать тысяч. Да разве на твою зарплату можно себе такое позволить?

Парень купил. Говорит, мне очень идет.

Брать деньги у парня? Ты же сильная и независимая. Это шаг назад.

Просто твоей Нине никто пальто не купит. Поняла? Завидует.

Паша, Денис, Витя, снова Никита...

Сколько их пробежало?

После колледжа она живет у очередного парня.

Вдруг призраком из прошлого всплывает в соцсетях Света.

И вот они уже со Светой сидят вместе в ее новенькой квартире в кухне-гостиной. Квартиры у Светы всегда что надо. Хоть и добираться далеко.

— Помнишь, Паулина, школу? Помнишь Киру? Так и не увидели мы ее в клипе по «МузТВ»... Ох уж эти дети из неблагополучных семей!.. Может, у нее и был талант. Как там она? А впрочем, неинтересно... В детстве там, у нас в городе, я чувствовала себя королевной. Вот правда — королевной. И думала, что жить буду вечно. Ведь королевны не умирают... А теперь вроде да, живу хорошо, а все чего-то не хватает. Все-таки это все очень средненько... Квартира вон на задворках каких... Зато своя. Ты, кстати, где живешь? У парня, наверное... Лучше брать ипотеку, хоть за свое жилье платить будешь. Или лучше валить из этой страны. Тут возможности-то не очень. Я вот хочу в Европу. К настоящим замкам! А то у нас тут и замков нет. Может, там, в Европе почувствую себя королевной?

Света смеется. Паулина молчит.

— Брата моего, кстати, помнишь? Он скоро придет. Он через неделю уезжает на Кипр работать. У нас ему тесно.

Принц Игорь! Неужели она его увидит?

Паулина смотрит в окно. Четырнадцатый этаж огромного жилого комплекса. В небе пролетают птицы. Такая высота, а птицы все равно выше.

Какая же высота у птичьего полета? Спросить Свету? Но что за дурацкий вопрос? Можно загуглить самой.

А вот и принц Игорь появился.

Красиво, как в кино, обнимает Паулину. Приятный молодой мужчина, прическа как в голливудских фильмах у студентов пятидесятых годов... Все такой же принц.

— Да как живу? Хорошо... В науку, правда, не пошел. Семейный бизнес засосал. Скоро вот женюсь. — Показывает фото невесты. — А ты-то как? А, живешь тут. Ра-

боту ищешь... Ну понятно, — он меланхолично вздыхает. — Ну, удачи тогда. Ну, мне уже и идти надо, в общем. Рад повидаться.

Снова, как в кино, обнимает Паулину.

— А на какой высоте птицы летают? — вдруг спрашивает она.

— Это от птицы зависит... — на секунду оживляется принц Игорь. — Белый аист парит на высоте двух-трех тысяч метров... Но это белый аист... Жаль, я бизнесмен, а не орнитолог... Ну, я пошел.

— Изменился? Да? — хмыкает Света. — Я тоже думала — он ученым будет. Так бы гордилась братом-ученым... А так все обычно. Но ладно, скоро он все равно уедет в хорошую погоду...

После встречи со Светой на Паулину вновь нападает хандра.

— Просто ты увидела, как люди хорошо живут. По заграницам ездят... Но и ты так можешь. Нужно только в себя поверить. Я тоже раньше думала, что ничего не могу, что жить буду, как мои родители. Ни курортов, ни жизни яркой. Работа-дом-работа-дом всю жизнь. А вот нет! Живу теперь здесь, в самом красивом городе на свете! Ну, улыбнись же, Паулина! Нельзя быть такой грустной.

Нина после колледжа работать в школу не пошла. Пошла вышку получать по журналистике. Ее уверенность в себе настолько выросла, что она совсем перестала краситься, сделала короткую стрижку и стала одеваться по-мужски.

— Главное — чтоб комфортно было. А что про это думают мужчины — мне плевать. Мне и без них хорошо.

А Паулине нехорошо. Паулине скучно.

— Давай работу ищи! — говорит ей очередной парень. — Совсем разленилась.

В школу пойти работать? Пошла. Сидит за столом, смотрит на класс и ничего сказать не может. Голоса своего боится.

— Сегодня мы поговорим о...

И все, класс шумит, ее не слышит.

Так и проходят уроки. До первой проверки. Потом она увольняется по собственному желанию.

Очередной парень устраивает ее работать в копицентр. Фотографировать и распечатывать. Можно обходиться почти без слов. С ним же обходится! Чем остальные хуже!

— Девушка, мне надо распечатать фотографии.

Паулина показывает ценник.

— Хорошо. Да, вот, пожалуйста, фото на холсте.

— А мне нужно на паспорт сфоткаться. Я куртку здесь повешу? Ага. А вот тут отфотошопьте немного. Спасибо! Сколько с меня? Ах, да, вот ценник.

Паулине кажется, она совсем разучилась говорить.

Нина тащит ее на собрание феминисток. У них будет лекция о женщинах-художницах в семнадцатом—восемнадцатом веках. В центре. Паулина пьет чай, слушает лектора, оставляет донейшен.

Потом приходит сюда снова, потом еще и еще. Потом тоже стрижется коротко. Перестает брить подмышки. От нее уходит очередной парень. И к черту его! Все равно он с ней не разговаривал! Использовал ее только как личную проститутку. Сделает свое дело и в телефон играть или видео на ютубе смотреть. Всегда такой шум от этого телефона. Ой, на фиг!

Теперь живет она у Нины. Точка с копицентром внезапно закрывается. Впереди новые поиски работы. Подруги-феминистки устроили ее натурщицей в художественную академию. Подмышки пришлось-таки побрить.

Очередная зима. Снова бесконечная. Хорошо, когда она снежная. А то вот как сейчас — одна серость да слякоть. Прямо как у них на юге. Сколько лет она уже там не была? Впрочем, хорошо, что не холодно, а только сыро. Когда холодно, и позировать холоднее.

Вот она голая сидит на высоком табурете. Акцент на груди. Повернись ягодицами. Час, два, три, четыре. В перерыве чай с печеньем. А в сумке настойка, она согревает надежней. Не спейся там, Паулина!

С Ниной жить непросто. Нина помешана на порядке, чем дальше, тем больше.

— Живешь у меня на всем готовеньком, а пол ни разу не помыла. Нет, все-таки как ты бездарно моешь пол! Лучше все самой делать! Все самой! Я же сильная и независимая!

Да, да, правильно, Нина. Ею и оставайся. А Паулина от тебя съезжает. Паулина нашла себе место поинтересней.

* * *

Теперь она живет в центре, в коммуналке. Ей почти бесплатно сдала комнату знакомая с условием, что она будет приглядывать за ее матерью в соседней комнате.

Мать у нее — настоящая старушка. Из дома уже не выходит. Но готовит сама и даже прибирается. Телевизор не смотрит: не слышит. А больше всего смотрит в окно на двор-колодец. Паулина иногда с ней рядом сядет — вместе смотрят. А там только машины меняются да сотрудницы магазинчика выходят покурить. Равнодушные мусорные баки то полны, то пусты. Со стен живописно облезает штукатурка. Зимой еще сосульки блестят под крышей.

Иногда старушка жизнь свою вспоминает. Говорит много, сбивчиво.

— А приехала я сюда лет в десять. Родителей перевели работать. А детство прошло — у... далеко! А здесь мне не нравилось сначала. Люди все, люди — одни очереди. Мы тогда жили на окраине... А сейчас это уже не окраина, сейчас там тоже почти центр — метро. А здесь мужнина семья жила... Не очень они мне рады были, конечно. И без меня тесно было... Это теперь пустые комнаты... Теперь вон предлагают расселиться, квартиру в новом районе, а я не хочу. Дайте, говорю, мне здесь помереть. Здесь ведь вся жизнь и прошла... Ох, плохо мы с мужем жили. Пил он... Характерами не сошлись... А дочку вот хорошую вырастили. Наташка у нас молодец — хваткая!

Потом посмотрит на Паулину.

— А тебе лет-то сколько? А... я думала еще только двадцать. Ладно, думаю, двадцать... Я в двадцать уж сына родила. А сейчас что-то время странное. Никто не женится, не выходит замуж. Женщины до пятидесяти лет как девочки выглядят... Двадцать сколько, говоришь? Ничего не слышу... Ох, ох... И все одна! Попроси хоть Наташку, пусть тебя с кем-нибудь познакомит.

Зачем Наташке с кем-то ее знакомить? Наташка ее с собой познакомила. И с мужем своим. Бывшим.

Хотя какая она ей Наташка! Наталья Владимировна! Художница, преподавательница, представитель богемы.

Иногда Паулина к ней приходит. Наталья Владимировна рисует ее. Говорит, ей нравится потерянность Паулины. Она как будто отражает вечное скитание человеческой души.

Наталья Владимировна рассказывает ей о художниках, о своих путешествиях, вообще о всей своей жизни. Как будто биографа из нее готовит! А Паулина только слушает, слушает и ничего не говорит. Да и говорить-то не хочется.

* * *

В комнате тесно. Под самый потолок уходит книжный шкаф. В углу письменный стол, а перед ним скрипучая тахта. Сейчас она скрипит особенно. Двое занимаются любовью. Женщине лет двадцать пять. Мужчине точный возраст мешает определить борода. Но лицо молодое вроде.

— Так что вам там преподают в семинарии? — после успешного завершения спрашивает женщина, ложится рядом, обнимает его.

— Сейчас вот апостола Павла проходим. Готовлю доклад по христианству Паулины... — мужчина целует ее левую грудь.

— Слово-то какое красивое... Правую не обижай!

Правая грудь поцелована.

— А если я забеременею?

— Это будут твои проблемы... — продолжает целовать.

— А как же я буду жить без тебя? Я же сгину...

— Сгинешь.

— А что будем с ребенком делать?

— Ничего. Главное — аборт не делай! Назовешь ее Паулиной в честь Павлова христианства. Бог позаботится о ней.

— Но я же сгину без тебя! Понимаешь? — голос ее меж тем легкий, смеющийся.

— Понимаю. Все сгинем. Мир вообще к концу идет.

— Скоро последние времена?

— Да, дорогая. Встретимся снова только в Царствии небесном. Где ни жениться, ни выходить замуж не будут... Будем с тобой как ангелы. Но пока мы здесь, — он ласкает ее все сильнее, — порадуемся тому, что есть здесь.

Тахта все скрипит и скрипит.

Какой глупый сон! Привет от Андрея Евгеньевича? Зажилась она здесь, видимо... Паулина просыпается глубоко за полдень в чужой квартире. Скоро уже станет темно. Да, эта праздная жизнь развращает. Пора проводить старушку.

Старушка сегодня не в духе. Капризничает.

— Пришла, нато пала... Где всю ночь ошивалась?

Паулина молчит.

— И молчит, и все что-то скрывает. У-у-у какая!

— Да у дочери вашей была, у Натальи Владимировны, а потом еще где-то... — отвечает ей Паулина.

— Что, что? Ничего не слышу.

— У дочери вашей была, — говорит ей Паулина в самое ухо.

— А! У дочери! А я думала, ты немая. Молчишь да молчишь...

Комната погружается в сумерки. Короткий зимний день.

— А чего говорить? Кто меня слушает? У всех свои истории, — вдруг проговаривается она.

Старушка смотрит на нее раздраженно, морщится.

— А кого кто слышит? Никто никого не слышит.

Паулина смотрит в окно. Там одна глухота.

— Но ведь говорят же люди, говорят? Беседы ведут?

— Беседы? Все только себя выговаривают. Никто никого не слышит.

* * *

Пока Наталья Владимировна ищет, как лучше передать потерянность Паулины, Паулина находит себя с ее мужем Егором Александровичем. Для нее просто Егором. Как-то им обоим случилось успокаивать Наталью Владимировну после ее очередного срыва, на том и сблизились.

— Увидел ее однажды в маленьком ресторанчике, как чашку с кофе она держала на коленях. Обнимала ладонями. Бережно так. Не на столе, именно на коленях. А сама она вся такая высокая, как будто жирафа, утомленная от своей длинноты. Я сразу влюбился в нее. Лет десять жили прекрасно, а потом она стала говорить, что я тут лишний, что ограничиваю ее свободу, мешаю творческому росту, творческому пути...

Егор хоть и бывший муж, но постоянно к Наталье Владимировне заходит. Есть у них ребенок, которого никто толком не видел. Проблемы у него какие-то. Когда Паулина приходит, ребенка в квартире нет.

В любви Егор предупредителен и нежен. Меньше бы рассказывал про свои чувства к бывшей жене... Впрочем, и это больше не ранит. Не хочется ей быть ни Натальей Владимировной, ни кем-то еще.

Пьют они изысканное вино. А под вино он ей про многие умные вещи рассказывает. Егор Владимирович — преподаватель философии в хорошем вузе.

— Вот ты понимаешь, Паулина, Антисфен, первый киник, был кем-то вроде Льва Толстого в свое время. В какой-то момент он стал презирать все, что ценил раньше. Он стал выступать на площадях, общаться с простыми людьми на понятном им языке. Быть может, это казнь Сократа так на него повлияла?

«Или он просто устал от философских софизмов... Хватит цитировать Бертрана Рассела, лучше войди в меня», — думает Паулина. Умных книг и она прочитала немало.

— Я понимаю, Паулина, что ты хочешь чего-то большего от нашей связи. Но на большее я пока не готов.

«И я не готова», — говорит Паулина внутри себя. А ему только улыбается устало.

Наталья Владимировна готовится к выставке, где будут в том числе презентовать и портреты Паулины. Выставка должна стать важным шагом в творчестве Натальи Владимировны.

А в городе уже который раз наступает весна.

Белый снег становится черным, скукоживается, нищим попрошайкой лежит на грязном асфальте. Еще пара недель — и на деревьях вздуются почки... Что там у них дома цветет? Она уже и не помнит... Уехала раз, и все... засосало.

Иногда она звонит бабушке. Бабушка берет трубку. И обе молчат. Только дыхание друг друга слышат.

Что, ничего нового дома, бабушка?

Ничего, внучка! Ты там еще не совсем пропала?

Пропать-то пропала, но ведь все в мире пропали.

Это ты верно заметила, внучка. Приедешь когда? Увидимся?

Только с делами разберусь, обязательно приеду.

Это ты уже лет десять говоришь.

Неужели десять?

Да, внучка!

Но ты ведь без меня справляешься?

Да я без всех вообще справляюсь. Я такая.

Ну, молодец, бабушка. Так держать!
Помолчат в трубку, подумают свое, и все...

Паулина тоже ждет открытия выставки.

«Введем тебя в светское общество, дорогая!» — Наталья Владимировна ласково треплет ее по щеке.

Ах, надо ведь подумать, что тебе надеть. Ах, вон это платье! Черное, не маленькое черное, правда, но тоже хорошо. Твой рост как раз позволяет. Моя муза должна выглядеть не хуже меня! Ах, как тебе идет! Ну, давай покружись! Егор, правда, она хороша?

Паулина кружится, пританцовывает.

Как все это знакомо! Вроде и лет ей немного, а столько уже всего было!..

К открытию выставки город совсем преобразился. Вечер, а еще светло. Закат как будто обнадеживает, а не расстраивает...

— Ну, Егор, поухаживай за нашей дамой! — командует Наталья Владимировна.

Егор Александрович помогает ей снять пальто.

Галерея находится в бывшем дворце. Высокие окна, зеркала. Как будто она попала в сказку, из тех, что смотрела в детстве. И сама она — изысканная леди, почти принцесса. Видела бы ее бабушка!

Впрочем, радости от этого нет. Только усталость.

Паулина отражается в зеркалах. Паулина смотрит на свои портреты. Паулина повсюду. Вот Паулина сидит, зажав плечом телефонную трубку, ожидая звонка. От Бога? От любовника? От апостола Павла? Вот Паулина развешивает белье на веревке, оглядываясь на зрителя. Кто видит ее? Кому она нужна? Вот Паулина безнадежно курит на балконе. А вот она лежит в постели с мужчиной, который уткнулся в телефон. Много-много Паулины...

А это вас нарисовали? Прелестно!..

Вы почему одна? Пойдемте с нами!

Послушайте, такая история, вас позабавит...

Вы пробовали это шампанское? Настоящее шампанское, а не игристое вино, как теперь у нас везде пишут. Попробуйте!

Паулина смотрит на людей. Все вроде незнакомые люди, но все на кого-то похожи. Наталья Владимировна похожа на Свету. А вон стоит молодой и дерзкий музыкант, как похож он на Грэга! А вот и Никита-барабанщик ждет своего нового выступления...

Она ходит неприкаянно по галерее. И никто с ней не говорит. Пойти, что ли, покурить?

Проходя мимо будки охранника, она оглядывается на телевизор — уж не Кира ли там поет в клипе? Нет, кто-то на нее очень похожий...

Она вышла на улицу в одном платье.

— Паулина! Вы же замерзнете!

Неужели Андрей Евгеньевич?

Она оглядывается. И точно!

Пришел. Один на этот раз. Как вы постарели, Андрей Евгеньевич!

— Паулина, простите! Я был не прав. Я жестоко с вами обошелся. Впрочем, семейного счастья у меня не вышло. Паулина, — он берет ее за руку, — давайте попробуем все сначала!

Мечты сбываются! Но почему так невесело?!

Она вырывается, бежит по галерее.

Галерея все расширяется, расширяется. В окнах отражаются огни канделябров. Какой сейчас век?

А вот и начинается официальная часть!

Гости сходятся в зал. Изящная пианистка заставляет рояль рыдать. Рахманинов! Все, как любит Наталья Владимировна!

Потом начинаются поздравления! Председатель Союза художников, хозяйка галереи...

Паулине быстро становится скучно. Она смотрит по сторонам.

А что это за ребенок стоит и тычется в зеркало в углу? Это и есть сын Натальи Владимировны?

К нему подбегает няня, шепчет:

— Ах, Павел, ну перестань! Павел, успокойся. Это зеркало!

В ответ Павел мычит и продолжает смотреть в зеркало.

— Ах, не пугайтесь! Он не говорит, — поясняет няня. — Я говорила Наталье Владимировне, не стоит его брать с собой! Но она считает, что в такой день он тоже должен быть здесь.

— Эмम्म, мммым, — ноет Павел.

— Ну что ты там находишь? Что? — вздыхает няня.

Паулина встает на колени. Вот они с Павлом уже одного роста. И тоже начинает тыкаться в зеркало.

— Давай говори, Павел! Что ты хочешь сказать! Говори нам всем! Эмम्म, мыम्म... — Она насильно поворачивает его к себе. Пытается обнять. — Говори со мной, говори...

— Что вы делаете? Вы же его пугаете! — няня в ужасе.

— Говори, Павел! — не обращает на нее внимания Паулина.

Павел смотрит на нее и мычит, мычит, а потом как заорет. И Паулина заорет. Бросится на пол, будет бить ногами и орать.

* * *

На дворе уже ночь, та самая, подслащенная южными травами. Скрипит родная ка-литка. А вот и бабушка идет навстречу.

Ну что, бабушка?

Приехала, гляди-ка! А ты прям совсем взрослая стала, внучка.

Да вот, бабушка... Сколько же мне лет.

Так уж под тридцать, мать... Надолго ты тут?

Навсегда, бабушка. Пока смерть не разлучит нас.

Ну, заговорила... Ты о жизни говори...

Вернулась! Жить будем...

Будем, будем...

И говорить будем! А то мы все молчим.

Так все молчат. Даже когда говорят, молчат. Всю жизнь бегают от своего молчания, а не убежишь ведь...

Экая ты пессимистка, бабушка!

Да я и не бабушка тебе вовсе. Смотри на небо внимательней...

Паулина смотрит в небо — а оттуда к ним летающая тарелка приближается. Приближается, приземляется, вся сверкающая, серебряного цвета. Опускается трап. Выходит к ним инопланетянин с голубой кожей. На вид как будто человек, а не человек ведь.

— Здравствуйте, Паулина! Вот и закончилась ваша земная жизнь. Межпланетная ассоциация благодарит вас за участие в эксперименте. Вы родились на планете Земля и прошли полное погружение в жизнь обитателя планеты Земля. Вы не знали, что за вами следят. Теперь нам понятен весь спектр эмоциональной и духовной жизни землян. Далее совет будет принимать решение, вступать ли нам в дальнейшую коммуникацию с ними или нет.

Паулина молчит. Паулина вспоминает что-то давнее, блестящее, серебристое, как летающая тарелка. Что-то было такое? Но когда? Еще до рождения?

— Понимаю, Паулина. Вам сложно теперь понять, кто вы. Но на Земле вам оставаться небезопасно. Слишком много плохих энергий измерили наши аппараты.

Она смотрит на бабушку.

— А мать как же?

— А мать все, давно уже. Слишком увлеклась экспериментом.

— А зовут меня Паулина?

— Паулина, Паулина, так мать твоя захотела. Последняя воля, так сказать.

— Паулина! Нам пора улетать.

— Но я только научилась говорить.

— Вот и выступите на межпланетной конференции с докладом о землянах. Расскажите о них все подробно... А мы уже примем решение о дальнейшей коммуникации.

— Да что с ними вступать в коммуникацию? Каждый все время только выговаривает себя, ищет себя в другом человеке. И все не может найти. И так всю человеческую жизнь.

— Понимаю, Паулина! Вы сильно эмоционально износились за годы эксперимента. Теперь вам предстоит долгая реабилитация...

— Зато какие слова говорить умеют... о любви, например!

— Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносится, не ищет своего... — вы это имели в виду? Благодаря вам теперь и мы получили это знание. И мы подумаем, как нам воспользоваться им.

— А никак! — Паулина грустно улыбается. — У землян вон не очень получается...

— Вы стали очень пессимистичны, Паулина!

— Я стала собой.

— Мы рады за вас, Паулина. Но пора возвращаться!

— На альфу Центавра?

— Куда пожелаете!

Паулина молчит, прислушивается к стрекоту цикад, к дальним звукам родного, но позабытого города.

— Никуда я не хочу улетать. Я только вернулась.

— Вы тут долго не протянете без нашей космической поддержки.

— До тридцати лет дотянула вот...

— Но вы были рядом с близким человеком.

— Последние десять лет не так уж и рядом...

— Очень жаль, Паулина! Когда мы вернемся в следующий раз, вы уже вряд ли будете живы.

— Что поделать?!

Бабушка обнимает Паулину на прощание. Поднимается на корабль. Он взлетает, уменьшается, теряясь среди прочей россыпи звезд южного неба.

Стефания ДАНИЛОВА

ЧЕМ УСПОКОИТЬ МЕРЦАНИЕ

ВЕЧНАЯ МЕНОРА

Погибшим в Бабьем Яру

I

Влюбиться на Ольгинской,
целоваться на Институтской
через платок — иначе никак нельзя,
синюю бесконечную музыку
в свидетели взяв.
Подол щетинится трубами,
Андреевская звенит —
в песню не вставить ни слова грубого,
солнцу идет золотой зенит.
Киев любви, горяч и неоспорим,
улыбается, чистым небом людей укрыв...
Место, где «шир» превратится в «шир-га-ширим»...
...Дальше — обрыв.

II

Желтеют листья, белеют объявления:
«Всем собраться на перепись населения!»
В восемь утра, двадцать девятого сентября.
Кто не явится — это вы очень зря.

Стефания Антоновна Данилова родилась в 1994 году. Поэт. Автор книг «Веснадцать» (М.: АСТ, 2014), «Под небом русского цвета» (М.: АСТ, 2024). Лауреат Всероссийской премии им. А. Дементьева (2023), фестиваля «Покровский собор» (2022), Международного Грушинского интернет-конкурса (2023) и Всероссийского конкурса «Бабий Яр» (2023). Ведущая программы «Молодая поэзия» (<https://molpo.ru>). Редактор рубрики «Дебют» журнала «Аврора». Основатель продюсерского центра «Всепоэзии». Мастер поэтических семинаров «Мы выросли в России» и др. Публиковалась в журналах «Звезда», «Prosodia», «Юность», «Дружба народов», «Москва», «Полутона», «Формаслов» и др. Преподает писательское искусство в Российском университете дружбы народов, пишет о поэзии в «Российской газете». Живет в Санкт-Петербурге и Москве.

Перекресток Доктеривской и Мельника...»

...Словно дописано мленько
внизу, невидимо, молоком.
Это видят Юрген, Матиас, Хельмут,
но не видят Хаим, Сулем, Шенкб.

— Что за бумажки, Мойше?
— В другую страну увезут, может?
— Ценное все в баул...
Не прекращается оживленный гул
тут и там, там и тут.
Матери дочкам косы плетут.
Не забыть паспорта
и досчитать до ста.

III

— Куда мы идем, дедушка?
И мы, и вот эта девушка,
и все наши соседи,
и маленькие их дети?

— В Землю Обетованную, внученька,
чтобы нас никогда не мучили.

В Землю Обетованную, милая моя Хávеле,
чтобы всем народом нас переправили.

В Землю Обетованную... Хава, Хава Нагила!

...Но там — могила,
дыра сквозная,
до недр пробитое болью дно.
Дряхлый Волько это прекрасно знает,
но как внучке сказать родной?

На Дорогожицкой куча эсэсовцев и собак.
— Назад! — кричит маленький Исаак.
Будет все не так.

IV

В одинаковых платяницах
да с косичками белыми:
— Пощадите! Расплатимся!
Все, что *хочете*, сделаем!
Мы детдомовки, русские, нас принесли грудными...
Офицер, привыкший родных разлучать с родными,
валяющихся в ногах
брезгливо отпинаывает носком сапога.

Прочь! Прочерк. Между датой рождения и... другой.
 Нет доказательств, жид или гой.
 Вчера их волосы были воронова крыла.
 Как закаляется сталь? Раскаляется добела.

V

«Надо действовать быстро,
 иначе я...»
 За секунду до выстрела
 Лена прыгнула в яр.
 Секундой позже —
 кровью по коже.
 Пригодилась гимнастика.
 Избежала красного ластика,
 стирающего за судьбой судьбу.
 Лежала в живом гробу,
 приподнимаясь, чтоб дочку не раздавить.
 Слева — Дезик, никогда не будет «Давид»,
 справа — Рахилью не ставшая Роха,
 сверху — плоти и крови тонна,
 Господи,
 за что нам это,
 за что нам?

VI

Всего-то добра было
 у старого Самуила —
 зубы золотые, как свадьба.
 Ну и что, что не нажили на усадьбу.
 Сарочка — драгоценнейшая жена —
 справила аккуратно на Рош-га-Шанá.
 Полвека — мирно да ладно.

...По седой голове — прикладом.
 Коронки из челюсти грубо вывернул Петер.
 Деньги на ветер.

Месяц назад померла от простуды Сарочка,
 не узнав судьбу своего подарочка,
 не увидев абсолютное зло.
 Повезло.

VII

Медсестричка юная, Суламифь,
 превращается в миф.
 Певчий из синагоги, Иосиф —
 в осень.

Хлебопек Авраам —
в сдобный туман по утрам
по-над Бабьим Яром,
ночным кошмаром.
Рвы да овраги.
Сами вы враки.

Говорю: не умерли все они!..
Или, Или, лама савахфані?

Будто клопов выводили, стадо на бойню вели.
Тридцать четыре тысячи за два дня.
У кошки, у крошки, у Гошки — да не боли.
Забери, пожалуйста, и меня.

Восемьдесят два года горит менора,
как отмечать Пурім?
Нет иного лада, кроме минора,
у печальной шир-га-ширім.

КУСТОДИЕВ

...Он выходит во двор, а там Масленица столбом,
праздник обнаруживается в любом,
хороводы водит и млад и стар,
закипает жизнь, как начищенный самовар.
Девки на выданье, удалые богатыри,
всяк — ожившая сказка, рубины да янтари.
Даже дряхлые покосившиеся дома,
засмотревшись на пир, превращаются в терема.
И купчиха знакомая приветливо так кивнет,
и не втридорога — даром предложит мед.
...Он идет все дальше, переходит с шага на бег,
нужно успеть исследовать этот век,
а не то порастет машинами и быльем.
Он вдоль Волги бежит за самый за окоем:
вот бы это, и это, и это нарисовать...
...Просыпается, окружают его: кровать,
забота жены и сердцу милая Лебедянь,
а врачи говорят: «Борис Михайлович, дело дрянь».
Тут бы упасть пред иконой в немой мольбе,
а у художника вместо нее — мольберт.
Чем болезнь тяжелей, тем легче штрих по холсту:
он в картину идет как будто бы по мосту.
Там он ходит со всеми по ягоды, по грибы,
это вселенная «Если бы да кабы...»
Безупречная Юлия приносит теплые чай и плед.
Он своими ногами пойдет в сорок девять лет

в ослепительно-белый свет, пахнущий молоком
 прямо из-под коровы, распускающийся цветком
 в волосах у жены, с ним горящей одним огнем.
 Как сахар в чае, он растворится в нем.
 В мире новом не проронится ни слезы.
 Увезут его туда лошади от грозы.
 И купчиха, подмигивая, в туюски разольет калган —
 то ли вербный торг, то ли сказочный балаган...
 Спит в своей Руси Кустодиев, как влитой,
 и встает береза ему надгробной плитой.

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Из переполненной Господним гневом чаши
 Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Ф. И. Тютчев

Федор Иванович, Вы были слишком правы.
 «О времена! — вздыхает народ. — О нравы!»
 Люди на Запад катятся, горьки солнышки.
 Им Cinderella нравится больше Золушки.
 Нам же Останкино Эйфелевой милее.
 К двухсотдвадцатилетнему юбилею
 Вашему не готовятся неразумные
 школьники, их сейчас называют «зумеры».
 Нет, не молчат, не скрываются, не таят они.
 Будет им аттестат — не мытьем, так катаньем.
 Чаша полна Гневом Господним доверху.
 Всем чердаки снесло, кто орал: «Я в домике».
 Федор Иванович, может, оно и к лучшему —
 что не увидите Вы неблагополучия
 и разгоревшейся кибермеждоусобицы?
 Выживает — сильнейший. Живет — кто живет по совести.
 Дикий дуэт Инстасамки и Моргенштерна¹ —
 это, увы, совсем не ноктюрн Шопена.
 Федор Иванович, Вы остаетесь в силе:
 даже задним умом не понять Россию,
 не измерить аршином. И было бы это грустно,
 не оказалась рулетки. Конечно, русской.

МЕРЦАНИЕ

А. Н. Башлачеву

Твой музей, как другая планета —
 Далеко-далеко от Земли.
 Профиль твой бы украсил монеты,
 Если б лептами стали рубли.

¹ Внесен Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Я осинкой дрожу в термокофточке.
Деготь лучше поможет, чем мед.
Словно плакальщицы, колокольчики
Повторяют Имя Имен.

Ангел добрый на нас обозлился,
Улетает в края потеплей.
Мир сквозь череповецкие линзы —
Как разбитый об землю дисплей.
Только так прорезается зрение —
Что икона встает над рекой.
Песня или стихотворение,
Богу разницы никакой.

Посмотрю на тебя, на гитару,
На которой одиннадцать струн.
И уеду из города старой,
И сусальные солнца сотру.
Замирание и замерзание
Замуруют меня до зари.
Саша! Чем успокоить мерцание,
Разболевшееся внутри?..

СНЕГА, СНЕГА

*Денису «Джулиану» Семенову,
студенту Литинститута*

В фонарном свете снежинки летят, как блики,
Танцуя и не требуя ничего.
Это не мерзлые капельки. Это лики
Погибших на СВО.

Не говорю «лицо»: ведь оно у тех, кто
Еще умывает его ледяной водой,
Слезам, дождем...
А ты обернулся текстом,
Казавшимся всем словесной пустой рудой,

Стал чистым золотом, влитым нам всем в глазницы
И рты, что привыкли ехидничать над тобой.
Покой — это то, что тебе и сейчас не снится.
Ты вечный взрыв, огонь, ты последний бой.

Нет больше тайн. Ты их никому не выдашь.
Вот наша крыша, куда ты любил сбегать.
В небо кричу, как в детстве — в окно: «Ты выйдешь?»
Все, что идет оттуда — снега, снега...

КУРСИВ ВАШ

Нине Берберовой

Никаких заголовков кричащих, вообще никакого пиара.
Мы познакомились так: я просто ходила на пары
В Санкт-Петербургский государственный университет.
Было столько вопросов — а я не была ответ.

Вы мерцали из ридикюлей универсанток.
В аккуратной обложке — как в прижизненном платье.
Мы не пропустим по чашечке кофе завтра,
Мои письма не достигнут Вас, адресата.

В нашем общении я пожизненный слушатель, зритель,
Некто в партере, непонятно в каком ряду.
Я буду молчать — а Вы, пожалуйста, говорите.
В тысяча девятьсот девяносто третьем году

Вы ушли, а я появлюсь годом позже.
То есть невозможен физический диалог,
Но приставка мета- делает все возможным,
И мне точно так же стыдно за пальцы ног.

Из чужих ридикюлей Вы переехали в мой рюкзак.
Некоторые отрывки зачитала до черных дыр,
До звезд в голубеющих от апрельской Невы глазах.
Но Вы оставались поезд, а я пассажир.

Я пишу свою жизнь — в многостраничных вордовских документах,
На салфетках и стикерах, я беру ее на карандаш.
Вы научили меня самым нужным memento.
Почерк — мой, курсив — по-прежнему Ваш.

Роман РАЗЖИВИН

РАБОТЯГИ НА ГРАНИ ВЕЧНОСТИ

Рассказ

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем ко...»

— А?! Шесть сорок?! Да твою ж... снова. Хоть бы еще десять минут, а...

Дождик аккуратной дробью тактично намекал на очередное пасмурное утро, во дворе многоэтажки уже гудела мусорорубочная машина. Тусклым стоп-кадром фильма про супергероев перегретый ноутбук освещал неровные бугры теплого одеяла, под которым ворочался тот, кто ненавидел вставать рано.

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...»

— Господи, да кто вообще придумал вставать в такую рань. Еще и дождь. Очередной. Хреновый. День...

...Вывеска «*ВТОРАЙ» подмигивала неонам не спящим темным утром петербуржцам. Автомобильной путаницей рождался дождливый день на окраине города.

— Здорово, Михалыч, как ночь? — послышалось из туманной мороси в сторону будки охранника.

— Да все путем, тишина, а кто это? — Михалыч, прячась в древний бушлат, выполз из будки на звук голоса. — А... Антоха, ты, что ли?

— Я-я.

— Натюрлих? — Михалыч протянул руку Антону. — Что-то рановато для тебя. Не проспал сегодня?

— Да еле-еле от постели себя отодрал, — Антон протянул руку в ответ.

— Эвона как. Дождь вон.

— Да ты уж шлагбаум-то не открывай, я не на колесах, — поежился от сырости Антон и натянул посылнее капюшон промокшей кофты.

Роман Владимирович Разживин родился в 1993 году в г. Костроме. Финалист и победитель конкурсов «Литературные резиденции», фестиваль им. Л. И. Ошанина, премия им. А. И. Левитова, премия «Восхождение», «Хрустальный родник», Международный конкурс им. А. Н. Плещеева, «Яблочный Спас», «Всероссийская лаборатория молодых авторов», «Братья по духу» и др. Публиковался в журналах «Наш современник», «Дон», «Нижегород», «Литература», «Формаслов», «Новый Орел + XXI век», «ЕЖ», «Русское поле» и сборниках «Солнечный круг», «Кострома», «Братья по духу», «Яблочный Спас», «Сборник семинара им. В. И. Белова». Живет на Алтае.

— Привыкай, Антоха, — сплюнул Михалыч и вытянул из кармана сигарету. — Что, присмотрел себе ласточку-то?

— Ну присмотрел.

— Хорош. А машину? — прыснул со смеху Михалыч, словно только что случилась лучшая в его жизни шутка.

— Да ну тебя! Ключ от цеха гони.

— Да там Саня уж своего «опеля» конопатит.

— Во дает, ну ладно.

Запах терпкого кофе, крепкая матерщина и звуки тяжелого рока всегда являлись неотъемлемой частью работы слесарного цеха. Внутри этой гремучей смеси Антон ощущал себя на своем месте, как «пистолет» в бензобаке. Звон гаечных ключей терялся в потоке энергичных ритмов, поддерживающих сонных механиков и автоэлектриков в вертикальном положении. Так было обычно, но не сегодня. На подъемнике старый «опель» дрожал от экспрессии хозяина, держащего в руках кувалду. Бам! Бам! От пуза «опеля» отвалилась ржавая железяка и звякнула о бетонный пол. Бам! Бам!

— Эй, Саня!

Бам! Бам!

— Саня! — Антон двинул кулаком в боковину «опеля».

— А?! Ты чего руки распускаешь? Машину мне помнешь! — вынырнул Саня из-под подъемника с кувалдой в руках.

— Ты спал вообще? Ты тут со сколько?

— Да с шести. На холостом ходу глохнет, зараза, представляешь?

— А кувалда тебе на кой?

— Для аэродинамики!

— Ясно.

Бам! Бам!

Шагая по масляным лужицам, Антон прошел в самый конец цеха, где располагалась уютная каморка диагноста-электрика. Он небрежно сбросил мокрую кофту на ящик с ветошью и занял привычное кресло. Никогда не выключавшийся на рабочем столе компьютер вышел из спящего режима и тут же продемонстрировал хозяину красочную фотографию новенькой «тойоты».

— Не бита, не крашена, новая, как младенец, — пробурчал себе под нос Антон.

Бам! Бам!

— Саня, — послышалось из-за стенки, — ты пошто «опеля» обижаешь?

— Для аэродинамики, босс!

— Ясно, дубина этот где?

Бам! Бам!

Антон усмехнулся и откинулся на кресле, уронив взгляд на барахтающегося паука, бросившего тонкую нить от дверной ручки к полу. Он словно боялся опуститься на пол и крутился в нерешительности, пока дверь с силой не распахнули. Паучка унесло в сторону. В каморку, блистая гладкой лысиной, ворвался разъяренный директор с бумагами в руках.

— Ты что клиенту приписал?! Замена генератора?! Ты рехнулся?!

— Я...

— Головка от копыя! — директор швырнул бумаги на стол Антона. — Мы думать-то когда будем, Антоша?

— Я уверен, что там генератор...

— Антоша, — директор склонился над столом, Антон почувствовал аромат пены для бритья от его лысины, — знаю я, как ты думаешь, думает он... ты у нас диагност? Вот и диагностируй! А думать потом будешь, понял меня?

— Понял...

— Клиент в другом сервисе был, бумаги вон посмотри. Сегодня вернется. Только попробуй допустить ошибку.

Директор, хлопнув дверью, исчез так же стремительно, как и возник. Паучок вместе с дверью вернулся на исходную позицию, боясь теперь не только слезть на пол, но и вообще пошевелиться.

Бам! Бам!

— Не бита, не крашена... — повторил Антон, посмотрев в монитор. — Саня!

— Ай?

— Дело есть!

Раздался звон, означавший, что Саня с радостью отбросил кувалду и помчался в камеру диагноста. Дверь распахнулась, паучка унесло в сторону.

— Ну чего там? — спросил Саня, шмыгнув носом.

Антон помедлил, глядя в то место, где секундой ранее висел паучок, и сочувственно помотал головой.

— Тачку видишь? Посмотреть надо.

— Ну так смотри, а я чего?

— Твоя на ходу?

— Ну говорю ж, на холостом глохнет.

— Да ерунда. Погнали.

— Куда погнали? — по-орлиному взмахнул Саня руками.

— В Комарово.

— Так Лысый уже... — Саня перешел на шепот и мотнул головой в сторону двери.

— Да пошел он, Лысый этот, — Антон на шепот переходить даже не думал. — Ну чего испугался-то? Откуда этот страх в глазах, Саня?

— Да успокойся ты, работы полно, — махнул Саня рукой и отвернулся к подъемнику.

— Эх ты, работяга, — махнул рукой Антон и отвернулся к монитору. «Новая, новехонькая», — подумал он следом и уронил взгляд на приклеенную к уголку монитора фотографию темноволосой улыбающейся девушки. Он смотрел и улыбался ей в ответ, пока позади не заиграла тяжелая музыка. Звуки голосов ударялись о занавес мыслей Антона. Крепкая матерщина тоже не заставила себя долго ждать, и уже через несколько минут механик Леха с содействием такой-то матери бортировал колесо «фольксвагена». Хлопнула дверь в конце цеха. Это была единственная чистая дверь на весь автосервис, здесь ее называли «офисная дверь», ведь за ней трудились те, кто имел возможность носить чистую одежду и маску важности на лице. Остальные же облачались в грязные со вчерашнего дня комбинезоны и, вкушая бензиновые пары, с расвета до заката боролись за жизни автомобилей. Низкое прерывистое гудение подъемника заставило Антона улыбнуться и обернуться на приоткрытую дверь. В дверной проем сунулся Саня.

— Слышь, работяга, погнали в твое Комарово, Лысый свалил куда-то.

— Погнали.

Уже через пять минут двое работяг на потрепанном «опеле» под удивленный взгляд Михалыча покидали пределы автосервиса. Через семь минут в полном безмолвии они свернули на неожиданно пустой, но жутко мокрый проспект Королева, откуда попали на Коломяжский. А уже через пятнадцать минут «опель» легонько помахивал

дворниками и мчал по серой глади Приморского шоссе, рассекая светом фар стоячую морось. Кратковременное путешествие в самое сердце курортной жизни Ленинградской области должно было немного взбодрить коллег, но еле видный за облаками рассвет тянул их обратно в полусонное состояние. В такт хмурым петербургским кочкам послышалось: «Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...» Безмолвие нарушено, достоинство уколото. Антон вздрогнул, но раскатистый смех Сани уже лег поверх любого оправдания.

— Да будильник, блин, отключить забыл.

— «Антошка»?! Серьезно? — продолжал смеяться Саня, не отвлекаясь от дороги.

— Ну бывшая поставила, — буркнул Антон, безуспешно пытаясь унять будильник. — Да что ж он не отрубается?

— Бывшая? Ха! А у тебя, значит, духу не хватает убрать? Дело ясное, Анто-о-о-шка, Анто-о-о-шка, — залихватски фальшивя, затянул Саня.

Антон кое-как справился с телефоном и устало прильнул к окну. Из тумана тянулась бесконечная бетонная стена. «Все будет хорошо» — успел разглядеть пронесшуюся мимо черную надпись Антон.

— А у тебя деньги-то на тачку есть уже? — спросил Саня, вдоволь насмеявшись.

— Нет.

— И где возьмешь?

— Банк ограблю.

— Ха! Антоха, взять кредит и ограбить банк — это разные вещи.

Антон ничего не ответил, протер запотевшее окно.

— Хотя... — продолжил Саня и включил левый поворот. — Открой бардачок.

Антон нехотя открыл.

— Диски подыми.

Антон приподнял диски, на верхнем успел прочесть: «Прокачай свои нейронные связи!»

— Видишь, колготки лежат, жена оставила. Для ограбления же ничего больше не надо?

— Да ну тебя! — захлопнул Антон бардачок.

— Ха-ха-ха! — хлопнул по рулю Саня. — Да чего ты, они новые!

Дорога грязным изгибом приобняла угрюмый лес. Солнце над тучами еще не успело подняться, а внизу, под тучами, казалось Антону, уже начало темнеть. Дождь усилил натиск, «опель» не сдавался и шел вперед вопреки непогоде, будто брал разбег для взлета.

— Хату я продал в Костроме, вот оттуда и деньги.

— М-м, — промычал Саня, словно это ему уже давно неинтересно, и потянулся к радиоприемнику. Радио зашипело на выдуманном языке, пока Саня не выставил нужную частоту.

«...Президент США вновь упал со ступенек, об этом сообщила пресс-служба...»

— Пфф, — фыркнул Антон.

— Чего?

— Да ничего. Саня, да достало уже это все!

— А, это... — Саня кивнул в сторону радиоприемника.

— Да я не про него. Достало постоянно слушать, что кругом одни дураки, только не у нас.

— А разве там не дураки? — Саня дал резкий правый поворот.

— Ну, дураки, конечно. Просто слушать об этом уже достало, понимаешь?

«...В Санкт-Петербурге и области ожидается мокрый снег, шквалистый ветер и...»
Радиоприемник захлебнулся.

— И полная ж...! — продолжил Антон мысль радиоведущего и выключил приемник. — Как и всегда в этом городе.

Картина за бортом стремилась подтвердить слова Антона. Кусачие порывы ветра кидались на «опель», как дворняга на сосиску.

— Ну вот ты мне скажи, что, там, в Америках этих, совсем ничего хорошего нет? — еще не отошел от прошлой темы Антон.

— Ну... есть, конечно. Вот Лысый, например, собирается подъемник американский в цех поставить.

— Я малость о другом говорю...

— Только это очень плохая затея, скажу я тебе, — не слушая Антона, продолжал Саня.

— Почему? — перескочил Антон на траекторию мысли коллеги.

— Ну... как бы это сказать, — помедлил Саня, совершая плавный поворот. — В общем, не выдержат их подъемники нашего государственного строя.

— Ты про демократию?

— Я про раздолбайство.

Антон хмыкнул.

— Представь, что тебе надо машину поднять, а у тебя сломался подъемник. Клиент ждет, деньги висят, начальство орет. Что делать будешь?

— Возьму и почию, ясное дело.

— Вот! С этого все и начинается. А их подъемники к такому не привыкшие. У них бы ты заявку составил на ремонт, позвонили бы определенному человеку, этот человек полетел бы через полстраны в твой хренов «Авторай», чтобы подойти к твоему подъемнику и вставить вилку в розетку. А ты, — Саня ткнул пальцем в Антона, — все это время, пока он ездит, будешь сидеть и курить. И тебе еще и денег дадут за моральный ущерб, что, мол, без работы сидел, переживал.

— Да вроде неплохо звучит, разве это не порядок называется?

— Это, Антоха, называется абсурд. Такой порядок работает только в кино, где весь сценарий заранее прописан и все одно к другому стыкуется. А в жизни все внезапно, кучей и одно за другим, что только расхлебывать успеваешь.

Саня дал газу и обогнал по встречной полосе вялую «газель». Красочный орел на боковине «газели» проводил Антона жилистыми крыльями. Антон потрогал ремень безопасности и продолжил:

— А разве не здорово, когда каждый отвечает за свое?

— Человек должен уметь все, Антоха. Если один умеет только подметать, а второй мыть полы — это роботы, а не люди.

— Слушай, я на той неделе пять магнитол поставил, а это что, моя работа? Они вешают на меня, на тебя тоже вешают, на свои обязанности вообще времени не остаются. А новых, сам знаешь, не берут никого, экономят.

— А тебе какая разница, экономят или не экономят? У тебя есть работа — делай. Тебе жизнь предоставляет возможности, а ты ноешь. Ты за неделю столько всякой фигни новой сделаешь, что им там даже за всю жизнь не приснится. Ты только подумай, ты же ко всему готов! Ты умеешь решать сложные задачи — это, по сути, и есть твоя жизнь. Если жизнь становится одной сплошной сложной задачей, то она в конце концов перестает быть сложной, потому что это и есть вся жизнь, понимаешь? Ты уже внутри этого сложного найдешь что-то полегче, но в целом ты будешь готов хоть

к ядерному взрыву, хоть к нападению инопланетян. А они там к чему готовы? К выходу нового айфона?

— Саня, а на хрена вообще быть готовым к нападению инопланетян? Ты вот не думал об этом?

— Да это же образно, подставь вместо инопланетян, например... — Саня пощелкал пальцами. — Да и какая разница, кто за что отвечает? Все в одном цехе трудимся, общее дело делаем, и все общее.

— Ага, слышал я эти байки, так колхозы погорели.

— У-у-у, Антоха, давай лучше не надо, — Саня замахал руками, словно ему предложили пюре без котлеты, — молод ты еще.

Антон с надеждой взглянул в окно, но знал, что ничего утешающего там не увидит, но так он хотя бы мог не смотреть на то, что Саня слишком часто отпускает руль.

— Сань, так я ведь не о том. Я предлагаю от них только самое-самое хорошее взять, понимаешь? Порядок их, а строй наш.

— Да их порядок загнется у нас через пять минут.

— Ну вот скажи, было бы у них такое, что директор на починку вывески денег выдать не может? У нас буква «А» уже полтора года не горит. Полтора года, Саня!

— Да и не надо ее чинить. Нас по ней клиенты узнают. Надо уметь подстраиваться под обстоятельства, а еще уметь подстраивать обстоятельства под свои нужды.

— А может, ты просто наслушался... радио?

— Ну, приплыли. Антоха, ты хочешь в том порядке жить, где один механик подает в суд на другого за то, что тот не признает его бутылку колы небинарной личностью? Давай-давай, ага.

— Да елки-палки! Ты меня вообще не слышишь... Ты же сам говоришь, что у нас раздолбайство, так что в этом хорошего?

— Пойми ты, что наше раздолбайство — это наша свобода от их тесных рамок. Это наша сво-бо-да! Ты вообще в курсе, что мы в рабочее время свалили на курорт?

— В курсе.

— Ну и все, мозги мне не конопать. С их порядками ты бы так смог? Да тебя бы уже в тюрьму посадили. Мы, Антоха, не музыканты, не артисты, не актеры и не писатели, но живем мы творчески! Понимаешь?!

— Руль держи.

— У нас без смекалки даже за хлебом не сходишь. Здесь лужу перепрыгнул, там арматуру обошел, под сосульку не попал, до работы добрался.

— Саня, руль возьми.

— А смысл, как робот, по одной траектории ходить, по дурацким рафинированным газонам, по ровным дорогам? На кой нам их пандусы-хряндусы? Слышал, что наши параолимпийцы снова всех уделали? А знаешь почему? Не потому, что тренируются, а потому, что за хлебом по России ходят!

— Саня, руль.

— Мы сильнее, Антоха, сильнее всех на свете! А они пусть дальше в комфорте утопают, куда их это приведет? К общенациональной деградации, как физической формы, так и морально-волевой. А самое главное знаешь что?

— Что?

— То, что мы *живые*!

— Хочу и дальше оставаться таким, руль возьми.

— И мы всегда можем друг с другом договориться. Можешь ты договориться о чем-то с человеко-роботом? Можешь?

— Саня, блин, я даже с тобой договориться не могу!

— Вот именно. С ним ты договоришься только о том, что в его компетенции. А наша компетенция — это вся жизнь, нас окружающая, и самое главное, что... так, погоди, — Саня залез рукой в карман, достал телефон и дважды ткнул пальцем мимо зеленой трубки на экране, на третий раз он ткнул куда следует. — Да, доча? Я за рулем. Мы с дядей Антоном едем по делам, помнишь его? Да я одной рукой держу. Хорошо-хорошо, — Саня сбавил скорость. — Пусть мама позвонит, я вас после работы заберу. Пока-пока.

Саня убрал телефон и вновь разогнал своего верного «опеля».

— Сань, ну про пандусы ты, наверное, все-таки загнул немного, — вяло заключил Антон.

— Какие пандусы?

— Да никакие, забей.

Средь облаков показалось тусклое белое свечение, напомнившее Антону вкус какао в детском саду. Шум дождя отстал от «опеля», Саня позволил дворникам прилечь, Антон приоткрыл окно. Влажный сосновый воздух и запах мокрого асфальта вежливо и умиротворяюще проскользнули в мир работяг. Антон откинул спинку пассажирского сиденья.

— Блин! — Саня хлопнул по колену и резко повернул направо. — Заболтал ты меня. Мы ж слева от железной дороги едем, а нам туда надо.

— Да ладно, — Антон махнул рукой. — Встанешь возле железки, а там уж пешком.

— Ладно... — Саня набрал скорость. — Хорошее нам, Антоха, не там искать надо, а здесь, у нас. В себе искать хорошее, чтобы детям это хорошее передать. Понимаешь? Чтобы они могли тоже... Да куда он прет? — машину качнуло вправо, Саня взмахнул рукой и злобно взглянул влево. — Односторонняя же?! Ох... Вот ведь дятлы за рулем... Короче, это... Чтобы они могли тоже это хорошее искать и видеть. В них наше будущее, на них наша надежда, а иначе все пропало, Антоха. А потом, когда взрослыми станут, сами будут искать хорошее там, где хотят. Блин! Да откуда они все? — Саня вдарил по сигналу. — Где прав накупали, бараны?

— А, ну я так и думал, — приподнялся Антон.

— Что?

— У меня для тебя плохие новости. Это не они едут по встрече.

— Блин!

Саня поддал газу, чтобы поскорее перевернуть эту позорную страницу водительской биографии. Через минуту «опель» подъехал к безлюдной железнодорожной станции и остановился на обочине.

— Мне надо покурить, посиди пока.

— Угу, — коротко промямлил Антон и, поудобнее устроившись на горизонтальном сиденье, прикрыл глаза.

Если не знать обманчивости петербургской погоды, то именно сейчас могло бы померещиться солнце. Многослойные тучи делали вид, что выпростили свои дождевые закрома и полчищами шли «за бугор», но на смену им приходили новые, намекая на то, что для природы не существует наших и не наших. Вместе с воем ветра по округе разнесся трезвон станционной сирены, оповещавший о скором прибытии поезда.

— Знаешь, Антоха, что действительно странно? — хлопнул дверью Саня и впустил в салон машины клуб табачного воздуха. — Мы уже почти час колесим, а еще никто ни разу не пошутил про «на недельку до второго».

Друзья двинулись в путь, уже через минуту за окном показался пешеходный переход через железную дорогу.

— Антоха, а тут стоять нельзя. Выскочишь?

— Да рвани ты прямо через переход на ту сторону, нет же никого, а?

— Ага, сейчас, умник нашелся, чтоб нас поездом, как в кино, размазало? — ответил Саня и pokrutil головой.

— Ладно... — устало прошептал Антон, отстегнув ремень безопасности. — Выйду. Эй, ты чего?!

Антон почувствовал рывок «опеля» и схватился за ручку на потолке.

— Саня, блин, я ж пошутил, але!

— Да ладно, один раз сегодня уже нарушил, — резко сбросил скорость Саня. — Почему бы не проехать пару метров по железке? Тут две тачки спокойно поместятся.

«Опель» плавно подкрался к деревянному помосту, предназначенному для пешеходов, и аккуратно переехал через первые рельсы.

— Видишь, никого, почему бы немного не похулиганить?

— Ты же слышишь сирену, да? — спросил Антон, не отпуская ручку, словно она могла ему как-то помочь.

— Да это ерунда, — Саня подался вперед, сосредоточенно вглядываясь в грядущие рельсы, — они рубают ее за пятнадцать минут до «Ласточки».

— Или «Аллегро».

— «Аллегры» не ездят. Санкции.

«Опель» грузно перевалился передними колесами через рельсы.

— Саня?!

— Не заглохнем.

Легким дрожанием чувствовал Антон нарастающую тревогу и, словно готовый бежать, немного приподнялся. Он огляделся по сторонам. «Какие-то два метра назад — и там все спокойно, — подумал он, — два метра вперед — и там тоже все спокойно». Антону было невыносимо даже несколько секунд находиться на траектории смерти. Он вспомнил, как в детстве они с друзьями клали на рельсы пробки от лимонада.

«Опель» вздрогнул.

— Заглохли.

— Блин! Саня?!

— Да не паникуй, сейчас выедем.

В тишине неработающего мотора сирена волчьей хваткой вонзилась в уши работа. Держа руку на дверной ручке, Антон стал вновь озираться по сторонам. Ритмичным стрекотом двигателя сопровождалась каждая попытка Сани завести автомобиль.

— Да какие ж тут шутки, Антоха? — словно угадывая утешительные мысли коллеги, ответил Саня. — Здесь никаких шуток.

— Саня, блин, я таким серьезным тебя никогда не видел.

Саня взглянул мимо Антона, туда, откуда возник мощный прожектор скоростного поезда. Антон понял это по взгляду Сани и даже не обернулся.

— Твою ж так... прямо на нас прет.

— Саня!

— Да не ори ты!

— Дверь разблокируй!

Антон толкнул дверь. Саня словно не слышал Антона и продолжал заводить «опель».

— Дверь, Саня!

Голос Антона слился с гулом сирены и грохотом приближающегося поезда. Антон кинулся к водительской двери, рухнув на Саню.

— Да не мешай ты!

— Дверь!

Антон цеплялся руками за замок, а Саня отталкивал его обратно и бил ногой по педали газа.

— Да заводись ты!

— ...!

— Заводись!

Саня раскачивался взад-вперед, словно хотел столкнуть «опель» с места, как детскую качель.

— Мы же успеем, да?! — срывающимся голосом крикнул Антон и взглянул в окно. — Успеем?!

Безразличный к чужим бедам луч света, словно маяк иного мира, с каждой секундой становился все ближе.

— Успеем! — крикнул Саня. — Еще куча времени!

«Еще куча времени, так не бывает, еще куча времени», — думал Антон и на всякий случай искал в себе хоть чуточку храбрости, чтобы встретить последний миг достойно. Поезд загудел, Антон мотал головой, отказываясь верить в происходящее. «Вечером я буду рассказывать об этом друзьям, надо только пережить, надо только пережить... два метра — и так безопасно», — судорожно пронеслось в мыслях.

— А-а-а! — Саня всадил кулаком по стеклу.

Гудок прозвучал словно над ухом.

— А-а! Саня! — Антон обхватил себя руками и закрыл глаза.

«Он точно остановится, это не скоростной поезд, он точно остановится», — последнее, что успел подумать Антон.

Сквозь грохот, разрывающий пространство, «опель» могучим броском, словно на крыльях, вынес работяг на ту сторону, где царствовал покой. Антон все еще обнимал себя, трясся и не мог открыть глаза. Саня впервые за весь день сжал руль так крепко, что на лбу вздулись вены. Тишина тяжелым молотом обрушилась на округу. Все застыло.

— Сань, — шепотом, пытаясь отдышаться, произнес Антон, — а ты... ты что дверь-то... не открыл?

— Не знаю.

— Ну ее, эту тачку, — Антон потер лоб. — Погнали вдоль залива... а?

— Погнали... — также шепотом ответил Саня.

Влажная пыль лихой кручей взметнулась из-под колес, машина рванула навстречу бескрайним просторам. Мощный солнечный луч разрезал толщу облаков и окутал «опель» долгожданным теплом. Каждый хотел сказать что-нибудь, но слова застряли в гортани. От стыда за испытанный страх Антон не смел взглянуть на коллегу, словно тот оставался равнодушным к опасности. Но с каждой минутой Антон чувствовал все меньше преград и все больше тепла, проливающегося изнутри ко всему тому, что он мог никогда больше не увидеть.

— Сань! — воскликнул он, смеясь. — Саня!

— Чего?! — ответил тот, улыбаясь.

— Ты хоть понял, что произошло?!

— Кажется... — перестал улыбаться Саня. — Да.

«Опель» едва касался дороги, словно парил над блестящим на солнце асфальтовым полотном. Саня все меньше трогал руль и все больше давил на педаль газа, скорость росла с каждой секундой.

— Какое солнце огромное. Я уж и забыл, что оно бывает таким.

Саня и Антон синхронно опустили козырьки, но солнце все равно умудрилось слепить их. Антон закрылся от света рукой, но сквозь пальцы наблюдал за дорогой. Саня расстегнул толстовку.

— А кто бы мог подумать, что такой день выдастся жаркий, а?

— И то верно, — Антон вслед за коллегой снял кофту и кинул куда-то за спину.

Солнце било прямыми лучами под козырьки, Антон глядел по сторонам, чтобы спастись от яркого света, но свет настигал повсюду.

— Ох, глаза режет, как ярко. Сань, ты вообще видишь дорогу?

— С большим трудом, — щурясь, ответил Саня.

— Давай свернем, вон туда, где еще пока виднеется залив...

...Саня взмахнул руками, и поводья ударили о могучую шею гигантского орла. Антона качнуло вправо.

— Саня! Это же тот самый орел из «Властелина колец», помнишь? Они могли прилететь в самом начале, чтобы разрешить все быстро и без жертв, но так и не прилетели.

Друзья парили на огромной высоте, но ветра не было.

— Нет, Антоха, не могли.

— Но почему?

— Потому что тысячам людей надо было пройти определенный путь, чтобы никогда больше не стать прежними.

— А почему он прилетел сейчас?

— Потому что мы еще пока не можем лететь сами, но и по Земле ходить уже нечем.

— Нас все-таки сбил поезд на переезде, да?

— Да.

Орел заложил крутой вираж, приветствуя крылом гладь спокойного океана, уходящего в чистое небо. Саня и Антон крепко прижались к орлиной спине, утонув носами в мягких перьях.

— Саня! — Антон повернул голову в сторону коллеги и заговорщицки улыбнулся.

— Чего? — повернул Саня голову в сторону Антона, не отрывая рук от орлиных перьев.

— Я всегда боялся высоты! — воскликнул Антон. — Но сейчас мне совсем не страшно!

— Это потому, — поспешил объяснить Саня, — что все страхи жили только в твоей голове, Антоха, в то время как в природе их просто не существует. Стоило тебе избавиться от ума, как страх исчез. Чудно, не правда ли?

— Возьми поводья, Саня.

— Сейчас ты видишь, что страх не часть природы, не часть Вселенной и не часть окружающей нас Вечности. Это всего лишь временные ограничения, которые сдерживают нас по жизни, которые выдуманы самими же людьми и от которых мы можем в любой момент отказаться. Единственное место, где они существуют, — это людские умы, а Вселенная про них и слухом не слыхивала.

— Саня, орел накренился. Хотя с нами уже больше ничего не случится, все равно предлагаю взять поводья.

— Существует лишь свет и любовь, — Саня взял поводья. — Вот скажи, сейчас ты можешь любить? — Саня отпустил поводья и махнул рукой.

— Абсолютно точно. Могу, — Антон задумался. — Я бы сказал, это единственное, что я вообще сейчас могу.

— Вот именно. И при жизни мог. Одна лишь любовь вечна и живет не в голове. Там, где есть любовь, Антоха, страха нет. Представь, что твоя любовь — это огром-

ный орел. И ты паришь на нем на гигантской высоте и ничего не боишься, потому что высота — это и есть вся твоя жизнь, ты даже не видишь земли, поэтому и бояться нечего. — Орел обернулся и подмигнул Антону янтарным глазом. — А теперь представь, что ты впускаешь в свою жизнь много раздражения, злости и другой гадо-сти. Что будет с твоей любовью?

— Что?

— Она будет, максимум, как голубь или маленький воробушек. Она не в состоянии будет поднять тебя на предельные высоты, и ты всегда будешь видеть землю под собой и бояться упасть на нее. Но знаешь что?

— Что?

— Любовь все равно есть и в том и в другом случае. Там, где есть любовь, — нет места страху. Любовь — она живет в нас абсолютно всегда. Кому-то до нее ближе, кому-то дальше. Но она всегда есть, как воздух или небо.

Антон посмотрел по сторонам. Вглядываясь в причудливые редкие облака, он пытался осознать слова коллеги.

— А знаешь, что самое замечательное в этом всем? — осенило Антона.

— Что?

— Мне не придется отдавать кредит!

Саня уже давно не управлял орлом. Золотистыми отблесками на горизонте показались очертания земли. Орел стал снижаться кругами, и взору работяг открылись сотни тысяч огоньков, разбросанных по суше.

— Смотри, а это что там такое?

— Судя по надписи «Голливуд» на горе — это Америка.

Антон привстал, чтобы разглядеть получше.

— А почему она с одной «л»?

— А то, что она на русском, тебя не смущает?

Антон лишь пожал плечами и пристально взгляделся в мельтешащие по земле огоньки, переливающиеся всеми доступными человеческой памяти цветами.

— Саня, смотри, — Антон указал пальцем на сушу. — Они там тоже любят друг друга и тоже ждут друг друга с работы домой.

— Да. Прямо как мы.

— И тоже хотят жить счастливо, видишь?

Саня приподнялся, держась одной рукой за плечо Антона.

— Вижу-вижу.

Антон упал обратно в мягкие перья, Саня упал вслед за ним.

— И в них, и в нас все одно и то же. Только у каждого человека все это в разной степени придавлено массой предрассудков и убеждений, Антоха, которые заставляют человека испытывать те или иные эмоции, выдуманные собственным же умом, вместо того чтобы опираться на то, что по-настоящему вечно.

— Саня, скажи честно, ты наслушался диска про нейронные связи?

— Да.

— Ясно.

— Но если бы ты спросил меня о нем тогда, то я бы тебе сказал, что меня жена заставляет.

Антон вновь окинул взглядом бескрайние искрящиеся чувствами дали.

— А если избавиться от этих предрассудков и ограничений, то что останется?

— Останется просто жить, Антоха. Жить просто. И ничего больше.

— А почему в мире сейчас происходит все... все так, как происходит?

— Потому что человечество само себя поставило в такое положение. И по-другому сейчас просто никак.

— И... орлы не прилетят к ним?

— Прилетят, обязательно прилетят, — Саня погладил по голове пернатую громадину, — но пока не время.

— Это ж сколько мы дров наломали... а как бы рассказать это тем, кто жив сейчас?

— Никак. Сами поймут потом, так же как и мы.

— Ясно... знаешь что, а бог с ней, с этой Америкой. Полетели куда-нибудь?

— И то верно. Орел, — Саня похлопал по спине дружелюбного гиганта, — можешь нас унести куда-нибудь, где есть планеты и звезды, где далекие миры близки, а всегда ночное небо усыпано миллионами галактик? Можешь показать нам то, что мы никогда не могли даже представить при жизни?

— Могу, — обернувшись, ответил орел. — Дорогу покажете?

— Ты тоже говоришь по-русски? — удивился Антон.

— Да, здесь все говорят по-русски, — невозмутимо ответил гигант.

— Дорогу подскажет сердце. В путь! — сказал последнее слово Саня.

Орел уносил работяг все дальше. Касался крыльями звезд и планет, играючи обгонял кометы и показывал путникам самые красивые галактики во Вселенной. Бесчисленное множество солнц радостными вспышками приветствовало изумленных странников и огненными лучами заботливо указывало им дальнейший путь. Однажды орел растворился во времени и пространстве, бросив напоследок: «До свидания, работяги, вы знаете, где меня найти». Антон ответил: «Но мы не знаем...» — однако было уже слишком поздно. Саня и Антон долго странствовали в парящем одиночестве бестелесного существования, бродя по самому краю вечности. Но они всегда знали и чувствовали, где находится их родная Земля.

— Слушай голос космоса, Антоха, — сказал Саня, созерцая восхождение новой звезды на небосклоне неизвестной планеты.

— Но он молчит, — ответил Антон.

— Его голос — безмолвие, — сказал Саня и взметнулся ввысь.

С тех пор между Саней и Антоном не прозвучало уже ни единого слова, потому что все было понятно без слов. Безмолвие стало их новой реальностью, заполняя собой все сущее, все пространство и всю Вселенную. И лишь одно только могло его нарушить.

«Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку... Антошка, Антошка, пойдем копать карто-о-о-шку...»

— Фух! — Антон вскочил на пассажирском кресле.

— Ишь как тебя разморило! А я тут диск поставил, послушай, может, начнешь на вещи под другим углом смотреть.

— Спасибо, Саня, — выплюнул слова Антон, держась за сердце. — Кажется, уже помогает.

«...Вспомните себя ребенком, тогда в вашей голове не было ни единой преграды...» — доносилось из динамиков.

— Это я под диск твой спал? — глядел Антон на Саню ошалелым взглядом, пытаясь осознать реальность.

— Ага. Будильник-то выключи.

— А мы где вообще?

«...И вы поймете, что в жизни возможно абсолютно все...»

— Где-где. В Комарове. Смотри, красота какая.

Антон поднял спинку кресла и взглянул в окно. «Опель» стоял на краю золотистого пляжа, уходящего в бескрайний морской простор. Теплый бриз гулял сквозь открытые окна, маня земной свежестью. Блестящие волны невозмутимо перекачивались по дружелюбной глади, словно подчиненные чему-то Великому. Антон, постепенно успокаиваясь, дышал глубоко и медленно.

— А ты знал, что Финский залив иногда бывает соленым? — спросил Саня. — Эх, какие волны...

«...И вы ощутите себя на грани вечности...»

— Да ну?

— Ага, когда ветер дует с Балтийского моря. По-моему, это как раз сегодня.

«...Позвольте себе просто Ж...» — Саня ткнул пальцем в магнитола и вытащил диск.

— И часто ты такое слушаешь?

— Да не... так, жена заставляет.

Антон улыбнулся и взглянул в ясное небо.

— Как думаешь, есть там что-то? — ткнул пальцем в небо Антон.

— Где? — Саня перегнулся через руль в попытках разглядеть что-нибудь.

— Там, в космосе, — вновь ткнул пальцем Антон.

— А... там, наверное, есть. Планеты, галактики, звезды...

— Орлы, безмолвие, — продолжил Антон.

Саня удивленно посмотрел на коллегу, но ничего не сказал.

— Сань, погнали в банк.

— Все-таки ограбить вздумал? — лукаво взглянул Саня на Антона.

— Да не, наоборот, — Антон окинул взглядом солнечный горизонт и вдохнул полной грудью свежий воздух. — Деньги им верну.

— Ха, я ж говорил, кредит! Ладно... Бог с тобой, погнали!

«Опель» уносился вдаль по Приморскому шоссе, оставляя позади безмолвие и запах сосен. Коллеги не проронили на обратном пути ни слова. Вся Вселенная в одночасье поселилась в душе Антона, и лишь одна мысль не давала покоя простому русскому работяге: «Бедный, бедный паучок... вот у кого действительно был хреновый день».

Клавдия ШАРЫГИНА

ИГРУШКИ

мне четыре года
или меньше или больше
я не помню
когда я бежала по дороге у меня в руках была кукла
маша
и у нее было голубое платье
и волосы серые какие-то странные
я бежала по дороге и упала
и коленки у меня были ободраны
было очень больно
но я не помню на самом деле того насколько мне было больно
просто я помню
как мне было обидно
что я упала
родители отвели меня домой
было буквально несколько метров до дома
до сих пор помню какое это было место
там где-то рядом
(лет в одиннадцать я исследовала гугл-карты)
находится православная газета
или что-то другое православное
ни разу не была внутри этого нечта православного
и вот дома
я стояла на кровати
а родители обрабатывали мне чем-то коленки
я помню как я плакала
и чтобы мне было легче
родители обработали коленки маме тоже
я ведь упала вместе с мамой
маша очень редко меняла одежду
и я все еще помню ее голубое в клеточку платье
и то насколько она была живая для меня
и то как я снимала фильмы на старенький серый фотоаппарат
фильмы были и про машу
и про мурлыку
(черного плюшевого кота)
эрделя
(золотистого плюшевого пса)

Клавдия Георгиевна Шарыгина родилась в 2004 году в Москве. Студентка НИУ «Высшая школа экономики», отделение дизайна. Публиковалась в журналах «Юность», «Звезда», «Урал». Лонг-лист премии «Лицей» (2022). Живет в Москве.

розовую лапку
(розово-белую кошку)
и про еще многих моих игрушек
уже не помню их имена
спасибо мама и папа что дарили мне их
иначе вы мои родители
так и были бы все мое детство
моими
единственными
друзьями

* * *

поезд пахнет стоматологом
мозоли кровью
папа пахнет городом
а цветы любовью
я пахну потом
а деревья гарью
учительская пахнет сиропом
дом пахнет грязью

я уже не чувствую
что к чему подойдет
я уже не понимаю
кто от меня уйдет
я не знаю
как решать уравнение
я не представляю
свое мнение

* * *

мы встретились в лесу
у меня были рваные волосы
у тебя были рваные глаза
мне было больно и страшно
когда я поцарапала руку о ветку
ты сказала
«ничего смотри
пока шла тут вообще попала в паутину»
я не хотела обнимать тебя
потому что боялась что на тебе все еще есть паук
я очень боюсь пауков
«а есть что-то чего ты не боишься?»
не знаю
не думала об этом
«ты же даже не знаешь
есть ли на мне паук на самом деле
может на той паутине вообще не было паука»
может ты и права
«обними меня»
но готова ли я к этому
у меня холодные руки
у меня все время холодные руки»
«просто обними меня»

под моими шагами шуршат листья
я подошла
и протянула руки
к вымышленному пауку
я обняла ее
и мы стояли в лесу
одни

* * *

В моих волосах грязь и слякоть
иду в университет
и ничего не вижу

мне страшно
что все это не закончится
мне страшно
что это будет повторяться каждый день

я знаю
что это не так

я бы хотела жить в многоэтажке напротив
просыпаться каждое утро.

мне не интересно ходить в университет
мне не нравится заставлять себя просыпаться
мне противно говорить с родителями
мне не хочется говорить ни с кем
мне это все надоело
мне вообще все надоели
мне больше не больно.

мне больше не больно?
нет. мне больше не больно.
но мне страшно.
я не знаю что будет утром

у меня болит все тело
это так глупо
осознание существования через боль
и через слякоть
и когда в снег наступаешь штаны потом мокрые
это очень глупо.

не наступайте в снег ногами!
МЕНЯЙТЕСЬ.

не останавливайся.
пожалуйста.
НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ

ЧЕЛОВЕК, НЕ ВСТРЕТИВШИЙ ЧЕЛОВЕКА

Рассказ

Водила Звонарев из транспортного отдела после утренней планерки огорошил: есть проход к цирку с южной стороны ипподрома.

— Нет там ничего, — уверенно, тоном, не допускающим возражений, процедил Звениговский, — я здесь сто лет работаю, и всегда ходили только в обход.

— А вдруг есть, — это Золотов, наш разнораб в вылинявшей спецовке. — Ты свой технический отдел сразу усовершенствуешь. Будешь вентили, мышки, флешки по короткой дороге с остановки носить.

— Я машину возьму, нужен мне ваш проход, — отмахнулся начальник технического отдела. Его уже напрягали: пропадает Интернет, а шеф обещал появиться.

— Так, значит, он есть? — Золотов по штату вроде как должен был подчиняться Звениговскому, даже числился в его отделе, но нельзя было заставить нашего разнораба кому-то подчиняться. До нас Золотов работал на севере, приезжал в столицу спустить все деньги. Друзья на всю жизнь находились сразу, но столько жизни, видимо, Золотову не было отпущено. Рыжие когда-то волосы выцвели, все чаще иставали белыми холодными нитями. Кашель, мокрота, легкие ни к черту. С каждым годом север откашливался дольше, а желающих покутить на зарплату становилось больше. «Понизили до разнораба, — не жалился, а вроде даже веселился он, — а я ведь и бурить могу. А выгонят меня отсюда — пойду в дворники, с дворников погонят — в уборщики. А оттуда уже, брат, не гонят, оттуда вперед ногами выносят».

Может, сегодня был и мой последний день, но завтрашняя газета уже печаталась, можно и глянуть. Спустился вниз, чтоб урвать самый-самый первый экземпляр, теплый, колючий, испачкаться нечеткими, расплывающимися буквами.

С прискорбием сообщаем...

— Как березовый сок глушили, — курилка объединяла все отделы, вот Звонарев, бессонный, накачанный кофеин, прыгает на жирном, будто бы маслом испачканном, пне, — ща уже ниче не текет, прошел сезон.

— Так это вы березу загубили? — Григорий Иванович Зюзин, наш бухгалтер, похваливал, заслоняя ладонью от солнца бесцветные, чуть навывкате глаза. — Погодите, скажу Салтанову.

Игорь Сергеевич Федоровский родился в Омске в 1988 году. Окончил филологический факультет ОмГУ, был членом редколлегии журнала «Пилигрим» с 2007 года. Публиковался в многочисленных изданиях Омска, Москвы, Красноярска, Новосибирска, Уфы, Барнаула, Арсеньева, Рыбинска, Вологды, в их числе «Новый мир», «Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Алтай», «Бельские просторы», «Вологодский лад», «Литературный Ульяновск», «Складчина», «Журнал Поэтов», «Новые имена». Автор стихотворных и прозаических книг, вышедших в Омске: «Восьмая нота» (2007), памятный подарок премии Достоевского (2007), «Научите меня плакать» (2009), главная премия Достоевского, «Оттачивать снег» (2010), «3D» (2013), «Ключи от пропасти» (1-е издание 2014, 2-е издание 2015), «Конечный» (2015). Работает журналистом.

— Ну скажи, — подмигнул мне Звонарев, — вдруг царь нам больше уделять станет драгоценного внимания, а то я ему желтую подводную лодку в порядок привел, за свои причем кровные, а он и не чешется.

Желтая подводная лодка — это одна из машин нашего автохозяйства. Прошлой осенью она тонула, по глупости Салтан двинул в Кабыздовку по грунтовке. Государевым словом нас заверил, что дождей в тех краях никто неделю не видел. Ушел, конечно, по самую крышу, хорошо, хоть сам выбрался. Думали тогда — пропала песня, нет, Звонарев подхватил, выходил, не спал ночами, грохнулся с недосыпу с крыльца и сам хромает, зато машина в порядке.

— Садредтинов-то опять подставился. И это за год до выборов! — жахнул наборщик Серега Загатов. Ему бы в наш отдел — новости узнает раньше всех, а распоряжаться ими не умеет.

— А что не так? — Зюзин напрягся, видно, история эта была ему знакома.

— Находились на простое рабочие, послал их строить себе дачу, — потирал сбитые от клавиатуры пальцы Загатов, — вот что делает, гад ползучий!

— Это правонарушение! — загорелся журналюга Завтраков, желтый хохолок на его макушке трепетал.

— Да это же уголовник! У-у-у, бандюган! — Фиратова, уборщица, часто сидела с нами, щелкала семечки, брэнчала ведром, объявляя всем ядерную войну.

— Ну уголовник не уголовник, а административка у каждого есть, — со знанием дела проговорил Завтраков, — важно это так расписать, чтоб монстр, пожирающий детей, вышел.

— Все так, но тут на тоненького, — погрозил пальчиком Зюзин, — Садредтинов-то Салтанову кум. И такой материал зарубит уже в твоей голове.

Все притихли, на последние секунды сигарет тем обычно не хватало, да и о шефе не хотелось говорить — стены, может, и не имеют уши, зато у людей мало того, что они есть, так еще развязанные языки, если надо, не до Киева, но до кабинета Салтанова доведут.

— Историк партии — фуфло! Лучше бы к нам в газету кого взяли на лишнюю ставку! У него Хаммурапи правил у ацтеков, — возмущался Завтраков, он один не желал угомониться.

— Хамурапу этого надо в зону боевых действий, — вздыхая, поднялась Фиратова, и непонятно, про нашего ли она Зильберштейна, про древнего политика или про свой дальний корпус, где иногда разгорались такие громыхания и крики, что поневоле хотелось сунуть уборщице сотенную и заключить с ней мир. Она же тебе и за бутылочкой сбегает, и победу вместе с тобой отметит.

— Передайте вашей помощнице, — помялся я и протянул бухгалтеру конверт, — положите под клавишу.

— Я устал быть передастом, — высокомерно произнес Зюзин, демонстративно заложив руки за спину.

Я поймал свежий номер газеты в предбаннике типографии, смачно отматерил там же бухгалтера, чтоб ему икалось на рабочем месте. На неделе к нам из колледжа прислали практикантку. По всем бумажкам Рита Атавина. Я ее видел пару раз мельком. Но в тот же день написал ей письмо. Мол, как увидел, так сразу сошел с ума, что если ей одиноко и не с кем пообщаться, пусть пишет ответ. Ничего от нее не получил, но на следующий день написал новое.

С тем же конвертом сунулся к Забойскому, он-то передаст точно, в соседней с бухгалтерией каморке мы гримируем наших гостей, чтоб в кадре смотрелись органично, операторы туда ходят пристреливаться. Встретил меня плечистый здоровяк в майке

с надписью «Гриша», чтоб уж не забыли. Да как его забудешь — операторская на первом этаже, не захочешь, а поневоле пройдешь.

В двенадцать Григорий Иваныч подхватывал свое набитое деньгами пузо и убегал в банк. Наверное, Рита уже в бухгалтерии. Можно бы пойти посмотреть в щелку, да надо показаться на рабочем месте, а то златокудрый Ленусик опять будет ябедать Салтану, она это умеет.

— Сегодня ты ленточный червь, — предупредила Лена, только я вошел в нашу комнатку пресс-службы, — у нас уже час, как на сайте нет новостей.

— Я ж вчера сидел, — попытался отмазаться, пнул послушную коробку компа, он отозвался недовольным бурчанием.

— У меня срочная статья, — отмахнулась, прихлопнула мои начавшиеся возражения. Черт, ногти длинные, чувствую себя подопытным мотыльком, распятым на неизбежных новостях.

Эту срочную статью Ленуська писала уже неделю. Мне уже давно хотелось запереться изнутри, встретить испуганный, потом протестующий, а потом и покорный взгляд, подойти, молча обнять ее и повалить на стол, она маленькая, монитор и клавишу не раздавит. Сегодня шумит газета, можно и покрикивать. На том же столе, двигаясь сумасшедшим курсором. Она бы не была против. Но я знал, что никогда ей даже не намекну. Не коснусь, будто бы случайно, ее обнаженной спины, не проведу ладонью по крашеным золотым кудрям. Потому что знаю, истощив все силы, надо снова быть ленточным червем, насиловать чужую новость, превращая ее в собственную.

— Поставлю чайник кипешиться, — наверное, можно было предложить после работы угостить ее сушами, но я их терпеть не мог.

— Шкаф забит твоими вещами. Мне дубленку повесить негде, — пожаловался Ленусик, шелестя соцсетями.

— Зима еще не скоро, — отмахнулся я, следовало промолчать, тогда бы эта домогренная блогерша утихла, теперь же ей нужно было добить меня болтовней, иначе она не успокоится.

— Военный комиссар интересовался твоей персоной, — с ехидцей кинула в меня жеваную промокашку слов.

— А это из Ленинского округа, — отозвался я, — с ним материал давно делал, так он постоянно заходит теперь. Бас его гремит по всем корпусам: «Здравия желаю!» Я теперь никогда не помру.

— Думала, у тебя военника нету, мало ли что, особенно сейчас, — норма заботы обо мне была выполнена, Ленусик уткнулась в монитор.

— У нее какая-то сопля в ухе, тебе не кажется? — гаркнул над моим ухом Гришка, как раз когда я возился с чайником.

— Эта сопля зовется блютус, — Забойский редко забегал к нам, значит, что-то случилось. И опять на задание ехать мне, ведь Ленусик ногтями вцепится в клавишу, не сорвешь, не докричишься до нее, знаем уже, не первый год вместе работаем.

— Ты жрать собрался? — оценил виноватое сипение чайника Гришка. — Пошли вниз. У меня есть гамбургер из «Макдональдса».

— Он же давно закрылся, — пожал плечами, придерживая чайник, чтоб он не выпрыгнул в агонии мне под ноги.

— У меня кореш нахватал штук пятьсот их, по всем морозилкам рассовал, говорит, бизнес делать буду! А меня так угощает, за рекламу!

В монтерской каптерке яблоку негде было упасть. Загирбеков — руководитель отдела информации телеканала — угощал всех коричневыми, дохлыми какими-то плодами, уверяя, что это сейчас такие выросли в его теплице.

— Вы погодите, — как обычно запинаясь о каждый слог, предупреждал он неизбежный смех тонким указательным пальцем, — ддождетесь еще не ттолько яблоки, и малину будете в аппреле жрать.

— Нет уж, друг, мы больше по грибочкам, — оттеснил пару коллег от микроволновки Гришка, — эх, Валихан, голос бы тебе, мог бы новости начитывать. А то этой новенькой Грымзы сроду не дожدهшься.

Олюшку Грымзову я и сам не видел ни разу. Говорили, она носится по трудовым коллективам, выражающим полное, единоедушное доверие. Стопки бумаг с подписями доверчивых копились во всех комнатках, ох, куда ж их деть-то, и под эмкавэшкой, и на моем столе, и в предбаннике свалены вперемешку.

— Своих не бросаем — ввон оно ккак, — палец Загирбекова, показалось, даже изогнулся, — а введь ббросила нас Олюшка, ээх! Я ввот на вечер и не знаю, что в эфир ставить.

Один раз выпуск газеты чуть было не сорвался. Встречали китайский Новый год, еще толком не оклемавшись с нашего отечественного. Отмечали с настоящим братом-китайцем то ли Мао Лао, то ли Лао Мао, но его с легкого Гришкиного языка все звали Мяу-Мяу. Как раз газету сдавать, а у нас ничего не готово, на белой простыни макета мы резали рыбку да строгаили колбаску, пустые заголовки потонули в жирке. Редакционный кот Чапай все вертелся под ногами — это же Мяу-Вася выражает почет и уважение нашему китайскому товарищу. Из типографии звонят, матерятся, спешно сгребая на полосу все новости и закуски, потом топчем, топчем, утаптываем, подъедаем. Хоть с опозданием, но сдали номер, спасибо отделу информации за то, что новостей было много.

— Обзор обзором, но всем жрать хочется, а у журналюг опять никакой рыбы нет! — возмущался монтажер Задрыгин. А-а-а, заветная бутылочка с ним, обед строго после завтрака, вопросов больше не имею.

Микроволновка была еще одна, в первом корпусе, но туда тащиться было неохота. Поговаривали, что у Салтанова есть персональная эмкавэшка, но в его кабинет дальше предбанника никто не заходил.

— Как вы думаете, есть проход? — подхватил утренний слух монтажер Прохоров, шелестя пакетом из «Пятерочки». — У цирка-то пивас неплохой продают. Я отсыплю себе кофейка на утро, а то ведь не проснусь однажды, ха-ха.

— Прятать от него начали еду, он все поджирает, а сам не шибко-то вкидывается. Мы уже ему тактично так говорили: вам, Пал Афанасич, вредно много есть. Так он что? Я, говорит, ем ведь, а не употребляю. Это ж он в мою сторону пуляет! — шептал мне Задрыгин, кивая на коллегу, — А я что, употребляю? Нет, ты мне скажи.

Вечные конкуренты, которым всю жизнь возиться в тесной каптерке, собирая из дрыгающихся шелестящих кадров что-то путное, они постоянно интриговали друг против друга, но знали, что в одиночку не вывезут операторский шлак. Каждый считал себя главным в монтажном цеху, но на утреннюю летучку, где собирались начальники всех отделов, никто не ходил.

— Твой гамбургер сух и нелоялен, — мы с Гришкой устроили санкционное пиршество, — что ж колы у приятеля не попросил?

— Тоже мне гамбургер, чизбургер, санвич, черт знает что! — продолжал возмущаться Задрыга. — Есть простое русское слово бутерброд.

— Сто процентов сока! Воды нет! — утянул меня за свой стол Прохоров и ткнул в пустой тетрапак. — А на деле — чуть подкрашенная водичка. Вот вам тема, берите, пользуйтесь! Могу еще подкинуть с десяток.

— Это не к нам, это в газету, — отмахнулся я, сглатывая сухую слюну, — умеет же раздражить, скотина! — Могу свести с человеком, который пишет про похожие проблемы. Так развенчает, что тебе в следующий раз двести процентов нальют и не давятся. Даже наш Задрыга обзавидуется да и на сок перейдет.

— Я забыл, как писать маленькую «м», — жаловался Задрыгин, надеясь перетянуть на себя внимание, — компьютеры — это дичь, разучился писать русскими буквами, сто раз брал и зачеркивал. Вот как их... маленькую «м», маленькую «з», заявление на отпуск по собственному пишу.

— А вы напечатайте в ворде, — голос вроде чужой. А-а-а, заведующий русской литературой Ринат Загитов. Что он забыл у нас? Его библиотека в том корпусе. Может, там эмкавэшка сломалась? Тогда... и Рита может прийти сюда. Просто вот войти, виновато улыбаясь всем, пряча за спиной контейнер с шамовкой.

— А здесь как-то обстоятельно. Я была на стажировке во «Всей соли», так там каждый в своем уголке обедает. Персональный хрум. Мне сказали, там текучка такая, что даже познакомиться друг с дружкой не успевают.

— Я не помню, чтоб отсюда кто уходил, — пожал плечами я и погрешил против истины. Василь Иванович Стрюков, наш ответственный секретарь, заставший еще лино-типы, дагеротипы и прочие неуставленные подозрительные типы, отправился в путь как раз отсюда. Дорога, огибающая нашу работу, шла в сторону Восточного кладбища, и к нам его завезли попрощаться. Места в полутемном коридорчике мало, но наш прожиточный минимум посетителей это не смущало, они входили, бросали равнодушные взгляды на гроб и отправлялись по своим делам.

— Опять короткий день, — а вот этот голос ни с чьим другим не спутаю. Оператор Заппа, респект ему и уважуха. Обычно он приходил из коррекционной школы после обеда, но тут учителя, видно, опять затеяли профилактику.

— А где ж Зося? — накинулись на него мы.

— Там у нас военная операция, — отмахнулся он, горькая улыбка скользнула в усах, — раскормили вы kota, не выполняет свои обязанности. Забрить, отправить в штрафные роты пузана.

На ступеньках в подвал действительно царила возня. Похоже, что те, кому места в каптерке не хватило, решили устроить свой движ.

— Мыша-мыша, лови ее! Накрывай ведром! — командовала Фиратова, стараясь не ходить дальше от непосредственно боевых действий.

— Ну что, попалась, — взмахнул граблями Золотов, и тут он столкнулся со взглядом колючим, злым, рука его замерла.

— Ну че стоишь? Грабь ее! — орал Зильберштейн, новый историк партии. — Че ты как Родина-мать с граблями!

Что ж так краской-то несет? Вроде уж должны и кончить печатать, а вдохнуть нечем. С прискорбием сообщаем... что так пахнет смерть. Зоськин взгляд простреливал и меня, хотя я пришел не убивать, а просто посмотреть. Может, увести в сторону Риту, если ей глядеть на такое будет неприятно, рассказать ей, что до их третьего этажа мыши точно не доползают.

— Нехай живет! — дал всем команду слесарь Кириллов, а потом оправдывался: — Так вона посмотрела, что не смог. Хоть она мыша, но по-людски так зекает, аж будто баба моя, когда меня бухенького надо на верхний этаж втаскивать.

Что это за глаза. Одна красноватая пленка. И цвет какой — не разберешь. Вроде он здесь и смотрит на нас, а вроде и нет его, были зрачки — солнышки, но весенняя голубизна осталась под артобстрелом.

Я и сейчас не вспомню, какого цвета у него глаза. Зосю эвакуировали из-под Мариуполя в марте, когда там началась самая заварушка. Коррекционная школа через дорогу, и малец прибил к нам, дядька не возражал, ему было все равно. Хоть совсем забирайте, а Заппа виновато совал в потную ладонь уставшего, сильно пьющего кладовщика пару сотенных.

Все пошумели и разошлись по своим клетушкам. Я тоже поставил пару новостей, ответил на несколько звонков, перебрался с Ленусиком парой фраз.

Зося сидел, уткнувшись в окно с отсутствующим взглядом. Заппа просил присмотреть, его самого срочно отправили снимать дядю-депутата, выразившего полное и безоговорочное одобрение.

— Он же никакой не историк, — бубнил Завтраков, — понятно, что по благу сюда попал. Хвастался сча мне своими трудами, плагиатор.

— Да, плагиатор. Но покорный, — пожал плечами Серьга, рассматривая журналец с голыми красотками, — Салтан таких любит.

— Прикроют нас за его покорность, — возмущался Завтраков, — ты материал на Омкоме читал? Там слово в слово, даже не потрудился абзацы поменять. Копировать-вставить — так, что ли, теперь размножаются историки?

— Я размножаюсь усами, ха-ха, — Серьга коснулся губами шейки моей напарницы, игнорирующей нас, слушающей в наушниках музыку, блютус-сопля заряжалась рядом, — щекотунчик Ленусик-загоретик.

— Отвали, дебил, — отбрила его Лена, тыкая в нашу сторону ногтем, — иди вон новенькую ублажать.

— *А на прошлой работе я боялась даже рот открыть, не то что кашлянуть, — рассказывала Рита, — на меня так смотрели, словно я чумовая какая.*

— *Чумная, наверное, — мне было неловко говорить с ней в таком гвалте. Крикнуть бы всем, чтоб шли куда подальше, так и она уйдет, виновато улыбнувшись на прощание, словно извиняясь за то, что открыла рот и впустила сюда вирус.*

— Ну что, готов к большому походу? — в нашу переполненную пресс-службу ворвался Гришка, оглядел собравшихся, удовлетворенно крикнул. — Рабочий день объявляется официально завершенным.

— Куда это? — не понял я, надеясь, что они зовут не в алкотур. Хотелось показать Рите окрестности, повести ее к остановке самой длинной дорогой, случайно заблудиться среди одинаковых маленьких домиков.

— Мы тут собираемся дорогу к цирку пробить, — за Гришкой в проходе толклись Звонарев, Золотов и Загирбеков.

— Холодец с нами, он как раз сменяется, — объявил Гришка, — этот страж ворот здесь изучил каждый закоулок еще до Октябрьской революции. Вдруг у Звонаря джипэска с катушек съедет.

— Я «гусиков» на всех взял, — похлопал себя по огромным карманам Михайло Холодец Заливайко, самый древний из наших вахтеров. На этом фронте самая страшная текучка — приходили-уходили, даже не успевая выучить нехитрые номера внутренних телефонов. Заливайко был всегда. Холодцом его звали даже забредавшие к нам депутаты. Мягкий, рыхлый, казалось, он выдаст тебе ключ под роспись и развалится на части, конфетки, которыми он любил угощать всех, рассыплются у проходной. У Заливайко была онкология, но я не мог представить себе дня, что другой вахтер будет нас привечать по утрам, угощать «гусиными лапками», провожать до крыльца, а ты будешь знать, без сил ковыляя вдоль ипподрома, что обернешься и увидишь прощальный огонек его сигареты, подрагивающий, как первая звездочка на вечернем ветру.

— Айда вниз! — Гришка подошел к окну, пытаясь углядеть что-то доступное Зосе. — Заппа звонил, говорил, скоро подъедет.

На крыльце Зильберштейн выпытывал у Григория Иваныча, будет ли ему доплата с нашей бухгалтерии. Зюзин пожимал плечами, отмалчиваться и отмыкиваться он умел, как никто. Звенига ждал нас, выпятившись, свертая желтыми глазами, примеряя удобную позу победителя, снисходительно улыбнулся нашей выкатившейся на улицу банде. Задрыга пытался вступить за нас, но начальник технического отдела разбил его доводы в пух и прах.

— Ни хрена там нет, какой проход? — не унимался Звениговский. — Может, пора завязывать, жертвы технического спирта.

— А вот ступай в обход, а мы тут пойдем, — кивнул нам Золотов, — кто придет вторым, покупает победителю бутылку самого дорожущего вискаря. Все равно, говорят, скоро исчезнут из магазинов. Так надо напиться на будущее.

— Ты с кем пойдешь? С нами или со Звенигой?

— Почему я должна быть с кем-то? Может, я сама хочу разобраться, как тут лучше добраться до остановки.

— Но я хотел... показать тебе тут... нашу красоту. Вон там даже озерко есть. Это не такой ужасный район, как ты думаешь.

— Опять поехала, — проводил привычную уже черную машину Серьга Загатов, — бульбозовка.

— Не опять, — поднял палец Зюзин, — а снова.

Приспущенные флаги, окна заклеены темной лентой, ковыляет, словно парализованная, кажется, каждый из нас ее обгонит, но мы никуда не спешили. Дети из Зоськиной школы перебежали дорогу прямо под колесами, словно и не было в пяти метрах пешеходного перехода.

— Скоро они будут выпрыгивать прямо из-под колес, — бурчал под нос Холодец. — Для них вся жизнь — один пешеходный переход. Бесконечный.

— Опять завтра работать, Азовский район, село Кедр, что еще в десяти километрах, — выдохнул подбежавший к нам Заппа. — А завтра газетный день, машину никто не выделит. — Он бросил пустой, отсутствующий взгляд на Звонарева. — Что, дашь машину?

— Это не я решаю, — буркнул тот, — и ты это лучше меня знаешь.

— Попутку ловить придется, — посетовал я, словно это мне надо было завтра подниматься чуть свет.

— За город ехать, губера слушать, — из внутреннего кармана Забойский достал заветную фляжку. — Наша Арена ТВ всегда защищает интересы народа, даже после его смерти. Давайте по кругу. Заппа заслужил.

Мы помянули того, чье имя не осталось даже в моей памяти, потом глотнули за успех нашей операции.

— На раз-два-три, — Звениговский стоял чуть в стороне от нас и не прикасался к фляжке, — что, долго еще будете квасить? Я пошел.

— Предатель ты, Звенига, — бросил ему на прощание Гришка, — за коньяк мать родную продашь.

— А ведь он же побежит, — возбужденно заверещал Зюзин, глаза его, бесцветные, чуть навывкате, сейчас готовы были совсем вывалиться из орбит, — может, лучше перебдеть, сперва разведать, какой там проход, а потом уже на две бутылки наперегонки бежать.

— Мы все равно будем первыми, — успокоил Золотов, показывая на дорогу в сторону шиномонтажки. — Вы ведь все знаете Звонарева, он зря не скажет.

— Там раза в три короче, — подтвердил Звонарев, — мы еще пива полторашку распить у цирка успеем.

Мы пошли, пылясь и толкаясь, толпа потерявшихся в этой войне. Под ногами хрустела солома — привет с ипподрома.

— Черт, солнце прям в глаза, — попытался смахнуть с неба свежую кляксу Золотов, но только лысина стала золотой, а огонь не исчез.

— Ттам... ккамыши горят, ччерный ддым ммеежду огнем и ннебом, — тыкал куда-то Большой Бык Загирбеков, — вверно, ддетвора из Ззосиной школы опять ббалуется.

— Это же дом! — закричал Ринат Загитов, зрачки его пылали, кто сравнивает их с точками-уголочками, глубоко ошибается. — Я позвоню в пожарку.

— Все у тебя кипеш, да живи спокойно! — не останавливался Золотов. — Подготавливает у них! Ну горит, так и погаснет. Звенига наш в ту сторону побежал, пусть он пожарных и вызывает.

— Это просто солнце, — успокоил всех Холодец, — мы уже даже солнца боимся, видим пожары, слезы, войну. А ему что, теперь не закатываться каждый день?

— Жу, — Зося помахал ладонью вокруг себя, — Жу.

— Жу-жу-жу? А-а-а, — хлопнул себя по башке Заппа, — самолетик.

— А он пролетает над нашим хутором? — эта фраза далась на удивление легко, словно говорил ее тот довоенный Зоська.

— Конечно, пролетает, — скорее всего, там сейчас закрыты воздушные линии, но мыслям-то надо куда-то деваться, для них небо не закроешь. Вот и поднимаются вверх всякие вертопрахи, мысли даже в голове страдают от воздушной болезни.

— А ему не страшно? — вороватым цепким взглядом Зоська оглядел каждого из нашей гоп-компании. — Это нас много, а он один.

— Он высоко-о-о, — проводил взглядом Заппа ускользающее светлое пятно, — его не собьют.

— Валихан Загирбеков, ты бек или хан? — доставал каждого из нас Гришка. — Определись.

— Ббольной ббык, — завращал лысой головой наш Мичурин и, выкатив свои яблочки-глаза, нагнулся к Зоське, — мму-у-у!

— А лошадики будут? — жался к оператору Зося.

— Обязательно будут, — обещал Заппа, — они сейчас отдыхают, набегались за утро. А потом отдохнут, морковки-соломки поедят и снова поскачут.

— Давай лапку за лапку, — Заливайко протянул пацану конфетку.

— У бывшей молочной кухни поворот, — объявил Золотов, откашлявшись и сплюнув тягучую слюну.

— Фабрики-кухни, точнее, — похоже, Заливайко знал окрестности намного лучше, чем думал Гришка, — специально при заводе такую открыли в пятидесятом.

Голодные, бредущие к вечерним котелкам с шамовкой, мы болтали о еде, думали, что она может нас объединить. Но дом — это вам не работа с общаком, там у каждого свои остатки вкусов и цветов.

— Кулич царский, я купил, попробовал — ничего особенного, — жалился Зильбер, — обычный то же самое.

— Грех куличи есть до Пасхи, — укоризненно просипел Зюзин.

— А ты что, веруешь, что ли? — удивился Гришка. — Хочет — пусть жрет.

— Значит, есть проход? — вмешался Золотов, для него светлый праздник мог существовать только тогда, когда до него можно было добраться. — Тогда ясно и зачем идем, и куда.

— Проход есть, и Пасха тоже есть, — Звонарев шел, почти не разбирая дороги, словно по наитию или голос был к нему и вел нас, неверующих и заблудших, — а старуха моя уже куличи пекет, на всех нас хватит.

— Теперь куда ты их денешь? Там провоняло все! Он принес сырое мясо! В наш чуть живой холодильник! Ну не дебил? — рассказывал про Прохорова Серьга. — Чтоб мы не съели, а сам он мог сказать, что приносит жарчку.

— Отнять и поделить, — рассек ладонью воздух Задрыгин, — устроим на природе коллективные котлеты.

— Белорусские сардельки, так раньше вкусно было, — делился Зюзин, и слюна текла, нежравшие, блин, герои, хоть бы Золотов сухпак, что ли, выделил, — а вчера взял и мяса не почувствовал.

— Тима Белорусских съел все мясо, — расхохотался Гриша, вспомнив свою съемку концерта, — сейчас к нам вряд ли кто приедет.

— Приедут! Платить будут, в очередь выстроится, — процедил Загирбеков, не слишком-то уважавший всех, кто брал голосом.

— А мы их еще посмотрим, пускать или нет, — затянулся, закашлялся Гришка, — блин, под копченые ребрышки прилетело. Береги легкие, Зось, а то потом будет тяжело.

— Курить вредно, — снисходительно покашливал Зюзин, и портфель его подпрыгивал, легонько касаясь рассыпанной на монеты асфальта дороги.

— Вообще-то, он ничего, — я готов был на все, чтоб она задержалась у нас подольше, чтоб не затерялась потом в списках моих бесконечных контактов.

— Ты сам его терпеть не можешь, — Рита ни на кого не глядела, уставший, равнодушный взгляд пробежал вдоль ипподромовского забора, мучительно искал просвета, чтоб увидеть хоть одну задрипанную лошаденку.

— Тебе в ФСБ надо работать, — попробовал пошутить я, — ничего от тебя невозможно скрыть.

— От меня там мало будет пользы, — она хоть улыбнулась, или это мне показалось под смурным, запекшимся на ране заката солнцем. — Вот твои друзья. Есть Загатов, а есть Загитов. Я уже запуталась.

— Ну это просто, — я готов был рассказать истории жизни каждого, но понял, что это не самый короткий путь.

— Ты сам-то знаешь, где мы идем? Я вообще без понятия.

Я не слишком-то мог ей помочь. Вроде слева бывшая станция Карлушка. Там железная дорога шла к телевизионному заводу. Загитов запнулся о шпалу, Гришка что-то шутканул, кажется, про Анну Каренину и поддержал его. Наши тени перетекали друг в друга, будто шагал один человек.

Бетонных плит уже не было видно. Звонарев остановился, и я вспомнил, что впереди мемориал работников автобусного завода. Вечный огонь не горел. Вроде бы мы ходили возлагать сюда цветы недавно, а может, это было двенадцать лет назад, когда я еще студентом пришел работать журналистом в партийную газету и считал, что очерки — это от слова «очернять».

— Звезда превращена в общественный туалет. И с таким поколением мы хотим победить, — возмущался Завтраков, осмотрев памятник, — они написали тут свои имена. Работники завода, погибшие на войне, блин.

— Что это? — вдруг подпрыгнул Задрыгин. — Сердце кольнуло, будто схватил Кондратий.

— Во навестрился! Это у него профессиональное, — приобнял приятеля Гришка. — Где-то на заводе хлопнула бутылка шампанского, Пасху решили начать отмечать, а Задрыга уже в теме. Не переживай, дружбан, мы тебя им не отдадим.

— Будто стрельнул кто? — напрягся Зильбер, и теперь уже все услышали несколько сухих отчетливых хлопков.

— Пацаны балуются, — отмахнулся Гришка, — я тож любил из трубки постреливать. Гайками, болтами. Мы возле железки жили, там того добра хватало.

— Я в пупырьках, как огурчик, — признался Задрыгин, — думал, мне за мои грехи прилетело. Попал как кур в ошип.

— Кур — это муж курицы, — рассказывал Зосе Серьга, — попал как кур в ошип — что значит? Да жена вцепилась в мужа, когда он получку пропил.

— А это что? Тоже стреляют? — прислушался Золотов, удержав в себе бухающий кашель. — Вроде звук другой.

Да, теперь нас связывало что-то хриплое, гортанное, крик будто рвался из груди. Мы озирались, словно за нами могли погнаться мертвые бойцы автобусного завода и высказать претензии поколению, просравшему страну, которую они отвоевали. Но мне было только три года, когда ужасающий вопль поглотил государство. Больно, когда тебе три, а уже сбивают с ног.

— Торжественно заявляю, наш воцап сегодня сошел с ума, — кивнул на измочаленное ураганом дерево Завтраков. В уродливом тополе пряталась ворона, она показывала из обломков сучьев настороженный черный глаз.

— Старая гаргуля, — улыбнулся Загитов, растрепал Зосины кое-как приглаженные вихры, — охраняет вход в кладовые с драгоценностями. Там за тополяками будет пещера. Ее индейцы давным-давно выкопали. Попробуем найти?

— Что каркаешь? — чесал тополяки взглядом Зильбер. — Ща камнью бы.

— Да я бы сам тебя потом за нее, — сжал кулаки Завтраков, — только с воронами готов воевать?

— Вот и пришли, — тормознул Зюзин, — все тут хожено-перехожено. Дальше до рога на завод, а он давно загнулся.

— Вы шли по главной дороге, что понятно и разумно, — Звонарев сделал движение пальцами, — но неправильно. Сейчас мы пройдем наискосок, позади вон тех гаражей. Вам кажется, что между ними и стеной ипподрома козявка не проскользнет, но вы, как всегда, ошибаетесь.

— Я ничего не вижу, — если честно, я и сам ничего не мог разглядеть, куда уж Зюзину с его глазами, изъеденными цифрами.

— Прохоров бы здесь не протиснулся. А ведь просился, жиробас, застрял бы, — примерял на себя дырку Серьга.

— А если бы последним застрял, как бы мы обратно прошли? — Зильбер до сих пор не верил в нашу спецоперацию, он постоянно оборачивался, хмыкал, видимо, запоминал дорогу обратно.

— Если все одновременно захотим пройти, то точно застрянем, — рассудительно пробасил Зюзин.

— Надо пустить пацана, — надвинулся на Зосю Зильбер. — Посмотрит, может, там никакого прохода и нету, а мы поперемся.

— Мне... идти? — он смотрел на черную дыру, а она уже точила его изнутри. Зося, ну, не бойся. Солнце стареет, слепнет, вдруг на лету да и свалится. Тогда нас накроет эта черная дыра, эта оказавшаяся пустой сокровищница.

— Ты этого в памперсах не слушай, — вмешался Забойский, хохоток его дернулся и упал под ноги, — я пойду, а если там чудище живет, то пусть само сваливает по-быстрому.

— Может, кто палку видит? — Зильбер на самом деле готов был к тому, что из дыры выпрыгнет огромное чудище, и норовил побить рекорд прыжков в высоту.

— У меня есть чего покруче, — ухмыльнулся Серега, тонкое лезвие ножовки показалось из рукава.

— А что? — заинтересовался Завтраков. Только бы ближе друг к дружке. Все равно не получится, все равно сейчас взрыв, и нас раскидает во все стороны. Потом и память пропадет, мы до следующего утра позабудем обо всех, оглохшие, с одинаковыми выражениями лица, поедем в переполненных темных маршрутках, где выбитые окна наспех схвачены пластиком, а то и фанеркой.

— Ушел вахтер бухать и дверь запер. Оно и понятно, кто к нам ночью припрется? А мы его не потревожим, лезвичкой крючок откинем, ключик аккуратно возьмем да и в каптерке спрячемся.

Я узнавал в наших тенях тех, кто работал здесь десять, двадцать лет назад. Мне не хотелось возвращаться к дыре, и я шагал по темным холодным корпусам. Библиотека, бухгалтерия, Салтанов кабинет... Не тонкая ли полоска света прорезалась из темноты? Это щель, которая всех нас сейчас проглотит.

— С кем-то из чудовищ нам придется вместе шагать, — вздохнул я, понимая, что бухгалтерия заперта и даже опечатана.

— А кого-то и любить, — согласилась Рита, и мне хотелось схватить ее, утащить далеко-далеко, но куда было, не в свою же тесную комнатку в общежитии.

— Ф-у-у, — высунулся из дыры Гришка, — ававка проход охраняет. Но, Зоська, ты не бойся, иди смело, она не укусит.

Если честно, мне не шибко хотелось лезть туда первым. Потом, когда пройдут наши штурмовики. Еще потом, когда неудачники оборвут лепестки и поймут, что их любят вчерашние дети.

— Жужужучка, — подмигнул Зосе Гришка, — она вряд ли кого укусила, даже если бы захотела.

Жу-жу-жу — опять что-то пролетело, низко с хриплым карканьем, нет, не укрыться. Она уже начала подвигивать. Беспородная, одичалая псина. Как и мы все, зажатая в узком коридоре, где раздавлен тонкий луч света. Никого нет. Все умерли.

— Встань, встань, побежали, — нагнулся к трупiku Зося, — тут с нами Звонарь, он знает короткий ход!

Мы стояли вокруг него в тесном проходе и не знали, что делать. Может быть, мы раздавлены и мертвы, и я больше всех мертв, но Зоська-то жив, его и привезли сюда, вырвав из лап смерти, не для того, чтоб он сейчас склонился над ней в ожидании чуда.

— Она, она... пойдет за нами, — нашелся Загирбеков, — ей жарко, она полежит немножко, потом быстро нагонит нас.

— Конечно, нагонит, — поспешил легонько подтолкнуть парня в спину Заппа, — она знаешь, какая быстрая? Если б наш Золотов такой был, мы давно б на цирке сладкую вату жрали да картинки смотрели со львами.

— Действительно, что мы не идем? — и мы не шли, понимая, что обратной дороги уже не будет.

— Ненавижу заборы с колючей проволокой, — озирался Серьга, взгляд рвался к освободившимся, в кровь расцарапавшим бока облакам, — кто ее придумал?

— Дда ммы приддумали, — забор сжимал нас, не давал развернуться даже разговора. Колючая проволока, чтобы лошади не перелетели к нам, говорят, некоторые из них умеют летать. Кашель Золотова будто прыгал на этой проволоке, то и дело наш разнораб сплевывал густую, вязкую кровь, словно оставлял опознавательные знаки тем, кто пойдет за нами.

— Ну-ка дай, — решил Гришка, выдернув книжку из цепких рук Загитова, — фи-гассе, он даже в пути читает! Смотри, о забор стукнешься, мы тебя отскребать не будем, так и оставим!

Последние слова он произнес, уже пропав из нашего взгляда, ухнув в дыру. Мы потоптались, выматерили предателя Звенигу и, конечно, хором заторопились, задвигались. Как не застряла наша биомасса в узкой щели, мне непонятно. Но впереди была такая же дорога, пыльная, неровная, покрытая сухими, потрескивающими под ногами листьями.

— Стоило в эту жопу лезть, если здесь то же самое? — ворчал Зильбер, но его никто не слушал, все спешили.

— Зулейха — единственная козырная баба в нашем спецотряде, — полистал книжку Забойский, — люблю восточных женщин, что, все при ней?

— Там не об этом, — смущенно пробормотал Загитов, — там... долго объяснять.

— Эх, не мое это, — словно извиняясь, вернул книжку Забойский, — дед еще говорил, неча читать, надо больше гулять. Может, кино снимут, тогда оценку.

— Актриса понравилась молоденькая, — что-то выискивал в смартфоне Серьга, — черт, связи тут, что ли, нет.

— Как звать? — заинтересовался Гришка.

— Не знаю, — отмахнулся Загатов, — я их не запоминаю, чтобы потом не расстраиваться. Но есть за что подержаться, точно. Грымзе, нашей общей боевой подруге, у нее стоило бы поучиться.

— Не подруга, поднога, — закатил глаза Серьга, — и вряд ли дочь, и точно не сестра. Она еще бегать за мной будет, на коньяк спорю!

На этот раз спорить никто не стал, даже Золотов. Все знали, что к тому времени, когда Загатов уломает Грымзу, запасы иностранного пойла точно иссякнут.

— Никто об нас не поплачет, — слышав очередные выстрелы, протянул Золотов, — никто вдруг не взвояет протяжно так, себя не жалея. И мы ничегошеньки не почувствуем, нам некого здесь оставлять. Разве что Зюзя портфель прижалет. С ним на небеса не возьмут!

— Я, вообще-то, женат, — отстранился от нас Зюзин, — сами разбирайтесь со своими личными проблемами.

— Ага, а сам живет с Лимановой из отдела рекламы, — подмигнул мне Гришка, — мужичок нашелся! Заливай нам о бабах!

— Разваливаюсь, — пожаловался Холодец, подхватывая вздохи, словно свои составные части, — какие уж бабы, дойти бы.

— И что тебя теперь не соберешь? — напрягся Золотов. Он не хотел, чтоб из-за нытья отдельных контуженных элементов вся наша команда сбавила ход.

— Тайский массаж помогает немного, — вздыхал Заливайко, — но больно очень, мне на первом сеансе кричать хотелось. Вот теперь думаю, идти снова или нет.

— А мастерица эта провела бы душещипательный разговор, — предложил Серьга, — где надо бы погладила, а где и поцеловала. Больной народ — он что? Его жалеть надо.

— Тайка по-русски не понимает, — объяснил Холодец. — Только два слова — больно и хорошо. Все внутри у меня потрескивает, кажется, ее пальчики в мои позвонки вросли, а она слова бросает, а ответа не ждет, все равно ведь, думает, не поймет.

Мы снова смолкли, исчерпав все сплетни о былых возлюбленных, выгорев на закате, как бесхозный дом. После работы сил не было даже рассказывать о своих амурных похождениях, а не то чтобы их совершать.

— Эх, счастливцев у нас Задрыга! — притворно радовался Зильбер, будто забыл, что сам на работе без году неделя. — Взять бы неделю за свой счет, так баба какая-то звонит и говорит: ваш счет давным-давно заблокирован.

— Они еще и не то могут, — усмехнулся Забойский. — Звонят моей старушке. Мама, я попал в аварию! Та удивляется: что это у тебя, Гриша, голос не похож? Да это от страха, матушка. Тут полиция, ребенок пострадавший. Говорят, я виновен в аварии, нужно срочно заплатить родителям компенсацию и ментам, чтоб отмазали. К тебе кулер ша придет. Господи ты боже ж мой! Да я же дверь не открою! Замок тугой! Да уж постарайся, мам, а то мне уголовка тут светит. Хорошо, я решил в этот день навестить матушку, так у ей чуть сердечный приступ не случился!

— Может, повторим? — робко предложил Задрыгин. — За маму-то — это святое! Я знаю, Гриш, у тебя есть.

— Он тихо тут, втайне от коллектива замышляет уединение с природой, — Серьга и сам готов был вырваться хотя б на чахлый пруд, но, скованный заборами ипподрома и автобусного завода, мог лишь лениво перебирать ногами.

— Где твоя рыбалка? — протянул фляжку Забойский.

— Завтра, на озере Ик, — хлебнул коньячку Задрыга, — мне по-хорошему-то езжать надо, а я с вами товарищески путь держу.

— Ик-ик, не урони смотри, — точно скопировал Гриша, отнимая фляжку. — Нет, нельзя его одного отпускать, а то путь уронит и моральные, так скажем, нормы. Нужен куратор, так сказать, от производства, чтоб вовремя отвел руку с чаркой, вел среди него разъяснительную работу о вреде пьянства.

— Лечь хочу, — навалился на Забойского Задрыгин, пытаюсь отнять фляжку, — перрекур!

— Ты тут при дамах, — кивнул на Зулейху Гришка, — из рота ж текет!

— Я это сделал недостойно, — икнул Задрыгин, с трудом, но выпрямился, — готов принести извинения мировой общественности.

— Я считаю, дамы нас поймут и простят, — снисходительно крикнул Забойский, — хлебнул горячки поц, вот и порет.

— Ты готова его простить?

— Он же ничего мне не сделал.

— Знаешь, сам себе даже этого не говорил. Я обнаруживаю в каждом какую-нибудь черту своего характера.

— Здесь во все стороны так далеко до остановок? Мне кажется, я быстрее бы пешком домой дошла.

— Иногда сил нету с работы до остановки дойти, — оправдывался Задрыга, хоть никто его и не просил. — Вот, думаю, лягу, а травка, что казалась такой мягкой, косяными пальцами хватает.

— Этот мир еще не прогрелся, — Завтракова передернуло, будто ему предложили прикорнуть на холодной земле, — ты поосторожнее пока ночуй, хотя бы до Пасхи подожди. Тебя воскрешать некому.

— Погодка-то высший класс, — Гришка, наоборот, готов был прилечь, было б с кем, — такого вечера давно не было. Идешь, а в каждом твоим шаге весна чувствуется!

— И в такую погоду надо бомбить их города, — слыша глупые пацанские выстрелы, пробубнил Зюзин, — чтоб неповадно было.

— А что же мир во всем мире? — подтрунивал Серьга.

— Я за спецоперацию. Я считаю, неонацистов надо проучить, — Григорий Иванович внушительно трясся над миром, даже дистанцию соблюдал.

— Одесса, — сделал ударение на второй слог Золотов, — что, возьмем город нашей славы, братцы? Загирбеков наш поедет, сад там разобьет.

— Нам сейчас свой город бы не уронить, — Зильберштейн не понимал, где мы находимся, но слишком уж озираться было палевно, вдруг обвинят в недоверии коллективу.

— А я вот сразу, понимаешь, сразу...

— Ипподромная, двенадцать гэ, — прочитал он едва различимую надпись, — ну, что гэ — это точно.

Мы не замечаем, как выглядим, к концу рабочего дня мы как небо в морщинах. Разучились писать, читать, и то, что буквы еще можем складывать в слова, осталось нам из детства. Зося шагал неторопливо, часто оглядывался назад, глядел, не бежит ли за ним его псина, кричал: цуцик, цуцик, будто шуршали конфетные фантики под нашими ногами, будто мы целовались с Ритой под этой необъявленной войной.

Цуци-и-ик...

Мне взять бы в кулачок этот крик, выжать его, оставить скупое собачье тепло на ладони. Я лежал, избитый, у школьной ограды, мокрые листья копошились во рту лишними языками, вспоминали то ли прошлогодние клены, то ли каштаны. Хочу сказать, но боюсь, вдруг не тем языком. Сейчас я был рано повзрослевшим пацаном, которого один раз уже убили на войне, а теперь и тут не дают жить.

— В конце недели давайте в школу пойдем, — неловко, смущаясь, собрал нас у забора Заппа, надеясь, что Зося его не слышит.

— Опять, — выдохнул Завтраков, — они там на лучшее погоняло, что ли, конкурс устроили.

— Салоед, ага, — голодный Заппа горько улыбнулся, — он этого сала ни разу в жизни не пробовал. Один там у них в классе говорил: я казак, я тебе сейчас Запорожскую Сечь устрою.

— Они в таком возрасте еще не знают, что за хрень была эта Сечь, — пожевал губы Загитов. — Конечно, родители подучили.

— Тут обыкновенная зависть. Понаехали, им все и помощь, и внимание, а нашему Ванечке что? Чем он хуже? — объяснил Заппа. — И учителя не защищают, им все равно. Зося говорит, не хочу выходить из класса, они криком его выгоняют. Не положено.

— Ты знаешь, какая зарплата у этих училок? Они строго выполняют правила, иначе не будет премии, — Завтраков недавно писал острую статью о школьных порядках и побывал в десяти школах, обходя бдительных бабушек на вахте, — звонок прогремел — гони всех хоть в коридор, хоть на войну.

— Карр! — гаргуля торчала над очередной кучей. Я думал, это очередная свалка. Но Загитов первым понял, в чем дело.

— Добрались до библиотеки автобусного завода, козлы, — Зулейха подрагивала в руке, — они же все сожгут, уже приготовились, сволочи!

Книги были аккуратно сложены в кучу. На них напозли сломанные ветки от недавнего урагана.

— Вы идите, я за вами, — я видел, как горели глаза Загитова, его теперь и до ночи не оттащить от кучи. Будет по одной-по две перетаскивать на работу, завтра весь предбанник окажется забитым книгами. Он упал на кучу, пытаясь оттянуть ее от сочащейся от забора лужи.

— А если мы проиграем, кто будет оплачивать Звениге бутылку? — возмущался Зюзин. — Соскочил, может сказать, меня с нами не было.

— Мы выиграем, — уверенно провозгласил Золотов. — А тот, кто не верит, может валить. Я сам куплю эту бутылку.

— Я ни во что не играю, — обиженно отвернулся бухгалтер, — хотел предупредить, чтоб потом претензий не было.

— Зюзя-то! — тыкал в бок Гришке Серьга.

— Запасные варианты ищет, — пожал плечами тот.

— Садредтинову же лижет, — подмигнул нам Серьга, — уже язычок присыпал подхалимажем?

— Я считаю, что Рева Сафарович — грамотный специалист, — поспешно оттаранил Зюзин, — что у него всем нам хорошо бы поучиться.

— Грамотный-то грамотный, да, похоже, шибко грамотный, — буркнул Завтраков. Он шагал с лицом осужденного на смерть. И не боялся он проиграть, но слишком много расплодилось в стране зюзиных-зильберов, которые вроде как шагали с ним рядом, но были его врагами. Всегда в статьях Завтракова враг был пустопорожним общим местом — понятно, чиновники, понятно, снабженцы, понятно, проворовавшиеся депутаты. Но он ни разу не пил с ними кофеек, не сидел за столом в прокисшей каптерке и уж точно не пошел бы вместе к какой-то мистической цели.

— Помните, у нас пару месяцев кофейный аппарат в предбаннике стоял? Даже название было такое душевное — от матушки, — вздыхал проголодавшийся Холодец, — так я ни разу там кофе не выпил.

— И правильно, — не оборачиваясь, проглотил горькую слюну Завтраков, — дрянной там был кофе. Моя матушка лучше варит.

— А если есть будет нечего? — Зося глядел на последнюю смятую холодцовскую конфету, но не ел, берег для своего цуцика.

— У Загирбека тут огородик, как-нибудь проживем, — успокаивал Заппа, вспоминая, как бабки не дали ему посадить цветы возле общаги. *Без согласования с советом дома и управляющей компанией...*

— Я тебе ткакой ггарбуз выращу, — обещал Валихан, — нне обхвattiшь. Вдвоём с Заппой не унесете.

Гришка и Серьга спорили об Арине, шефовой пассии, и пришли к выводу, что ее вообще не существует. Точнее, есть какая-то жирная, страшная баба, которую, вполне возможно, тоже зовут Ариной, но это совсем не то, о чем можно мечтать по вечерам, когда работать уже несолидно, спать скучно, а денег на выпивку нет.

— *Рита, что тебя ждет?* — решил я. — *Быть на подхвате у старых импотентов бухгалтеров?*

— *Думаешь: а вдруг, — сухой лист прятался в ее волосах, — а вдруг, а вдруга нету, и ничего нету.*

— Ты же разумный, скажи, — пристал Зюзин к Звонарю, — а зачем мы ищем этот проход?

— Чтоб пройти было короче, — пожал плечами тот.

— Мы ведь все равно будем ходить в обход. Там и магазины, и дорога посуше, — угодил ботинком в лужу Зюзин, — может, хватит баловаться?

— Понимаешь, что происходит? — нагнал нас Гришка. — Тебя покупают. Хотя, чтоб за бутылку ты сам в себя верить перестал.

— Нас словно из одной зоны на другую перегоняют, — озибался Серьга, взгляд его то и дело натывался на колючую проволоку, белки глаз давно были окровене-

ны, казалось, красные густые капли сейчас польются на дорогу, — чтоб я еще здесь, хотя бы раз...

— Откуда здесь грязь? Все кругом пересохло давно, — удивлялся Задрыгин.

— В том числе и у тебя во рту, — Загатову хватило сил улыбнуться, кривая гримаса рассклала небо. Прошелестел вертолет, противно жуя бумагу облаков, пытаюсь поскорей скрыться за ними. Видно, ему все же страшно. Упадет, не выковыряешь из грязи — это вам не желтая подводная лодка.

Слишком много стали стрелять из трубок. Наверное, все пацаны с Зоськиной школы пошли воевать.

— *Бегите, сестрички!*

Мы готовы были сорваться и побежать. Только бы она не закричала, лучше быть отброшенным на колючую проволоку взрывной волной. *Ты затащил меня сюда...*

Только потому, что хотелось дольше побыть с тобой. Мне пофиг на Звонаря, на короткую дорогу, если надо, я готов идти любым путем. Ты не представляешь, как они достали на работе. Но в каждом из них я, даже в Зюзе. Я хотел, чтоб ты узнала меня лучше.

Слова уже были наготове, но мы не побежали. Я задохнулся от несказанных слов и кашлял долго, пока Рита не постучала мне по спине. Такие, как она, ничего и никому не прощают.

— А если они сюда придут? — Зося теребил Заппу за рукав.

— Мы, мы... с тобой за границу свалим, будем конфеты нямкать, а запивать кофе с какавой.

— Пока еще можно, сейчас валите, — расхохотался Гришка, но смех его напоминал воронье карканье. Потому что мы остановились, словно пассажиры, когда трап уже подан, а стюардессы даже не почесались начать проверять билеты.

— Так, чего встали? Звонарь, че репу чешешь? — Серьга готов был сам всех повести, но впереди дорога разделялась на три. — Опоздаем, ты вискарь будешь покупать?

— Погодите, сей секунд, — казалось, Звонарев на мгновение уснул, — черт знает что. Лукавый, что ли, путает.

— Вот тебе и ввитузья на рраспуттье. Тты тточно не ппомнишь?

— Вроде туда, — почесал затылок Звонарев, — здесь тогда машина стояла, тех проходов и видно не было.

— Но сейчас-то мы их видим, — пробурчал Завтраков, — машина каким боком стояла?

— Это автобусный забор, а вон там должен начаться телик, — растопырил руки Звонарев.

— Но он там не начинается! — Зильбер визжал, словно уже был раздавлен заборами и гаражами.

— Там забор, русскими буквами забор, — Загатов готов был набрать это слово на клавиатуре, пальцы его что-то перебирали в воздухе.

— Он все равно найдет там кучу ошибок, — отмахнулся Гришка, — не ссы, Звонарь, вспоминай.

— Выходишь вечером, все машины на своих местах и желтая подводная лодка в порядке, а воздух такой легкий, будто перышко держит, а не весь прожитый день, — Звонарев ничего и не пытался вспомнить, словно решил вдруг не открывать для нас двери в неведомое, — хорошо так, что думаешь — есть!

— Что есть? — Зюзин готов был вцепиться в Звонаря, вытрясти из него верную дорогу.

— Проход, — улыбка праведника показалась на его лице.

— Ты что, издеваешься, вы... издеваетесь все.

Расталкивая нас, он двинулся назад. Наткнулся на виноватый Зоськин взгляд и сломался, завопил, слюна выкатывалась из его рта, точно копейки.

— Вы все втянули меня в это, умственно отсталые. Демоны, Звонарик, демоны на тебя насаждают, лечиться надо. Ну ничего, я сообщу, кому надо. Врачи пропишут вам галоперидолу.

Нам нечего было ему сказать. Как объяснить человеку, что он мертв? Как объяснить, что мы не стали родными для него?

— Поперлись, дурни, думали, ваши имена на географических картах останутся? Связался с вами.

Зюзин побежал нараскоряку, будто в него собирались стрелять. Вроде оступился, дернулся, повалился на землю, осторожней, куда теперь тебе спешить. Ты выиграл, парень. Гейм овер приходит даже после победы.

— Нарушил правила игры, — вздохнул Зильбер, он бы тоже был не прочь свалить, но удачное время упустил. Золотов сразу двинул к ближайшей дыре. Мы ждали, что он подорвется на тупике, но ему всегда везло — этому рыжему ублюдку. Проход вывел к заброшенной башне. Водонапорка, что ли? Хотелось залезть туда с Ритой, подняться по ломким скрипучим доскам на самый верх. Смотри, смотри, какая маленькая отсюда наша война.

— Сторожевая башня, — кивнул Зосе Гришка, — когда я был маленьким, бабке такой журнал приносили.

Загитов сказал бы, что там томится принцесса. Но он молчал, неприметный книжный замухрышка, которого никто из нас до сегодняшнего дня не воспринимал всерьез, и многих уже не было, с кем мы отправились в путь. Кто-то больше всех кричал про новую дорогу, но уже с крыльца направился по старому проверенному пути, кто-то отсекся по дороге, оставшись у памятника или повернув по ошибке к воротам бывшего автобусного завода.

— Игра в кальмара у нас отечественного розлива, — оглядывал наш редющий мир Серьга, — я их не запоминал на рожу, все узкоглазые.

— Я вижу церковь, — идущий впереди Задрыгин остановился, приложив ладонь ко лбу.

— Ты сколько выпил? — Серьга не видел ничего, кроме серых стен справа и слева. — Колокольный звон в ушах — не?

— Церковь, мой друг, у каждого своя, — мягко, даже ласково проговорил Холодец, — как вот на войне, где за сто верст не сыщешь.

— Твой Виталя, — хлопнул себя по башке Звонарев, — он же там. Какой проход, мы уже ничего друг о друге не помним.

— Я теперь часто забываю дома телефон, — хлопнул себя по карману Заливайко. — А когда он с собой, не включаю Интернет. Потому что тогда открываешь его страничку, а он живой. Ничего, сынок. Скоро встретимся.

— Зачем они рожают? Для кого? И на них война найдется, — звероватый Серьга Загатов вспоминал свою сто лет назад сбежавшую жену. — Ты думаешь, почему не хочу своего пацана этим с... отдавать. Если на бойню не пошлют, то точно посадят.

— Ничего, ккартошку садить будем, ккак-ниббудь проттянем, — Валихан Загирбеков, Большой Бык, готовый и в этом лабиринте дорог разбить сад и в эту грязь запихать пшеничное зерно, — ннам ннадо свернуть щщас.

— Почему? — даже не сбавил шаг Золотов. — Мы верно идем. Главная дорога там.

— Но ведь если ннаискосок, то надо ннаправо, — настойчиво прогнусавил Большой Бык, указывая на черное пятно между гаражом и забором, — мы идем ннеправильно. Скажи им, Звоннарь!

— Я устал лазить по дыркам, — никого слушать Золотов уже не хотел. — Если кому надо отлить, никого не держу. Но мы двинем по главной, а если кто будет возражать, пусть делает это шагая, не останавливаясь. Книжки, сопли, бухло, бабы остались там, поняли?

— Я пойду, — ничего не оставалось, как двинуть к дыре, — ведь если даже кто-то один придет раньше, мы все равно выиграем пари.

Я уже не считал, сколько себя оставил позади, какая часть нас вообще выходит из окружения. Может, это все, кто остался в живых на планете. Может, стараясь остаться с каждым отступившим, меня тут вообще не осталось.

— Ну что, до завтра?

Оглянулся и в последний раз увидел их всех. Заппа держал руку на худеньком Зосином плече. Усталые красные глаза Большого Быка цеплялись за уходящие солнечные лучи. Звоннарь задержался дольше всех — может, останешься? Решительно повернулся и скользнул в дыру. Если честно, я ждал выстрела в спину. Каждого измотала эта каждодневная война, если бы слышал виноватый, отчаянный хлопок, я бы понял.

— А ты бы смогла...

— Ты не можешь объяснить проще?

— Рит, вот чтобы... чтобы до смерти. Я буду любить тебя до конца времен. Но если времена... того?

— Придут другие.

Я шел и проглатывал те слова, которые ей никогда не скажу. Я хотел найти этот короткий путь к цирку, чтобы хоть посмеяться. Чтобы завтра было что написать ей в новом письме.

Где-то посреди мира ждет меня человек. Не Звениговский, ему ни в жизнь не дойти так быстро. Может, это пока неизвестный мне он или ты. Я иду к тебе, только не встречай меня с автоматом. По-моему, следующий поворот выведет меня к храму, а может, следующий за ним. Какая длинная у меня тень, по ней проезжают машины, сонные самокатчики ломают руки и ноги — эй, куда прешь, это все же живая тень! Так я каждый день возвращаюсь с работы. Каждый день — разными дорогами, потому не удивляйтесь, что иногда захожу в тупик. Я люблю эту жизнь за то, что она такая лупоглазая. И смотрит на меня из безвыходной ситуации детскими глазами. С ошибками мы умели писать разные буквы и радовались, что еще не разучились выводить каракули. Вон показался рабочий телика. На ночную смену. Желтая лживая наледь хрустит под ногами, как экран телевизора. Вы сейчас делаете квадрокоптеры и приборы ночного видения. Больше новостей не будет, дружище. Кивнул мне, будто старому знакомому, и поспешил в цех. А я там не работаю. Мне идти дальше.

* * *

О дожде... Но как можно короче:
Дождь идет, Петербург не щадя.
Дождь — во веки веков, дни и ночи,
Даже бабочки — цвета дождя...

Где я только себя не искала!
Исчезала, тебя не найдя...
Отражаемся в глади канала,
Вместе — бабочки цвета дождя...

СИРЕННОЕ

Весеннее чудо возможно:
Как белый цветок, распускается город для нас.
— А можно сорвать его? Нам это будет несложно.
— Нельзя: он огонь и отрада для множества глаз.

И пальцем не тронув, глядим на природу нагую:
Сирень утонченно прекрасна, мерцает вода...
Открытки-картинки меняем одну на другую:
Созвездье, береза, кувшинки на глади пруда.

Прогулки-минутки равны превращению в вечность.
Плывет, как китайский фонарик, по небу луна...
Влюбленно летим в петербургскую страстную млечность —
И нас укрывает и ласково прячет она.

Оксана Николаевна Соболев родилась во Пскове в 1988 году, с 2006 года живет в Санкт-Петербурге. Окончила Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, кандидат экономических наук. Преподаватель в университетах, организатор, редактор, корректор, составитель. Первое место в номинации «Пейзажная и любовная лирика» фестиваля «Муза Новоросси», финалист Международного фестиваля «Мгинские мосты», лауреат Большого городского поэтического фестиваля, награждена медалью «За заслуги в литературном процессе» международного фестиваля интересной поэзии «Собака Керуака», победитель в номинации «Видеопозия» Уфимского фестиваля «Мяуфест». Участница XXXIII Конференции молодых литераторов северо-запада, многих форумов и фестивалей, нескольких ЛИТО, многократно публиковалась в сборниках. С переводами стихотворений вошла в шорт-лист конкурса «Славянская лира». Автор песни «Любовь летит по городу» на диске «Дворы-колодцы».

ПРОГУЛОЧНОЕ

Вдохновлено «На берегах Невы» И. Одоевцевой

Пора-пора-пора затеплить образок —
Пока любовь светла, зажечь души лампадку.
Поэзия — игра? Где Гумилев и Блок?
Живые в сердце — здесь — тем фимиамом сладким...

Я с ними не одна — и больше не боюсь:
В своих руках всегда надежней и вернее.
В прогулках Петербург — стихами в нем продлюсь,
В русалочьих глазах — литературный веер

Событий, встреч — топ cher, воздушен шар земной —
Того гляди, взлетит: безбашенное время!
Я не одна давно и не вдвоем с тобой:
Взаимную любовь стихами не заменим...

* * *

Мы с тобою снова пели песни —
Может быть, мы с песнями воскреснем:
Наши убиенные жестоко
В сердце не одни — не одиноко

Им и нам. Но в небе с адресами
Помогли — не торопились сами.
Строчки собирали по кусочкам:
Ручки, ножки и слезинки-точки.

Там, где нам казалось, запятые...
Вот стоим мы, сильные — святые,
Ангелы нам с неба помогают
На военной переправе к раю...

Снова нам разорванное лето —
И опять всем сожалеть об этом.
Вновь молиться — что же остается?
Мир настанет, он взойдет, как солнце!

ЛЮБОВЬ ЛЕТИТ ПО ГОРОДУ...

Дворами потаенными, просторными проспектами
Любовь летит по городу вперегонки с рассветами:
Волшебная, чудесная... Земная, неземная —
И в ней мы называемся «родной мой» и «родная»...

Глазами и улыбками по судеб магистралям
К воздушным замкам движемся, где мир наш идеален...
Я Невским окрыленная с дыханием твоим...
Мы вместе воплощаемся, с Любовью мы творим!

Став чувствами — и книгами, картинами, стихами,
Мелодиями, танцами — раскрасим счастье сами...
Мы в вечности встречаемся, сердцами мы поем —
Что может быть волшебнее? Санкт-Петербург... вдвоем!

КОМАРОВО

Здесь вокруг — красота и кругом — благодать...
Вновь случился любимейший повод
Не сидеть дома летом — и зимушку ждать,
А поехать в мое Комарово!

Снова слушать стихи и стихи прочитать
Под шатром у ахматовской «будки».
Здесь мои приключения не сосчитать:
Все они как цветки незабудки...

Расцвели, незабвенные — столько любви
На заливе среди елей и сосен!
Ты ее, как закатное солнце, лови
В море лета, летящего в осень...

КСАН-ПЕТЕРБУРГ

Ксан-Петербург, тебе я буду сниться...
Я Пять углов пройду диагонально —
Лечу, но ангел ли? Волшебной птицей
Санкт-Петербург мелькает в нас зеркально.

Наш город — место силы с нами вместе,
Поет мне о любви, жених — невесте,
Стихами в небе на Пяти углах!
Мы здесь сейчас живые... После — в снах.

ЕГР

Федеральный роман

Тебе, Елена

1.

«Условный противник» военных учений обернулся безусловным врагом, предстартовые вибрации пробегали по телу департамента дрожью туго натянутого тента на ветру.

Угасавшая готовность ветерана еще улавливала повышение тонуса ведомства, но позавчерашний приказ выводил полковника Льва Кимовича Гарина за скобки общего вольтажа, оставляя наедине с заданием почти комическим. Охранять футболиста, пусть даже лучшего легионера в Испании? Уберегать от провокаций, попыток вербовки, оболещений форварда Егора Камова? Это казалось почетной ссылкой, предоставкой. Недавно как раз ввели официальную ступень: предпенсионер.

Перебирание вороха информации по Егору, собираемой уже полгода, а сейчас сваленной ему в кабинет, неотвязно совмещалось в голове ветерана-спецслужбиста с перепросмотром досье на себя самого. Обе предыдущих его операции: успех, претензий ноль. Может, смерть жены (месяц прошел) выбила Гарина из колеи слишком заметным образом? Снижение тонуса, кем-то уловленные ноты равнодушия, коридорные веяния перегара стали причиной перенацеливания на столь жалкую задачу? Или виной результаты тестирования на новом детекторе «Лаокоон-880»? Уже неделю не дают вразумительного ответа, конденсируя на мозговых извилинах Гарина капли тревоги.

Итак, «объект» — не из будущих вождей переворотов, авторов завтрашних сенсаций. Всего лишь футболист, пусть и с лицом древнегреческого бога. Или не «пусть»? Оказалось, внешность Егора, дерзко талантливого, но не утвердившегося в основе мадридского «Реала», наплодила дюжину фан-клубов, будоражит толпы евробездельников, перепорхнув с обложек спортивных журналов в солидные СМИ.

Два дня Гарин просматривал видео Егоровых интервью, даже нарезку матчей (всегда предпочитал хоккей). Проглотив с полведра казахского чая (заварку щедро бросить в молоко и следить, чтоб не сбежало), вчитывался в самые дурацкие статьи и, кажется, выловил в пестром ворохе что-то более-менее, тему возможной работы.

— Шайка-лейка лондонской стервы Анны Блум? — подхватил генерал Бекасов. — Верно, Кимыч. Я дошел до этого за пару месяцев, а ты... Мастерство не...

Гарин, делая скидку на дружеский подсластитель, настроил взгляд на весеннюю драку воробьев на ближайшей к директорскому окну березе. Принимал установки на ближайший год (вероятно) работы:

Игорь Николаевич Шумейко родился в 1957 году. Писатель, поэт, сценарист, лауреат нескольких премий, в том числе петербургских: «Александр Невский» (2012) и «Лучшая публикация журнала „Нева“» (2013). Роман «Вещество веры» («Нева», 2013, № 9), финалист премии «Независимой газеты» — «Нонконформизм-2014». Живет в Москве.

— Для них русский с эдакой внешностью — наверняка не русский. Неказистая славно-татарская орда курносых, скуластых варваров не могла произвести бельведерского Аполлона, скульптурного Ахиллеса, м-м... эталонного Антиноя. А глянуть им на Ланового, Тихонова, Ливанова? Не, не знаем таких! И что в семью Камовых пятилетний Егор был взят из иркутского детдома, для англичанки — улика стопроцентная: сын неких греческих иммигрантов. Хотя таких юношей ныне и в самой Греции не найти. Светско-расистскую болтовню подкрепляет и научно: беседу с профессором Хаулином в «Гардиан» успел прочитать?

— Там выдержки, примерно тридцать пять процентов, Пал Иванович. Полностью в журнале «Антрополоджи монитер».

— Д-да? Мои пропустили. И что в невошедшем?

— Профессор опроверг миф о полностью отуреченной Греции. Его экспедиции подтверждают: в глубинках Пелопоннеса древнеэллинский тип отчасти сохранился. Но признал: такого строгого соответствия античным канонам, как у «условно русского», не встречал и там. Далее страница чистой математики, геометрии: линии лба и носа — одна прямая, расстояние между внутренними уголками глаз равно размеру глаза, форма подбородка, прямой лицевой угол. Но внешность — не все, даже если снарядит профессор Хаулин еще пять экспедиций и найдет прямо у горы Олимп копию «русского Аполлона». В калькуляциях Блум подшиты и физические кондиции Егора. У футболистов — самые детальные медосмотры: перед началом сезона, переходом в другой клуб, перезаключением контракта... Все замеряют: объем легких, скорость реакции, состояние сосудов, сердца, крови, активность нейронов мозга. Мышцы, сухожилия (чьи обрывы грозят миллионными потерями) предъявляют акционерам футбольных клубов, словно цеха покупаемого химзавода. Семь лет физические параметры Камова — лучшие в Европе и не снижаются. Тут один аналог: Криштиану Роналду.

Директор департамента генерал Павел Иванович Бекасов проследил взгляд полковника, тоже задержался на взъерошенных воробьях, все никак не решавшихся на полноценный воздушный бой. Чуть подскакивая, они возвращались к препирательству на ветке немого кино: вероятный их крик-чирик оставался за пуленепробиваемым стеклом директорского окна.

Гарин свернул антропологию: «Я, Пал Ваньч, недооценивал важность Камова, но теперь вижу: сочетание футбольных его успехов с разливанной истерией, расистскими мечтами англичанок разворачивает нас к актуальному противостоянию».

— Вот имянно. Имянно! Кружок, прям-таки секта Анны Блум, не такой массовый, как фан-клуб Камова в Испании. Но ее сайт формирует... словно партию, с программой. Не просто объяснения в любви златокудрому Аполлону и всякие конкурсы «Что б я отдала за ночь с ним» и прочая сублимация. Для испанцев Егор — просто игрок, претендент в лучшие бомбардиры сезона. Ну и красавчик. А Блум тянет линию, что английская элита слишком разбавилась всякими недочеловеками, потому политический кризис, крах и Брексит. Но гены нашего Егорушки помогут: кровь, точнее, другие капли. Евгеника, извиняюсь за выражение. Породоулучшение, как на скотоферме. И кроме сего фашизма: мистика, оккультщина. Лепят из него древнегреческого бога.

— Профессор Хаулин и подкрепил ее расистские теории гаплогруппами.

— Чем-чем?

— Гаплотипы — гены, варианты хромосом. Это теория, а практически важно: локусы игрек-хромосом наследуются совместно, сцепленно.

— Хха, Кимыч, пояснил. Практически! За локусы — спасибо тебе.

— Дай до выводов дойти. Коль признаки наследуются сцепленно, то и внешние проявления дают... высокую кучность. — Оба усмехнулись простецкому, наконец, термину,

прямо со стрельбища. — То есть греки сотворили нам все науки, цивилизацию и гены их гениальные видны, так сказать, в экстерьере. Несет товарищ у себя на носу греческий профиль, значит, выше вероятность, что и в мозгах — потенциал Евклида, Архимеда, Платона... Хромосомы.

— А у них из-за варварских примесей хромосомы захромали?

— И уродцев своих тыщу лет со скалы не бросали, наоборот: якшались с ними.

— Значит, секта лондонских порченных клеопатр, метисных мессалин желает поразвлечься с нашим Егорушкой и породу улучшить? Но ладно б, в жеребцы-производители, так его прямо в олимпийские боги тянут. Аполлон-два! На измену Родине подбивают, как раньше балерунов, хоккеистов? Но смены гражданства всегда готовят втихую. А тут истерика занебесная: ты или греческий бог, или хотя бы просто древний грек. Присмотрись к этой Анне. «Писательница, поэтесса», а в секте ее как на подбор: жена адмирала Нэстингса, маркизы Пэмбру, сестры Хэрифор, одна из которых, сейчас уточняют, вышла за Энтони Бэнкса, да-да, того самого. Все интересно, но нам еще надо сохранить стране парня. Чемпионат мира в России-2018 никто не отменял, не отменит уже. Камов — наш главный бриллиант. Упреждать его попадания в ловушки вроде Мэдленса у тех маркизов. Будут и поопасней. Генерала Дымова помнишь формулу? «Все нити всего тянутся в Англию. Даже в самом удачном раскрытии, если связи с Англией нет, значит — недораскрытие».

— Помню и на другой лад: «Насколько далеко от Англии вы закрыли дело — настолько, значит, и недоработали».

Но как же все сдвинулось! (Синхронные мысли-вздохи.) Лет десять назад никто не мог бы и представить такое направление работы. Даже генерал Дымов с развитым чутьем на английские угрозы отправил бы доложившего ему о «медовой ловушке Мэдленса» к ведомственным психиатрам. А сегодня этот скандал наполнил газеты вплоть до «Таймса», стал политическим пунктом, два раза упоминался в палате общин.

Несколько похотливых ведьм, носительниц влиятельных фамилий Британии, заманили в замок Мэдлэнс всю команду «Атлетик», Бильбао. Ради Егора Камова, ради его (цирковая барабанная дробь) спер... «биологического материала». Интрига оказалась фантастической, закрученной столь ювелирно и сорвавшейся столь смехотворно, что треть обозревателей вообще посчитали все рекламной выдумкой. Но чьей? Хозяина поместья Мэдлэнс-эстейт, одиннадцатого маркиза Пэмбру трудно совместить с желанием скандальной славы. Пиар-резонанс владельцу обширных земель, пакетов акций, седалища в палате лордов не нужен абсолютно. Скороспелые журналистские расследования, тасующие Список «Форбс» и «Готский альманах» (справочник по аристократическим фамилиям Европы), оправдывая секту мультимиллионерш, из аристократок оставляли под подозрением лишь Анну Блум.

Итак. В Ливерпуле «Атлетик» из баскского города Бильбао вырвал ничью один-один у «Эвертона» благодаря голу на восемьдесят седьмой минуте Егора Камова, просто подозрительно резвого и свежего для концовки столь тяжелого еврокубкового матча. Сразу после игры и пресс-конференции команда вместе с главным тренером Эрнесто Вальверде и парой чиновников из мэрии Бильбао отправилась не в аэропорт, а на праздник в замок Мэдлэнс.

Версия естественна и прочна. Как известно, футбол в Испанию пришел в конце XIX века через Страну Басков, Басконию. Работавшие там английские металлурги создали первые клубы постепенно «подсадив» всю Испанию. До гражданской войны баски — чемпионы, да и в 1940-х составляли костяк сборной. Еще дольше держалась политика *кантеры*: за «Атлетик» и соседний «Реал соседад» играют только баски,

можно — этнические, как Биксант Лизеразю из Франции. Отступления (редкие) от жесткой кантеры начались лишь в XXI веке. Интрига, в результате которой «Реал» Мадрид сдал Егора Камова в аренду «Атлетику», захватывающая, интересна, но все же не интереснее той, что привела его команду со штабом в английский «медовый плен».

Всем было сообщено: страстный футбольный болельщик маркиз Пэмбру (в действительности, как и многие аристократы, предпочитал крикет и регби) отметит столетие пришествия британского футбола в Басконию роскошным раутом. Якобы его предок, восьмой маркиз Пэмбру, был причастен к тому историческому, благодатному для всей Испании «вторжению». Приготовили для испанских гостей сувениры (согласно плановой «утечке информации»: часы «Ролекс»). Другие «утечки» обещали всем роскошный стол, элитные напитки, неженатым футболистам намекалось на отборный женский десант: англодворянки из секты Анны Блум. Музыкальное сопровождение вечера-ночи отдано самой Байонте с лучшей половиной ее гастрольной группы, что добавляло круглый нолик к стоимости заговора.

Виды на щедрые подарки, застолье, веселую оргию должны были гарантированно удержать команду до следующего полудня. Были и дополнительные уровни защиты: единственный автобус с подконтрольным шофером, удаленная от людных автотрасс незнакомая гостям местность и, наконец, закрытые ворота замка, вежливая охрана. Диспозиция как в агато-кривистском детективе: все заперты в «ночь убийства», фиксированный набор гостей со своими подводными мотивами преступления.

И «убийство» произошло. Погиб изощренный план по добыче хромосом Егора Камова. В час сорок три пополудни его еще видели в Розовой бальной зале танцующим под знаменитый и весьма намекающий хит «Лаки бой» («Счастливчик»), вместе с гостями подвывающим Байонте. Но то был последний момент, уже в час пятьдесят все одноклубники и тренер, тормошимые англичанками, лишь пожимали плечами.

Еще минут сорок, и обстановка в замке Мэдлэнс изменилась столь радикально, что это впоследствии изменило даже моральный климат в «Атлетике» и, возможно, поспособствовало уходу русского форварда из испанской «Ла Лиги». Команда понимала: Егр (утвердившееся еще в «Реале» сокращение имени отпечатанное на футболке) — форвард уникальных возможностей, полезен команде. Двенадцать мячей только в этом сезоне, едва перевалившем зимний экватор, плюс вчерашний гол «Эвертону» в Лиге Европы (Кубок УЕФА). Его гиперпопулярность у болельщиц Басконии, Испании, Европы пополняла трибуны, телеаудиторию и фан-клуб «Атлетика». Плюс невероятный роман, связь Егра с Сильвией Дортежу, якобы внучкой самого Пеле. При том в команде он особо не задавался, общался с кодрами в пределах своего испанского словарного запаса.

Внезапное его исчезновение «среди шумного бала, случайно» взбесило сектанток до полной потери великосветских и прочих приличий. Команде, тренеру дали понять: они тут — случайное приложение, «товар в нагрузку», как когда-то выражались на родине Егора. Раут был скомкан. Дошло до того, что утром их без завтрака погрузили в автобус, отправили в аэропорт, даже не вспомнив про неофициально обещанные подарки.

Потом — унижительный (хотя кому-то показался трогательным) момент на трассе. В пятнадцати милях от Мэдлэнса автобус с подавленными, невыспавшимися футболистами обогнал серебристый «бентли» маркиза. Не менее смущенный Леопольд Пэмбру поднялся в салон и, заглаживая кикс жены, после минутного английского шамканья приступил к раздаче обещанного. Унижительная/трогательная сцена была еще и весьма комична. В узком проходе секретарь тащился сзади с коробом. Маркиз протискива-

ясь по проходу, каждому одаряемому бормотал «Сорри», благодарил за «фэнтэстик» вечер, потом, не оглядываясь, отводил руку назад, нащупывал коробочки «Ролексов» и вручал.

Он был похож на кондуктора, «обилечивающего пассажиров», но оценить сей комизм... — это надо было хорошенько поездить в старых русских автобусах.

2.

Встреча в Бильбао команды с беглым форвардом была взаимно тяжела. Тем более неприятна, что формально упрекнуть Камова было не в чем. Наоборот, это его скандальная популярность обеспечила им полтусовки, полконцерта Байонты и подарок маркиза (это: без уполовинивания). Но сознавать свою нагрузочность весьма противно. Игроки «Атлетика» отчасти справедливо считали: играя на русского Егру, освобождая его от черной работы, они немало поспособствовали его голам и славе. И неблестящий сезон Камова в мадридском «Реале», закончившийся арендой в Бильбао, подтверждал: дело в команде.

Наконец, ведь и сам король футбола Пеле Непогрешимый — навестив внучку, понянчив новорожденную малютку, весьма сурово прошелся по русскому кандидату во внучатые «зятки».

Многие считали: Сильвия, пробиваясь в телеведущие лиссабонского «Канала семь», придумала себе знаменитое родство, тем более что Пеле не поддержал ее публично ни полусловом. Но всему свое время. Пришло время родиться Лурдес, дочке Сильвии и Егра, и кумир планеты, почтенный мультимиллионер де Насименто прилетел как миленький. Качал перед дюжиной телекамер правнучку — любовнее, чем кубок Жюля Рима, завоеванный на ЧМ в Мексике-1970. В его громадном клане Сильвия была хоть и незаконной, но самой младшенькой, и это не могло не сказаться. Теперь звание наимладшей переходило, словно Кубок мира, к малютке Лурдес, Король таял, но по ее русскому отцу высказался прямо и весьма пронизательно:

— Чисто футбольный талант Камова не так уж велик, основа — его уникальные физические данные. Скорость, прыгучесть, координация. Приводящая сила мышц обеспечивает, по компьютерным замерам, самый сильный удар в «Ла Лиге». Но при фантастических своих стартовых ускорениях поле Егр видит слабовато, партнеров, ритм игры не чувствует. Его высокая результативность основана на полузащите «Атлетика», нашедшей ключ: передачи в свободные зоны, куда «русская ракета» поспекает первым и подхватывает мячи уже на скорости. А красотой финтов он не сравнится, например, с Неймаром. (Подысканный Пеле пример — пристрастие бразильца.) Часто Егр, прокидывая мяч, просто оббегал защитников. Невероятно крепкие жилы и кости оберегают его от серьезных травм, пока. Сверхдивных, от Бога полученных физических кондиций у Камова — лишь техника и пластика работы с мячом. Но это, как известно, он приобрел в детских, юношеских, молодежных командах Бразилии, куда, на его счастье, еще мальчишкой приехал с родителями...

Журналисты вырвали и комментарий Камова на комментарий Пеле: «Да, согласен! Мое счастье, отправили родителей в Бразилию на работу в важные для меня годы. Дед прав: за футбольные достижения я должен благодарить Бога и Бразилию. А я на большее и не претендую». Ломаный испанский Егора, возможно, неудачный перевод и фамильярное «дед» отнюдь не добавило теплоты и взаимопонимания с великим почти родственником. Впрочем, их брак зарегистрирован не был, что становилось почти традицией в этой ветви клана Пеле. Сильвия была незаконной дочкой его самой младшенькой, бестолковой Журжетты, такой же становилась и малышка Лурдес.

Тягуче-тяжек стал моральный климат в униженной команде «Атлетик» Бильбао. Не легче было и на другой половине. Брошенные, обманутые в своих надеждах двенадцать дамочек гневно переглядывались. Кто-то же, какая-то... не только выдала их план, но еще и помогла Егре сбежать из запертого замка. Довезла до ближайшей автотрассы, а может, и до Лондона.

Уровень ненависти умножался на подозрения: ведь эта «кто-то», конечно, получила... предательски получила, сепаратно — то, на что они рассчитывали все. Не «одну двенадцатую долю биоматериала» — поимела все-все. Да еще наверняка... вместе с ласками благодарного Егры!

Самые распаленная, младшая из сестер Хэрифор, Нэнси (что особо интересовала службу Гарина), громогласно требовала общей клятвы: «Если эта предательская бич через девять месяцев родит и ребенок окажется от Аполлона-Егры, что, конечно, будет видно сразу, мы придушим или покараем иным способом эту с..., а ребенка заберем».

Еще вставал вопрос, как выражались на родине их кумира в годы, пришедшиеся на его детство (лихие «дев'я-нос-тые»: «Кто ответит за лавэ? Девять лимонов»). Сумма значительная даже для носительниц фамилий — закладок в журнале «Форбс», ближе к его началу.

Вспомнив недавнее прошлое (до культа Егры они служили антимессы в эдинбургской церкви сатаны), дамы прокололи левые мизинчики и по очереди, глядя на свои шепчущие губы в старинном зеркале, поставили слева двенадцать красных клякс. Двенадцать клятв, из которых, по крайней мере, одна была ложной.

Особый интерес гаринской службы и нараставший страх сектанток причиной имели одно и то же: Нэнси, урожденная графиня Хэрифор, недавно вышла замуж за Тони Бэнкса, могущественного, отчасти зловещего директора FA-6 (контрразведка), «Таймс» хоть и осторожно, но уже не раз намекала на «некоторые весьма странные случаи, в том числе две смерти, возможно связанные с оккультными практиками его молодой супруги»...

— Пал Иваныч. Но с вечеринки-ночевки в секте Егор сам собой сбежал. Без малейшего нашего содействия.

— Будут и похуже липучки-ловушки. Вчера наши интернет-помощники, — генерал хмыкнул, — раскупорили их переписку. Молодцы, конечно, но ясности нам не добавили. Я тебе переброшу этот роман в письмах. Похоже, они там из сатанисток. Вроде чушь всякая, «черные мессы», выворачивают одежду наизнанку, ходят и читают молитвы задом наперед. Игрушки. А все ж два трупа на них числятся, уже не кошачьих. Замять удалось, потому что жертвы оказались те еще садомазы. Увлёклись, так сказать... Но это они — до западания на Егора нашего. Теперь Блум и вправду верит и заразила других, что наш Егорушка — супермен или даже того-с... бог-с.

— Типа как сейчас индийский Саи... нет — Сатья, Сватья... баба Бабариха? Мэри Дэви Христос? Или наш бог Кузя в землянках со своими сектантками?

— Ты и разберись в этих катакомбах. Вряд ли он для всей секты — бог. Дамочки там подобрались болезные, бездетные или с не очень кондиционными детьми, забальзаковские по возрасту. А Егр — ответ на все женские проблемы, шанс заполучить ребенка, красивого, как та Лурдес. Но зачем они Егоровых родителей вычислили? Бедняги словно загодя от такой славы спрятались: дом построили в ярославской глуши, из всех адресных книг вычеркнулись — ан нет, нашли. Пока только пишут им, испытывают о Егоре, брате его детдомовском. Тут я пока не в курсе... Но начни, Лев, все-таки с вечеринки в маркизовом Мэдлэнсе, зацепись за девять миллионов.

— ?? — Брови полковника Гарина взлетели вопросительными знаками.

— Не стыкуются цель и запредельный бюджет тусовки. Допустим, «переспать со звездой», разобрать по пробиркам «биоматериал», может, и фотосессию компроматную спроворить, но... девять миллионов фунтов?

— Так пригласили всю команду. Подарки. Байонты с ансамблем пела, а у нее гонорары начинаются от... надо уточнить. И райдер соответственный.

— Даже для утехы дюжины съехавших мультимиллионерш бюджет вечера подозрителен, выпирает. В общем, Кимыч, действуй-злодействуй. Не растворяйся, встряхнись. Еще, может, на Маккартни там сходишь, везунчик. Расскажешь потом. А сейчас давай-ка...

Генерал Бекасов разогнулся, оттолкнувшись, резво проехал в кресле пару метров, затормозил у громоздкой радиолы. Его пристрастие к виниловым пластинкам считали пижонством... до того случая, когда один лейтенантик из меломанов новой эры, скачав себе чистейший вроде мр3 файл, занес на свой комп-медиаплеер вместе с альбомом Эми Вайнхаус новенький шпионский вирус. Проследивать пришлось всю цепочку, выбросить, точнее, положить под пресс две дюжины меломанских игрушек его коллег.

Бекасов поднял крышку и оглянулся. Друзья еще и по старым музыкальным страстям обменялись улыбками с грустинкой. На играющий антрацитовым глянец диск легла властная лапа проигрывателя, единственным своим когтем скребущая по невидимым миру дорожкам, и голос общей юности заполнил кабинет директора: «Облади-Облада, лайф го-он, бро!»

Странно. Вроде недавно они, Гарин с Бекасовым, были первым в их службе поколением, рискнувшим упомянуть о своих современных зарубежных пристрастиях, расшифровывали изумленные взоры и вздохи: «Эх, мо́лодежь-мо́лодежь!» А теперь об их старых битломанов провожают в коридорах службы сочувственными взглядами, как когда-то они — любителей еще Лемешева.

«Бекасов поддерживает, тормозит, застолбил за мной эту забавную секс-футбольную задачку, может, потому что уверен: спишут нас, переведут в советники — дуэтом», — горьковатую благодарность Гарина было не под силу растворить и песенкой Маккартни про «жизнь продолжается, Облади, бро!»

— Ну а как твоя Дарья? — Ну как твой Вадим? — Нормально. — Нормально. — Не выскочила еще? — Не женился? — Нет. — Нет... Вдох, вдох...

В детстве-отрочестве дети дружили, были мечты когда-нибудь их поженить. Все сроки прошли, ныне по невеселой теме они проходятся лишь двумя-тремя краткими вопросами.

— Да! Еще ж забыл! — Не совсем убедительно вскинулся генерал Бекасов, — Там с программкой этой, Лаокооном нашим, восемьсот восьмидесятым... Накладка, возможно, какая-то. Неделю уже перенастраивают, обещают к завтра утром все сделать. Ты пока не напрягайся по своим тридцати девяти процентам, а завтра не затруднись, потратить, пажалста, еще три часа, пройди эту фигню заново...

Вот так. «Лаокоон-880» — что-то вроде «детектора лжи», новинка, разработанная специально для испытания кандидатов, новичков. Определяет вероятности будущих «конфликтов интересов, предательств, ситуативного предательства». Индекс восемьсот восемьдесят — число вопросов, заданий, тестов. До запуска на потоке «принимаемых в ряды» решили программу откалибровать, верифицировать, проверить на безусловно испытанных сотрудниках, ветеранах. И... по Льву Кимовичу Гарину, «Лаокоон» вдруг показал: «Вероятность конфликта интересов или ситуативного предательства — тридцать девять процентов».

3.

Как писал похороненный на Хайгейтском кладбище (судя по карте — совсем неподалеку от лондонского дома маркизов Пэмбру на улице Дартмут-Парк-Хилл) один могучий немецкий еврей: «Идея становится материальной силой, когда овладевает массами». Правда, того интересовала лишь Идея Призрака, бродившего по Европе XIX века, а ныне забредшего аж на самый восток Азии, в вотчины Чучхе. Но диалектическое соотношение Идеи, Масс, процесса Овладения упокоенный на Хайгейте определил точно. «Казус Камофф» заключался в овладении истеричными Массами, отдавшими Идее пришествия античного бога, мечтающими, чтоб ими овладел и сам бог.

О прошловековом кумире, похороненном в Лондоне, Гарину случайно напомнила дочь Дарья, забредшая домой с оркестровой подругой Анжелой (виолончель) как раз во время «сразу после концерта», по расчетам отца.

Поджидая ее вечерами, Гарин обычно гадал на время возвращения. Пол-одиннадцатого — это после концерта чашка кофе с подружками из оркестра. Двенадцать-полпервого — возможно, что-то «романтическое», есть же там и нормальные парни. Но если звонок до десяти вечера — значит, опять одна. Примчалась утешать отца, новоиспеченного вдовца. Хотя лучше утешила — если б не приехала вечером вовсе. А утром или ближе к полудню появилась под ручку с каким-нибудь «молодым человеком». На улицах так окликают всех мужчин до пятидесятилетнего возраста, даже на кандидата с такой «датой выпуска» был согласен отец восторженной дурехи, до тридцати двух целующейся лишь со своей флейтой.

В его возрасте все пересматривают свою жизнь с дежурным вздохом: «Надо ж! Все промчалось, как кинофильм». И Лев Кимович энный раз развернул-свернул веер ярких картинок, помедлил, сопроводил внутренней ремаркой: «Да, промчалось. В моем случае это было „кино про разведчиков“? Хотя ближе к окончанию сеанса разница не больно и велика. Но все же, все же! Мое кино начиналось „лирической комедией“».

Студент-отличник иняза был «завербован»... невестой — можно описать и так. Сын скромных учителей Гарин был на три года старше (служба в СА, Советской армии) сокурсницы Ирины. Три года развлекался: девчачий вуз, широкий выбор, беззаботность. На четвертом Ирина Лунина, ровно наблюдавшая за одиссеей рослого брюнета, почти не форсируя, вошла в круг его общения, неспешно оттеснила пару девиц, а в начале пятого, когда он подбирал себе городок, школу, вариант учителя английского или испанского, предложила ему... сейчас это назвали бы «социальный пакет»: женитьба, квартира, служба с перспективами.

Представители комитета и так заглядывали в их вуз, предлагали «серьезно подумать», но Гарина не вдохновляли стартовые условия. Богатый запас наблюдательности, памяти, смекалки позволил ему с армейских времен уяснить принципы работы служебных механизмов, классифицировать типы его шестеренок. Перспектива ничьего сына/зятя, НЕ племянника была скучновата, не перевешивала учительства (а в будущем, может, даже... книгописательства). Пока Лев Гарин сочинял лишь шуточные поздравления, тосты, но ведь у нас врачи, учителя нередко выбиваются в писатели? И главное-реальное на горизонте: аспирантура.

Тогда ведь все, даже те, что «вышли из дзержинской шинели», осенявшей широченную площадь в центре Москвы, весьма трезво, сухо калькулировали оклады, ордера на квартиры, гонорары, вероятности заграникомандировок. А чего вы хотели? На дворе 1970-е, равномерное приближение к низшей точке «пассионарности» (словцо войдет в оборот как раз в той точке). Впадина на графиках романтического патриотизма,

вообще любого романтизма, кроме официального, песенно-эстрадного. Дефициты, раздражение сплетен, анекдоты.

Ирина должна была стать уже третьим поколением семьи Луниных, служивших «в системе комитета» (внутренний термин, означавший расширительное понимание их службы: трудовая книжка могла лежать, например, в Минвнешторге, МИДе, ТАСС, ГКНТ...). В общем, она и стала третьим поколением, но позже ее «служба» развернулась в сторону семьи, карьеры мужа...

«Да! Все же мой пронесшийся кинофильм — был и „про любовь“, точно „про любовь!“ — Теперь, сползая в пропасть вдовства, он все яснее это понимал.

Тесть-полковник, умница жена, собственные мозги провели его казенный шарaban по всем виражам-ухабам 1990-х и довели до местностей с самыми невероятными дорожными приметами, в которые, однако, надо все так же цепко всматриваться.

В тот вечер дочь забежала пол-одиннадцатого, то есть и без чашки кофе с каким-нибудь фаготом, барабаном или контрабасом (по мысли Гарина: самые мужские инструменты). Увы, с ней была лишь Анжела, оркестровая подружка, виолончель...

Узнав про командировку в Лондон, забавных маркизов, обитающих близ Хайгейтского кладбища, Дарья, словно продолжая какую-то игру с подругой, воскликнула: «Вау, прелестно! Значит, зайдешь и плюнуть на могилу Карла Маркса?!»

Причем был совершенно непонятен знак восклицания. Антикоммунистическое одобрение ярой либералки? Или ироничное переглядывание с подругой: «Ну-ну. Уж эти комплексы их поколения!» Или, может, распахнутые у могильной оградки охранным крестом руки: «Не смей!»? Увы, Лев Кимович мало знал свою дочь «с политической стороны».

Или все ж ирония? В возгласе, переглядывании с подругой? Места работы отца Даша стеснялась, состав оркестра был ближе к либералам.

До Лондона оставалось двое суток, и Гарин чуть приоткрыл щебечущим подружкам легальную сторону задания: охрана и юридическое содействие футболисту Егору Камову.

— Вау! Егр! — Неожиданный взвизг. — Правда Егр? Ты, значит, его увидишь? Обязательно пришли фотку: что б ты и Егр!

Так на евроманер произнесли имя, как оказалось, известное и далеким от футбола девицам. И посыпали вопросами и «инфой к размышлениям». Гарин удивился повороту судьбы. Всю жизнь опорой были советы и живой интерес жены, ради которых он порой приоткрывал ватерлинию, рассказывал больше допустимого. А тут успел выдать лишь ключевое слово «Егор Камов» — и дочь, стеснявшаяся отцовской службы, посыпала. А может, почувствовала обязанность заменить мать? Нет, скорее — молодежный интерес, мода. Дарья, подключив подругу-виолончель, напряглась, припоминая все оттенки феномена Егры, постаралась пополнить багаж отца «взглядом молодого поколения».

Оказывается, все давно в курсе (вот смех: они с генералом Бекасовым считали это своим открытием!), что именно сайт Анны Блум «ГодЕгрНиа», популярный далеко за пределами Британии, раскручивает не только женскую истерику, но и продвигает довольно забавные идеи. Во-первых, они тщательно калькулируют все факты, доказывающие якобы сверхреальность Егорова дара. «ГодЕгрНиа» и переводится вроде: «Бог Егр Рядом».

Интересный поворот предложила известная дочери прошлогодняя статья, ускользнувшая, однако, от Гарина. Дарья сгрузила ему и пошла с подругой на кухню. Он углубился.

Автор (явно авторша) статьи, взявшая псевдоним длинный, выпендренный «Ночной сторож Пантеона Олимп», вопрошала: почему при таких запредельных кондициях Камов вообще — не лучший футболист мира, не закрепился в основе «Реала», не забивает пять голов за матч? Оценки Пеле приводились «с уценкой»: Егр с Сильвией расстались, обида короля футбола понятна. Но ведь схожи были оценки и нынешнего его тренера Вальверде, футбольных корифеев: Зинедина Зидана, Моуринью. Уровень комбинационных взаимодействий Егра — вторая лига, но скорость, фантастические природные задатки... Завершая статью, авторша заостряла:

Если при таких талантах он еще не лучший в мире, значит, футбол просто не очень интересен Камову. Значит, он создан для другого? Тогда для чего же? Что вообще значит Абсолют, посланный в наш Период Тотальной Относительности, коему недавно исполнилось сто лет? (Врез-справка в углу экрана: «В 1915 году Альберт Эйнштейн заставил нас поверить в теорию относительности».) Что нам принесет Совершенство, ницшевская «белокурая бестия», Сверхчеловек или даже — бог, пусть даже пришедший из такой малосерьезной сферы, как футбол?

Ну а кем считался Иисус 2000 лет назад? Врачом широкого профиля (глазные болезни, проказа, параличи)? Рассказчиком поучительных басен? Гипнотизером?.. — восторженно, испуганно заканчивался текст.

После последней строки «Автор: Ночной сторож Пантеона Олимп» шла ссылка на новейшую из статей по тэгу #egra:

Кроме забитых голов и мышечных индексов, есть еще пункт — не сотрешь, не спрячешь. Дети Егра. Старшая дочь, от Сильвии, плюс дочь и сын от Нины, той, что в Англии приняли за японку. Три убийственно точных аргумента. За старшей, Лурдес, уже давно гоняются журналисты, всевозможные антрепренеры с коронами под мышкой: «Красивейший ребенок планеты» (вариант и «Чайлд Юниверс», Вселенной). Официальных конкурсов для ее возраста, слава богу, пока нет, но званий научреждали — только согласись принять. Младшие, Марина и Юра, пока нечасто попадали в объективы фотопроходов, но тоже: печать Аполлона не смоешь. Сильвия — мулатка, нынешняя жена Нина — с другого, самого удаленного, противоположного края света, но у всех трех детей громадные серые глаза-фары, не свойственные ни мулаткам, ни японкам, ни якуткам, плюс прямые отцовы профили без переносицы, властные соболиные брови и нежно точеные подбородки, овалы лица...

— Что, па, интересно? — крикнула из-за двери дочь. — А как там дядя Павел?

— Интересно. Павел — нормально. А Вадим тебе давно звонил? Как он там?

— Не знаю. Давно. А ты чего это спросил?

— Так. Ты ж спросила про дядю Павла! Кофе есть еще в жестяной банке с амурчиками, там слева...

Эх! Знала бы она новые приключения родного отца в глубине коридоров его службы!

Подсчитанная «Лаокооном-880», новым детектором лжи, «тридцатидевятипроцентная вероятность ситуативного предательства полковника Гарина» стала причиной служебного расследования. Ветерана, нацепившего сугубо для тестирования и отладки программы, предназначенной для принимаемых на службу новичков, датчики «Лаокоона» (провода действительно напоминали змей, обвинивших троянского жреца) отправили к психологам, психоаналитикам. Посчитали: недавняя смерть жены могла повлиять на реакции, ответы, результаты тестов. Проверяли релевантность тестовых заданий «Лаокоона». Конечно, перепроверяли и «подноготную» Гарина, все дела его почти сорокалетнего послужного списка. Полковник это понимал, допускал, что и перевод в «футбольные сторожа» был связан с результатами теста.

Отдел ответственный за разработку «Лаокоона» конечно, не признал ошибку ценой в сто двадцать семь миллионов (бюджет затей). Глава авторского коллектива капитан Андриевский подчеркивал: это не рутинный сборник вопросов-ответов. Эвристический алгоритм в зависимости от получаемых результатов, скорости реакции переводил вектор допроса в нужном направлении, прорывая любые редуты заготовленного вранья. Разделял рациональные и иррациональные мотивы.

На очередном совещании защитники Гарина во главе с генералом Бекасовым переспорили, а может, просто переорали сторонников иезуитской программы. Отдел Андриевского внес корректировки в тесты, и.. новая компьютерная попытка ветерана-полковника показала уже двадцатисемипроцентную вероятность предательства.

Две недели «почестневший на двенадцать процентов» и едва не спившийся Гарин собирал вещи, установочную информацию по лондонской командировке в роли представителя игрока испанского чемпионата Егора Камова... Сначала эту допросную программку он считал идиотской ошибкой отдела капитана Андриевского. Одна только черная точка оставалась на душевном горизонте Гарина: навязчиво вспоминался блок вопросов про заглубленные иррациональные мотивы его поступков, подтачивал тренированную психологическую устойчивость. Словно откуда-то залетела анонимка на безоговорочно надежного, любимого человека: не веришь абсолютно, но и забыть не можешь. Причем «залетная анонимка», черная точка, метка... и реально, физически стучала в голову. Какое-то периодическое биение, так что казалось, пульс-давление можно было замерять не на запястьях, а приложив руки к вискам. Но настоящие замеры параметров на двух медосмотрах (к обязательному перед заграничной командировкой добавились же и предусмотренные перед тестированием на «Лаокооне») показали: здоров. Врачам, никому вообще про «височные пульсы» он не рассказывал. Да и кому теперь можно поведать! Единственный, предназначенный судьбой для этого человек уже месяц и десять дней лежал под вытянутым глинистым холмиком за типовой железной оградкой.

Лев Кимович назначил себе окончательно разобраться, разделаться с психологической задачей во время рейса в Лондон. Почему-то (давно заметил) ему хорошо думалось в самолетах. Именно в полете до Тегерана, всего-то за три часа, он в деталях просчитал операцию, принесшую ему орден Заслуги второй степени и третью погонную звездочку, звание полковника. «Подумаем, Лаокоон, подумаем».

Кроме анализа связей английской секты командиром Гарин должен оценить их игры в Сверхчеловека, ницшевскую «белокурую бестию». Или даже — «в бога» с попыткой выстроить настоящий культ, что в наши сумасшедшие времена реально. Сначала Гарин не хотел грузить голову и ноутбук справками по неоязычеству, пестрой колоде «нюн-эйдж религий», но пришлось указание, и он загрузил.

«Видно, шефа интересует, куда именно Анна Блум встраивает свою секту? „Секта“ — название условное, рабочее, сами себя они называли „Койнония“, что-то от греческого „сообщество“. Вот и гадай. — Гарин усмехнулся. — „Чи вони там усе — антропософы, чи — якись-то басурмане?“»

Во времена, когда служба была еще комитетом, довелось Льву Кимовичу поработать по сектантскому направлению. Но как же было тогда проще! Системнее. А сейчас даже приблизительно неясно: что зачерпывать из этого океана? Как перебирать? Не по алфавиту ж! Как глубоко влезать по российским? От *Родноверов* и до *Мари Дэви Христос*, *Порфирия Иванова*, «Живой этики» *Рерихов*, *Грабового*, бога Кузи?

А забугорные? *Неодрудисты*, *Дети Артемиды* (это ближе)? *Сеть унитарного духа земли*, *орден Девяти углов*, *Черный орден*, *Фалуньгун*, *Аум Синрикё*¹ (ну их-то, надеюсь уже можно вычеркнуть)?

¹ Террористическая организация, запрещенная в России.

Дианическая викка (принимает цисгендерных, но не трансгендерных женщин — надо ж!), *викканизм Джеральда Гарднера и Алекса Сандерса... Теософия, антропософия и ариософия*. (Вот же душок сектантский! Мало им трех «викк», двух «...софий» — нет, давай себе еще отдельную замастырим! Никакой соборности!)

Далее. *Языческая федерация, Языческий рассвет*. И всех мастей сатанисты. Но эти давно на слуху. В 1980-х в комитете была политинформация: на английской ядерной подлодке некий офицер записал: «Конфессия — церковь сатаны». Англы и сами перепугались, да что поделать, свобода совести!..

Учтя мелькания в деле Аполлона, Олимпа, Зевса, Гарин скачал «Эллинизм» (Hellenismos, додекатеизм, олимпианизм. воскрешают и реконструируют древнегреческие религиозные практики. Особенно популярны в Греции, США). Додекатеизм (додека — двенадцать) намекал: из безразмерной древнегреческой толпы богов — отобрали двенадцать. Так сказать: инвентаризация. Навели порядок.

Считая Зевсов, Аполлонов, Артемид сугубо музейным, картинно-галерейным инвентарем, Гарин не мог и представить наличие сегодня миллиона адептов, прихожан храма, допустим... Аполлона Детройтского! Да, отстал.

А эллинизм уже действует всюду. Были конфликты (ныне «деятельность» и означает конфликты) с Олимпийским комитетом в 2004 году по использованию образов Зевса, Афины. На Пелопоннесе во время обряда служения Деметре произошла драка с православными греками.

4.

Загруженный дома дочкиными поправками, вкладками в без того обширное досье, а в аэропорту еще и двумястами граммами водки, Гарин проспал Германию, хотя обещал себе размыслить над суровым вердиктом «Лаокоона» по иррациональным мотивам поведения. Погода над Польшей, Германией позволила бы поразглядывать, поиграть в угадайку городов. Проехав, вперившись в облачный фронт, усмехнулся: «Пропустил бомбометание, теперь сквозь вату не выцелить!» — и вновь вдавил затылок в кресло. Проснулся лишь под мяуканье наклонившейся стюардессы...

Но неким парадоксальным образом обязательство пред собой было отчасти выполнено. Во сне ему будто разъяснились причины конфликта с допросной программкой капитана Андриевского. И тем самым — вот двойной парадокс — он косвенно подтвердил диагноз «Лаокоона-880»: разъяснилось-то во сне, значит, велика доля иррационального, подсознательных родничков мысли. Пробиваясь «наружу», но все равно под сводами черепа, они берутся под аутоконтроль Разума, Воли... Да видно, не совсем берутся, коли уж попались под машину капитана Андриевского. Зная, как ненадежен улов, поднятый со дна его сна, Лев Кимович Гарин в очереди к рамке таможенного контроля вытащил блокнот, записал пару ключевых слов: «Вспомню, додумаю в номере».

Предстоял интересный разговор с Анной Блум, козыри у него были. Накануне в Москве он познакомился, поговорил с «божественным Егром». Подивился детской его беспечности. Или холодной отстраненности?

Егор и Нина привезли детей в Москву. Только что успешно сдали их на руки теще с тестем и уже предвкушали неделю в полной глуши на Кругобайкалке. Полковник Гарин даже больше рассматривал Нину: «Похоже, она опять. Месяц шестой или даже седьмой. Некоторые фигуры, телесные конституции позволяют скрывать долго».

На сахальярок (так называют дочерей русских и якутов) действительно пролита красота яркая, отбрасывающая бенгальский хвост загадок и вопросов. «Как можно быть похожими сразу, одновременно на корейнок, японок, тувинок, еще джунину на-

циональных красавиц и оставаться при том своим собственным типом? Русской брюнеткой?» Мимический калейдоскоп, обычно обозначающий лишь смену настроений, у сахаларок — некий «клуб кинопутешествий», клубок, разматываемый по раздольям Евразии.

«М-м... Понятно, почему ее тогда приняли за японку. Это все чудеса великой алтайской группы, включающей огромную орду тюркских народов и монгол с калмыками, бурятами (на них Нина тоже чуть походит), корейцев с японцами. Тьма научных споров по родству языков алтайской группы и тем более по стоящей за ней — монголоидной, „желтой“ расе. Ныне спорят и вообще: применим ли, политкорректен сам термин „раса“? Википедия ябедничает: „Не используется ввиду дискредитации представлений о расе как о биологической категории“. Сама ЮНЕСКО во главе с Джулианом Хаксли в 1950 году объявила: „Раса — это миф расистский“...

Однако ж богатенькие, но не совсем свихнувшиеся японцы паломничают на Алтай: поклониться горе Белухе, прародине... А по-моему... этот агатовый блеск волос, глаз, луноликость, пухлые веки и вскинутые брови... да, Нина Камова похожа на лейтенанта Эльвиру Тактамышеву, русско-татарочку из Департамента оперативной информации. Или на кавказскую пленницу Варлей? Нет, все же больше — Тактамышева. Это в Англии больше знакомы с кавайными японками, вот и решили, что...»

На ее знаменитого мужа в первые минуты встречи Гарин глянул почти мельком. Типа: «Ну, Аполлон — он и в Африке Аполлон. Какой-то безупречно стандартный, что ли? Как фронтоны наших домов культуры, сработанные под древнегреческие ордера. Так эталон — это ж и есть стандарт!»

Это невнимание оказалось на пользу рабочим отношениям. «Терпеть не могу, когда мужики пялятся», — сказал Егор, положив наконец на стол свой мобильник, и за весь последующий разговор только пару раз скосил взгляд на экран. И первая из явленных эмоций (раздражение и некая «сослагательная» злость на сотни прошлых нескромных взглядов) расцветила «мраморное» лицо Камова, перешла в улыбку знакомства.

Они сидели в кафе на Мясницкой. Семья, похоже, дружная. Смеясь, Нина хотела рассказать еще что-то про англичанок, помешавшихся на ее муже: «Эта Анна Блум установила божественность нашего Егры, словно где-то добыла ДНК Аполлона и...», но уловив, даже не гримасу. лишь поворот оси Егорова взгляда (всего-то на несколько градусов!), мгновенно перестроилась и так же сквозь смех завершила: «Бум-бум-бум!» — и на том обрубилась вся ветвь разговора. Хотя и видела, как Гарина заинтересовала возможная английская инфа...

В ответ на несколько узнающих взглядов кафешных зевак муж не глядя отвел, протянул руку, и меж его пальцев оказалась поданная женой бейсболка. Натянув козырек пониже, Егор продолжил разговор...

Улетая на Байкал, они оставили Льву Кимовичу широкие полномочия для переговоров с Анной Блум. Юридически прицелить ее сайт было бы сложно.

— Полжизни и все деньги уйдут на процессы, — пробурчал Егор.

— Ни в коем случае не надо его закрывать, — подключилась Нина, — он хорошо Егрину славу по миру разносит. И смешной такой. Подумаешь, сделали Егру олимпийским богом, Аполлоном, с кем не бывает! Мы, правда, ее сайт читаем, что там еще придумает, а за Аполлона мы благодарны особо-особо-особо. — Нина намекающе скосила глаза на мужа, дождалась улыбки. — В общем, я ее сайт читаю. И Егор тоже его...

— ...Читает, — подтвердил глава семейства, переключая тему, — Аркадий, рекламный мой агент, говорит: хозяйева четырех из пяти брендов, где у меня контракты... тоже его читают. — Егор спародировал интонацию последней фразы жены. — Он, Аркадий, кстати, в эти же дни собирается в Англию, может, там и встретитесь. Обещает привезти еще

контрактище, рекордный. Реклама банка какого-то, великобританского, наверно, нарядят Ахиллесом, Александром Македонским или опять греческим богом.

— И опять мой муж будет полуголым бродить у бутафорского Парфенона и получать кэш-бэк, как VIP-Аполлон. Да?

— Ага, Нин. Банк, Аркаша сказал, из само-наи-богатых. Название забыл.

Нина, улыбкой извиняясь за легкомыслие мужа, протянула руку к телефону, вроде уточнить: что за банк. Напряженное удивление Гарина подсказало ей, что по принятому разграничению полномочий Егор должен был его уведомить о новом английском контракте.

Но вновь встретив небольшой поворот взгляда супруга, прониклась той же божественной беззаботностью и вместо золоченого смартфона взяла кофейную чашку.

— Аркадий Борисович — мой рекламщик, круто деловой, фамилия такая забавная: Лисовин. До сих пор не знаю, где ударение на нем правильнее ставить?

— Фу, Егра. Человек на тебя два года работает! Он же позавчера произносил с ударением.

— А вчера я забыл. Мы с ним только: Егор, Аркадий, — и, повернувшись к полковнику Гарину, словно собрав по сусекам весь на сегодня запас серьезности, подытожил — Англия хоть мне и не нравится, но по деньгам рекламным приносит больше Испании раза в три. Обещают, если я перейду в «Арсенал» или «Челси», через полгода будет и вовсе фунтостерлинговый фонтан. Аркадий твердит: это Блумка и фанаты ее ненормальные раздули такой ажиотаж. Но я хочу, чтоб они прекратили копания, расследования по моей родословной. Из детдома взяли пятилетним, что я сам не помню?! Но Камовы, считаю, мне настоящие отец-мать. И чего, кого там они грозятся разыскать? Какого-нибудь еще мне кровного родственничка для последующего шантажа? Мое условие. Если она, они... захлопнут там свою, в смысле закроют эту тему, я буду ей, им, ну допустим раз в месяц отвечать на вопросик-другой. Эксклюзив. И фотки можно пообещать. Знают же — я не очень этим разбрасываюсь.

«Не очень разбрасываюсь» — еще мягко-иронично сказано об информационной крепости, которую держат Егор с Аркадием. По контракту с клубом он обязан два раза в месяц участвовать в послематчевых пресс-конференциях, и его манеру разговора, поведения уже несколько раз называли «божественным пренебрежением» и даже «скупостью». Большие темные очки, дежурная бейсболка с опущенным клювом козырька, отстраненные гладкие ответы — только по результату матча, кратко. Ни одного яркого кадра, лишнего слова репортерам «на халяву». Одни объясняли это раздражением, усталостью от скандально-аполлоновской темы. Другие отстаивали версию меркантильной расчетливости: ведь в развернутой телебеседе на NBC за триста пятьдесят тысяч евро и в интервью «Камбио-16» (сумма неизвестна) Егра вполне себе шутил, позировал, раскрывался на темы и далекие от футбола, но близкие к скандальному шлейфу, носимому его фанатками.

Хотя и против однозначно финансовой версии был довод: вектор его географических предпочтений, градиент устремлен строго на юг. Скандинавов и немцев игнорировал полностью, порой подчеркнуто. На обязательных послематчевых беседах пропускал их вопросы, отворачивался от их камер. На одной из таких обязаловок датский журналист — единственный из всех скандинавов — удостоился ответа прямой, хотя и краткой речи. Следующим соперником Егорова «Атлетика» в Лиге Европы (Кубок УЕФА) был датский «Брондбю», накануне сыгравший ноль-ноль со шведским «Гётеборгом». Не обязанный в этом случае отвечать на английском, Егр высказался на родном: «Как оценил бы это мой батя: игра была равна, играли два говна». Перевели, конечно. Матч датчан со шведами и правда был весьма серенький, скучный, но интонация, об-

щий посыл Егра, похоже, означал нечто большее. Примерно с тех пор в Европе стали присматриваться к забивному красавчику и с политической точки зрения. Зондировать: кто такой — его «Ватуа»? Какое влияние он оказывает на лидера «Атлетика», второго бомбардира испанской «Ла Лиги» и «самого красивого мужчину Европы, по версии семи журналов»?

На предложение Бундесшпрот-72: три получасовых передачи за семьсот пятьдесят тысяч евро — Егр не ответил вообще. Его хорошие отношения с испанской прессой понятны, неплохи были и с португальцами, итальянцами, греками. С французами, англичанами он порой спорил, как с тем же сайтом «ГодЕгрНиа», но евросеверяне удивленно-возмущенно калькулировали: за пять лет ни одного прямого взгляда, слова (кроме тех десяти слов датчанину)! В их СМИ гуляли лишь пересказы, перепечатки средиземноморских. А полковник Гарин после трагикомичного афронта датчанину сделал пометку: «Отец. Петр Леонидович Камов. Ярославская область. Выяснить».

5.

Разлетелись (Гарин — в Лондон, Егор с Ниной — на Байкал) с соглашением устным, но взаимопонятным. Градус суеты вокруг Камова требует соответствующего уровня безопасности. И теперь Егор, можно сказать, позволил позаботиться о себе — Родине, родной службе в лице Гарина. Договорились. Гарин отныне — директор-координатор Камова, решатель проблем, две первейшие из которых — упреждение инцидентов вроде угрозы скандального плена в Мэдлэнсе и затыкание/взятие под контроль всех утечек информации о здоровье, личной жизни Егора и семьи.

Получалось, развитие отношений с одиозной сектой Анны Блум равно в интересах рекламного бизнеса Егора Камова и службы полковника Гарина, которых интересовали связи адмирала Нэстингса, прочно сидящего по колпаком/каблуком жены (миссис Нэстингс в свои тридцать пять — одна из самых бурных, буйных фанаток Егры), и крупнейшая IT фирма маркиза Пэмбру, и сестры Хэрифор, точнее — младшая Нэнси, что, собственно, уже почти год — не Хэрифор, а миссис Бэнкс, то есть жена Энтони Бэнкса, директора разведслужбы FA-6 собственной персоной. Трезво считая (а по-другому в службе полковника Гарина не считали) вероятность снятия урожая на этой поляне (фотографии группы Блум просили другой образ: «взятие нектара с этого цветника»), была пять—пятнадцать процентов. Перспективы выше средних, хотя и ниже, чем, например, в знаменитом «треугольнике Профьюмо» 1961 года, объединившем порномодель Кристин, полковника ГРУ Евгения Иванова и военного министра барона Джона Профьюмо.

А пока ближняя забота Гарина: интересы Камова. Тут он показал себя. Вычислил, обратил внимание: регулярные медосмотры Егора проходили в течение четырех-шести часов, а у всех остальных игроков «Реала», «Атлетика» — не более двух часов, кроме отдельных исследований после серьезных травм. Таких травм Егор, слава богу, пока избегал. Не странно ли? Самые лучшие физические кондиции в «Ла Лиге» и самые долгие, подробные медосмотры? Значит, в них влезли дополнительные исследования. А потом их результаты просачиваются бог знает куда. От всяких институтов, лабораторий до Блумовой секты. Исходная инфа, сырье для всяких теорий, гипотез вплоть до самых дурацких.

Полный список анализов, процедур, считая все замеры: пульс, давление, состав крови на разных физических нагрузках... Лев Кимович быстро выяснит и сопоставит. Но уже сейчас в контракт Егора можно внести пункт: превышение времени осмотров сверх среднекомандных цифр считается вторжениями в его частную жизнь. Размер штрафа клуба за таковые полковник Гарин предложил обозначить: два миллиона — семьсот тысяч евро. Плюс на всех будущих осмотрах он как представитель Камова при-

существует. В противном случае иск по установленным фактам прошлых лет — превращение футболиста в подопытного кролика без его согласия — семнадцать миллионов евро.

Выслушав план действий на ближайшие полгода, Егор одобрительно цокнул, покачал скульптурной головой, дал Гарину полный карт-бланш и отправился с женой в Остафьево, где их ждал бизнес-джет в Сибирь...

Поддержав после благополучного взлета получасовое общение, выпив с веселой компанией сотрудников Саши Мелитина, веселого друга-банкира, предоставившего свой «Бомбардье», уютный самолетик с вышколенным экипажем, Егор с Ниной удалились в спальню. Сам банкир, правда, собирався, очень надеялся пообщаться с мировой звездой, прогуляться хотя бы полдня по родным его местам, но... бизнес, форс-мажоры... велел помощнику Вадику сопровождать, развлекать, ни в коем случае не надоедая. Оглядевшись в самолетной опочивальне («Кажется, мореный дуб? — Может, и мореный»), выпив еще бутылку «Кристалла» — не популярная в прошлом водка, а, наоборот, элитное шампанское, супруги плюхнулись в кровать.

Пошептавшись на тему вероятности того, мог ли Сашка оставить здесь телекамеру или даже две — «для разных ракурсов», они, задыхаясь, откинули одеяло и продолжили игру, потасовку... то, что действительно стоило бы в запечатленном видеоформате очень серьезных денег. По-своему интересен был бы даже аудиовариант, во всяком случае он бы раскрыл, за что именно они были «особо-особо-особо благодарны» Анне Блум. Успешно разогнавшая «тему Аполлона», божественности Егры, она надолго подарила им вариант любовной игры. Егор командовал и подавлял, и не только в постели, а на малейшие возражения, замечания жены громыхал: «Не бого-хульствуй!», и Нина самозабвенно прикидала к ступням «Аполлона».

Погасив жажду «Кристаллом», они устались в низкий зеркальный потолок.

— Егра! А чегой-то ты сегодня не соблюл свою божественную атараксию? В кафе, с тем фээсбэшником обронил неолимпийское слово «б...»? Это из-за Алексея?

— Из-за, из-за...

— Не злись и не швыряй молнии, я правда ничего не знаю. Те англичанки вроде под родителей твоих роют?

— За отца я спокоен. Но они наверняка через него хотят выйти на моего брата-компромата, близнеца из ларца...

Тема — долгое семейное табу. «Но когда-то все равно придется рассказать, — наверно, размышлял разомлевший Аполлон. — Так почему б не сейчас, на высоте девять с половиной кэмэ, бесконечно влюбленной, верно носящей сейчас его третьего и четвертого?»

— До двух-трех лет в детдоме — еще ладно, но до пяти — развивается комплекс. Щенка в приюте. Красивого, здорового щенка, но «без родословной». Может, и взяла бы, «но брат-уродец»? А вдруг какие-то гены потом скажутся и у здорового щенка, хромосомы захромают? Станет как близнец-брат.

— Егра, я только краем слыхала, от Петра Леонидовича. Буквально три слова, что он вообще есть, что зовут его Алексей, живет в Петербурге.

— Да, батя у меня кремень. Совзагранработник с сорокалетним стажем. Они тогда улетали в Бразилию, надолго. Отдыхали перед командировкой на Байкале, перед отъездом в Иркутске меня и присмотрели.

— А что... Алексей... он...

— Занятно. Лицом вроде очень похож, но карикатурно, скрюченно. Я иногда перед зеркалом гримасу пытался состроить, чтоб на него похоже. Не удавалось. Волосики рыжеватые, редкие-редкие, череп везде видать. Но главная скрюченность — тело, фигура. Видела, как сколиозные ходят-выворачиваются, трясутся? Вот почти так.

— Ужас. Может, родовая травма? Ты же на сколько-то минут раньше, а потом его...

— Травма? Я по этой гребаной генетике-евгенике магистр уже: Гена-Женя — мои собеседнички, надоевшие. Как греки тыщу лет неполноценных детей со скалы бросали — даже не хотел, а прочел уже сто раз. И не где-то прочел, а в маньячных статьях Блум! С ее выводом: тыщу лет бросали убогих, и все ради того, чтоб когда-то народился такой центрфорвард «Атлетик» Бильбао, забивший «Барсе» три гола в сезоне!

Кинув подушку в зеркало, Егор на минуту задумался, обернулся к Нине:

— Помню, воспитательница Анна Николавна его, Алексея, очень... может, даже любила. Нянчилась. А когда меня ругала, говорила, что это я его пяткой бил, покалечил. А я и не злился тогда. Сторонился, но и не обижал Лексея. По-моему, не обижал. Но когда Николавна журила, я голову вот так, подбородком сильно в грудь упирал и думал: «Ага, и волосенки я ему пяткой, что ли, выдрал?»

— Егр, а у тебя сразу, с детства такая грива кудрявая, золотистая?

— Вроде да. Но тогда почти всегда стригли «под Котовского», наголо. А записали нас: «Слюдянские». Станция такая, типа оттуда нас кто-то в Иркутск завез. Нашли с запиской, всего одна строчка: «Это Егор и Алексей». Или, может: «Назовите их Егор и Алексей». В детдоме имена поделили случайно, рэндомно. Так что я мог бы быть и Алексей.

— Не-е-е. Ты точно — Егор! Егра. Егрррр. — И сквозь любовное рычание-урчание: — А ты его больше не видел?

— Недавно свое фото зачем-то отцу прислал. Камовы взяли меня, с ним и связи-то никакой не было, но вот письмо долетело. Вроде как мне постеснялся, написал им. Институт в Питере окончил, что-то там в математике или кибернетике двигает. Такой же череп полуголый, челюсть чутков вниз отпадает.

— Ты боишься, что разыщут его? В Петербурге найден брат божественного Егра? Злишься?

— Нин — ну ни на нанограмм не злюсь!

— Сказал же: брат-компромат.

— Нет, на сумасшедших тех злюсь. Но они правда, если найдут, могут что угодно придумать.

— А он же не виноват. Не объявлялся ни разу, не претендовал.

— Да. Молодец... Знаешь, Нин, пошлю-ка я ему... тыщ пятьсот. Не, для начала триста хватит.

— Врешь, забудешь.

— Не богохульствуй, смертная! Вот гляди. Отправляю отцу, пишу, чтоб переслал Алексею. А, нет, лучше через Аркадия, тут конфиденциальность, политика. Он и придумает, как обделать... Если Алексей математик, пусть деньги — от фонда поддержки математиков, — хохотнул. — Если кибернетик — от кибернетиков. Смотри, — ткнул экранчиком, — уже ушло. У Сашки связь — экстр! Смотри, уже! Сейчас на экран переведу. Прикройся, он сейчас включится.

Нина натянула по шее одеяло. Черно-глянцевая панель над кроватью, мелькнув голубой молнией, включила беззвучную картинку. Через секунд пять хозяин самолета заговорил:

— Ну как вам, друзья? Гляжу тут: а мой самый дорогой и знаменитый клиент кому-то триста тысяч рублей отправил. А локация самолета мигает: вы Урал перевалили.

— Все роскошно, Саш. Шампанское только кончается. Пришли истребитель какой-нибудь, дозаправка в воздухе.

— А? А— ха-ха! Юморная у тебя Нинка, поздравляю, Егор. Ты небось там всю мою братию спойл? Полегче, им еще работать. А обратно когда, уточнили?

— Семнадцатого. Но нам не в Москву, в Ярославль.
— К отцу?
— Да. А потом еще программу с англичанкой запишем.
— В Ярославле?
— Или в Рыбинске. Там тоже красиво. Столица русских бурлаков.
— Точно. Из Рыбинска, кстати, родом один... эмигрант, который Голливуд еще основал. Вспомню, найду — скажу. Эх, хотел бы сейчас с вами на Байкал, но увы... Конец связи.

5-бис

— Лев Кимович! Вас предупреждали насчет меня? — Визитная карточка, скользнув по столу, легла перед Гариным, как первый заход в преферансе.

— Да. Аркадий Борисович. Подготовили исчерпывающе. Егор упоминал вашу работу весьма положительно и, особенно, контракт, что вы сейчас готовите с банком «Юнимарс». Уже можно поздравить?

— Чуть рановато. Еще неделя, думаю, и будет можно.

— Только, Аркадий Борисович, извините, сведения мне грузят все письменные, я так не уточнил: где ставить ваше фамильное ударение? Как правильно: Лисóвин? Или, как произносят поужнее, ближе... к Житомирам, Одессам и вским Хацапетовкам, Лисови́н? Самец лисы?

— Вы же, Лев Кимович, только что упомянули: Егор Петрович про меня вам лично рассказывал? Как же тогда... с ударением?

— Егор? Так он только: Аркадий, Аркаша.

— М-м, он такой. Значит, господин Гарин, так. По-среднерусски мужа лисы чаще зовут лис. А поужнее, поближе к указанным вами... Хацапетовкам — действительно: лисови́н. — Оскал рекламщика, казалось, вправду бросил рыжий и злой отблеск на лакированную столешницу. — Уверен, господин Гарин, организация ваша выдала вам справки обо мне самые полные, с национальностью, предками, местом рождения. Так что выбирайте уж сами. Хотя, мне кажется, вы ведь уже и выбрали? Значит, Лисови́н?

— Да, господин Лисовин.

Пикировка слегка взбодрила полковника. Гимнастика хорошего спецслужбиста. Аркадий этот умен, легко ловит и подхватывает тон и вектор разговора. Если бы кто-то подслушивал и записывал бы их беседу и потом бы долго анализировал подслушанное (а насчет прослушки сегодня можно и без «бы») — ох, не скоро и не без содействия филологов-русистов он разберется в этом споре, перетаскивания ударения на соседний слог. Означало это:

1. Ты, Аркаша Лисови́н — точно из одесских евреев. Сейчас в своей стихии, блестяще гешефтируешь, приносишь в своем длинноватом, крючковатом клюве денежки Егору Камову, да. Надеюсь (это еще проверим) не мухлюешь с налогами, как твой знаменитый соплеменник Алан Клайн, обворовавший, подведший под долги и «налоговую эмиграцию» «Роллинг стоунз», а затем «по совпадению» разваливший «Битлз». Но даже если в твоих контрактах нет ям, налоговых дыр, я уверен, ты же не остановился на своих честных коммиссионных! А как тебе помогает Койнония, секта Анны Блум получать эти контракты? В какой форме ты их благодаришь? Может, уже просветил англичан, что такое: ot-ka-tu? Одесские «башли, лавэ»? Но я все проверю. Это будет: «Найти» — в моей задачке.

2. Ты, Лев Гарин — точно из комитетчиков. Кого бы еще сунули на такую барскую синекуру: не работать, вкалывать, крутиться — только сиди, контролируй. «Курируй».

А отвечать за результат? — не пред беднягой Егором, конечно, лишь пред начальниками на Лубянке. А что у вас считается за результат — кто там разберет? Но уж явно не дело, не «башли», не что-то измеряемое. Вот и сейчас мы оба полетим в Лондон и вернемся в Москву: я с двухмиллионным контрактом, а ты с выглаженным «Отчетом по командировке» на пять страниц. И вся твоя работа. А ваши анкетные бдения, пятипунктные поиски и вылавливание Лисови́неров — вот досада! — все у вас никак не монетизируется. Все мимо. И хотя ты, Гарин, похоже, поумнее коллег своих толсто-мордо-задых, но все равно не сумеешь помешать *мне* сделать Егора богатым олимпийским богом.

Но чувства Льва Кимовича к... «Лисовинерам» отнюдь не были заточены так, как воображал раздраженный Аркадий Борисович. Даже «Лаокоон-880» одной из ветвей своей допросной программы заметил у него неясности по ясному для большинства коллег еврейскому вопросу.

Но пока обоюдные впечатления Гарина и Лисовина, сегодняшние зарубки на древе сюжета, можно было расшифровать: «глубокое недоверие. Взаимное...»

Что программка Андриевского точно вызнала — так это одну жестокую, хотя мелкую причуду. Пустяк, о котором Гарин и не задумывался. Года три назад жена принесла цветок в горшке. Точнее, растеньице, без цветков, очень напоминавшее дерево платан. Прямо действующая (живая же!) модель платана в масштабе один к ста. Красивая, но капризная: поливать не реже раз в три дня. На пятый-седьмой «Платоша» (сразу же присвоенное мини-платану прозвище) начинал засыхать. Возилась с ним жена. В отъезды мужа просила Дарью заехать полить.

Вспомнил Гарин, случайно обратил взгляд на «Платошу» дней через пять после похорон... Подойдя к окну, долго и тупо смотрел, переводил взгляд на улицу с последними выметаемыми следами послезимней грязи, прохожими, собаками, наверно чующими весну. После минут двадцати, закончив это «упражнение в рассеянности», так не сходяв за водой, Гарин уехал на службу... Следующий раз растение попало ему на глаза еще дней через несколько. Теперь пригляделся к «Платоше» подробнее. На верхних густых его листьях по краям пошла сухая светло-коричневая кайма. Хотя и подробнее рассматривал растение, но так же «тупо». Крутился калейдоскоп воспоминаний. Среди кадров прежней, семейной жизни были и жена, стоит у окна возле питомца в терракотовом горшке. Поливала его — из синего надбитого фарфорового чайничка, выведенного из столового оборота. И опять Гарин уехал, не принеся воды растению.

Только на следующий раз возлеоконное «упражнение в рассеянности» сменилось наконец осмысленным разглядыванием «Платоши». Хлорофилловый сок жизни отступил повсюду. Зеленели лишь сердцевинки нижних листьев, да сквозь грязно-коричневый сноп виднелась пара полуживых веточек.

Засыхающее мини-дерево вызывало в сумрачном лабиринте вдовецких мыслей лишь: «А восстановится, выживет ли, если полить его сейчас?», «А сегодня?», «А?»

Генерал Бекасов, отстаивая подчиненного и друга, приводил на совещаниях известные случаи проколов прошлых полиграфов, но Лев Кимович Гарин про себя, втайне признал проницательность «Лаокоона-880». Эвристический алгоритм капитана Андриевского в блоке «семейная, домашняя жизнь», быстро отбрасывая ненужные («засохшие») ветви вопросов, в блоке «Кто/что требует вашего постоянного внимания?» программа, перебрав, отбросив собак, котов, попугаев, рыбок, почти добралась до хладнокровно умерщвленного «Платоши». Да, «почти угадал ты, Лаокоон!», хоть и в микропустычном вопросе. А может, именно так допросная машина вышла на саднящий вердикт «иррациональные моменты поведения?»

6.

Точный расчет и внесение поправок на разность часовых поясов (плюс пять с Москвой, плюс восемь с Лондоном), если бы такими вычислениями и занялся какой-нибудь любитель забавных/мистических/роковых совпадений, показал бы, что... Что ровно во время, когда Егор после купания в Байкале, ужина с омулем, брусничным морсом, кедровой настойкой и морошкой засыпал в объятиях Нины... Лев Гарин шел пешком по Дартмут-Парк-Хилл на переговоры с Анной Блум в лондонский дом маркизов Пэмбру.

По пути он вдруг решил, может, просто вспомнил разговор с дочерью (а может, та вычисленная «ситуативная иррациональность») — решил и вправду заглянуть на Хайгейтское кладбище, глянуть на могилу «основоположника». Его, полковника Гарина, часовой пояс плюс ноль («Гринвич, сэр!»), запас времени был, как приучила служба: минут тридцать пять до встречи с Анной Блум, проживавшей в доме маркизов Пэмбру в качестве секретаря и писателя-биографа.

Лев Кимович, конечно, не ждал узреть оградок в стиле русских кладбищ, но все же был остановлен забором другого типа, чековым аппаратом под навесом и объявлением: «...и могила Карла Маркса. Вход четыре фунта».

«Для борца с прибавочной стоимостью — четыре фунта стерлингов? Многовато. Хотя, с другой стороны, евреи ведь... Ладно, может, на обратном пути», — подумал полковник. Скупым Гарин себя не считал, но привык калькулировать. На заход к могиле из запаса времени оставалось пять минут. Но заплатить столько — это надо же как-то окупить? Постоять там, задумчиво потереть лоб. Нет, четыре фунта за пять минут на бегу — многовато будет. Может, на обратном загляну. Сейчас лучше не спеша дошагать до Пэмбру и подумать. Чем полковник и занялся...

Одна из статей сайта «ГодЕгрНиа» давала хороший пример утечки информации, инсайдерства (с чем ему предстояло бороться). Дело касалось периода «полураспада» отношений Егора с Сильвией. Жили тогда уже не вместе, но он заезжал к ней еженедельно. Лурдес было меньше года, и пока мать моталась по телестудиям, с ней сидела нянька Жозефа. Иногда возвращаться было поздно, и она выпросила право ночевать в ее квартире. И чаще это «иногда» приходилось на вечерние визиты Егора, что и вылилось для Жозефы в дополнительные пятнадцать тысяч евро за эксклюзивный рассказ вкупе с фотографиями, сделанными тайно.

Сильвия взяла ее, конечно из землячек: рассказ выдавал девушку, выросшую на сериалах...

— *Донья Сильвия, когда узнала про японскую певицу, с которой Егра сошелся, была зла, как настоящая тигрица. Каждый божий день клялась его убить и больше не показывать ему Лурдес, даже краешком. Рычала — прямо настоящая тигрица, швыряла тапки и подушки. Познакомились они с Егрой еще у нас в Сан-Паулу. Его родители работали на фирме, поставлявшей из России удобрения, и он стал играть сначала в детской, потом юношеской, потом молодежной командах «Коринтианс».*

Далее две душеспитательных серии о знакомстве. Нет, сначала — еще рассказ о том, как в Сан-Паулу занесло мать Сильвии, Журжету, и как сам Пеле пять или семь раз приезжал за ней. Далее — в пределах фантазии няньки или любого сценариста телесериалов...

Структура сайта Блум позволяла совместить мелодраматический рассказ служанки с энергичными подгоняющими врезами, вроде:

«Каков Егра в нападении, при подаче угловых, мы знаем. Но каков он в постели?» Вот ответ разысканной нами бэби-ситера Жозефы (няньки):

«Еще днем Сильвия клялась его убить, не дать видеть дочку... а засыпали они все-таки вместе. Значит, Егра был уверен: ублажил эту тигрицу. Вот так, сеньоры и сеньориты. Утром они обычно играли с Лурдес, а днем Егра уезжал на тренировку, и все началось сначала...»

Нагнетая интригу, рейтинг сайта Анна Блум перед публикацией подпольных, купленных у Жозефы постельных снимков запустила научно-исторический онлайн-диспут «О классических размерах»:

— Видя Егру в пантеоне олимпийских богов, мы, конечно, задаемся вопросом о размерах... О всех размерах. Рост Аполлона Бельведерского 178 см — знает весь цивилизованный мир. Как и о 179 см Егры. Рост Микеланджелового Давида вычислен по сложным пропорциям: 174 см. Геракл — 177 см.

Но есть еще тема, что перехлестнула берега Интернета, стала предметом диссертаций антропологов, физиологов:

«Почему у всех античных скульптур столь маленькие пенисы?!» Лаокоон, Геракл, Дискобол (там тоже видно). У знаменитого Аполлона Бельведерского 4(четыре!) незрегированных сантиметра! Мы задали этот вопрос «Почему?!», и подписчики сайта «ГодЕгрНиа» прислали уже 17 562 ответа. Публикуем самые популярные:

1. Наверно, пенисы богов имели огромный коэффициент расширения.
2. Чтоб зрители не отвлекались от божественной красоты тела.
3. Так это и есть Прогресс человечества!
4. «Все относительно»...

Но гораздо больше, чем абстрактное искусствоведение, наших подписчиц волнует: «Каков же размер у Егры?» Этот вопрос потеснил даже тему его политической ориентации, причин поддержки Камовым агрессивной политики России, его плохих отношений к свободолубивой Украине и демократической Эстонии, и его мнения об угрозе мировой войны из-за аннексии Крыма...

Сами фотографии, сделанные предательской нянкой в темноте, через зеркало и чуть приоткрывшуюся дверь, разочаровывали ненасытных читательниц сайта. Похожие скорее на военные съемки с далекого тепловизора, они требовали серьезной работы экспертов, расчетов по разным проекциям.

И с помощью новых компьютерных технологий наши специалисты все же смогли вычислить Его Размер!..

И так протянув, сколько можно, поддержав интригу, сайт «ГодЕгрНиа» завершал публикацию — двумя ответами на два Вопроса Современности:

1. Так говорил Егр: мировой ядерной войны из-за аннексии Крыма не будет!
2. 17,5 сантиметров!

Резная дубовая дверь с кованым кольцом. Дорогая черная пара, идеально белая сорочка, галстук (только что не бабочка) входного секьюрити почти насмешливо редуцировалась растянутыми футболками, тертыми джинсами маркизы Зельды Пэмбру и Анны Блум. Хозяйка георгианского особняка и ее всклокоченная секретарь приняли Льва Кимовича в библиотеке. В стеклянных, не открывавшихся, похоже, годами створках шкафов металась отражения оранжевой и зеленой футболок маркизы и секретаря. С большим, выше служебного интересом присматривался полковник Гарин, пробуя совместить накопленные сведения с наличествующим. Обе — вполне за тридцать, Зельда — зеленоглазая блондинка, пожалуй, красавица. Энергичная рыжекудрая Анна до красавицы никак не дотягивала, зато полностью соответствовала представлениям о лидере, главе сообщества, допустим секты или полуподпольной группы. И своей номинальной хозяйкой командовала, но для посторонних, периодически оглядывалась

на нее как бы вопросительно, в ожидании официального подтверждения. На частых и резких оборачиваниях рыжие кудельные занавески хлестали по лицу, открывая-закрывая глаза, которые при этом еще и меняли цвет или оттенок, от карего до пронзительно-черного.

Косметики: ноль целых, десятых и сотых на обоих, на обеих. Это сегодня частый, модный в Европе образ, меседж: «Да, мы такие. Экологично естественные». Но уверен: свести их по их же детородному плану с Егором, тут уж они натуральной природой не ограничатся, всю мощь западной медицины косметики вызовут. Или вдруг вправду рассчитывают на божественное вспоможение? Как пенсионерка Сарра родила от Авраама? Ах да, они ж Библию отрицают. А у греков, эллинов — старух, кажется, и вообще не было. Да. Там вечная молодость, безмятежная красота, а если кто, что — сразу в ведьмы, гарпии. Такие уж нравы, пантеон.

Хотя (Гарин перевел воображение на третью скорость) в Мэдлэнсе тогда, вытанцовывая, забирая Егора Камова в плен — они наверняка косметикой не пренебрегли, раскрашенные были... представляю! Особенно эта рыжая... Тьфу, забрел в чашу, — осадил себя Гарин: спецслужбист, и как-никак на задании. Но от Блумши, правда, веет чем-то, поэтесса эдакая! Бекасов вон в Москве скомандовал обратить на нее особое внимание — вот я и обращаю.

Перспективный, в общем-то, разговор, показ превьюшек эксклюзивных фотографий Егора и его семейства, выдержки из возможных эксклюзивных же ответов сайту «ГодЕгрНиа» они почти синхронно прервали вопросом: «Где Егр сейчас?!»

— Гуляет по туннелям Кругобайкалки, купается в Байкале...

Думал успокоить мечущихся истеричек. Наивный. Переглянувшись в неподдельном ужасе, они синхронно вперились в экраны смартфонов, заелозили пальчиками по экранам. Через минуту Анна Блум подскочила к распахнутому ноутбуку, распечатала справку, подала маркизе, и обе гневно уставились на полковника. Блумша, забрав листок, зачитала:

— *Средняя температура воды в Байкале сегодня, 17 июня — плюс пять градусов!.. Так-так, медуз там вроде не водится... Вот, далее... Глубина, то есть максимальное расстояние до дна Байкала — 1600 метров! Так... Дополнительная информация: резкое переохлаждение в воде Байкала стало причиной гибели 17 августа 1972 года драматурга Александра Вампилова (названного в рецензии «Таймс» «советский Чехов»).*

— И вы, Льеф Кимович, сидите сейчас здесь перед нами и убеждаете, что вы — полномочный его представитель и полностью отвечаете за безопасность?!

Гнев англичанок тронул Льва Гарина: «Похоже, они действительно... боготворят его».

Результаты переговоров... противоречивели (противоречили + горчили). Анна Блум почти по каждому выслушанному пункту звонила («Интересно, кому?») и, отойдя к дальним стеллажам, быстро, приглушенно переговаривалась. Заметить удалось только, что номер был один и тот же.

В общем, любому сотрудничеству они будут рады, готовы даже согласовывать планы ближайших публикаций, но от поисков истинных родителей Егры они отказаться никак не могут («Может, уже наняли кого-то в Сибири?»). В целом для европейских фанатов наследие «советского железного занавеса» не так плотно, как при Черчилле—Сталине, но все ж скрывающего Егора во время его пребывания в России, бесило. И не только подписчиц сайта Блум. Форумы пестрели возмущениями: «Он словно на Юпитер улетает!» — «Ага, к отцу своему» (случались и неплохие остроты).

Волна особого возмущения поднялась через полгода после случая в Мэдлэнсе. Пыталась Блум сохранить тайну или выложить удобную версию, но игроки «Атлетик», вернувшись, выдали в соцсетях и СМИ такой вал, оставалось лишь поднырнуть и пе-

реждать. Благо футболисты, не упуская случая похвастаться, нагородили столько взаимопроверочающих версий, что близ старинного замка Мэдлэнс вырос целый квартал замков воздушных, населенных влюбленными в них английскими феями.

А потом полились «инфосливки». Еврофанатки узнали, что Егр с волшебного бала сбежал, а в Лондоне был подхвачен какой-то японской певичкой, через день их видели в Париже на опере «Лознгрин».

Возмущение выросло через несколько месяцев, когда выяснили: «японская певичка» оказалась якуткой, точнее, якуто-русской метиской по имени Нина. Они муж и жена, неизвестно сколько времени, а недавно у них родился уже второй ребенок, сын Юра. Появились и фотографии, качества скверного, но «олимпийские черты» детей были различимы. Большинство читательниц считало: Егра таил свой брак, как ранее Джон Леннон, Брайан Джонс и другие звезды — для имиджа, чтоб оставаться всежеланным и свободным (хотя б в девичьих мечтах).

Трезвая часть аудитории возражала: просто хотел оградить от истерии, дать детям толику спокойствия хоть на первые годы жизни, «передержать» их на здоровом воздухе-питании. Скорее всего, в краях, где сам родился, в Сибири. Жена Нина оказалась полу... или даже четвертьпрофессиональной певицей. Группа, где она, клавишные и бэк-вокал, специализировалась на фолк- и бард-роке, изредка сопровождала малоизвестных в России певцов. Вопросы, где, как, когда и даже зачем они познакомились, журналистам раскрыть пока не удалось... Последний из вопросов, точнее — возмущенный возглас («Какого дьявола? И что он в ней нашел?!») отражал лютую ревность части аудитории и уверенность: занявшая *такое* место должна быть обладательницей совершенно особых достоинств! Они, достоинства, возможно, и есть («Раз ее выбрал он — значит...» — полагала более спокойная часть поклонников), — но тоже совершенно скрыты за этим ужасным «железным занавесом», как и вся российская часть жизни Егры.

Подкрепляя заключенный договор, стороны осуществили первый микробартер. Гарин сгрузил им прямо на телеграм-канал фотографию Егора с детьми, самую обычную, любительскую, сделанную на телефон в кафе на Мясницкой, где они передавали детей родителям Нины. И «сторона Анны Блум» перешла к планам сотрудничества, со службой полковника. Фотка и такая — никакая по качеству — пикселям была радостно схвачена: уже два с половиной месяца не было новых картинок детей Егры. А потомство «олимпийского бога» тоже в фокусе внимания: кому — «пруф», дополнительное подтверждение божественности, кому — «живые рекламные проспекты от быка-производителя». Именно так, в своем беспечно-шутливом тоне отозвался Егор, когда Гарин спросил разрешения на передачу их фото, выставления ее на сайте «ГодЕгр-Ниа» в случае договоренности с Блум.

Встречной поставкой по бартеру был файл, предназначенный к публикации через неделю. Иллюстрированный рассказ «Жизнь Сильвии после „окончательного“ (?) расставания с Егрой». Характерный подзаголовок в переводе на русский часть смысла терял, но и оставшегося хватило, чтоб представить «аромат» полусумасшедшей секты:

«Пять безбожных лет. Как они дались внучке короля футбола и матери самого красивого ребенка планеты?»

Тут уж фотоиллюстрации — высшего профи-качества, постановочные и схваченные в динамике ее «жизни без бога», каковая отчасти соответствовала русскому выражению «пустилась во все тяжкие». Не в смысле хоровода партнеров, именно с этим было строго: король футбола наконец выдал ее за Игнацио Тежу, сына своего старшего, превосходящего богатством бизнес-партнера. Возможно, они свои миллиардные сделки уже не раз закрепляли тостами «за объединение семей», но долгожданная матери-

ализация свернула немного в неожиданную сторону. Наследник гигантской империи, пухляш Игнацио к Сильвии относился с трепетом, но падчерицу Лурдес — просто боготворил. Это и неудивительно (см. фото), но еще он, страстный поклонник кокаина и футбола, фанател и от отца Лурдес, и... изюминка будущей статьи: в неизвестно каком, может и не сильно туманном состоянии, Игнацио Тежу сказал, что был бы не против, чтоб и следующий их ребенок «был бы таким же, как Лурдес». Настойчивая Анна Блум (конечно, эту беседу она не доверила никому другому) встряса из Игнацио уточнение: то есть не против, чтоб и отец был бы тот же. Мнение самой Сильвии приведено не было — «тяжкие», в которые пустилась она: нескончаемые фотосессии, светские рауты, телепередачи, обязательно с дочкой, благо интерес журналов, ТВ-каналов к симпатичной маме и божественной дочери был бездонен. Редкостное сочетание остаточных, но ярких черт мулатки и громадные серые глаза, греческий профиль в первые секунды производили впечатление коллажа. Но во вторые и далее секунды оставалось лишь восхищение...

Дочитав, досмотрев, Гарин поднял глаза на ожидавшую парочку, выдержал паузу.

— К сказанному ранее, господин Гарин, мы имеем добавить: наш сайт расширяет охват, а со следующего года обзаводимся бумажной, разумеется, глянцевой версией. Тираж пилотного номера примерно четыре с половиной тысячи, стоимость в розничных сетях пока рассчитывается. Хотя, вы понимаете, прибыльность издания — не самоцель и не цель.

— Ваша светлость и вы, госпожа Блум, упоминали о моем, нашем соучастии, праве соредктирования ваших материалов. Но едва ли я могу счесть представленный сейчас проект статьи удачным примером возможного сотрудничества. Здесь мне остается только поздравить вас с определенно сенсационным материалом. «Наследник-миллиардер мечтает о переформатировании его брака в шведский?» — Интонация пародии на их подзаголовок заставила наконец маркизу и Блум улыбнуться. — Вы признали: для сайта, журнала нуждаетесь в согласии Егора Камова и потоке наших материалов, но... здесь нет ничего встречно представляющего нам интерес.

— Это потому, что ваш интерес слишком утилитарен. Но мы уверены: вы и ваши друзья в Москве весьма оцените возможности этих информационных ресурсов...

7.

Жара заставила Гарина забыть об обещании себе: заглянуть на обратном пути к Карлу Марксу. Ограничился воспоминаниями и кратким резюме: «А как же нам грузили историю через еврокладбища! В школе — про парижское Пер-Лашез, где лежат красные коммунары и паломничают делегации с венками от советского начальства. А с конца 80-х — уже это... Сен... Жев... де-Буа, где, наоборот, белые эмигранты, но точно так же наши власти скорбно бредут с венками... А вот Карлу, похоже, забыли».

Гарин стоял в небольшой группе у светофора, и на первых шагах под зеленый некто его обогнал и обернулся. Похожий на маскарадного монаха: балахон в полный рост, совсем не по жаре, поднятый капюшон, развевающаяся седая борода.

— Господин Гарин, прошу двадцать минут внимания. Уделите, пожалуйста.

Полковник вместе с «монахом» пересек Дартмут-Парк-Хилл и свернул в предложенном направлении. Замедлив было шаг напротив дверей паба, спутник смутился: «Нет, здесь меня узнают. Прошу вас, за тем перекрестком справа начинается парк».

Скамейки были заняты не полностью, но, видимо, по мнению внезапного спутника, даже один старичок рядом или мамаша с коляской могли помешать.

— Извините, ради бога... Не затруднит ли вас пройти еще буквально один квартал? Там точно можно. И не жарко.

Действительно недалеко, сразу за углом стекло-алюминиевого бизнес-центра, открылась темно-зеленая густая завеса и высокие ворота под охраной четырех грузных колонн.

«Нет, это уж слишком! Сначала шуточки дочери: „Плюнешь на могилу Карла Маркса?“, потом я по дороге к маркизам прошел мимо, собираясь мыслями. И вот теперь... Да это не только следить — надо мысли мои подсматривать!»

Во входном павильончике Хайгейтского кладбища его спутник нырнул рукой под балахон и, несмотря на неудобство, быстро, словно опасаясь, что полковник сам вызовется заплатить, выудил карточку, приложил.

Отыскав в приятном тенистом уединении скамью, «монах» наконец откинул капюшон, отцепил бороду, вежливо кивнул: «Леопольд Сточ, маркиз Пэмбру». И словно извиняясь за отнятое на поход время энергично начал: «Уважая компетентность вашей организации, позволю себе предположить: вам обо мне известно, не так ли? Во-первых, я должен извиниться перед вами за попытку пленения, возможно, и насилия над вашим подопечным Егором Камовым. Инцидент, имевший место в моем замке хоть и полугодовой давности, но ранее не имел возможности принести вам извинения».

У Гарина к справке об инциденте в Мэдлэнсе прилагалось и описание трагикомичной погони маркиза Пэмбру за автобусом с выпровоженными гостями. А теперь полковник словно видел воочию сцену «обилечивания пассажиров». Помогло подобие: он сейчас тоже покинул резиденцию Пэмбру в раздражении, его тоже нагнал маркиз, желающий дообъясниться. Только что коробки с «Ролексом» не вручил. Но повод сегодняшней «погони», объяснил маркиз Леопольд, был более серьезен: опасность, нависшая над его супругой и секретарем Анной Блум.

Гарин уже уяснил: энергия и влияние английского сообщества фанатов Егры имели две причины. Первая, лежащая на поверхности: принадлежность адептов «к самым влиятельным семьям финансовой и земельной британской аристократии» (можно и так — в стиле советских справочников). Причина вторая, неизвестная до сего момента и Гарину: почти все члены «Секты Блум», до и параллельно, состояли в обществе более старинном, тайном и более страшном для маркиза.

Полковник мысленно извинялся за неполноту своих сведений, более интернетных, а Пэмбру досадовал на необходимость отвлечений на эти экскурсии, но страх за жену диктовал. Кружок великосветских оккультных дур, все более страстно игравших черные мессы с гашишем, затягивал Зельду.

— Ваша светлость имеет в виду какую-то из этих... церквей сатаны?

— Увы, да. Наш Алистер Кроули — поп-звезда мирового сатанизма. Хотя сам он и отвергал сей титул, но, поверьте... лишь по причине еще более тотального отрицания христианства. Ведь сатана — персонаж все же из Библии, и назвавшиеся сатанистами включаются в этот контент, нарратив, хоть и на специфических ролях. Но профанам нет дела до тонкостей, расписывают стены пентаграммами, портретами Кроули, бафометами, шестерками — и готовы расписание антимесс, ловите на жертвы несчастных кошек. Извините за сей экскурс.

— Ваша светлость, искренности нашего разговора никак бы не повредило, если бы вы сообщили, на основании чего посчитали меня сотрудником спецслужб, сказав, что мне, нам... все о вас известно? Вы ведь так и начали: «Уважая компетентность вашей организации»? И знаете, маркиз, меня не обидит абсолютно любой из возможных ваших ответов. Допустим, вы считаете: у всех русских футболистов, играющих за рубежом, агенты только из КГБ. Или что вообще все русские за рубежом — из КГБ. Или что я выгляжу как типичный кагэбэшник? Не обижусь. Так кто вас подтолкнул к этой мысли?

— Я очень благодарен неугомонной Анне Блум. — Ударением на имени-фамилии маркиз как бы ответил на вопрос полковника, продолжая говорить о нужном ему. Элегантно, маркиз. — Она поэт, автор известных исторических книг, нон-фикшн, новелл, весьма популярных лет пять-восемь назад. Только одну поэтическую, «Вещество английской веры» — на мой взгляд, сильно недооценили. Анна вошла в наш круг как возможный биограф, летописец нашей фамилии. Признателен ей: выводит Зельду из тени сатанизма. Может, игры, но все более опасной, и особенно ввиду энергичного участия сестер Хэрифор, наших дальних родственниц... и полнейших мерзавок!

Отмерив две секунды на удивление полковника всплеску ярости, маркиз Леопольд продолжил:

— Хотя и считал поклонение футболисту немного смешным, вульгарным, я был чрезвычайно рад прекращению этих черных антимесс. Анна изящно повторила и логический фокус Алистера Кроули. От акций, грозивших попаданием в бульварные новости: «черный культ, великосветские ведьмы!», повела свою общину прямо на гору Олимп. «Экологически чистая» конфессия и ничего антихристианского: ведь Зевсу, Аполлону и компании молились тысячу лет до прихода этой многострадальной, многоконфликтной религии. Греческие и североамериканские олимпиалисты официально зарегистрированы еще в 1960-х годах, но козырь Анны: их Егр и есть — Аполлон. Олимпийцы и раньше любили вселяться в быков, лебедей, но чаще перебирали облики человеческие... Мистер Гарин, вы не против немного прогуляться по аллее? Эти каменные скамьи к вечеру становятся совершенно невыносимы.

Поднимаясь за маркизом, Лев Кимович вклинился:

— Ваша светлость, с дальнейшей их аргументацией я отчасти знаком, — и быстро процитировал обрывки статей Блум, намекая этой скороговоркой на желание перейти к делу: — «Воплощение в футболиста кажется невероятным? А кем считали Иисуса две тысячи лет назад? Врачом широкого профиля, специалистом по глазным болезням, проказе, параличам? Рассказчиком забавных историй, поучительных басен? Гипнотизером?.. С 1972 года эра Водолея плавно сменяет эру Рыб, неся гармонию вместо жестоких догматов, патриархального мироустройства». Все верно? Но, маркиз, что сегодня вызвало вашу за мной погоню? Чем именно может быть вам полезен скромный агент футболиста, подозреваемого вашими домочадцами в божественном происхождении?

— В ближайшие дни Зельда и Анна планируют приехать в Россию. Дело серьезное, чем поиски настоящих родителей и брата Егора Камова, каковые, я знаю, вы убеждали их оставить.

— Да, убеждал. Это прямое желание Егора. Так сказать, повеление их бога. Они разве не опасаются... молнии — или это у Зевса? — м-м, превращения в какие-нибудь деревца? В пару русских березок?

— Уверен, мистер Гарин, вы не только перестанете улыбаться, узнав, что дело в прямой безопасности моей жены и Анны Блум, репутации Егора Камова, но еще убедитесь в наличии вашего собственного, вашей организации весьма большого интереса в связи с их бегством.

Перед Гариным мелькнул было хвост возможной остроты, про алтарь Аполлона Байкальского, у которого молят о защите две беглянки, но он придавил его. Далее слушал, не потеряв ни буквы.

Клятвы найти и придушить «предательских с...», лишивших Койнонию, всех ее сектанток общения и семени бога, не были словоизвержением разгневанных фурий. На хозяйку Мэдлэнса и ее секретаря пали главные подозрения, и только убедительная ярость Анны отвела быстрый «допрос с пристрастием». Койнония («сектой» они были для посторонних) держалась на особых свойствах госпожи Блум, может, не в мень-

шей доле, чем на красотах Егора Камова, и в ту ночь она исступлением шаманки перевела подозрения на сестер Хэрифор. Ныне говорят «отзеркалила». Без доказательств, просто вперив бешеный взгляд. Впрочем, доказательств не было ни у кого. Мэдлэнс с командой футболистов в буквальном смысле запереть было нельзя, и каждая из них могла довести Егру хотя бы до трассы или до Челтнема и получить сепаратно, предательски — то, сводившее с ума дамочек секты. Решили: главной несомненной уликой станет, конечно, ребенок.

— Но младшая из мерзавок Хэрифор, Нэнси, придумала, как найти предательницу, не дожидаясь девяти месяцев. Ее возможности страшно выросли после того, как она вышла за этого надменного идиота Тони.

— То есть... директора FA-6 Энтони Бэнкса?

— Любый итонец, учившийся в восьмидесятых годах, вам подтвердит: тупого болвана, сноба и сикофанта Тони Бэнкса, негодая.

Больше Гарин переспрашивать не стал, понимая, что получит лишь еще корзину оскорблений главы контрразведки Великобритании.

— Нэнси организовала негласную принудительную проверку всех членов кружка, бывших той ночью в Мэдлэнсе, на полиграфе, новом детекторе лжи, принятом в FA-6. Привести без решения суда представительниц лучших фамилий Соединенного королевства в эту «пыточную» — вы даже не представляете весь кошмар. Обкрутить, оцепить проводами, трубками, — как раз это полковник Лев Гарин прекрасно представлял, спасибо, «Лаокоону-880». — Только благодаря полной беспринципности болвана Бэнкса им удалось получить лучшую лабораторию FA-6. Бедняжки не знали, кого больше бояться: сотрудников контрразведки или членов своей группы. Все же тут читали Достоевского и потому знали: такие организации всегда заняты поисками предателя, сплачиваются, «повязываются» кровью...

Гарину было трудно оценить обоснованность страхов маркиза, истинную меру опасности, грозящей его жене, силы сатанинско-языческой клятвы, принесенной в Мэдлэнсе. Но до того, как Анна вывела секту к солнечному «Аполлоно-Егриному культу», они участвовали в кровавой антимессе. Газеты смаковали: «Шабаш в Эдинбурге! Смертельные забавы великосветских сатанистов! Жертва — красивый молодой парень, ранее замеченный на тематических сайтах, возможно, маньяк-мазохист. Лежал абсолютно голый, раскинувшись на полу, как на чертеже Леонардо да Винчи. Исколотый, но, возможно, по его желанию. Подозрительно мало крови оставалось в теле, а вокруг ни потека, ни пятна. Куда-то собирали? Все стены и пол под несчастным были разрисованы... перефразируя девиз старого советского детского конкурса: „В каждом рисунке — пентаграммы“ и козлы». Но фамилия Хэрифор мелькнула в потоке репортажей только первый раз и то сугубо в сослагательном ключе. Иначе быть не могло: на том стояла, стоит и будет стоять Великая Британия...

Печальный, благородный облик маркиза мог украсить статью «Искренность» в какой-нибудь иллюстрированной энциклопедии:

— Я долго размышлял: как, почему Анна успешно прошла детекторную пытку? И отгадка мне объяснила многое. В том числе причины превращения ее клуба в настоящую... секту. — Наконец и маркиз произнес утвердившееся в Москве рабочее название. — Понимаете, Анну в принципе невозможно поймать самым совершенным детектором лжи: она ведь абсолютно верит в то, что говорит в эту секунду! Поэт, вдохновенный пророк, наверняка она заразила их верой в вашего Егра. — Маркиз печально улыбнулся: — А утешением мне в ту неделю испытаний и страха стала весть о катастрофе в лаборатории болвана Тони. Закупленные, принятые им полиграфы — на выброс! В потоке

вопросов были такие, где ответы — взаимоисключающие. Один из двух ложный, полиграф по нему калибрует физиологические параметры лжи.

И вдруг на Анне Блум детекторы показали «Правда», когда она говорила прямо противоположные вещи. Тут крестину Бэнксу — ломать голову до самой своей отставки. А я догадался перечитать ее книгу «Вещество английской веры». Она же абсолютно правдива, на каждой своей строке! Я полагаю, именно так библейские пророки поднимали и вели за собой людей.

— А как ваша супруга прошла экзамен?

— Анна настояла, что тест они будут проходить только вместе, сидя близко рядом. Все равно экраны стоят так, что вопросы-ответы видны только испытуемому, а рядом — офицеры и сотрудники лаборатории. И поскольку считают, что Анна и Зельда состоят в... отношениях (тон маркиза не изменился ни на йоту), многие из подруг, будучи и сами... поняли это желание и согласились. Зельда прошла, выдержала. Ее результаты и натолкнули меня на гипотезу глобального характера. Есть особые люди: Моисей, Исайя, Уильям Блейк, лорд Байрон, ваши Ленин, Блаватская, наверно, и Гитлер верили всему, что произносили в эту секунду. Они и выдыхали «вещество веры», газ или пар, а все вдыхавшие принимали эту веру, шли за ними. Так пчелиная королева управляет своим роем, через запахи. Те же молекулы, да? Страшный, конечно, материализм, но, наверно, в России материализм был комильфо? Но вы согласитесь, мистер Гарин, какое это счастье — быть выше всякой лжи!

«Нет, удивительно, в какие еще дебри меня заведет это задание! — Гарин слушал и словно перебирал воображаемые четки, бусы. Тусклые черные шарики на блестящем золотом шнурке перед глазами. — А может, и мне не помешали бы пять миллиграммчиков ее вещества веры, когда „Лаокоон“ вылавливал мою „тридцатидевятипроцентную вероятность ситуативного предательства“». Мелькнуло и толкование его зрительной полугаллюцинации: перебираемые на золоченой нити тусклые бусины — это его годы, пятилетия одинаковой жизни между золотыми шариками — событиями действительно важными. Уфф.

— Но если маркиза и Анна выдержали тест на полиграфе успешно, зачем им скрываться в России?

— Да, *первый* тест пройден. В секте решили: может, Аполлон-Егр сам перелетел через ограду, долетел до автотрассы. Три тысячи лет назад он проделывал трюки и посложнее, есть у Гесиода и Гомера. Но сейчас приближается второй тест. Решающий. Прошло ведь уже шесть с половиной месяцев после того инцидента, двадцать девять недель. Вы понимаете?

— Что? А?! Так они! Обе? Ну Егор!

Из кармана балахона, несомого маркизом на локте, выпала маскарадная борода. Подняв и отряхнув кладбищенскую пыль, он не сразу пихнул ее обратно, а задумчиво рассмотрел как заново, повертел, да еще и показал Гарину: «Это Санта-Клауса борода. Отец надевал ее в Рождество для нас с братом. Красный кафтан, колпак давно потерялись, а борода как-то уцелела... Вон за тем поворотом, двадцать шагов налево — могила Диккенса. О ней мне напомнил, удивитель, ваш английский. Слишком правильный, так что даже неправильный для нового тысячелетия».

— Это наш иняз, — вздохнул Гарин. — Преподавательницы трепетно влюблены в Байрона, Шелли. А ведь я проходил курс, мне корректировали лексикон, смысвали оксфордский лачок девятнадцатого века. И все равно?

— Чувствуется, чувствуется.

Пожалуй, в любой стране самый элегический клочок земли и место рождения лучших элегий — кладбище. Тон маркиза стал столь печален, отрешен, что Льву Кимо-

вичу показалось совершенно невозможным вытрясти из маркиза Пэмбру хоть каплю обещанной практической пользы, покрывающей час причудливого разговора. Но не мог и не сочувствовать сникшему миллиардеру-аристократу.

— Понимаете, я детей иметь уже не могу. Но, — вскинулся с какой-то даже вызывающей гордостью, — но Зельда еще может! Ее ребенка я бы... носил как ангела! Он и стал бы нам ангелом — вестником, благим. Я, как видите, от библейской лексики не отрываюсь. Рожденный в законном браке, он был бы законным двенадцатым маркизом Пэмбру, моим наследником.

(«Где? Где я недавно встретил что-то подобное? Ах, да! Игнацио Тежу, муж Сильвии, наследник богатейшей семьи Бразилии. Держит на руках дивно красивую девочку Лурдес и говорит: не против, чтоб и второй ребенок их семьи будет тоже от Егры».)

— Как ни прискорбно, моими наследниками в противном случае могут стать Хэрифоры. Любое мое завещание, в случае... после меня и... и Зельды, они оспорят. Мэдлэнс, мой маркизат, земли в Шропшире приберут точно, пакеты акций, счета — большей частью. Но больше даже, чем болвана Тони, я опасаясь старшей Хэрифор, Магды. Она и была главой этой секты, до Анны Блум. Она, я уверен, и устроила брак Нэнси с Бэнксом. Вы, мистер Гарин, верите в ведьм и черных магов? Улыбаетесь? Я тоже, конечно, не верю! Позвольте представиться: доктор философии, окончил Кембридж и, как говорят, совсем небездарно руковожу третьей в Британии IT-фирмой. Но когда близко смотрю на Магду Хэрифор — я верю.

Переводя дух, маркиз провел правой рукой загогулину, похожую на «возврат каретки» печатных машинок (если кто помнит). Конец строки.

— С Хэрифорами мы — троюродные. Морально очень далеки, но, увы, достаточно близки для наследственных споров. Тем более что теперь и Тони Бэнкс в их swore, их доле...

Только, ради всего святого, не подумайте, что мое к ним отношение, которое я здесь и не скрывал, связано с имущественным, материальным вопросом! Хотя, может, и связано... Вон, смотрите, справа обелиск заостренный. Да, да, коричневого гранита. Там рядом — памятник Карлу Марксу, который утверждал, что все в мире связано именно с деньгами, капиталом. Если желаете, мы можем сейчас свернуть: пятнадцать шагов, глянем.

— Ннет, благодарю. Может, в другой раз...

— Но знаете, даже если и вправду все мотивы людей связаны с капиталом, все равно, ведь сначала Тони с Хэрифорами такими родились, мерзавцами выросли, а потом все сложилось так, что они стали претендентами на наследство Пэмбру. Мой брат Рудольф умер. Покончил с собой. Все равно вам это расскажут, да, он отравил себя. Детей у него не было. У меня тоже. Но Зельда, Зельда! Невинное золотое создание, вошла когда-то в наш мрачный дом, и я все-все, все остающиеся мои годы отдам, чтоб она была счастлива.

Прохлада подступившего вечера и мрачных кладбищенских джунглей или вернувшаяся мысль о конспирации (появились прохожие) подсказали маркизу надеть балахон.

— Смешно! Надеются спровоцировать меня на скандал, может, даже на развод. Присылали мне записи разговоров Зельды с Анной. Подлая прослушка. Копии их твитов. Даже скрытая съемка, когда они... в оранжерее. А присылал это Бэнкс, законченный негод... а, ну я вам о нем рассказывал.

8.

В отчет по лондонской командировке Гарин включал пункты по обеспечению безопасности Егора Камова и «неконтролируемому пока каналу утечки инсайдерской

информации через рекламного агента Аркадия Лисовина». Сей «канал» замыкается на «секте» Анны Блум. Но эти британские фанаты Егора помогают находить крупных рекламодателей, заключать и вести выгодные Камову сделки. Пример: неделю назад подписан контракт на рекламу банка «Юнимарс», сумма два миллиона фунтов стерлингов. Съёмки рекламного контента планируются этим летом во Франции, что позволит избежать британского налогообложения...

Леопольд Сточ, одиннадцатый маркиз Пэмбру, не обманул насчет «практического интереса вашей организации». Наиболее перспективной представляется линия: от Зельды Пэмбру и Анны Блум на членов ее секты, жену адмирала Нэстингса и Нэнси, урожденную графиню Хэрифор, с недавних пор жену Энтони Бэнкса, директора FA-6 (контрразведка).

Заход через дамочек давал информацию соответствующую. Энтони сейчас под большим влиянием и каблуком, причем под весьма-а тонким каблуком (в скобках: шпилька) Нэнси, которая и дома не сходит с них. Не снимает даже в постели и на других ложементах, заменяющих постель. Сладострастно пинает и покалывает своими шпильками толстяка Энтони, потакая мазохистским позывам директора FA-6, а потом она, оставаясь в одних этих туфельках, пристегивает себе... Ну и так далее...

Дружный, может, даже подчеркнутый хохот, быстро пополняемые рюмки смородиновой настойки, снеговые шапки неровно нарезанного сала на ломтях «Бородинского» хлеба. Пересказ Гариным лондонских приключений, смена пластинок на радиоле генерала Бекасова и опять клубы густого хохота. Круги чайного цвета от стаканов на листках черновика отчета о командировке.

— Ты прав, Лев Кимыч, сегодня гораздо результативнее — заходы с этого фланга. Точнее сказать, поняли, признали это сегодня, а надо было бы давным-давно. Это ведь сколько сил угрохали, раскапывая масонство Эдгара Гувера: кто его привел, как он в двадцать шесть лет стал мастером, в какой ложе? Как он со своим всемогущим ФБР пережил восемь президентов? Какое досье на кого собирал? Когда еще в тридцатых были фотки: он в женском платье со своим всемогущим замом, как его...

— Клайд Толсон.

— Ну да. Тоже до конца жизни неженатый красавчик, тоже любитель скульптур античных юношей...

— Так точно. Эдгар Гувер завещал ему все состояние, и похоронили их рядом.

— Тогда и надо было разыгрывать комбинацию, когда он Гарри Трумэна и Никсона в кулаке держал! А наши все тянули к этим ложам, циркулям дурацким, готовальням масонским... А потом его секс-особенность стала не такой уже и компромат, привыкли.

— Так может и с Бэнксом. Очень быстро все меняется. Опп! а смородинка уже тю-тю.

— Есть еще ноль семь, на кедровых шишках...

Долгожданная разрядка после достойно выполненного задания, парад солидарного понимания жизни, времен прошлых и нынешних.

— Въехать в Россию Зельда Пэмбру и ее секретарь Анна Блум решили через Эстонию. Кто-то им внушил, что этот маршрут — наиболее тихий, малозаметный. Летят до Хельсинки, далее паром. От Таллина до Нарвы планируют взять такси.

— Ага. И потом от Ивангорода до Питера — на попутках. Стреляя «Беломор» у шоферов и матерясь с оксфордским акцентом!

Постепенно смех терял грудную густоту, рассеивался. Нахохотались, переключили.

— Ну как твоя Дарья? — Ну как твой Вадим? — Нормально. — Нормально. — Не выскочила еще? — Не женился? — Нет. — Нет... — Вздох, вздох... — Дарья все с флейтой своей? — Да, а твой все с игрушками? — Да, по экранам шарится. И на работе, и домой придет — тоже сразу к экрану.

— А Дашка еще, недавно убедился — очень службы моей стесняется. Недавно с другой заходили...

— Так мой оболдуй — аналогично.

— По мне, как в корне зло пресечь — собрать все сайты бы да сжечь. — Подражая вздоху Фамусова, Гарин попробовал развлечь друга.

— Лева, думаю, дело не в ноутбуках, игрушках. Просто не хотят они решать, ничего. Вишь, даже семьи заводить, брать на себя... не хотят. Взяли паузу, поставили на паузу. Это мы все время много решали, решались. Брали много на себя. Ответственность, а у них от этого — оскомина.

— Как в песне урлацкой: гоп-стоп, мы подошли из-за угла, гоп-стоп, ты много на себя брала.

Двойной запас презрения к блатному шансону спецслужбиста и битломана требовал подкрепить внезапную цитату, и Гарин резюмировал: Ну хоть где-то, Паш, мы опередили мировой тренд, а может, и повлияли.

— В смысле?

— А рэп их гангстерский, золотые цепки, наколки — ведь позже нашей одесской блатнухи. Может, это брайтонцы к ним занесли, тогда спасибо им.

Свою несогласную гримасу Бекасов расшифровывать не стал.

— Да еще же, Паш, я тебя просил по твоим каналам проверить бухгалтерию коммерческого директора у Егора Камова.

— Ты про этого, Аркадия Лисовина?

— Во-во. Контракты рекламные он Егору внушительные подгребают. Но чувствую, может быть и яма. Мы с тобой в финансах, налогах не очень смыслим, потому я и просил организовать такой аккуратный негласный аудит.

— Вообще-то, есть мнение: не надо вмешиваться в финансовые дела Камова. Он своим коммерческим директором доволен? Весьма. Там же суммарно уже ближе к сорока семи миллионам? Кажется. А сковырнем мы этого Лисовина, что Егор заявит? Что наша служба ему зарабатывать мешает, а у него детей скоро четверо будет.

— Да я ж не против, пусть богатеет. Опасаюсь только: Лисовин может с налогами мутить. Помнишь, как у «Роллинг стоунз», я ж не зря их сейчас завел. Тоже все были довольны, наличка рекой, агент Алан Клейн такой шустрый. А потом открылись все недоплаты, просрочки — так «Роллинги» голые бежали во Францию, пять лет крутились, выплачивали. А тот Клейн нью-йоркский, был такой же Лисовинер. Одесские. Нам такой скандал всю игру ломает.

— Ну хорошо-хорошо. Попрошу повнимательней проверить...

Из душевно-расслабляющего оставалась лишь треть графина смородиновой и вторая сторона специально подобранной пластинки «Роллинг стоунз» «Липкие пальцы»: при общем почитании «Битлов» Гарин выше превозносил «Роллингов», а Бекасов величал его «блюзовый сноб». Может, сегодня удастся добить твердокаменного генерал-ретрограда.

— Не представляешь, Паш, как я благодарен тебе. Еще, дурак, думал — предпринимательную ерунду мне свалил, а вон как выходит. Словно подкинул мне еще пятилеточку молодости, теперь, кажется, горы готов свернуть!

Но успей Гарин поднять глаза от зеленоватой струи смородиновой настойки, до разливаемой им по хрустальным стопкам, он заметил бы во взгляде друга-начальника поволоку сочувственного сомнения, будто генерал видел другое продолжение захватившей Гарина операции.

Пока известно о намерении Анны и маркизы Зельды рожать, укрывшись от своих сектанток за «железным занавесом». Срок: середина сентября. Версия их российско-

го паломничества: «поиск свидетелей рождения бога». Маркиз надеется на мальчика и твердо намерен объявить его «двенадцатым маркизом Пэмбру». То, что почти в те же дни, на рубеже август—сентябрь подходит срок и у Нины (УЗИ показало: двойня), сгущает ситуацию до гротеска, какого-то веселого сумасшествия.

Отчитываясь о лондонских беседах, Лев Кимович попросил шефа пустить операцию на самой тихой из возможных скоростей. Так передать наверх, чтоб избежать начальственного форсажа. Многодесятилетняя дружба — верный ресурс, помогший пройти испытания уникальных выпавших десятилетий. И столь же давняя автоматическая, как равновесие велосипедиста, привычка говорить «под запись» позволили Гарину сопроводить «надводную», словесную часть просьбы несколькими мимическими пассажами, взглядами, а генералу Бекасову — все уловить и дать добро. Да еще и поржать напоследок: «Аа, Кимыч! Жучила! Это все твои тридцать девять ситуативных процентов!»

То есть... ответил и на просьбу друга, и вроде бы высмеял весенние результаты тестирования на «Лаокооне-880», отправленном в глубокую переделку. То есть... Гарин счел, что получит карт-бланш. Можно не спешить вытрясать из новообретенного английского друга «разведанные», компроматы. Насчет последнего маркиз в своей неподражаемой манере очертил тогда круг:

— Если увижу, что угрозу Зельде иначе не отвести, я сам застрелю Нэнси и Магду. Из браунинга, что генерал Мортимер в 1916-м на Сомме подарил моему деду. Но каких-либо сведений, порочащих ее или даже Тони Бэнкса, увы, передать вам не смогу. Хотя они сами: ходячий компромат и попрек Создателю нашему, из-за чего англичане и бегут в кришнаиты, буддисты, читают Алистера Кроули и режут кошек...

— Паш, это я запомнил дословно. И докадрово. В смысле позу его, выражение помню. Немного театрально, когда помянул Создателя, но это у них обычно. А необычно, что он, выпускник Кембриджа, глава успешной Ай-Ти корпорации, практически верит в черных магов и ведьм. В одну верит точно: Магда, старшая сестра, что выдала Нэнси за директора Энтони... Маркиз — настоящий джентльмен, человек хороший, но — ранимый. Я тогда смотрел на него и словно видел всю «кембриджскую пятерку». Обороты, манера мысли, держаться — ну в точь... Выходит, Паша, что-то есть такое в нашей стране, в, может, и нас с тобой... такое, за что самый аристократ утонченный готов уцепиться в окружении вульгарщины. Кажется, живи лорд Байрон накануне Второй мировой войны, он бы тоже помотался по своей любимой Греции, Салоникам и сам вышел бы на советского резидента!

— Ну-ну-ну, Лев. Похоже, литра смородиновки нам с тобой многовато уже.

9.

— Разрешите, товарищ полковник?

— Присаживайтесь, капитан.

Кафетерий и кофе на Базе-7 — не самые лучшие, мягко говоря, но Гарин привык к здешним сосискам, салатам, пирожным, а из жидкого предпочитал брусничный морс — сквозь него глядя на окно, особенно в солнечную погоду, он обычно старался вспомнить, что ему приснилось недавно, месяц, год назад. Самовнушение или тренируемый рефлекс — не важен термин, но необходимость была. Жена подробно и часто рассказывала ему свои сны, словно приобрела какой-то свой пакет к спутниковой тарелке, а после спрашивала, что ему приснилось. Он очень хотел поддержать семейное развлечение, особенно когда жена стала болеть, тер лоб, выдавливал. Пробовал придумывать ради поддержания семейной темы, но жена, дав дорассказать, всегда

безошибочно определяла: «Это, Лева, ты сейчас сочинил». Однажды, накануне ее очередной операции он сидел здесь, в кафетерии Базы-7, машинально жевал сосиски, запивая их морсом, задержав поднятый граненый стакан, глянул на новое мартовское солнце. И вспомнил тогда, неизвестно почему... последний курс института, мысли, сновавшие по кругу: аспирантура-распределение, а в дальних планомечтах — написать когда-нибудь интересные всем записки, повесть, хотя сочинял лишь стишки-поздравления, шуточки друзьям.

Но именно в тот день, накануне отправки жены в госпиталь, сквозь розовые брусничные блики его осенила простейшая мысль: да нет абсолютно никакой разницы между вспомненным или придуманным сном. То и другое — электроток, пробежавший по тем же самым мозговым проводкам. И вернувшись домой, рассказал, как цветисто ему приснилась их прогулка этим летом по городу у большой реки, или Ярославлю, или Рыбинску, что они говорят, куда смотрят. И в тот раз чуткая жена поверила: сон. «Вещий, вещий», — приговаривал суеящийся Гарин, заимевший с тех пор рефлекс павловской собаки: смотреть на солнце сквозь нарезанные стеклянными гранями алые брусничные блики и мешать воспоминания и размышления, былое и думы.

— Товарищ полковник, извиняюсь, но нам с вами все же надо будет еще раз навестить нашего «Лаокоона».

— Андриевский, а чей именно ты зятек? Или племянничок?

— М-м, поясните...

— Получил такой бюджет, лабораторию. Выдал на-гора такую... залепуху, программу-фикс и все с ней играешься. Наверняка и новый бюджет получил, на починку непочинимого? Прошлый раз, после разгрома генералом Бекасовым ваших бредорезультатов, посутились, подкрутили мне «вероятность ситуативного предательства» с тридцати девяти на двадцать семь процентов и думаете: я, весь такой благодарный, опять обмотаюсь вашими проводами в робкой надежде еще раз снизить? До пятнадцати?

— Товарищ полковник! Если вам дверцей авто прищемило плащ или даже палец — не значит, что всей стране надо вернуться в пешеходную эру. Между прочим, наши потенциальные противники используют детекторы поточно. Именно на больших потоках — реальный, подсчитанный эффект. Сейчас я к вам обращаюсь с прямой санкции генерала Бекасова. И не волнуйтесь, весь цикл вам заново проходить не нужно, только блок, связанный с вашим нынешним заданием. Я вижу определенное недоверие все же, вы позвоните генералу, лучше сейчас, тогда в четырнадцать тридцать мы могли бы приступить.

Старая боевая дружба выше возможности каких-то попреков «Ты меня сдал!» и т. д. Не унижаясь до проверочного звонка, Гарин, дослушав, пошел за Андриевским. Два прошлых раза имел место абсурд: «Лаокоон-880», предназначенный для массовой проверки на «конфликт интересов, вероятность ситуативного предательства» проходящего на службу молодого контингента, испытали (верификация, калибровка...) на самых надежных ветеранах. И у Гарина вылезли те несуразные цифры. Конфуз.

— Лаокоон, то есть уже «Лаокоон-1700», число тестовых вопросов выросло, — не только суммирует ваши ответы, замеряя физиологические реакции. Эвристические алгоритмы, элемент искусственного интеллекта, совмещают поиск по ветвям опроса со всей накопленной о вас информацией. Например, написанное вами двадцать пять лет назад вкуче с сегодняшними ответами может дать поразительную даже для вас картину...

Неизвестно, входило ли это в новый набор приемов «Лаокоона», но под монотонные объяснения капитана Андриевского испытуемый/допрашиваемый Гарин периодически вроде как засыпал. Всколыхнувшись через секунды, он с некоторым удивлением видел на экране уползающие вверх свои ответы как не свои...

— Благодарю вас, товарищ полковник. Полагаю, по результатам теста вам предстоит разговор в генералом Бекасовым.

Да, поразили на старости лет. Оказалось, прекрасные результаты лондонской командировки может полностью перечеркнуть абсолютно неожиданно и нелепо вставший... еврейский вопрос. А он еще юморил в отчетах, как ловко разложил по слогам Аркадия Лисовина, проставил ему подходящее ударение, обозначил его каналом инсайдерских сливов, намекнул на желательность его удаления с горизонта разворачивающейся красивой операции. И такой щелчок на склоне лет и успешной службы! Его разведочные/контрразведочные планы, красивые операции — устарелый наив. Оказалось, теперь важнее желания Камова, течение капитала, его денег. Что Лисовин доложил, кому пожаловался, можно догадываться, но Егор объявил: добытчик Аркадий ему гораздо нужнее, чем все заботы Гарина и его службы, и... перестал отвечать на звонки. Такое унижение: без одного футболиста и его финансиста — не просто рушится, дымом улетает вся комбинация. Для маркиза, для Анны и ее секты, для всей Англии Гарин превращается в ничтожную мошку, какой там выход на директора FA-6 Энтони Бэнкса!

Извиняться, цепляться за штанины незаменимого еврея Аркадия? Проставлять ударение в фамилии, где он пожелает? Психотренинг спецслужбы, беспредельная выдержка помогли бы справиться и с этим, но... Довершающий удар, всезнающий «Лаокоон» высчитал: «Нет, полковник Гарин не справится». Причем «Дано» для конечного вывода сей теоремы дотошная машина собрала по таким давним закоулкам, привлекла таких свидетелей, превращая весь мир в своих «стукачей», что потрясенный Лев Кимович готов был поднять руки: «Да-а. Не просто полиграф, подкрученный под нашу службу, это: Всевидящее Око».

По еврейскому вопросу, вдруг ставшему поперек гаринских планов, нужно сказать: представление об антисемитизме спецслужбистов — далекий от истины штамп. Еврейские анекдоты и грубый мужланский хохот в курилках говорили скорее о культе дружного заединства. Традиционный коллективизм замечал всех отличных, даже, например... рыжие попадали в фокус насмешливого внимания коллектива. Рыжим от этого было не легче, а рыжим евреям... В общем, неважно: «отщепенец» каким-то своим п(р)оступком «отщепился» или просто анкетным пунктом. С самого детства воспитующий вопрос, прелюдия к наказанию «А ты что, какой-то особенный?», миллионом повторов приучил замечать *отличия* без внутренней ненависти. Видели, что Система сквозь нивелирующий бубнеж сама понимала: именно особенные помогают прочим разглядеть дружное равенство в своем ряду. И оставила нам — вот же неафишируемый парадокс! — высшей оценкой по пятибалльной шкале «отлично», а «отличника» — выше «хорошиста». И спецслужбисты, квинтэссенция Системы, принимали отличия по пятому пункту, как погодные, топографические и т. д. условия.

Давно, кажется в первую пятилетку службы Гарина в отделе, весело отмечали премию, успех операции, связанной и корреспондентом Би-би-си, советником их посольства, диссидентами, «отказниками» (не выпускаемые из СССР, герои тогдашних новостей юмористически самоназвались «рефьюзники»). И в импровизированную стенгазету среди поздравлений получившему внеочередное звание, лозунгов «Так держать!» и прочей невинной чепухи... спец по рифмованным тостам лейтенант Гарин втиснул свой листок, стихотворение:

Эй, фараон, не выпускай евреев.
Рамзес-Хеопс, не бойся Моисея!
Советников своих вели повесить.
Я видел фильм по Библии: там «казней» только десять!

И Брежнев, не пущай! Не слушай свою Вику!
Они в «отказниках» сидят — так и привыкнул.
Не наводный ты ими Палестины.
И энтот Брайтон-Бич — не из резины... — и так далее.

Служивцы хохотнули, но все же с мыслью «Какой-то, э-э, перебор! Да еще про жену генсека» — и забыли. Как, где, зачем хранились тридцать семь лет дурацкие стихи, не понимал даже ветеран полковник. Но вместе с кипой подобной чепухи они всплыли и, не компрометируя полковника, просто указали: Гарину будет трудно вести «ровную, прагматичную линию» в отношениях с Аркадием Лисовином.

— Товарищ полковник, я по просьбе генерала Бекасова должен разъяснить вам: ваша... идейная верность несомненна, послужной список безупречен. Программа «Лаокоон-2200» лишь зафиксировала некоторые иррациональные моменты вашего поведения, впрочем пока контролируемые, подавляемые пока вашим «Я-сознанием»...

В возрасте Гарина слово «пока» в любой, даже сугубо положительной характеристике вызывает желание пальцев правой руки сжаться в кулак и мощно встретить левую скулу произнесшего. Но капитан прав: «Я-сознание», послужной список, занимаемая должность, контроль...

— Обработанные «Лаокооном» сведения не являются компроматом, скорее говорят о вашем творческом богатстве, нестандартности натуры. Например, импульсы неприязни к евреям перерастают в желание оставить их близ себя, не отпускать... Далее, импульсы в домашней обстановке. Абсолютное большинство, потеряв любимого человека, особо бережно относятся ко всему связанному с ним, к его питомцам, пусть даже домашнему растению в горшке. А не следят мрачно каждый день, наблюдая засыхание...

10.

— Бесценные подписчики канала «ГодЕгрНиа», постоянные зрители и вы, зашедшие сюда за свежими футбольными новостями! Сегодня вам предстоит поистине величественное приоткрытие завесы, поднятие тяжелого железного занавеса, как говорил один наш бульдогообразный премьер-министр, жеватель сигар и любитель русского коньяка, Уинстон... как его? вечно фамилию забываю... Не подскажешь...

Камера перепрыгнула с бойкой рыжей ведущей на златокудрого античного красавца с большими, чуть выпуклыми серыми глазами под властным разлетом соболиных бровей.

— Черчилль, что ли? — аполлонообразная голова слегка обернулась к «запомнявшей» ведущей, может, просто, чтоб дать зрительницам полюбоваться безукоризненно греческим профилем.

— Да! А я чуть не брякнула Чемберлен! Но выручил меня знаменитый форвард «Атлетик» Бильбао и самый красивый мужчина планеты, по версиям семи европейских журналов, — Егор Камофф! Сегодня стоимость футболки с буквами *ЕГР*, побывавшей на его плечах хотя бы полтайма, доходит до семи тысяч фунтов, не правда ли, Егр?

— Не знаю, никогда не торговал футболками.

— Bravo! Один-ноль! Буквально на первой минуте нашей передачи номинант на «Золотую бутсу» Егр забивает гол, продемонстрировав бесподобный дриблинг юмора. А вам, бесценные зрители, я открою секрет финансовых рекордов футбольной формы Егры. Это сочетание его фантастик популярности и... скрытности. Наш герой крайне бережно — слава богу, я не сказала «скупое» — дает интервью, раздает фут-

болки. Послематчевые обмены — аналогично. Вы же слышали, как в недавнем интервью возмущался сам Гарри Маккейн: он хотел пополнить-украсить коллекцию футболок в своем баре, и отказ надменного Егры, который сейчас сидит перед нами с выражением... нет — все же немного отличным от того, что ошарашило Гарри Маккейна после матча на стадионе «Олд Траффорд». Не правда ли?

— Конечно, Анна. И с тобой я обменяюсь, джемперами. Прямо в эфире?

— О, Два-ноль! Я бы рада, Егр, но нам ведь с твоим агентом Аркадием еще предстоит продать этот ролик на ITV-1, а там недавно ввели политкорректные правила, так называемый лукизм: показ на экране слишком красивых тел, надеюсь, вы понимаете, речь обо мне, — может оскорбить чувства бодипозитивных людей. Так что, Егр, лучше обменяемся в примерке после...

Под эту скороговорку ведущая опасливо запахла свой бесформенный розовый кардиган. Безразмерно просторный, он контрастировал с привычным, предельно облегающим видом телеведущих. Но может, это был просчитанный ход: сенсационность в кубе. Всего лишь второе подробное интервью для британского телеканала Егры Камова. Мегаселебрити — и ведущая под статью событию: поэтесса, новеллист, автор известной книги «Вещество английской веры». С первых мгновений она схватилась за «сверхзадачу Станиславского»: Егр остается таким же отстраненным божеством, но... «короля играет свита» — и шоу все же раскручивается:

— Сегодня мне, Анне Блум, доведется своим сорочьим треском и лисьим верещанием заполнять паузы надменного молчания, но за двадцать минут до начала съемки я выпила сто тридцать грамм прекрасной местной водки и по совету рекламного агента Аркадия Лисовина не закусила, а только занюхала. Это делается, делается... — и рыжая бестия, нагнувшись к лацкану пиджака с прицепленным микрофоном, мощно потянула носом, — вот-тт ттак. И чувствую себя — божественно. Егр, а ты что предпочитаешь из питья, закусок?

— Посланников своей родины. Настойку на кедровых орехах, облепиху в любом виде, пельмени, омуля. Это байкальская сельдь.

— Замечательно! Хотя о твоей родине, родне мы, надеюсь, еще поговорим.

— Не надейся, лиса!

— Итак, все видят, насколько тон-формат нашей беседы отличаются от обычных интервью футболистов? Мой гость, хотя сейчас это я гость в его России, в общем, гость моего шоу бесподобен... О! нам пора все же вспомнить эту игру, ну где еще сетки на столбах и все пинают пятнистый шар...

— Футбол?

— Точно! И в списке сенсаций этого фу-т-бола мой гость, даже не став лучшим бомбардиром сезона «Ла Лиги», да, Егр?..

— Семнадцать голов, второе место после Роналду.

— И все-таки он, не играя в этом сезоне за «Реал», сделал его чемпионом! Небывалый уникам в испанском футболе. Сейчас ведь там вся страна восхищается и спорит, не правда ли?

Гарин убавил звук и «накатил» еще рюмку настойки, пока Егр лениво и кратко рассказывал о сенсации (для кого и скандальной), сложившейся из предпосылок вполне привычных, что особо и поразило всю Испанию.

Типовой договор передачи игрока в аренду другому клубу запрещает его ставить на игры со своей командой. Избежание того самого «конфликта интересов», так знакомого Льву Кимовичу по допросам «Лаокоона». Вот и Егор в аренде у «Атлетика» Бильбао, который в предыдущем сезоне был вообще на грани вылета, оба матча против «Реала» пропустил, «Атлетик» проиграл плюс шесть очков мадридцам. Зато против

их вечного соперника «Барселоны» Егр вышел сверхмотивированным, его три гола и принесли «Атлетику» две победы над «Барсой», в том числе особо невероятную, два-один — на их домашнем «Ноу Камп». Итого: «Барселона» = минус шесть очков. И если учесть, что в итоге «Реал» обошел каталонцев всего на два очка, получалось: чемпионом его сделал Егр. Волны ярости и гнева ходят по «Барселоне» до сих пор, два месяца после окончания сезона. Специальная группа взялась расследовать: имело ли место особое тайное стимулирование Егры на матчи против «Барсы»? И судя по финансовым следам — да, было ему две подозрительных премиальных, однако не напрямую из «Реала», а утопленные в потоке траншей его рекламных контактов, в основном британских.

Это расследование ожидаемо упиралось в определенный философский даже тупик. По взяткам за «сливы матчей» дела ведут вплоть до уголовных. «Поддавки» — обман, оскорбление миллионов болельщиков, хотя и тут бывает сложно доказать «умышленно плохую игру». Но с какого бока подойти, как преследовать за «слишком хорошую, великолепную»? Запрещенных стимуляторов (а Егору их часто приходилось держать пред собой нумерованные пробирки) не нашли? Вопрос закрыт. Удачу, божественное вдохновение никто не отменял.

Станным образом в летней мадридско-барселонской полемике среди многих всплыла и статья с портала «ГодЕграНиа», которую дочь дала Гарину прочесть накануне лондонской командировки:

«Если при таких талантах, сверхреальных физических данных Егр еще не лучший в мире, значит, футбол просто не очень ему интересен», — издали начинала статья. Далее автор гнула в свою излюбленную сторону: «Значит, он создан для другого? Тогда для чего же?» и т. д. Попытки аналогий с Иисусом, «две тысячи лет назад тоже считавшимся врачом по глазным болезням, проказе, параличам... гипнотизером и рассказчиком поучительных басен», конечно, оскорбили добрых католиков, но тезис, что у Егры есть какие-то нереализованные запасы, возможности и цели, был понятен. Играл не на полную отдачу, а вот против «Барсы» вдохновился.

При напоминании об английских рекламных контрактах Гарин опрокинул внеочередную рюмку и покивал головой: «Понятно, Аркадий Лисовинер тебе незаменим совершенно. Добывает лондонские бабки и отмывает мадридские. Мани-мани-мани, на кармане. Ин зэ ричмэн велд».

— Деньги, деньги — предмет твоего «божественного вдохновения»! — разочарованно бормотал Гарин, отодвигая опустевший графин. — А мое вдохновение... мою тоже красивую голевую комбинацию с ФА-6 и Тони Бэнксом, ты, Егр, пе-ре-чер-кнул! Бес-по-щад-но.

Заснул на ковре перед нагло мигающим экраном, полковник Гарин в тот вечер так и не дослушал шедевральную беседу Егры с Анной Блум.

А на другом конце города, в строгом кабинете, где из «штатских предметов» только радиола и шкаф с пестреющими обложками пластинок, генерал Бекасов досмотрел передачу в мрачном одиночестве. Розовый балахонистый пиджак Анны разгадал сразу: восьмой месяц, иначе не скрыть.

Из обрушенных на мир шутиливо беседующей парочкой новостей двумя главными были: Егр дал добро на переход в лондонский «Арсенал»; осенью, возможно, перевезет туда семью. Врезом пустили кадры, снятые где-то в другом месте, но недавние: Егор играет с детьми, похожими на двух совят, рядом Нина, чья новая беременность не скрывается, но и не комментируется.

Анна с Аркадием Лисовином продали получившееся интервью-шоу на ITV-1 прямо в процессе съемки, причем ведущая не только упомянула об этом в передаче, но и подчеркнула: «ее интерес» — лишь в логотипе сайта «ГодЕгрНиа» в правом верх-

нем углу, с первой до последней секунды. Свою подразумеваемую «львиную долю» Егъ принял снисходительным кивком. Руководство ITV-1 наверняка впервые столкнулось с таким нахальным постмодернизмом в своей сфере, но имя Егъ, эксклюзивная порция новостей, невероятная манера ведущей да еще диковинное, непонятно кем и для чего выбранное место съемки: шлюз плотины Рыбинской ГЭС на реке Волге... все сработало на рекордный рейтинг. И кто-то на ITV-1 тоже почувствовал себя уставшим и отставшим от неумолимой жизни.

Придавленно застонал мобильник: «Звонок от Дарьи Гариной». Забыли: третьим «штатским предметом» в кабинете можно было засчитать отдельный телефон для частных звонков.

— Дядя Паша! Отцу, наверно, плохо было. Я так сперва подумала. Приехала, а он на полу лежит. Я уже начала в «Скорую» дозваниваться, но он поднялся, даже подскочил и забрал у меня телефон. Он, правда, сильно пахнет алкоголем, но думаю, ему и плохо было.

— Даш, а сейчас он где?

— Снова спит. Он проговорил что-то быстро и снова упал и заснул. Я не знаю, что сейчас делать.

— Так, Даш, успокойся и просто сиди с ним рядом. Найди какую-нибудь вальс-вальс, корвалол. Держи рядом и сиди. «Скорую» больше не вызывай. Я приеду через двадцать пять минут...

Сон Гарина перешел в неопасную фазу: просто сон. Бекасов больше опасался за Дарью: металась, то сжимала виски, то хватала подвернувшиеся чашку, вилку, телефон, зажав так, что было не забрать.

— Ну все хорошо, Даша, хорошо. Видишь, Даша, какой молодчина у тебя отец! С его гостайнами да в таком состоянии никак нельзя было в обычную городскую «Скорую», у нас на это другая есть служба. Он сам вспомнил, потому и не дал тебе, герой-герой. А ты чего так? Ну тише-тише.

— Па-па-па-нимаете, дядя Паш, он сейчас говорил, когда очнулся, он... Как маму похоронили, стал таким...

— Лев твой молодец, держит все удары. Но понимаешь, у нас столько всего изменилось. Он весной начал одно важное дело, хорошо начал.

— Это с Егором Камовым? Он перед отлетом рассказал. У него тогда какие-то планы были и настроение хорошее, впервые после смерти мамы. Он назвал, он прямо считал Егора Камова своим новым другом.

— Х-хы! Так он и меня считал своим другом! Старым. А я не отстоял, не прикрыл. Нас обоих считают старо-старорежимными. Да мы и есть... А чего он говорил тебе... в состоянии? Когда очнулся?

— Разное, и много невнятного.

— А про Лондон? Не говорил про каких-нибудь... маркизов или Нэнси, имя такое называл?.. Уфф. Ты прости, прости старика. Приехал друга спасать и вот допрос учиняю. Ну не реви так. О, корвалол нашла, как сказал, молодец! Давай тебе накапаю... Пошли на кухню, его лучше горячей водой разводить.

Присев на угловой кухонный диванчик они продолжили: Дарья всхлипывать, крупно дрожать, генерал Бекасов подыскивать слова.

— А мы же, Даш, поженить вас с Вадимом моим все мечтали, да. Он, кстати, на прошлой неделе привет тебе передавал. Но вас, видно, не проженишь. Я вообще о сверстни-

цах твоих говорю... А что, Даш, сейчас много девушек, женщин в Камова влюблены, да? Хотя, наверно, лучше, чем в артистов этих.

— Дядь Паш. Я понимаю, вам точно надо все знать, что отец говорил. Я точно запомнила, потому что как-то диковинно звучало. Мм-м, ага: «Резиденты сцепились. Вмертвую, Кембридж-Кембридж. Детекторы лжи проверяют друг друга, вместо вероятностей, вежливых математических формул прохрипят: „Врешь, паскуда!“ А про Егора Камова говорил, что Петр Леонидович, его отец, должен, — сквозь слезы улыбнулась, — должен был Егора пороть как следует.

Не все выданное поверженным беспамятным отцом Дарья передала генералу Бекасову, но упомянутая правдивая деталь помогла.

— А? Точно-точно. Отец должен!

«Точно» относилось не к телесному наказанию зарвавшейся футбольной звезды. Бекасов вспомнил, в самом хвостовом вагоне их разговора Гарин упомянул, что отец Егора, Петр Леонидович, правильный мужик, хотя и странноватый. Спец по химическим удобрениям, накануне долгой командировки в Южную Америку с женой, Инной Гордеевной, отдыхал на Байкале и, уезжая в Москву, в иркутском детдоме взял, усыновил мальчика. Много лет работал в Бразилии, Сан-Паулу, Егорку определил в детскую команду футбольного клуба «Коринтианс». Вернувшись в Россию, уволился, изредка консультирует свой «Агрохимэкспорт» по американским рынкам. Построили дом, поселились с женой в деревне Ярославской области за Волгой, в местах малолюдных, словно предчувствовали грядущую европейскую славу сына и очень хотели от нее укрыться. Несколько лет назад с женой Инной Гордеевной что-то случилось (пока не выясняли что). Егор навещает отца в каждую российскую побывку. И невероятное для всех место съемки программы, верхом на шлюзе Рыбинской ГЭС, как-то с этим связано: от гидростанции до деревни его родителей девяносто километров — рядом по обычным российским концам.

11.

Имя Петра Леонидовича Камова, в беспамятстве и сильном подпитии вспомянутое Гариным и переданное дочерью вызванному «другу-спасителю отца» генералу Бекасову, слегка развернуло линию работы по Англии. Устранивший Гарина новый подход невмешательства службы означал: если футбольный гений решил грести деньги — ладно, пусть все идет, как его Лисовин решит. Тогда даже если Егор и сменит гражданство — к службе не будет претензий, что, мол, мешали ему деньги зарабатывать.

В лондонский «Арсенал» переходит, это конечно, опасно, генерал Дымов был прав: все нити всего — всегда в Англию тянутся. Семью Камов из России забирает — еще опасней, да что теперь поделывать? Во времена оны всегда считалась: семья на Родине — страховка от перебежничества. Но риски есть и с вольно холостякующими, гуляками-«вахтовиками». А при таком женском ажиотаже, что вокруг Егора, особенно. Всего (всех) — не просчитать. И плохо, что по его жене никакой определенности: куда может клонить? Каков вектор ее влияния и какова его величина, сила? Все же скоро у них третий родится...

Но напоминание пьяного Гарина подсказало другой, возможно, более надежный «вектор влияния», и уже на следующий день блиц-поездка генерала Бекасова в ярославскую деревню к Егорову отцу дала результаты.

Краткий пунктир последующих звонков, разговоров по интересующей теме:

Петр Леонидович Камов — сыну: *«И еще, Егор, завтра выслушай, сделай, как они предлагают. А под этого, твоего, Ли-со... фамилию все забываю, как ударить...»* — «Аркадий

Лисовин». — «Вот-вот. Под Лисовина твоего никто и чайной ложечкой копать не будет. Считай, это я тебе пообещал...» — «Хорошо, отец».

Генерал Бекасов — Аркадию Лисовину: «Значит, Егор Камов тебе звонил? Сегодня? Ну и тебе понятна линия дальнейшего сотрудничества? А кстати, Аркаша, в две тысячи пятом ты ведь через фирму Искандера обналачивал, да? Пятьдесят три миллиона, верно? Извини, как-то вспомнилось нечаянно».

Аркадий Лисовин — Гарину: «А я тут все думаю, что это товарищ Гарин не звонит и не звонит своему старому другу Лисовинеру? Занят, наверно. Лев Кимыч, дорогой, давай мы завтра... Где скажешь».

Через неделю полковник Гарин вновь летел в Англию, где обживал и налаживал охрану нового дома нового игрока лондонского «Арсенала» Егора Камова, подыскивал основания и формат легальных встреч с маркизом Пэмбру, вдумчиво пестовал эту... одну пятую своей «кембриджской пятерки». Но вырисовывавшаяся стратегия работы и конспирации была весьма непривычна для большинства отделов службы Гарина. «Какой-то, я извиняюсь за выражение, постмодернизм!» — попытожил генерал Бекасов закрывая совещание. Получается, наш резидент — их ньюсмейкер?

Переход Егора Камова в английской Премьер-Лиге сенсация номер два (номер один все же — Гарри Маккейн). Зато в империи светских новостей Британии Егр царил безраздельно: «Звезда испанской „Ла Лиги“ взойдет над Лондоном?.. Аполлон сделал „Реал“ чемпионом, даже не играя за него!.. Убийца „Барселоны“ трижды поразил своими волшебными стрелами ворота Клаудио! Самый красивый мужчина Европы!.. Поэтесса Анна Блум ищет английские корни божественного русского подкидыша?.. Он манкировал Премьерлигу а теперь добудет Кубок — „Арсеналу“?.. Невероятная беседа в Рыбинске Егра с Анной Блум на ITV-1 вошла в Топ-5 британского телевидения... Потеснила эксклюзивный репортаж о нелегальных иммигрантах... Комментарии принца Чарльза по Брекситу... Британские аристократки — первые исповедницы культа „вернувшегося Аполлона“!.. После скандала в Мэдлэнсе они стали первыми мученицами культа? — Нет: великомученицами, испившими горькую чашу позора!.. Нашим консерваторам давно пора задуматься над воспитанием своих дочерей... Первая тренировка Егра в „Арсенале“ уже послезавтра!.. Супруга „вернувшегося Аполлона“ будет рожать в Англии?..»

Егр с Аркадием вели прежнюю, в общем верную линию сдерживания информационной инфляции, значительная часть PR-нагрузки падала на «координатора Льва Гарина». Что ж — шарахающийся от репортеров, телекамер представитель футбольно-светской суперзвезды вызвал бы еще большее подозрение. Отблески Егоровой славы, пять-семь комментариев в неделю, гром и блики паблсити на разведчике, наверно, это генерал Бекасов и назвал «постмодернизм».

Директор FA-6 Тони Бэнкс, конечно, следил за встречами, разговорами Гарина, однако... Вы пробовали фотографировать человека, прожектора за спиной которого бьют вам в объектив? Слабые контуры, засвеченные кадры.

Егр дебютировал дублем в ворота «Ньюкасла», красивейшим проходом и голом «Астон Виле», Нина родила двух девочек. Гарин выстроил надежную, но гибкую систему безопасности. Гарнизон составили Виктор Русланович Карагодин — охранник-водитель, Алина — горничная, помощник по быстро растущему хозяйству, тоже водитель и тоже охранник. Повар Василиса и беби-ситер (нянька) Наташа лицензии на ношение огнестрельного оружия пока не имели, но... «заслуженный мастер спорта по самбо» и черный пояс карате школа Шо-то-кан, а также полный курс «хом-бо» (секундное превращение почти любого предмета домашнего обихода в средство защиты или смертельного удара) как-то компенсировали девушкам отсутствие пистолетов.

Клинчи футбольных экспертов, треск светских хроникеров, скачки ставок на матч Лиги чемпионов «Арсенал»–«Барселона» собрали в Лондоне внушительную массу фанатов, политиков, евротусовщиков, артистов. Знаменитость из далеких и далеко не футбольных США, ар-н-би звезда Сальса Байонта шурясь в VIP-ложе на дюжину репортеров, умело скрывала слабое знакомство с турнирной ситуацией в лиге и вообще с правилами этой игры, более вспоминая «приятное знакомство с Егром» в вечер ее концерта в замке Мэдлэнс. О побеге Егра с ее выступления также не распространялась.

Присутствие в VIP-ложе Игнацио Тежу, наследника богатейшей бразильской бизнес-династии, с женой Сильвией и падчерицей Лурдес было ожидаемо. Сильвия, выпятив губы, как всегда, охотно позировала с «самой красивой девочкой планеты», пересаживала Лурдес с колена на колено, передавала публике приветы от своего деда Пеле.

Когда репортеры припомнили Игнацио давние его слова, желание, чтоб и последние в семье дети были похоже на «ангела Лурдес», он не отрешивался. Запустив пальцы в каштановую шевелюру падчерицы и перемигиваясь с ней, предложил вниманию окружающих семейный фокус. Лурдес с готовностью схватила листок футбольного пресс-релиза, отодвинув чашку, положила его буквами вниз, подала отчиму фломастер и, наклонившись, плотно приникла щекой, немного даже напомнив позу казнимой королевы. Игнацио, смеясь, обвел от подбородка до буйной челки надо лбом ясный профиль Лурдес, единая линия носика и лба, и подал репортерам. В облаке восклицаний «Егр! Егр! Гресс профайл!» (греческий профиль) Лурдес, добывая журналистов живой связностью, осмысленностью речи, редкой для девятилетней девочки, сказала, что папа Игнац бывает только рад, когда к ним приезжает папа Егр. А еще папа Игнац ни капельки не против и сам нанял ей Машу — учительницу русского языка. А больше всего на свете она хочет посмотреть на родившихся сестреночек Майю и Лену, понянчиться, поиграть со старшими Мариной и Юрием, которых не видела уже три месяца. Они, наверно, подросли, а Майю и Лену еще не видела совсем, вот.

Папа Игнац заботливо стер с ее носика след синего фломастера. Сальса Байонта умилилась, кажется, более всех. Заметив Игнацио, что-то шепнул, и Лурдес, забрав у репортера АТВ листок со своим профилем, отнесла и, не робея, подарила его мировой ар-н-би примадонне. Тут словно взорвалась цистерна меда. Умоляющий взгляд — польщенная Сильвия кивнула, и Байонта, прижав Лурдес к сердцу, усадила к себе на колени. Многие в этой разливанной ми-ми-ми-шности пустили бы даже стартовый свисток, но Лурдес, вскинув руку к полю, затем к экрану VIP-ложи, дающему крупный план выходивших вереницей из подтрибунного грота на свет игроков, счастливо выкрикнула: «Па!»

Титул «убийцы „Барсы“» Егр смог подтвердить лишь на семьдесят восьмой минуте, предварительно опять измотав защиту своими рывками. «Арсеналу» оставалось только не зевнуть в обороне, и первое место в группе было бы гарантировано. Но... зевнули Лионеля Месси, и Егру с полузащитой нужно было начинать все заново, за полторы минуты плюс пять компенсированных до свистка. Размочивший поле часовой дождь превращал атаки в подвиг выносливости, золотые кудри Егра, обернувшись грязно-серыми мокрыми кудельками, били по искаженному бывшескульптурному лицу... Сложив ладошки, Лурдес шептала молитву на экран, когда ее папа, прокинув мяч мимо Жерара Пике, чудом удержался, столкнувшись с Маскерано... Еще три летящих шага, удар, и... Ликуй, Лондон.

«Физика, голая физика. Правильно подмечал еще сам Пеле. Опять Егр перебежал всех. Надо бы его проверить», — цедили каталонские комментаторы...

Не поспев к завтрашним отчетам, в течение недели безусловно протиснутся околофутбольные статьи, дежурные эссе, не только разгоняющие егроманию, но и пе-

реводящие ее в регистры раздражавшие, бесившие русского футболиста. Во-первых, «лукизм, культ красоты, навязанный глянцевыми СМИ, ныне совершенно не политкорректен, угнетает простых бодипозитивных людей». Во-вторых, наверняка подключится скрывающаяся в России или, наоборот, разыскивающая там следы своего Аполлона поэтесса-новеллистка Анна Блум с обычным, слегка надоевшим «Ну а кем был Иисус две тысячи лет назад? Врачом-целителем, рассказчиком басен?».

Третьи, так же привычно высмеяв опозорившихся в Мэдлэнсе сектанток, вернут егродискурс на поле здравомыслия: дело просто в комбинации генов, так счастливо сложившейся конструкции хромосом. Некоторые физиологические параметры Егра, замеренные перед подписанием контракта с «Арсеналом», действительно нуждаются в исследованиях. Скоростные качества, состояние его артерий практически не изменилось за восемь лет замеров. Только у Криштиану Роналду наблюдался отчасти подобный эффект. Физические родители Егра неизвестны, но вряд ли это русские. Нашли его на станции Слюдянка Байкальской железной дороги. Поисковую миссию Анны Блум следовало бы всемерно поддержать... «Если б не ее сумасшедший неоязыческий уклон», — подхватят пятые.

Найдутся газетные места, телевизионное время и пятым-шестым, тянущим линию «новой этики», то есть ответственности, налагаемой на обладателя такого генетического дара... Что — увы — пока не видно доказательств осознания им этой ответственности!.. Егр Камов напоминает нам Россию, так же безответственно распоряжающуюся природными богатствами Сибири: вырубает тайгу, загрязняет мировой запас байкальской воды, нефтегазодобычей способствует глобальному потеплению... Кто бы ни были физические родители, его приемный отец, похоже, очень плохо влияет на взгляды сына. Равно и его окружение, десантированное из России. Позволяя ему зарабатывать в Британии десятки миллионов, мы должны внимательнее относиться к его комментариям и заявлениям...

Корреспондент ВВС-1 после матча с «Манчестер-Сити», искренне поздравляя Егра, сравнил его второй гол с балетным номером — и удостоился лишь краткой гомофобной ремарки, которую здесь воспроизвести невозможно...

Забыв (?) давнюю ссору из-за удара в фамилии, Аркадий Борисович и полковник Гарин слаженно трудились над монетизацией футбольных подвигов Егора Камова. Желавших разделить с Егром радость победы — три четверти Лондона. А дом на Дорси-Лейн вместит на вечер человек, ну... тридцать от силы. Известно: русские не любят пабы, не доверяют клубам, предпочитают домашний стол. К тому же сегодня главная героиня — Лурдес, прилетевшая к отцу и сестренкам. Гарин с Аркадием список гостей согласовали еще позавчера, но коррективы неизбежны: к президенту «Арсенала» и двум игрокам с женами, трем пишущим журналистам и одной съемочной бригаде (эксклюзивное право освещения тусовки Аркадий продал ANNA-TV) добавилась Байонта: суперприобретение, статус мероприятия повышался до уровня почти королевского, пара музыкальных магнатов и несколько неизменных светских тусовщиков.

Линда, жена адмирала Нэстингса, сестры Нэнси Бэнкс и Магда Хэрифор прошли, так сказать, «по списку Гарина». Камов радости встречи с мэдлэнсовскими знакомыми не выражал, но, видно, разговор у него с отцом был серьезный, и он вновь послушно принимал советы-указания Льва Кимовича.

И грянул бал. Допущенные счастливицы упивались звездным совпадением главных светских тем. Можно подойти, тронуть рукой, а то и выпить бокал с Егром, можно надеяться на разговор с Байонтой. А если она, расщедрившись, споет а капелла хотя бы пять тактов из своей «Анбеливэбл гел» — будет что рассказать детям и внукам.

Интрига дня, точнее, вечера: дневную победу «Арсенала» над «Барсой» сейчас наверно потеснит «матч Сильвия—Нина». Мать Лурдес с женой Егра уже пару раз встречались, но тогда пресса и глотатели новостей получили лишь краткие пересказы из третьих рук, а вот теперь это можно будет видеть невооруженным глазом. Буйная мулатка, внучка Пеле, и русская якутка. Одна с чудо-дочкой фланирует по всем журналам, телеканалам, другая — безвестная певица, повязала Егра детьми: ее четыре козыря пока подрастают, а может, вырастет и число их? Пикантности добавляла и Сальса Байон-та, весь вечер восторженно подхватывающая на руки Лурдес. Это тисканье не могло не напомнить собравшимся о печальной стороне судьбы обладательницы пяти «Грэмми»: наркотики, выкидыши, побои мужа и «солнечный ребенок», куда-то за-прятанный сын с синдромом Дауна.

Наи-скандальный таблоид «Ньюс оф зэ волд» (травивший, провоцировавший еще «Роллинг стоунз» на взлете их карьеры) дал самый подробный отчет. Корреспондент «Ньюс...», разумеется, не был в числе допущенных на вечеринку Егра, но когда это их останавливало? Так жаждущие британцы получили все горячие подробности с присказками: «как сказал один, пожелавший остаться неизвестным...», «по слухам...», «как говорили...».

А еще: «как нам сообщила графиня N. N...» — это был уже прокол таблоида, ибо из приглашенных носительницей именно этого титула была лишь Магда Хэрифор. Сновавшая рядом ее сестра Нэнси с выходом замуж графиней быть перестала. Хотя в ее будущем и прорисовывалась некая сложная комбинация с маркизатом Пэмбру, но это далеко впереди, в отличие от штрафа за «графиню N. N.», грозившего таблоиду в ближайшем месяце.

В общем, полковник Гарин мог надеяться, что его разговор с Нэнси Бэнкс, женой директора FA-6, утонет в потоке «ньюс»-сплетен, в том числе дичайших. Якобы прислуга-охрана Егра развлекала гостей поединком в формате русской школы «хом-бо» (использование в поединках бытовых предметов): обнаженные по пояс атлетические красотики повар Василиса и нянька Наташа показали гладиаторский вариант «подушка против скалки и фена». Прилетевшая недавно кормилица младших дочек Люба, тоже мастер спорта по самбо, выступила рефери уникального поединка, потом показав хит: унитазный ершик против раскаленного кофейника. Гости в восторге... Иллюстрации к статье «тупо» взяты из фотобанка: Василиса покупает овощи в магазине, Наташа с коляской в парке.

А фотографии Сильвии и смуглого ангела Лурдес — вообще не проблема: по некоторым подсчетам, они составляли уже семь процентов мирового светско-сплетенного контента. Из той же бездны была поднята старая история «Секс в обмен на свидание с дочерью», проданная Сильвиной служанкой, живописавшей: «Донья грозилась убить, никогда больше не дать Егру увидиться с дочерью... но заезжая к ней после игры... он обнимал... донья медленно таяла... утром они играли с малышкой Лурдес» и т. д.

А сегодня с дочкой Сильвии мило играла «разлучница» Нина. Несколько раз Лурдес тащила жену Егра в сад, а потом, вернувшись, восторженно объявляла матери и окружавшим: «Нина может, как хаска!» В очередной раз заинтригованный корреспондент и ревнивая мать тихонько вышли за ними и увидели-услышали: миновав шеренгу пиний, Нина задрала голову к луне, тронула себя за горло и вдруг громко завыла, изображая волка или собаку. Лурдес в восторге подпрыгивала, услышав, как на вой Нины стали откликаться собаки соседних домов...

Сенсация номер один: «Байон-та и Егр, соблазнение в автомобиле» сопровождалось малодоказательным коллажем фоток: отделившись от гуляющей толпы, они выходят из дома (снимок со спины), потом две неразборчивые фигуры у раскрытой двер-

цы «бентли», принадлежащего Байонте, и крупно — сияющая примадонна — фото с ее прошлогоднего концерта в Манчестере.

Точной деталью именно этой вечеринки в статье был лишь список деликатесов и напитков: традиционный русский набор с водкой плюс белые трюфели, лобстеры и тридцать восемь бутылок шампанского «Кристалл». Соответственно, и ехидные комментарии на сайте «Ньюс...»: «Браво вашим журналистам! Были допущены к утреннему осмотру баков с объедками и пересчету пустых бутылок!»

12.

Великая страна всем найдет место и утешение. Подкидыш убогий Алексей, прошедший все ступени госприютов без надежд на приемную семью, затурканный здоровыми детдомовцами, изгой среди изгоев — и он получил свои порции тепла, внимания, любви, научился хранить их. Бережней, чем многие помнят ласки матерей, он сберегал все слова, жесты, улыбки Анны Николаевны, защищавшей его от полярно-хладного равнодушия брата Егора.

Хромой, точнее, подволакивающий ногу, с детства редковолосый Алексей имел еще одну особенность: часто и довольно громко говорил сам с собой. Понятно, сколькими дразнилками, пинками, заушинами это ему оборачивалось.

Учитель с шестого по восьмой классы, замученный текучкой, дрызгами и отчетами Семен Арнольдович успел разглядеть математические способности Алексея. Вовсе не выдающиеся (как красота и сила брата), так что сказка «вундеркинд иркутского приюта» обошла его стороной. Однако побед на областных олимпиадах по математике, физике хватило для принятия в основанную в 1960-х годах при Ленинградском государственном университете знаменитую физматшколу-интернат номер сорок пять, собиравшую на девятый и десятый классы подающих надежды.

Не взятый в семью Камовыми и другими визитерами детдомов, он так и остался с фамилией по месту находки: Слюдянский. Отчество — бери словарь, полный произвол — он взял Семенович.

Наталья Павловна, учитель литературы в питерском интернате, особо не выделяла Алексея, однако и ее одной сверхсреднешкольной минуты внимания сибирскому сироте хватило надолго. Задержав однажды после урока, она достала из сумочки красный раздвоенный проводок, подошла, запихнула один конец Алексею за лацкан, а два других, заканчивающихся белыми подушечками, воткнула в уши. Обычная гарнитура мобильного телефона, входившая тогда в обиход, защитила сам с собой разговаривающего юношу, приобщив к деловому сообществу обсуждающих на ходу какие-нибудь важные новости. Телефон к подаренным наушникам он смог купить лишь с первых заработков программиста.

Воспитательница Анна Николаевна, «математик» Семен Арнольдович, «русичка» Наталья Павловна, еще буквально два человека, подаривших минуты для души, и... Егор Камов. Глядя на сиявшие в Интернете фотографии брата, Алексей улавливал волны неизвестной части спектра: едкий ли ультрафиолет, добрый ли инфракрасный жар. Чувствовал несомненно какие-то лучи и расшифровывал несомый ими сигнал: «Мы с тобой еще непременно увидимся». Зарплата способного инженера Ай-Ти фирмы и экономия, бытовой аскетизм давали Алексею надежду через несколько лет переехать из коммуналки хотя бы в «однушку». Узнавал из новостей, что Егор регулярно навещает в Ярославской области приемных родителей, за что мысленно его хвалил. Точнее, его «мысленные речи» оборачивались теми сам с собой разговорам и вслух, за которые в детдоме получал тычки и пинки, а в физматшколе от Натальи Павловны —

«маскировочные» наушники. Егор был, конечно, недосыгаем, но надежда увидеть, поговорить в дни его побывок у родителей была топливом души Алексея...

Возможно, его «разговорная болезнь» и развилась из-за разъединения, невозможности поговорить с братом? Но эту версию, чреватую трепом психоаналитиков, жалостью к себе, упреками к звездному близнецу, он никогда не развивал. Стесняясь писать Егору напрямую, но мучимый жаждой подать хоть какой-то сигнал о себе, он и послал весточку Петру Леонидовичу Камову, зачем-то приложил свою фотографию, ту, что Егор, барахтаясь в банкирском бизнес-джете и допивая бортовое шампанское, вспомнил и описал жене.

Двум серьезно страдающим англичанкам с адресными и анкетными «наводками» и практически неограниченным бюджетом разыскать брата и приемных родителей своего Аполлона было вопросом времени, очень недолгого. Но кто бы описал бурю разрывавших тогда Зельду Пэмбру и Анну Блум страстей? Страх мести обманутых сектанток: подходили отмеренные девять месяцев со дня (ночи) сорванной оргии в замке Мэдлэнс, пристального зеркала, в которое они прошептали клятвы, и двенадцати кровавых оттисков левых мизинчиков. Удерживала в России и жажда найти разгадку рождения/происхождения Егры. А все прочие страсти тянули в Лондон так, что это походило на старинную казнь ведьм: разрыв прищипоренными лошадьми. Английский дебют кумира, рождение близнецов-дочерей. С переездом семейства дети Егры от русской якутки впервые стали доступны телелицемерию британцев. И сам он почти достигаем не как раньше, в тот единственный приезд из Испании. И как на эту дразнящую близость отреагирует ее койнония, секта, наверняка прибираемая к рукам ведьмой Магдой Хэрифор?! Нервический ажиотаж, приезд в Лондон его старшей дочери, смуглой красавицы Лурдес, покоряющей весь мир и дразнящей, распяляющей ее сектанток. Исторический матч с «Барселоной» и божественный раут, на котором просто обязана быть она, а были... обе Хэрифорки!

Развернутая телепередача на ANNA-TV (эксклюзив, проданный Аркадием Лисовиным) и расходящиеся кругами видеоотрывки разрывали сердца изгнанникам. Анну особенно царапало одно случайно брошенное в телекамеру замечание Егры.

Корреспондент довольно занудно (Анна чертыхалась) тянул нить разговора к идеям: избранничества, «стар систем», Большого Спорта, известной «пирамиде Пьера Кубертэна».

— А как вы относитесь к тому тезису барона де Кубертэна?

Возможно, пьяный Егр кивнул, чокнулся бокалом с яркоцветным микрофоном ANNA-TV:

— Рич-чи! Ты к чему тянешь? Чтоб я сейчас, выкатив глаза переспросил: какой такой тезис? Или даже: какой такой Кубертен? Ладно, вуаля, уточняй про «тезис».

Но перебив корреспондента на вдохе, подошла Лурдес, приткнулась к отцу, заглянув вверх, спросила, наверно, на русском: различимы были только имена.

— Па! Я хочу еще глянуть на Лену и Майю. Можно?

Егр запустил пальцы в кудрявую, но некурчавую шевелюру дочери, потрепав секунды, ответил. Наверно, разрешил, потому что звездная девочка радостно побежала через зал, выкликая: «Нина, Нина, пойдём! Можно!»

Проводив ее взглядом, журналист продолжил: «Барон де Кубертен, базируясь на древнегреческой пословице «Без хорошего нет и великолепного», оправдывал спорт, сейчас называемый «спорт больших достижений». Защищая от сторонников только массовой физической культуры, говорил: один сверхгерой, чемпион вдохновляет на соперничество с ним десятки тоже великих спортсменов, без них ему не с кем

соревноваться. А эти десятки великих могут произойти только из многих сотен. Сотни манят уже миллионы любителей. И так далее... заканчивая на всех наших восьми миллиардах людей. Величественная пирамида, не правда ли, блистательный наш Егр?

Егор, казалось едва дослушавший пирамидальное занудство журналиста, допил, очертил вздетым бокалом круг над головами, словно приглашая заглянуть.

— Только почему... заканчивая восемью миллиардами? А, Рич?

— Ну, это население всей нашей Земли, — словно зачитал поликорректную брошюрку ООН, ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ. — Так подсчитали.

— Пон-нимаешь, Рич, может, они и насчитали восемь миллиардов. Но вокруг нас порхают... еще сто миллиардов душ! Которые еще не родились, а может, никогда и не родятся... А чтоб родиться и им, надо выиграть. Так что пирамида уходит в бесконечность, Ричи.

Слушавшая, смотревшая Анна Блум на этом месте замерла. Раза три вдохнула, словно не умея выдохнуть, оглянулась на Зельду, ожидая подтверждения, и наконец, высвободив легкие, беспомощно спросила:

— Ты слышала? Правда? Это он сейчас так сказал?

И отыскав в ютубе, несколько раз пересмотрела момент откровения.

— Души. Вокруг нас. Ждут. А может, и не родятся. Может. Сто миллиардов вокруг. Порхают. Тоже в ожидании победы рождения... Но, Зельда, ты видела, как он это сказал?

— Спокойно, холодно? Да, Энн? Как-то слишком равнодушно?

— Да. Мне, смертной, такой мысли о неродившихся, порхающих вокруг нас, хватило б на три восторженные поэмы, на все посмертное собрание сочинений! А он? Понимаешь, он сказал это совершенно мимоходом, какому-то случайному идиоту с микрофоном. Но ведь только так все и происходит. Ветер, молния, солнце — они же не выбирают кому, в кого. Это и есть — божественная атараксия, бесстрастность.

Зельда подтвердила распахнутыми глазами: «Да, для футболиста — более чем слишком. Абсолютно нереально». И вдохнув порцию Аннинного «вещества веры», с новой силой отдалась потоку: Божество! И сейчас в ней, под ее трепещущей диафрагмой, шевелится ребенок. Дитя вернувшегося Аполлона... В свиту Зельды и Анны, заботливо составленную маркизом Пэмбру, кроме «бодигардов», входили двое из семи врачей семейства Пэмбру. Как писали раньше: «на преданность которых они могли рассчитывать». Доктор Альберт четырнадцать лет пользовал маркизу Зельду, акушер-гинеколог, но засуха бесплодия оставляла в бездействии первую половину специализации. Шестым в свите была секретарь-переводчик Кристина. И если вспомнить, что Анна сама была когда-то взята к Пэмбру по контракту: «секретарь», Кристина, получалось, служила «секретарем секретаря». На ней и враче Альберте, бывавшем в Москве, Петербурге и Казани, имевшем там знакомых, лежала функция интерфейса со всей Россией.

«Великое английское посольство» уже побывало в далекой ярославской деревне. Восторженно вошедшие в дом приемного отца Егры, Петра Леонидовича Камова, побыв там часа три, Анна и Зельда вышли сильно задумчивые, если не ошарашенные. Анна тихо скомандовала: «Теперь — в Санкт-Петербург».

Город на Неве с проживающим там братом Егра стоял в план-графике «посольства», но предполагалось: сначала Зельда и Анна будут рожать в Москве и только через месяц, возможно, отправятся дальше.

Решив до родов заехать в Питер, плззнакомиться с Алексеем Слюдянским, они усложняли и без того кошмарную миссию доктора Альберта. Все детальные обследования, УЗИ, анализы, прочее беременные Анна и Зельда запретили по причинам, которые, наверно, считали религиозными. Это полбеда: доктору в молодости довелось поработать в племенах Судана, Эфиопии, Сомали, а позже лечить сектантов, запрещающих

пересадки органов, переливание крови, вакцинации. То есть миссия доктора-«канатоходца», пролагавшего курс лечения среди дурацких претензий фанатиков, была ему знакома. Но десантироваться вместе с пациентками в малознакомую страну да еще организовать роды втайне ото всех, кто бы мог связаться с британскими властями? Сохранить инкогнито рожениц, когда нельзя и пломбу поставить анонимно? На все законные вопросы доктора маркиз Пэмбру только вздыхал и повышал сумму гонорара, райдера, бюджета экспедиции.

Некоторую часть трудностей и странностей своего дела Альберт на пути Ярославль — Петербург в нескольких звонках изложил своему коллеге и приятелю по африканской миссии, русскому доктору Геннадию. Тот обещал подумать, решить, упомянул ключевое слово «Кингисепп».

Подруг-исследовательниц более всего занимала фраза, брошенная приемным отцом. Видно, Егр подробно ему рассказывал о своих новостях, возвращаясь в Европу, груженный его советами, даже указаниями.

И когда англичанки завели речь шла об искушениях мировой славы, опасностях больших денег, Петр Леонидович ответил: «Да, Егор без своей чурапчинки пропадет точно».

— Без кого-кого? — Анна, не полагаясь на свой слух и скромный «русский разговорный», переспросила переводчика Кристину и доктора Альберта.

— Без чурапчинки. Это Нина, жена его.

Еще каких-либо пояснений суровый приемный отец не дал, и всю дорогу на Петербург Анна с помощью Кристины, интернет-поисковиков выясняла значение слова «чурапчинка». И оказалось, это не эпитет, не какая-то похвала женщине, без которой Егр «пропадет точно», а... термин, связанный с топографией. Чурапчинский улус — область Якутии, как утверждали справочники, более всего пострадавшая во Второй мировой войне. Отправив всех мужчин на фронт, чурапчинские женщины, дети, старики сильно голодали, и якутские начальники отправили всех работать на рыбоперерабатывающие фабрики на самом берегу Ледовитого океана. В дороге и на тяжелой работе умерли, по разным подсчетам, около трети чурапчинцев. Одна из выживших девочек после войны училась в Москве, вышла замуж за инженера, русского. Нина — их дочь, са-ха-ляр-ка, так называют русско-якутских детей. Эта смесь действительно отличается красотой (тоже отмечено в Интернете), но какие еще качества Нины были, по мнению отца Егра, так спасительны — выяснить только предстояло...

— Анна, как думаешь, стоит ли рассказывать Алексею про Петра Леонидовича? Что он мучается именно из-за него, отброшенного брата?

— Да, наверно, об этом он сам ему написал. Может, заглянем?

Отец Егора, узнав планы англичанок, передал с ними письмо Алексею. Прощаясь, вложил в конверт и, не став заклеивать, жестом королевского доверия передал маркизе. «Джентльмены не читают чужих писем», жены джентльменов — аналогично.

Вежливый бодигард осмотрел коммунальную квартиру Алексея строго в пределах дозволяемого, то есть его комнату, кухню и места общего пользования. Соседи выглядели из-за трех остальных дверей, когда он просигналил и охраняемая на лестничной площадке двумя его коллегами английская делегация вошла в коридор. Полный переполох в коммуналке Алексея Слюдянского... сумбур вместе с музыкой: это сосед, старый дурашливый бывший хиппи Анатолий решил организовать гимн, но в своих кассетах нашел только концовку альбома «Квин» с сильно переиначенной «Боже, храни королеву».

Хотя разговор с Петром Леонидовичем Камовым отчасти их подготовил — все равно — сумбур запрыгал и в головах англичанок. Алексей — живая и узнаваемая во многих чертах карикатура на их Аполлона. Но голос, голос! «Один в один», абсолютно неотличим от бархатного баритона Егера. Вообще, ослепни Зельда с Анной за минуту до встречи, буквально в тот момент, когда охранник обыскивал квартиру, а они стояли на лестничной площадке — было бы, наверно, лучше! Еще бы одно свидание с божеством, и коммуналка на Петроградской не уступила бы их прошлому месту встречи — замку Мэдлэнс.

Увы, они не ослепли. Струпья старых красок на оконных рамах и дверях, витые косички ветхой электропроводки. Рваные, тертые, как джинсы, обои с прищипленными страницами журналов: портреты брата. Пестрая делегация во главе с двумя беременными англичанками молча озиралась, заговорить попыталась лишь Кристина — «секретарь секретаря».

А секретарь первой руки, Анна, разглядывая портретную галерею, нашла среди прищипленных страниц скриншоты своего сайта. Свежая статья с кадрами ее беседы с Егором на шлюзе Рыбинского водохранилища. Нечаянно воспроизведя сцену высадки англичан XVIII века на незнакомый дикарский остров, Анна ткнула пальцем на картинку, где она лихо вела беседу с Егором: «Ми! Зэтс ми!»

— Йес, ай хэв рекогнайзд ю, — ответил абориген, вызвав первые улыбки делегации/десанта.

Спокойная, не загруженная «божественными» ожиданиями Кристина рассказывала о визите к Камовым в ярославскую деревню, о погоде, российских впечатлениях вообще. Терявшийся Алексей никак не решался спросить. Он, конечно, несмотря на маскировочную версию Аркадия Лисовина («поощрение подающих надежды программистов Санкт-Петербурга»), сердцем угадал, что триста тысяч рублей ему прислал брат, и теперь пытался сопоставить: сказочный визит, наверно, как-то связан с тем внезапным денежным «вспоминанием»? Анна мужественно несколько минут поддерживала нить разговора, оглядываясь, спрашивала: «Что значит ком-му-нал-ка? Это как-то связано с ком-муниз-мом?» Протиснувшийся сосед Анатолий, как все хиппи считавший английский своим вторым/первым родным, громко ответил: «Оф кос! Директли конектед!»

Но маркиза этого не услышала, последним усилием она протянула Алексею письмо от Петра Камова и... не упала, но как-то тихо сползла в глубокий обморок. Вмешавшийся доктор Альберт свернул визит...

Питерский его знакомец-коллега Геннадий предложил план, дававший наибольшие надежды на анонимность: «Главное — вызов „Скорой помощи“, „Скорая“ у нас — святая. Примут всех. И у них всех примут».

Неплохой роддом есть в городе Кингисеппе, это районный центр в Ленинградской области, час быстрой езды от Питера. Почему Санкт-Петербург окружала именно Ленинградская область — объяснять было некогда, главное, в Кингисеппе главврач — более-менее надежный друг Геннадия.

Станным образом именно здесь пролегал маршрут из въезда в Россию, через Таллин на Петербург. Будь доктор Альберт получше знаком с русским бэкграундом, он бы громогласно вскинулся: «Велика Россия, а Кингисепп не объедешь!»

Автовокзал на восточной окраине неминуемого города был всего лишь пластиковым киоском, но зато с двумя лавками внутри, куда и пристроили женщин. Охрана наблюдала в отдалении. Вызванные две «скорых» забрали Зельду, Анну, сопровождавших доктора Альберта и Геннадия. Его надежный друг оперативно принял и разместил:

а) двух рожениц; б) восемьсот тысяч рублей; в) версию про двух — блин! — аргентинских туристок в бессознательном состоянии, Линду и Кончиту, копии паспортов которых сопровождающий их доктор, почему-то англичанин, обещал позже прислать.

Пунктами размещения были: а) отдельная двухкоечная палата; б) сейф в кабине; в) многоопытная башка главврача, известного и незаменимого в своем городе.

Линда-Зельда и правда с момента встречи с Алексеем полтора часа была в беспмятстве, а Кончита-Анна в состоянии... по-английски «гroggi».

Закрыв дверь к «туристкам», Геннадий и его кингисеппский главврач громко перевели дух. Палата-люкс, подобно гостиничному номеру, имела свой санузел и коридорчик-«предбанник», для кого-то и холл. Главврач свистнул двум сестрам — через минуты в коридорчике стояли три стула и стол со всем в России полагающимся. Присев, они еще раз перевели дух, пригласили присоединиться доктора Альберта. После третьей они начали смеяться, после пятой — просто ржать. После примерно девятой и доктор Альберт понял: все дело — в русском кино про «Семнадцать мгновений». Что... «Ты только прикинь, сестры догадаются, что Линда и Кончита будут, рожая, кричать „мама“ — не по-аргентински».

13.

— Слава богу, Ген, у нас в России и Ленинградской области главврачей роддомов трахают только за повышение показателей смертности, родовых травм и послеродовых горячек. А то б мне еще за ваш псевдоциез по башке настучали. Уронили мне статистику, но... по этому пункту она к нам пока не добралась.

— Старик, я правда был не в курсе. Да что я — Альберт, их семейный, персональный доктор, наблюдал обоих — и то. УЗИ не делали, кровь не сдавали — у них там какая-то своя религия.

— Эти, что ль? «Пригласите в зал свидетелей со стороны Иеговы»? — главврач пердразнил судебного распорядителя.

— Ну типа того. Альберт говорит: языческое, древнегреческое что-то. Типа, во время богослужения понесли от бога, просвечивать нельзя. И так, мол, просветленные. Да у нас такие тоже мелькали в новостях. Кузя какой-то, по землянкам прятались.

— Но эта, Кончита, может, и чувствовала, потому не давалась. Ладно, Ген, одного ребенка-то мы им сдаем, все о'кей. Хотя Альберт твой, если все растрезвонят, сильно репутацию свою подмочит. Девять месяцев наблюдать, не распознать ложную беременность!

— Может, он больше за другой наблюдал? Линдой. Она, типа, главная, а Кончита при ней. А ты пошерсти по справочнику, полно случаев, что псевдоциез диагностировали лишь во время «родов». Нет, в целом в потоке — редко, но по статистике — редко, но все ж бывает. Сейчас. Геннадий покосился на книжные полки главврача, но открыл ноутбук:

— Так... Клинические проявления аналогичны истинной беременности: порой полное отсутствие менструации (аменорея), набухание, увеличение молочных желез. Во! Секретция грудного молока, гиперпигментация сосков, утренняя рвота, тошнота, увеличение массы тела, лордотический изгиб позвоночника, ощущение движение плода, схваткообразные боли по приближению к дате родов... Так, еще... Этиология. Причины ложной беременности могут быть психическими, психологическими. Психические причины развития ложной беременности — это наличие функциональных неврологических расстройств. Психологические причины часто идут в дополнение к психическим. Группу риска составляют женщины после тридцати пяти лет, особо

мнительные и впечатлительные... Ага, похоже, ее случай! Вот дальше. Псевдоциез наблюдается в одной из двадцати двух тысяч беременностей. В Африке одна ложная беременность на триста сорок четыре беременности истинных, в Индии одна на четырехста восемьдесят шесть...

— А у нас? При мне, за пять лет — не было. Надо, Ген, с твоего Альберта еще полимона снять. Портит показатели Кингисеппского района и родной Ленинградской области! Шучу-шучу. По бумагам мы оказали помощь, родовспомогли одной аргентинке, ребенок здоров, выписали, запрос в их консульство отправили, пошлют через месяц они нас подальше — ну, значит, туда нам и дорога. Ладно, пускай твой Альберт заходит, прощаемся.

Задерганный доктор Альберт слушал рассеянно, шевелил губами, наверно, уже составлял отчет маркизу Пэмбру. Главврач, желая поставить последнюю внушительную точку, развернул к себе ноутбук, выкликнул страницу и строгим тоном зачитал:

— Первым документально зафиксированным случаем стала ложная беременность старшей дочери Генриха Восьмого, английской королевы Марии Тюдор. Она же Кровавая Мэри. Тридцати восьми лет, отчаянно нуждалась в наследнике. В королевстве официально объявили: роды состоятся в апреле 1555 года, было отобрано пять кормилиц. «Роды» завершились ничем... Так, дальше... Вот... Повышенная активность симпатической нервной системы является причиной кажущихся движений плода и схваток во время ожидаемой даты родов. Академик Иван Павлов, — главврач строго обернулся к доктору Альберту, — между прочим, наш лауреат Нобелевской премии! В развитии ложной беременности придавал большое значение кортикальным импульсам под влиянием самовнушения. Считал, что в коре головного мозга развивается ультрапарадоксальное фазовое состояние. Соматические изменения объяснял эндокринными расстройствами: гипоталамо-гипофизарными, яичниковыми, надпочечниковыми. Ясно?

Безмерно усталый англичанин не то спросил, не то вяло уточнил:

— Но это академик Павлов... о собаках?

Главврач презрительно отмел:

— Написано же — самовнушение! Какие... Может, вы там с королевой вашей досюсюкались с этими... кривоногими коротконожками. Но собаки в России, в Ленинградской области на благо человека служат. Без самовнушений!

Доктор Альберт беспомощно посмотрел на Геннадия.

— Ладно, старик, мы поехали.

— Привет... Аргентине! Пусть не плачет обо мне. Сделал, что мог. Заезжайте еще.

И ведь заехали. Но как и зачем, этого бывалый главврач и предположить не мог.

14.

— Кимыч, ты один?

— Эх, та-ва-рищ генерал! Это где ж вы так нализались?

— Погоди. Счас догонять меня будешь. — И пройдя в зал, генерал Бекасов начал доставать из баула бутылки, багеты, пучки зелени, подложки с рыбными нарезками, банки. — Где нализался, говоришь? У Егорова, вот так. И представь, Виктор Палыч к нему в кабинет заходит... Тоже поздравил, тебе просил передать самые лучшие, даже выпил с нами пару рюмок. Конечно, по всем заслугам и ты там должен быть, но... я этим протоколом не командую. Главное — наш проект признан приоритетным по всему западноевропейскому направлению. Да, я ж тебя спросил: ты один дома? Дашка?

— Недавно вроде была. Чайник теплый, а смотрю: плаща, сапожек ее нет. Упылила куда-то. Я сам недавно пришел. Странно, куда она в десять вечера?

Лев Кимович распасовал вываленную на стол гору покупок Бекасова, преобразовал все — в холостяцкое застолье.

— Знаешь, даже и хорошо. Нет, я всегда рад твою Дашку повидать, но сейчас надо и переговорить серьезно, и обмыть проект, выпить еще серьезней... Так сначала ты сепаратно оприходуешь вот этот фужер... Да-да-да. Во-первых — для синхронизации наших состояний, иначе неинтересно будет общаться. Та-а-ак. И теперь второй — как главному имениннику, герою дня. Все же в курсе, кто автор, исполнитель идеи. Даже шутку твою оценили: «Одна пятая кембриджской пятерки», вишь, я не присвоил... Та-а-ак. А теперь можно продолжить поровну. Давай.

И обсуждение деталей одобренной операции продолжилось, как писали газеты прошлой эпохи, «в откровенной и дружеской обстановке».

Прикатившийся из Испании в Лондон огромный и быстрорастущий ком светско-футбольных новостей и сплетен признан неплохим прикрытием. И неважно, что директора-координатора Льва Гарина с первых дней называют кагэбэшником, эфэсбэшником, а дом Егора Камова — «русской военной базой на Дорси-Лейн». Что фотографии «гарнизона»: помощница по хозяйству, повариха, нянька, кормилица — не покидают страниц таблоидов уже почти полгода — типичные русские красоти-соблазнительницы из голливудских фильмов. Кому ж еще охранять семью русской звезды? Сами же признаете: толпы папарацци, ненормальных фанатов. И вот... вместо всегдашней незаметности, неброскости серых плащей, темных очков — получились шпионы, не вылезающие из «Топ-10» светских сплетен. Так, чтоб британские агенты, отправленные следить за Егром, его женой, поварихой, координатором, с трудом бы протискивались сквозь толпу корреспондентов, папарацци: «Пропустите, я из FA-6!» — «Плевать, я из „Дэйли миррор“!» — «Да я вообще из „Таймс“!» А вернувшаяся (надеемся) из России с любовью и ребенком маркиза Пэмбру займет свое законное место в секте почитательниц Егра.

В идеале англичане об этом должны начать снимать ситком — Аркадий Лисовин сумеет хорошо продать права на сериал.

В общем, все, что генерал Бекасов на летнем совещании назвал «такой, товарищи, извиняюсь за выражение, постмодернизм»...

Сегодня они даже своих битлов, роллингов и цеппелинов не заводили, такое сочетание собственной радости и стратегической серьезности планов. А последние-предпоследними словами засыпавшего в кресле генерала были повторы поздравлений с выходом на философское резюме:

— Видишь, Лев, ничего нет навсегдашнего. Прошлый раз я был у тебя... когда? В июле, когда Дашка позвонила, а ты вот тут лежал. Тоже пьяный, нет, тогда сильнее и, главное, с горя беспросветного. Мол, самый паскудный финал службы: «Пристрелю этого Аркашу Лисовинера!»

— Что, прямо так и «пристрелю»?

— Куда прямее! Кстати, наши проверки показали: Лисовин не обманывает ни Егора, ни британских налоговиков. Я это сразу не говорил, не хотел тебе портить настроение, — ха-ха-ха! — А еще тогда, прости, Лев, я и Дашку твою допрашивал: что ты еще мог выболтать про «Одну пятую кембриджской пятерки» и Нэнси Бэнкс. Ты же понимаешь, при таком раскладе я просто обязан был знать, установить.

— Понимаю. Я бы и сам...

— ...И про твои «иррациональные моменты» вспоминал, и про тридцатидесятипроцентную вероятность ситуативного предательства.

- Двадцати семи.
- Что?
- Двадцать семь процентов вероятность насчитал тот «Лаокооша» после переналадки.
- А, да-да.

Засыпающим друзьям уже не было сил еще раз посмеяться. Просто похмыкали. Хмык, переходящий в храп.

Минут через десять после установления полной тишины из спальни тихо вышла припадающая на цыпочки согнутая фигура. Распрямившись и оглядев пиршественный зал, она подошла к уткнувшемуся в диванную подушку Гарину. Держа сапожки в левой руке, указательный палец правой она прижала к его губам. Дождавшись встречи взглядов, она кивнула на кухню.

- Даша, ты как? Когда здесь?

Шепот был тоже ненадежен, Дарья ограничилась лишь кратким приказом: «Пошли лучше на площадку». Выйдя босая и не закрывая дверь в квартиру, дочь, держась за Гарина, натянула сапоги и чуть-чуть громче, чем в кухне, объявила:

— Я слышала все. В прошлый раз Бекасов и правда меня допрашивал: что я могла узнать из твоего беспамятства. Тогда увильнула, но теперь все дослушала.

— Под-слушала. Специально, значит, убрала верхние вещи, спряталась, двух бывалых службистов провела. Поздравил бы шпионку, но ведь это удалось тебе лишь потому, что и Паша считал тебя за родную. Зачем, Дарья?

— В тот раз я ничего не подстраивала, не пряталась, сам знаешь. Да и проговорился ты совсем на немного, мизер, только что б мне заподозрить насчет твоих, ваших мерзких планов. Но была готова к чему-то такому еще, когда ты впервые упомянул, что будешь заниматься Егром. Помнишь, в тот вечер, что мы после концерта с Анжелой зашли.

- Да, виолончель, страхолюдина.

— На ваш сексистский взгляд, все женщины должны тянуться на цыпочках, чтоб удостоиться оценок самодовольных нативистов, но сейчас не о том. Она сразу почувствовала, меня надоумила. Все со своими «заботами» к нему потянутся, руки погреть. А сегодня я убедилась. Вы не понимаете, Егр — это действительно мировое достояние, живой шедевр, а для вас — лишь орудие, оружие.

— Даша-Даша, — только и мог выговорить Гарин. Вихри, поднятые проникшим в него алкоголем, перепады настроения почти валили с ног.

— Но не бойся, отца родного я не выдам. Изложу одно только условие, но не сейчас. Пока.

Пошатаываясь, он вернулся к дивану. Устраиваться удобней, чем отрубившийся в кресле Бекасов, не стал. Уткнувшись в плюшевый валик, он долго пытался уснуть, мысленно проклиная и бормоча: «Отцы и девки. Отцы и девки. Все-таки либералкой стала. Оркестр ее говенный, виолончель гребаная. Отцы и девки. Отцы и девки. Отцы и девки...»

Ранним утром провожая друга-начальника, полковник Гарин не знал, куда спрятать глаза. Преувеличивал похмельные муки и трясение, хватался за виски, каждую секунду думая, что отчаянно переигрывает, что друг-начальник догадывается, что, может, он и не спал, когда Дарья вышла из спальни? Да, были секунды кошмарного, унижительного страха, когда, вернувшись в комнату, глянул на Бекасова и чуть не шарахнулся от вроде приоткрывшихся его глаз...

Потом пятнадцать минут ожидания генеральской машины — еще терзание и пытка. Лязг закрываемой за другом двери вроде обозначил облегчение, но едва дойдя до дивана, Гарин рухнул в бездну — осознал, что теперь-то и стал настоящим пре-

дателем. Развилка дорог оказалась пройдена. Неважно, что б он мог сделать на той, правильной дороге: еще на лестничной площадке схватил бы мерзавку за волосы, втащил бы в квартиру, с матюгами разбудил бы генерала Бекасова? Или просто признался бы, когда помятый друг сидел у него на кухне, ожидая вызванную служебную машину? Известно: такого масштаба операции, с такими утечками, дырами в основании запускать нельзя... Пятнадцать минут было, чтобы объяснить, сообщить и — это же громадное облегчение — передоверить, отдать на решение начальства и, словно когда-то молодым курсантом: спокойно стать в строй. Ну что там: два-три наряда вне очереди? Да любое наказание! Твое дело доложить и «стать в строй». То есть остаться в строю, не взвалив на плечи немыслимую гору вариантов новой другой жизни.

Еще сколько-то времени он бормотал бессмысленную ночную мантру: «Отцы и девки. Отцы и девки. Отцы и девки». Слово тер ушиб и вдруг ухнул еще ниже и окончательно: тот забытый, дружно с Бекасовым обсмеянный служебный детектор лжи «Лаокоон-880»! Идиотский вердикт: «Вероятность конфликта интересов или ситуативного предательства — тридцать девять процентов», да еще после служебного совещания с руганью, спорами подкрученный капитаном Андриевским до двадцати семи процентов! Как он тогда лихо заявился в отдел, щелкнул каблуками, язвительно и остроумно доложив: «Почестневший на двенадцать процентов полковник Гарин прибыл!» Теперь все позади, все поздно. Все осталось на «до развилки».

Аркадий Лисовин прилетел в Москву по накопившимся финансовым и налоговым делам Егора Камова, планировалась беседа и с застрявшей в России Анной Блум. Капитализация бренда «Егр» росла: из четырех новых рекламных контрактов два превзошли даже летний успех с банком «Юнимарс», но масштабы, перспективы требовали, деликатно выражаясь, большей регулярности, синхронизации усилий с главным идеологом, мотором британской егромании... Диктовать (!) Анне Блум (!!) — и представить сложно, задача Лисовина: протянуть нити тонкого влияния. Весной полковник Гарин предлагал Анне и маркизе Пэмбру «бартер»: эксклюзивные фото, комментарии Егора в обмен на влияние — у фээсбэшника не срослось. Аркадий Борисович надеялся сыграть поизящней.

Первое — вернуть ее в Англию. Вместе с любовницей Зельдой, их младенцем, двенадцатым маркизом Пэмбру... да с кем угодно! Впрочем, вернуть Зельду и полуторамесячного Рудольфа — это забота маркиза Леопольда. Он уже признал рожденного Зельдой в Кингисеппе своим наследником, показав, наверно, какой-то джентльменский вариант кукиша троюродным претендентам Хэрифорам. Назвать мальчика Рудольфом в честь покойного несчастливого самоубийцы брата — это какие-то британские штучки, Аркадий Лисовин не вникал. Его задача: донести Анне, что при всех электронно-электрических чудесах, зумах, скайпах, сетях, спутниковых антеннах невозможно вести сайт, поддерживать градус егромании с дистанции пять тысяч миль, она и сама должна это чувствовать.

На сегодня главные информ-киты: успех, град голов Егра в «Арсенале» и его роман с мировой звездой Сальсой Байонте. Анна Блум по обеим темам отстрелялась неплохо, лучше, конечно, по Байонте (хотя и в тонкостях футбола она уже пять лет разбирается, пожалуй, лучше абсолютного большинства женщин). Исходя из текущих PR-задач Аркадий Лисовин и разыграл свою партию.

Не делал ставки на примитивный розжиг ревности Анны к примадонне, типа: «Ты торчишь здесь, а Байонте — там, целуется с ним». Он давно убедился в каком-то особом отношении егromanок к своему кумиру, которому и положено сочетать любовьобильность с «божественной» атараксией, отстраненностью. Да что их перебирать,

не только Сильвия (роман начался с его юных бразильских дней) ныне растворилась в благодарности за «ангела Лурдес», в обнимку с которой ее ждут все журналы и ту-совки планеты. Даже официальная жена Нина, мать четверых его детей, смиренно бредет, словно мист, участник какой-то тайной древнегреческой мистерии.

Потому Аркадий Лисовин и зашел не с карты персональной ревности, а тронул душу Анны ужасом возможной отверженности: «Там, там проходят эти олимпиады, таинства, элевсинские мистерии двадцать первого века, пока ты носишься в далеком гиперборейском треугольнике Петербург—Ярославль—Ивангород».

Причуду выбора третьей вершины Лисовин постиг не сразу. С деньгами, выделенными заботливым маркизом Пэмбру, они могли снять в Петербурге весь... если не Васильевский, то хотя б вариант «побюджетнее»: Каменный или Елагин острова. Но нет же, для себя и свиты (три телохранителя, врач Альберт и «секретарь секретаря» Кристина) они сняли — именно двухэтажный коттедж в Ивангороде, населенном пункте на двадцать километров западнее необъезжаемого града Кингисеппа, у самой границы. За рекой — Нарва, Эстония, через которую они и въезжали в Россию три месяца тому назад.

Первый возможный довод такого дикого выбора Лисовин узнал накануне, закончив краткое дело в Петербурге с Егровым братом Алексеем. Оказалось, Ивангород расположен в пограничной зоне, на въезд требуется специальное разрешение. Трудности получения ивангородского пропуска оказались столь непредвиденны и велики, что Аркадий срочности ради выбрал столь же дикий, абсурдный вариант. Вылетел самолетом до Таллина (по Европе у него, лондонца с двадцатилетним стажем — полная свобода передвижения), потом в Нарву. И далее — Ивангород... въезд в Россию-то ему разрешен.

Так через погранпункт на высоком мосту, очень подходящем для съемок драматичных сцен обмена пленными шпионами, находчивый англо-русский коммерсант вошел в старинный город-крепость Ивангород.

Сочиненная ранее мелодия разговора с Анной Блум легла на клавиши безупречно. Поэт, новеллист, держатель сайта «ГодЕгрНиа» не персональной, «адресной» ревностью страдала, а именно, как угадал Лисовин, отверженностью. Удаленностью от жизни, таинств «егропочитания, егрослужения».

Вставив флешку в монитор, Аркадий предупредил:

— Анна, эта съемка, как вы, конечно, поймете, не для выкладывания в сети, пересылок кому-либо по инету. Можно сказать, интимного характера, но Егр и его м-м... жрицы очень захотели переслать вам это. И попросили меня: я все равно собирался в Россию по коммерческим и налоговым делам Егра доехать и сюда. — Лисовин обвел выразительным взглядом скромную обстановку ивангородского коттеджа, «сюда» означало глушь, Аляску. Чукотку. — И передать вам их тепло-дружеский привет.

— Зельда! Иди сюда, сейчас включим.

Дыхание Анны стеснилось, как в моменте, когда Егр случайно в телепрограмме обронил корреспонденту ANNA-TV: «Сто миллиардов неродишихся душ порхают вокруг нас». Опять вдохнув раза три, она с трудом освободила легкие, прошептав: «Зельда, Зельда».

На экране Егр с женой Ниной, Сильвией, Сальсой Байонтой и... — боже! — с... Нэнси Хэрифор-Бэнкс спокойно пили чай. Разговор их был почти не слышен, кажется, Нина предлагала варенье из об-ле-пи-хи, а прочие протягивали блюдечки. И все дружно любовались на детей, возившихся на каком-то длинношерстном ковре или, может, медвежьей шкуре. Лурдес организовывала что-то, наверно, играла «в семью» со старшими Мариной и Юрой, куклами служили младшие Елена и Майя, похожие

на совят, они молча крутили головами, уставляя громадные серые глаза то на Лурдес, то на старших.

— Лур, ты их совсем затискаешь! — Егр обратился к старшей по-русски, а затем, подмигнув в камеру, на скверном английском процитировал строку из статьи Анны Блум — «Правнучка Пеле, наследница богатейшей бразильской фамилии Лурдес Тежу заявила, что больше всего на свете хотела бы работать нянкой сестреноч Елены и Майи. Интересно, как на эту конкуренцию посмотрит официальная нянька Наташа?»

Камера повернулась на девяносто градусов, выцелив стоявшую вдали высоченную и крепкую блондинку с пронзительными черными глазами (невероятное сочетание. Может, блонда — умело крашенная?). Та подняла руки: «Вау! Сдаюсь-сдаюсь. Лурдес, принимай детский сад. Ухожу в телохранители-манекенщицы. Театр Друри-лейн не предлагать!»

Впервые Анна с Зельдой и вообще кто-либо видели это блестящее собрание, выставившее будто напоказ особые, непонятные простым смертным отношения. Общее олимпийское спокойствие: вот жена с четырьмя детьми, рядом его «бывшая» с дивной дочкой, а вот и — вероятная «будущая», мировая ар-н-би суперзвезда.

Анну более всего поражало, что она сама об этом («особой морали, правах полубогов») столько писала, декларировала или предугадывала, исходя из собственных восторженных теорий. А теперь вдруг увидеть в жизни, жизни других? «Ведь это я! Я, Анна Блум, силой своей веры подарила вам такое счастье: безмятежный пир, чаепитие на горе Олимп».

И это не было большим преувеличением: она, ее сайт и ее секта задали стиль егропоклонения. И вот прямо на ее глазах Сальса Байонта, мегазвезда, через полгода наверняка получит пятую «Грэмми», исполнитель и автор мировых хитов — а сейчас сама словно зачитывает написанную Анной роль.

Созданную для нее, Байонты, основанную на деталях вроде бы ее жизни, но... Самы детали эти были столь обобщенными, клишированными. что равно годились для биографий Уитни Хьюстон, Опры Уинфри, Тины Тернер, Ла Тойи Джексон... Наркотики, выкидыши, побои мужа, зенит славы, миллионные гонорары и страдания, страдания... Ах да, пропущена деталь «в детстве ее насиловал отец», столь обязательная, что, когда в биографии одной из звезд сей момент пропустили, сам возмущенный родитель грозил «оторвать башку» издателю: что, у нас было не как у людей? Что я, не мужик?

Отталкиваясь от этого канона, Анна приплела на сайте «ГодЕгрНиа» не так уж много, причем подтягивая факты из ряда общеизвестных. Все репортеры уже отписались, как на вечеринке по случаю выигрыша у «Барселоны» Байонта глаз не сводила, едва не молилась на ангела Лурдес, а позже ее видели выходявшей под руку с Егром. Как, не расплетая страстных объятий, футбольная и музыкальная звезды дошли до припаркованного «бентли» певицы, нырнули туда, а ее водитель полчаса гулял неподалеку, ежась и прыгая на осеннем ветру. Даже та деталька была подхвачена зорким талантом Анны. Доказательство внезапного порыва страсти: будь обольщение, секс в машине заранее спланированы Сальсой Байонте — ее водитель наверняка захватил бы куртку.

Но нет, расписанием молний владеет один лишь Зевс. В ее вспышке страдающая певица увидела, как Лурдес, сложив ладошки, молилась на последних минутах матча (и Егр забил решающий гол), как играла с его детьми. И Байонта озарилась: ее жизнь обретет светлый смысл, радость — если и у нее будет такая дочь-ангел. Тогда перестанут скрежетать, царапать изнутри демоны: тщательно запрятанный, но все равно разысканный пронырами газетчиками сын с синдромом Дауна, пересчитанные ими же ее выкидыши, ее унции кокаина. Уверовавшие в божественность или просто в уникально выигрышную, миллион из миллиона, комбинацию хромосом, считали Егра —

ответом на любой проблемный женский анамнез... Да и сам он называл Лурдес (образец неподражаемого олимпийского юмора) «мой живой рекламный буклет»...

Примадонна не опротестовала новый опус Анны. Более того: при чтении его в дреманном сознании Байонты пронесли строчки будущего ее суперхита «Дважды рожденная».

Неплохо сайт Анны отвечал и на тактические уколы. Когда Егр перед матчем не стал припадать на одно колено в кампании BLM («Жизни черных что-нибудь да значат!») и на него накинута сотня политкорректных белых журналистов — Блум первая ответила разгромным постом, очерком:

«Что-что, а респект и любовь к этой расе Егр доказал своим делом и... м-мм телом. Напомню вам Сильвию и их дочь Лурдес. А Байонта?! Хакеры взломали файл ее врача, и половина планеты знает: суперстар на третьем месяце, Сальса Байонты беременна! А половина от той половины знает — от кого!.. Что ж, господа. Из частей наших тел некоторые могут прекрасно лгать, например: язык или то левое колено, на которое припадают перед матчами трусы и лицемеры. Но некоторые другие части тела... более искренни... неподдельны в своих симпатиях!»

Сложнее бывало защищать Егра от политкорректных наскоков по линии гендерного равенства, инклюзивности. Как ни наставлял Лисовин, выловленные Егра ответы, реплики иногда толковали как гомофобные, что грозило разрывом со многими рекламодателями. Спец-провокаторы заходили порой хитро издалека. Корреспондент «Нью Йорк таймс» начал с громкого случая: американка обнаружила в Шереметьеве туалеты только «М» и «Ж» и, потрясенная «дикой дискриминацией гендерно не идентифицированных людей», тут же улетела обратно.

— Господин Егр, вы путешествуете по всей Европе, какие чувства испытываете, возвращаясь в Москву при виде такой жуткой гендерной дискриминации?

— Так у нас же традиционно возле автобусов кричат: «Мальчики налево, девочки направо!» Третьей стороны не видят, наверно, ее и нет. Но может, вы подскажете?

И спортсмен, который должен бы показывать пример толерантности, уважения к людям, разразился гомофобным и трансфобным смехом...

Соединив всегдашнюю изворотливость ума и свежий российский опыт, Анна живописала путешественников на эпических, бескрайних российских просторах, где на расстоянии, как от Ливерпуля до Манчестера, вы не увидите не только туалета, но и ни одной постройки вообще. Так промчавшись полдня, русские автобусы останавливаются — а вокруг только кусты и taiga. Тогда и раздается легендарный, понятный русским всех возрастов клич: «Мальчики налево, девочки направо!» Эта строгая дихотомия усвоена русскими с детства, их восприятие, пространственная ориентация проецируется и на ориентацию гендерную. Так что нельзя обвинять Егра вне учета исторических и географических обстоятельств, которые... и т. д.

— Анна, ваш талант и «вещество английской веры» — видите, я читал вашу книгу, — наполняя сайт, отбрасывают блики на всю британскую прессу. На ролике, который вы сейчас посмотрели, Егр, Нина, Сильвия, Байонты как раз читали ваш сайт и сказали, что все прекрасно, благодарим.

— Господин Лисовин, вы уверены, что присутствовали при чтении?

— Я же это снимал. Потому звук и фокус такие скверные. Ха-ха. Но я уверен, вы и вы, маркиза, украсили бы то собрание и вам были бы рады... — лицо Анны покраснелось, как у девушки перед первым балом. — И даже не надо будет вам зазывать весь лондонский «Арсенал», — это ловкий намек-щипок и виртуальный бокал шипучки: «Аркадий Лисовин угощает!»

15.

Полковник Гарин мучительно пытался собрать, составить пристойный рисунок из... в пазл он не играл — из осколков дочерью разбитой драгоценной посуды.

Он и сам разбил, безо всяких там образов, «физически», тем утром, когда сначала сбежала дочь, а потом уехал генерал Бекасов, — схватил большую фруктовую тарелку с синим рисунком «Ласточкино гнездо» (память о давнем отпуске с женой) и швырнул об пол, в полном отчаянии, оттого что развилка, поворот «На Предательство» уже пройдена, проехана. Вечером собрав в совок осколки и уже поднеся к ведру, вдруг передумал, прошел в кабинет, расстелил на столе газету, но опять передумал и отыскал большой кус оберточной бумаги. Положил его белой стороной вверх и осторожно все высыпал.

Так на ближайшие недели осколки ялтинской тарелки заменили ему ни разу не купленную игрушку пазл. Аккуратно рассортировав их на несколько кучек, он начал составлять бывшую тарелку, сделав это успокоительным фоном тяжелых размышлений о продолжении операции «Одна пятая кембриджской пятерки». Тут уж, конечно, не без образности, аллегорий и аллюзий, примерно таким же тасованием на столе множества деталей сопровождали ход великих мыслей целый сонм исторических личностей, а из «коллег» — герой знаменитого фильма, который сквозь хохот вспоминал главврач кингисеппского роддома, когда ему привезли иностранок, а он спрашивал: «На каком языке они будут кричать „мама“?»

Так медитируя и тасуя фарфоровые осколки, полковник Гарин собирал детали своей — неясно: разбитой ли окончательно? — операции. С окаянной дочерью встретились один раз, но уже как завязтые шпионы — петля по Измайловскому парку. Стараясь не глядеть Дарье в глаза, Гарин молча кивал на ее условия. Которых, собственно, было немного. Пока только одно: телефон Анны Блум. Не дождавшись вопроса отца, Дарья сама начала запальчиво объясняться.

— Я давно слежу за ним. Помнишь, весной, когда ты самый первый раз упомянул о лондонской командировке, что будешь охранять, представлять интересы Егора Камова — я же тебе поверила, сразу назвала сайт «ГодЕгрНиа» и Анну Блум. Она одна понимает, осознала Его значение, смысл этого знака, подарка нам или послания.

— Ты что, тоже веришь в эту дичь? Что он — вернувшийся Аполлон или Зевс? Что дальше, м-мм... «ну а кем считался Иисус две тысячи лет назад? Врачом? Рассказчиком поучительных басен? Гипнотизером?» — Гарин передразнил один из самых известных пассажиров Блум.

— Об этом сейчас и говорить некогда. Задумайся хотя б только о хромосомах, генах. Послания можно передавать не одними библейскими свитками, трубочками, перевязанными ленточками. Ха! А в них ты веришь? Вся ваша служба выходит на молебны торжественные, крестится, свечки ставит, красуясь в теленовостях — это ж все стоит, базируется на нескольких пергаментных свиточках, дошедших из древности и размноженных. Тьфу. Мне и о церкви сейчас говорить некогда. Да пускай. Я о другом: а если послание пришло в других свиточках: в хромосомах ДНК? Пусть даже не Бог, просто сама природа, которую вы гробили, вдруг поднатужилась, собрала и прислала — Совершенство. Или — не будем про Совершенство, нет — всего лишь идеальная комбинация генов. Ведь сколько лет шел отрицательный отбор? На фронтах, в лагерях убивали лучших, а выживали, плодились — не лучшие, кто потрусилей, понезаметней, поувечней.

— А... это ты про нас, коммунистов, службистов... ГУЛАГ?

— Не только вы. Если тебе это важно. У них тоже были лагеря. И женщин, что красивее, на кострах жгли. Все портили, портачили, все: отрицательный отбор. В древности, наоборот, больных, уродов отбрасывали, потому и создали нам науки, искусство, философию. Посмотри хоть, все наши ДК — копии греческих храмов. Сама идея архитектуры, красоты, канона, гармонии. А сегодня... во всех новостях: генетические мутации, наследственные болезни, просьбы денег на лечение сына-Дауна. Геометрическая прогрессия уродства, тщедушия! Ладно. Не только в России, но и в США — так что успокойся. И в Канаде, Англии. Германии — радуйся.

— Ты же сейчас говорила: спешишь, некогда. Так не повторяй штампов. Все это я читал тыщу раз, и задолго до евангелия от твоей Анны. Вы что, собираетесь исправить наш отрицательный отбор, надоить Егоровой... спермы (кажется, впервые при дочери вслух произнес) и раздать всем женщинам? Нет, наверное, не раздать, продать! Если только избранным — так этот фашизм мы проходили восемьдесят лет назад. Ну а если чуть подемократичнее, помассовой — то что будет? Жуть даже вообразить: город, идешь, смотришь, а все — Егоры Камовы, пусть и здоровые как кони... Понимаешь, я сам на его детишек люблюсь не налюбуюсь, особенно старшая, смугленькая, Лурдес. Но и младшие подрастут, тоже красавчики будут. Я же их сам видел, на руки даже брал...

— Повезло тебе, — вдруг всхлипнула дочь. — Повезло, сам не знаешь как. Незаслуженно. И теперь ты все можешь сломать, разрушить.

— погоди, Даш. Ты что, тоже мечтаешь ребенка от Егора заполучить?

— Дело не только в размножении его потомства. Да, я представила: все в городе с лицом Егра... антиутопия. Нет, дело не только в... сперме, — и она впервые произнесла при отце, — важно, что Совершенство, ну или просто прекрасный образец перенастроит мозги людей, остановит отрицательный отбор...

Гарин почувствовал, что этим уходом в социологию, уклонением от прямого вопроса, хочет ли она ребенка от Егора — дочь ответила. Но Дарья продолжала набирать обороты.

— Да, красивых в России на кострах не жгли, но знаешь, какой был наш эквивалент инквизиции? Знаешь?

— Нет. Пока не знаю. Слушаю.

— Не ухмыляйся. Наш костер — эта подлая поговорка, плебейская, плебейская мудрость «Лучшее — враг хорошего!» Греция потому и дала нам все — там господствовал ровно противоположный тезис: «Без лучшего не будет и хорошего!» Люди должны тянуться вверх, а не ползать в грязи!

Стараясь слушать дочь, Гарин параллельно теребил память: где? Где он это уже слышал? Ах да! «Пирамида Пьера Кубертэна»... На вечеринке после победы над «Барселоной» Точно. Журналист ANNA-TV спросил Егора про «спорт больших достижений». Вспомнили Кубертэна, вернувшего греческие олимпиады. Что один великий чемпион вдохновляет десятки спортсменов тоже великих, без них ему не с кем соревноваться. А произвести десятки — нужны тысячи, а для тысяч — миллионы, и так далее, и все восемь человеческих миллиардов. А Егор тогда лихо завернул, что не восемь наличных на Земле, а сотни миллиардов порхают вокруг нас. Им родиться — тоже победить надо. Ну да, красиво задвинул, ловко. А моя дура теперь страдает, ловит воздух и эти порхающие... сперматозоиды.

— Для тебя, для вас Егр — просто очередной ресурс природы. А сколько уже ресурсов вы перемололи в заводскую труху, на производство отходов производства.

— Да, конечно. Надо все отдать американцам, глобальным либералам. Они сэбергут... Откуда ты такая? Мы ж тебе журнал «Огонек» вроде под пеленки не подкладывали. Он глянцевого был, впитывал плохо. Где-то еще начиталась?

— Ты не поймешь. Боец невидимого ненавидимого фронта... Как вы могли пообещать его охранять и обмануть?! Лондонские газеты кипят, читать стыдно! Этот... амитал, «амиталовый болтунчик» — что, «сыворотка правды»? Жаргонизмы разве-ли: допрос под амитал-натрием — «амиталовое интервью». А твои красотки боевого гипноза? Подсунуть к его детям эту Наташу, специалистку-выжимателя! Представ-ляю. «За десять минут может любого превратить в пси-агента, стереть и поменять сексуальную ориентацию».

— Ты больше «Дайли миррор» читай. Да о чем мы говорим, тьфу! Главное, запо-ни: ничто у меня, ни капель не направлено против Егора. А Наталья, о которой ты так легко, заглазно, вообще идеальная нянька. Надежность, внимательность, аккурат-ность — ее и целый батальон мечтательных дур, кофейных побрехушек не заменит.

— Цинично использовать дом доверившегося вам. Шпионский притон...

Мучительную прогулку по Измайловскому парку закончили на том, что он позна-комит дочь с Анной Блум, пока она в России — видно, этот «миг удачи» Дарья покля-лась себе не упустить.

— Выполню.

— На этой же неделе!

— Хорошо, на этой.

Встречная, сосредоточенная клятва дочери (впервые за вечер поглядели глаза в гла-за): ни словом его не выдать. Будет молчать про планы заманить и «раскупорить» своей Наташей, сывороткой — каких-то Тони Бэнксов, Нэнси... Торжественные обе-щания Дарьи не грели сердце отца, а с профессиональной точки зрения — это пол-ный ноль, абсолютный. Прямо по Кельвину, лорду, с которым маркиз Пэмбру, воз-можно, в родстве. Профессионально было бы: захватить на эту беседу наградной писто-лет и, выбрав место поглуше, пристрелить. Если сильно вдавить дуло в ее пальто, звук и без глушителя будет слабый. Слабее петард, которыми вон там играют нормальные, не позорящие отцов дети.

Ее-то любимые греки для блага государства просто пачками приносили дочерей в жертвы. Как Агамемнон — Ифигению... Там, сразу не вспомнить, но реальный ба-тальон жертв наберется (с началом «аполлоновской» операции Гарин немного осве-жил и пополнил свою гомеровскую папку). Это был тоже «отрицательный отбор»?

Простуженный, с иглой в сердце, он вернулся домой и в кабинете вновь усталился на «свой пазл» — разложенные на столе фарфоровые осколки...

Так что на сегодня известно, какие группировки вырисовываются?

1. Британская FA-6, чертов Тони Бэнкс и самые ярые мстительницы из сектанток: его жена Нэнси с сестрицей Магдой.

2. Против них — я, полковник Гарин. Уязвленный предательством (дочери) и сам в предательстве уличенный (пока только детектором лжи «Лаокоон-880»). Плюс по-добренный мною, как смеются англичане, «гарнизон русской военной базы на Дор-си-Лейн» с боевыми поварихой, нянькой, кормилицей. С нами точно и отец Егора, далекий, но важный Петр Леонидович Камов.

Отдельный игрок, нет — стержень, вокруг которого все должны вертеться, «ось мира» (ха-ха!), а на мой взгляд, просто шест, вокруг которого танцуют эти религиоз-ные стриптизерши, — Его Божественность Егр Первый. При нем жена и вездесущий Лисовинер. Егор взял твердый курс на деньги, Лисовинер — его начальник штаба. А Бекасов, Служба дали отмашку: смириться.

И наконец, четвертая группа — нет, третья, если не забывать о «надмирности» Егра... Третья: ярые фанаты Егра, коим плевать на FA-6, ФСБ, Великобританию,

Россию, весь мир. Анна Блум, Зельда и, поневоле, муж Зельды маркиз Пэмбру. А теперь и «примкнувшая» Дарья Гарина, его греко-либеральная Офигения.

16.

Первоначальный план маркиза Пэмбру: спрятать жену и Анну Блум в России, тем более что они сами рвались разыскивать родню и корни своего Егра. Гарин не вмешивался, считая идею тайных родов — экспромтом дилетанта. Все равно ребенка надо будет когда-то предъявлять, регистрировать, везти в Англию. Но позже он оценил всю тонкость расчета аристократа.

Врач Альберт с теми же российскими подельниками, записавшими роды 5 сентября на неизвестную аргентинку, зарегистрируют (отдельные деньги) рождение мальчика каким-либо удобным днем начала ноября, да хоть седьмого! Что ж, молодой маркиз Пэмбру, днем рождения совпадающий с Великой пролетарской революцией, — в этом есть доза английского юмора. А может (гадал маркиз), они там этот день по-прежнему отмечают, по-русски, водкой... и протиснуть бумаги, вписать ребенка — будет чуть проще?

Главное — отстанут проклятые ведьмы Хэрифор с их кровавой клятвой мщения. Одиннадцать месяцев после «предательства в замке Мэдлэнс» — алиби. Мальчика привезут в Англию в начале следующего года, а всматриваться, искать отличия шестимесячного дитяти от четырехмесячного он в состоянии не позволить. А когда-нибудь (дай Бог дожить!) он расскажет сыну любимой Зельды, двенадцатому маркизу Пэмбру, что он все-таки на пару месяцев старше. Отклоняла подозрения и еще одна грустная деталь: мальчик родился вовсе не таким красивым, как пятеро других детей. Через полтора месяца это стало совсем заметно. Ближе к брату Егра — Алексею Слюдянскому, без уродств, но и без «печати Аполлона», известной всем глянцевым журналам мира.

Маркиза Леопольда это, как и собственное «отцовство», не волновало, он только боялся разочарования Зельды, чтоб не почувствовала себя обманутой Жизнью. Ведь Егр так деспотичен в своем культе (себя): Лурдес для него — «живой рекламный буклет», а брат — «компромат». И чувство вины может ожесточить Зельду против сына. Но Анна обещала подумать и при встрече изложить утешительную для всех версию. Полковнику Гарину было несложно убедить маркиза: дополнительной степенью защиты Зельды станет проведение Мэдлэнса-2.

Местом их встреч как-то постепенно утвердилось Хайгейтское кладбище близ лондонского особняка Пэмбру.

— Где-нибудь в начале следующего года. Магда, Нэнси и все снова обнадежатся, отложат или забудут про клятвы и месть. И главное — Анна Блум вернет секту под свой контроль.

— Где предполагаете устроить новый их шабаш... оргию?

— Это почти неважно. В вашем лондонском особняке или у нас на Дорси-Лейн, или даже опять в Мэдлэнсе.

— Но вы понимаете, что собрать их можно только обещанием присутствия вашего Егра.

— Что ж. Мы постараемся. Мы более камерно все организуем, Команду теперь звать не надо, да и сектанток прошлогодних можно не всех собирать, непременно только...

— Позвольте-ка, я угадаю, — маркиз пристально посмотрел Гарину в глаза. — Непременными для вас, наверно, будут жена адмирала Нэстингса, Магда Хэрифор и Нэнси Бэнкс?

Усталая улыбка Гарина расшифровывалась: Ну да. Ну глупо отпираться. Старая игра: я знаю, что ты знаешь, что я знаю.

— А вы, мистер Гарин, относительно прошлых наших встреч сильно изменились. Очень осунулись. Устаете? Британская публика действительно бывает порой просто ненормальной. «Таймс» писала, что вчера к вашему подопечному Еггу опять пытались проникнуть дюжина поклонниц и фотографы. Ворвались на лужайку, где беби-ситер Наташа везла коляску с двумя его младшими дочерьми. Это правда?

— Да.

— И что Наташа вместе с подросшей поваром Василисой и кормилицей отогнали поклонниц, скрутили фотографов и забрали их аппаратуру — тоже правда?

Великая тайна зарождения человеческой симпатии. Глядя на благородный, хотя и не такой идеальный, как у Егора, профиль маркиза, Гарин вспоминал его признание еще на самой первой встрече. Что у него детей быть не может, но Зельда... ее ребенка он бы любил, как своего, не меньше, чем сам Зельду. Э-эх, если у его дочери все «выгорит» с Анной Блум, и вдруг через нее она когда-либо познакомится с маркизами и тоже узнает их историю... — что она тогда скажет про свои «отрицательные и положительные отборы»?

— Простите, что, ваша светлость? Про беби-ситера Наташу с поваром и кормилицей? Маркиз! Это же написала лондонская «Таймс». Значит, конечно, правда. И знаете, маркиз...

— Можете называть меня Лео. Ах, вы же тоже Лео. Лев Кимович. Тогда Леопольд. Признаюсь, некоторое расположение почувствовал я с первого вашего визита к нам на Дартмут-Парк. У меня, наверно, развита некая полуинтуиция, полной похвастаться никак не могу, я чувствую других только относительно Зельды. То есть делю людей на тех, кто ей может повредить, угрожает или просто желает ей зла, и на всех остальных. Я сразу почувствовал, что вы не можете пожелать ей зла... Знаете, как начиналась знаменитая долгая Война Алой и Белой розы? Пишут, то был грандиозный пример негативного отбора в Англии: погибли храбрейшие и лучшие. А началось так: спорившие в саду у герцога Йорка дворяне вдруг расступились, посмотрели друг на друга и стали срывать себе кто алую, кто белую розы. Шекспир это неплохо описал, да.

А случись им спорить на вашей лужайке, на Дорси-Лейн, наверно, ваша беби-нянька и выбежавшая повар... Василиса с кормилицей их тоже скрутили бы. Разняли.

— Ха-ха-ха. Прекрасно, маркиз. То есть спасли бы Англию от войны и гибели лучших! Я им передам.

Копилку взаимных симпатий пополнила схожесть чувств юмора.

— Кстати, мои предки были йоркисты, то есть за Белую розу. И заплатились. А вы, мистер Гарин, за Алую или Белую? Ах ну да, да! Красная же! Глупый вопрос.

— Нет, маркиз. Я за Алую не потому что Красная. За Белую же был горбун Ричард Третий, убивший детей. У нас в девятом классе Шекспира проходят, точнее, раньше проходили, как сейчас, не знаю... И еще, маркиз, благодарю за великодушное разрешение, буду звать вас — Лео. А вы, чтоб не путаться, зовите меня, как друзья в России — Кимыч.

— Как-как? Ким-мыч? Я где-то читал, в России крепостные крестьяне так друг друга звали, по отчествам.

— Не только крепостные. В Древней Греции, откуда, говорят пришел наш Аполлон-Егг — прямо в нападение «Арсенала». Так там тоже окликали по отчеству, только наше «ич» у них звучит: «ид». Фукидид, Парменид, Кронид. Отец геометрии Евклид, сын Евкла, по русски — Евкльч... И вы правы, Лео, я не желаю ни малейшего зла

вашей супруге. Куда бы ни завела меня служба, работа... на Егора Камова — ей это грозить не может, а будущее м-м-мероприятие с сообществом поклонниц Егра я предлагаю отдать в полное распоряжение Анны Блум.

— Превосходно, Ким-мыч. Надежней не могу и пожелать. И еще, извините за настойчивость, ваш вид все же смущает. Мои врачи — лучшие в Британии, могу...

— Нет-нет, Лео. От души благодарю. У меня... я должен доверяться только своим.

— «День седьмого ноября — красный день календаря!» — напевал, или бормотал, или мурлыкал себе под нос главврач роддома необъезжаемого города Кингисеппа, направляясь на работу.

«Праздник, да что ж теперь поделаешь!» — Накануне он с другом-коллегой доктором Геннадием, вновь вызванным из Питера, обсудили задачу, составили предварительный план. Необходимо зарегистрировать «рождение» ребенка, мальчика, которому они же помогли здесь появиться на свет два месяца назад.

Вариант с вызванной «скорой» теперь не проходил: мальчик уже был в наличии, мать с ним должна была максимально незаметно проникнуть в роддом, локализоваться здесь изолированно от других рожениц, желательно в той же самой палате, «родить». Ну а далее наоборот — все максимально гласно и громко, и чем громче — тем лучше. Никаких анонимных аргентинков! Зовут ее Зельда Сточ, маркиза Пэмбру, подлинный ее британский паспорт будет, разумеется, при ней. Отец — Леопольд Сточ, одиннадцатый маркиз Пэмбру, но номер можно не указывать, Регистрируйте, ставьте печать и, не засвечивая мальчика крупным планом, выписывайте их с Богом!

— При ней будет только доктор Альберт, ты его помнишь?

— Запомнил.

— Он как личный врач наблюдает ее, все два месяца при ней. Они это время тут неподалеку обретались, в Ивангороде.

— Где-где? То есть в самом, в Ив... городе?

— Ну как в городе, там на север за рыбоперерабатывающей станцией, частная застройка, а дальше дачки и лес. Коттедж сняли, с большущим участком. Ребенка, в общем, не засвечивали.

— Ну дела! Богатые тоже плачут... но о другом. Ладно, ребенок-то как?

— Тьфу-тьфу-тьфу. Никаких патологий, осложнений. Здоров.

— Ну и прекрасно, Гена. Я все чувствовал ответственность за тот экспромт.

— Да уж. Но теперь ведь все только по бумагам. И еще. Они прекрасно понимают всю деликатность, бумажную сложность и полностью готовы, так что ты, Иван, не стесняйся, называй. Может, даже больше, чем в тот раз, потому что теперь все должно по бумагам пройти, официально. Я как, получается, посредник и опять тебе гарантирую.

— Ага.

Самым забавным, невероятным образом предположение маркиза Пэмбру, что седьмого ноября будет полегче, потому что там, наверно, продолжают по-русски отмечать День Великой пролетарской революции, частично оправдалось. Угадал. По случаю праздника роддом оставался на половинном штате. Главврач принял дежурство, подменил обреченного молодого коллегу, вызвал подежурить и самую свою надежную — старшую сестру Серафиму...

Два часа ночи все признали наиболее подходящим временем проникновения в медучреждение, к тому же многие рожают именно под утро. В десять минут третьего в кабинете главврача сидели Геннадий и доктор Альберт. В семнадцать минут третьего зашла Серафима:

— Все в порядке, они все сейчас сидят в комнате сестры-хозяйки.

— Все?

— Пациентка, ребенок и еще ее подруга. Та, что в сентябре еще... с псевдоциезом.

Главврач вскинул взгляд на Геннадия, тот на Альберта.

— Извините, коллега, уважаемый Иван Рустамович, у нас вышло небольшое изменение. Понимаете, как ей страшно было к вам, одной. У нее была паническая атака, все могло сорваться... Анна — ее самая близкая подруга...

— А чего... здесь у нас, — слегка передразнил, — такого страшного? Место ей знакомое и, — поднял указательный палец, — счастливое место! И с вами, коллега Альберт, мы неплохо тогда поговорили, подискутировали об академике Павлове и кортикальных импульсах под влиянием самовнушения при псевдоциезе. Не так ли?.. Ладно, чего уж. Серафима, проводи их в палату, ту самую, — и вернувшись к Альберту: — Странное дело, но на праздники действительно всегда чуть-чуть, но меньше поток. словно они там, — показал на живот, — чувствуют: мамочки хотят еще побыть с семьями, празднующими мужьями, а уж потом. Утром после праздников статистика обычно догоняет.

В половину третьего зашедшие в роддом с черного хода и спрятанные в комнате сестры-хозяйки Анна и Зельда с мальчиком тихо и благополучно перешли в уже знакомую им палату.

— Ну, теперь об этом самом... — первым начал доктор Альберт, успешно проходящий все курсы русской полевой коррупции. — Мы понимаем. Какие заботы и ответственность возложили на вас, и мы, разумеется, готовы...

Главврач выжидал.

— Мы, разумеется, подготовились. При мне здесь немного, но у соседнего дома в машине сидят наши сотрудники. У них наличные и карточки. Я им сейчас отправлю эсэмэску... Они знают здесь дежурный банкомат на проспекте Наумова. Могут быстро доснять еще рублей, например... — Главврач продолжал держать паузу. — Например, полмиллиона рублей... В банкомате столько вряд ли будет, но в восемь утра банки откроются, да, коллега?.. Или миллион...

— Или полтора, — наконец произнес главврач.

— Да, конечно, миллион пятьсот тысяч.

— Или два?

— Хорошо, коллега. Значит, я сейчас отправляю эсэмэску? Два?

— Слушай, Гена. А че это твой друг так безразличен к деньгам?

— Но это ведь не его деньги, Рустамыч, ты ж понимаешь?

— Понимаю, конечно... Но все равно, даже когда чужие деньги проходят мимо, эдак скользят бегущей строкой на экране... у многих глаза следом бегут, я часто наблюдал. А этот... — извиняясь, привстал в кресле, — а доктор Альберт как-то у нас совершенно к деньгам безразличен. Ген, вы с ним в Африке познакомились?

— Да, в Эфиопии.

— Ну вот что, уважаемый доктор Альберт... — главврач встал из-за стола, — насчет миллиона рублей и двух — считай, я пошутил. Не отправляй свою эсэмэску. А лучше-ка совсем ее сотри, а то нечаянно нажмешь еще. Прошлый раз я все же поработал. Удачно, мальчик родился, здоровый. И ассистентов тогда отблагодарил. А сегодня-то? Только бумаги, — с ноткой пренебрежения. — Только бумажки, печати. И понимаешь ли ты, Альберт? Что я, русский врач, Иван Рустамович Булатов... тоже могу быть... Также безразличествовать к деньгам. И если ничего не делал — денег могу не взять. Ты понял?

Постепенно возвышая голос, последнее слово главврач почти прокричал, но, заметив испуг доктора Альберта, смягчился:

— Ладно, седьмое же число у нас все-таки. Купи Серафиме бутылку коньяка, у нее муж в КПРФ.

И на ноте всеобщего облегчения Иван Рустамович направился к двери:

— Ну так пойдем нашу роженицу навестим. Выписка с документами у нас только в десять утра.

Доктор Альберт, «посредник» Геннадий и главврач зашли в палату, где в предбанничке два месяца назад они пили, рассуждали об академике Павлове, самовнушении и кортикальных импульсах.

— Так. Как у нас новорожденный? Прекрасно. А как нас...

Сообразив, что пациентка не понимает по-русски, главврач обернулся к доктору Альберту:

— Вскармливает грудью? Своим?

— Месяц назад стали добавлять смеси, с прошлой недели — кефир, пятьдесят грамм в сутки. Молоко решили брать натуральное. Наши сотрудники ездят в деревню Захонье, от коровы.

— Вот это правильно, Альберт! Пока корова будет, упаковок старайся не брать. А что это у нас мамочка такая вся грустная?

Анна на соседней койке лежала не раздеваясь, подала голос:

— Я зовут Анна, я учить немного русский. Уже два мансес. Ее звать Зельда. Она плакала мало, немного. Она хоуп, надеется, что ее сын будет джаст лайк похож на комплитли хэндсом, очень красивого русского футболиста. Который у нас играет, «Арсенал».

— А, Егор Камов!

— Ес, Егр, Егр!

— Так мы тут все за него болеем. А у вас в Ивангороде Премьер-лигу показывают?

— Ес. Да. Фсе на мматч! И Роджер, бодигард, — «Телохранитель», — пояснил Альберт, — Эстония ловить сигнал.

— Да! А как же мальчика назвали? Что, Егоркой?

— Понимаете, коллега, в старинных английских семьях мужские имена часто идут традиционные, — вступил Альберт.

— А? Жаль-жаль. А то бы по случаю дня рождения можно было бы. И мы на правах родовосприимчивого дома и всего необъезжаемого города Кингисеппа Ленинградской области посоветовали бы вам... Праздник революции все ж. Например... Владлен. Это у нас от: Владимир Ленин. Или Мэлор? Это: Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция... У нас ведь тоже есть традиции! Встречаются Мэлоры, Владленов полно.

И пытавшийся так развеселить свою пациентку главврач попросил у Альберта ее паспорт, заглянул:

— Красиво же будет. Владлен Пэмбру! А? Или Мэлор Пэмбру? Почти милорд!

Но Зельда осталась бы безутешна, даже если б кто-то сумел ей в переводе донести сей юмор. Главврач смущенно кашлянул: «Ладно, мы пойдем. Будьте всегда здоровы».

Но в дверях все ж оглянулся и, поведя взглядом, как бы объединив Альберта, Анну и Зельду, кивнул на кроватку с младенцем:

— Он все же именно в России родился. Неважно какого числа, но у нас. Так что вы ему обязательно прочитайте одно стихотворение. Пушкина. В России вообще можно жить — только зная это стихотворение... «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет. / Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило...»

Иван Рустамович покосился на Анну, шептавшую, словно пытавшуюся затвердить с ходу:

— Сейчас не запомните, но потом найдите: Пушкин, «Если жизнь тебя обманет...». Это будет ему знак с родины, места его рождения.

— Рустамыч, — обернувшись в дверях вмешался Геннадий, — А ты все ж загибаешь: только зная его, в России можно жить! Да многие и зная не знают. В школе не слышали, книг не открывали.

— Понимаешь, Ген. Многие в России и сами не знают, что его знают.

17.

Кампания «Возвращение секты под полный контроль» стремительностью напоминала высадку в Англии знаменитого Вильгельма Завоевателя в 1066 году. Пулеметная серия интервью с Анной Блум увенчивалась большой статьей в «Таймс» на второй — не спортивной (!) — странице. Футбольным успехам Егра там уделялось место как доказательству, иллюстрации ее тезисов, в общем давно всем известных.

А корреспондентов более интересовало ее путешествие с маркизой Пэмбру по России. Ведь уезжая, она обещала раскрыть Британии и остальному миру тайну происхождения Егора Камова, а теперь, вернувшись, объявила: «Миссия выполнена». Русское происхождение Егра она со своей сектой всегда подвергали сомнению, но кто тогда? Рассказать о российском вояже и приоткрыть тайну Анна обещала на большой пресс-конференции, организуемой BBC-1.

Держа воодушевленную речь, Анна щелкала пультом, пуская видео, каскады фотографий:

— Вот одно из красивейших мест Азии. Байкал. А рядом, порой в пяти шагах от уреза воды, под нависшими скалами, сбегаящими к озеру, — старинная железная дорога. Русские строили ее во время войны с Японией. Вокруг самого древнего и самого большого по запасам воды озера планеты Байкала, потому дорога и назвалась Кругобайкалка. Половина русского царского правительства переехала сюда...

Журналист ITV усомнился, Анна порылась в бумагах, назвала фамилии переехавших министров и продолжила вещать:

— С окружавших скал сыпались обломки, порой настоящие лавины. Пока строилась дорога, русские придумали положить рельсы на лед и пустить поезда. Я не поверила, но местный историк Евгений Смирнов показал мне фотографии и любезно разрешил их скопировать. Не правда ли, потрясающе?

— Да, госпожа Блум, ваши фото тоже красивы, но мы сейчас не на канале «National Geographic». Нельзя ли поближе к цели вашей миссии, происхождению Егра?

— Благодарю, постараюсь ближе. Вот мы как раз приближаемся к месту, где явился на свет Егор Камов. В 1950-х годах русские проложили новую трассу Транссибирской дороги далеко в стороне. А здесь рядом со старыми рельсами, туннелями начала двадцатого века остались лишь четыре поселка по три-пять домов. Идеальная заброшенность для съемки фильмов... Вот маркиза Пэмбру на последних месяцах беременности мужественно шагает по шпалам, сквозь которые проросли сибирские кусты. Раз в неделю здесь проезжает маленький поезд, три вагона: показать туристам Японии, Китая — величественные картины Природы, что своим эпическим возвращением подготовила рождение Егра.

— Анна, вы имеете в виду, что...

— Что с уходом отсюда цивилизации две стихии, тайга и Байкал, снова сомкнули объятия над последними двумя тонкими полосками железа, лежащими на обрубках

деревьев, которые сто двадцать лет назад обтесали и назвали шпалы. А вот смотрите: маркиза Пэмбру подходит к поселку Маритуй, цели нашей миссии. А вы знаете, что в России паломники всегда ходили пешком, и даже сегодня, когда едут на электричке в свою лавру — специально садятся в последний вагон и всю дорогу, не присев, медленно шагают до первого вагона. Вот и мы пришли. На заброшенном полустанке Маритуй сегодня живут три семьи, занимаются сбором кедровых орехов, ягод и ловлей байкальского омуля (еще фотографии). Так было и двадцать девять лет назад, когда утром 22 сентября на пороге вот этого дома нашли двух спеленутых младенцев с запиской, просьбой назвать одного Егором, другого Алексеем. Согласитесь, абсолютно невозможно найти более неподходящее, более невероятное место, чтоб подбросить детей. Всего три семьи, одиннадцать человек. От-шель-ни-ки. Знают, видят друг друга каждый день. Слева непроходимая тайга, справа Байкал, до ближайших пунктов с людьми тридцать пять километров в одну сторону, восемнадцать в другую. Первым младенцев увидел Владимир Максимов, живший а этом доме с родителями и дедом. Четыре человека, это была самая большая семья в Маритуе... Вот таким он был тогда (фото). А вот он сегодня, стоит рядом с маркизой Пэмбру, со мной (еще серия). А вот тот самый порог дома. Правда, доски заменили семь лет назад.

Владимир рассказал нам: страшно испугался своей находки. Быстро обежал два других дома, и десять его соседей, столь же испуганные, переглядываясь, не могли решить эту загадку. Женщин подходящего возраста в Маритуе среди от-шель-ни-ков не осталось. Три старухи и девочка тринадцати лет, мать на-гу-ля-ла в Иркутске и сдала на руки бабке. Но ее и всех прочих видели каждый день. Никто не хотел оставлять найденных у себя не только по общей бедности: боялись, что не смогут правдоподобно объяснить милиции. Но долго думать некогда, новорожденных надо как-то спасать, конец сентября, днем солнце, а ночи все холоднее.

Предыдущий поезд был четыре дня назад (туристы купили двадцать два кулька орехов и пятнадцать омулей), следующий будет через два дня. В Маритуе на крайние случаи была самодельная велодрезина: дед Владимира когда-то «с-мас-ты-рил» ее, приделав велосипед к тележке. Владимир взял свой паспорт, младенцев, бутылку козьего молока и поехал в Слюдянку. Там была дорога до Иркутска и автомашина. Никто в историю Владимира не поверил, сдать детей было просто некому, но машину дали, и Владимир поехал искать в Иркутске какой-нибудь детдом.

Перед вами, уважаемые коллеги, новелла разворачивается, конечно, странная, и вы вправе потребовать каких-то подтверждений. Вот на экране сканы документов: что Владимир Максимов привез и сдал 23 сентября двух новорожденных мужского пола. Вот и справки иркутского отдела милиции и даже копия путевого листа машины, на которой новорожденных привезли из Слюдянки. Следующие снимки будут вам интересней. Егр, Егор Камов часто навещает свою родину. И в прошедшем году после великолепного сезона в «Атлетик» Бильбао и накануне перехода в наш «Арсенал» он отдыхал на Байкале с женой Ниной. Вот снимки июня того года.

Пресс-конференция наконец оживилась. Всю предшествующую историю они слушали хотя и не зевая, но с ощущением, что попали не туда. Девять корреспондентов были вообще от сугубо спортивных, футбольных изданий, и каково им было тратить время на эту сибирскую «Махабхарату»? Разве что фотки «Егр накануне перехода в „Арсенал“» с парой абзацев сойдут на последние страницы.

Глянцевые светские, дамские журналы слушали с большим интересом. Сибирь, Байкал, фактура! Жена Егра тоже глянецгенична, хотя все-таки непонятно, что он в ней нашел? За ним теперь сама Байонта ухлестывает. И сравнить — эта певичка-любител! А Маритуй можно будет сопоставить со священным греческим островом Де-

лос, где родились близняшки Аполлон и Артемида: фанатка Блум наверняка притянет и эту аналогию. Но все-таки, кто ж отец красавца, супермена? Послушаем.

— Вот Егр стоит рядом, узнаете? — рядом со своим спасителем Владимиром Максимовым... Там же, в Маритуте. Видите, Нина на последнем месяце. А родила Елену и Майю она уже здесь. Занятно? Две беременных дамы летом на берегу Байкала, русская рождает в Лондоне, английская маркиза — в русском Кингисеппе. Согласитесь, коллеги, рокировка занята? А в Санкт-Петербурге мы отыскиали и брата Егра, математика и программиста Алексея Слюдянского. В русских детдомах, когда нет сведений о родителях, фамилии дают по месту находки младенцев. Усыновляя, дают свою. Алексея никто не принял, но он и сам в таких тяжелых условиях не пропал. Хотя правильнее он должен быть Маритутским, но, наверно, это неблагозвучно для русского уха.

— Анна, благодарим, все очень красиво, — поднялась дама из журнала «Космополитес», — Сибирь. Байкал. Многие редакции заинтересуются. Но согласитесь, все наши репортажи украсило бы раскрытие тайны происхождения Егора Камова. Тем более вы обещали...

— ... Как видите, мы поработали в Маритуте, Слюдянке, детдоме Иркутска, и, строго говоря, я могу предъявить вам факт, момент появления Егора Камова. Вот скан акта усыновления 18 августа 1993 года одного из мальчиков, принятых из Слюдянки, и присвоения ему фамилии Камов... Петр Леонидович Камов, эксперт по торговле удобрениями, накануне многолетней командировки в Бразилию отдыхал с женой на Байкале. Их родной сын ранее погиб, в России после развала СССР нарастали очень опасные тенденции. Голод, детдома финансировались очень плохо, плюс инфляция в тысячи процентов. Так что Егор, став Камовым, избежал многих опасностей, а в Бразилии вырос в выдающегося футболиста. Хотя король футбола Пеле, с внучкой которого у Егра была связь, и дочь Лурдес, которая, к счастью, не была, а есть и остается в ваших журналах. Так вот Пеле считает, что Егр — это просто сибирское здоровье и немного бразильской пластики, техники работы с мячом. Мы немало поговорили с Петром Камовым, рассказавшим о детстве Егора...

Рыжекудрая Анна возвела очи горе, напомнив героиню знаменитой картины Тициана «Магдалина кающаяся». Но после нескольких секунд возвышенных размышлений перевела взгляд на репортерскую братию... «Магдалина, передумавшая каяться» — тоже выразительная картина.

— Анна, — не выдержала корреспондент журнала «Гламушвиц», — не спорю, вы весьма ловко сдержали обещание раскрыть тайну происхождения. Строго юридически датой появления Егора Камова можно считать 18 августа 1993 года, присвоение ему такой фамилии. Но это же некая казуистика. Всех интересует тайна физического рождения Егра. Тем более вы его столько лет называете то «вернувшимся Аполлоном», то «сыном Аполлона».

— Да? Всех интересует? — деланно удивилась рыжая манипуляторша. Действительно, такая тайна есть. Но... это... — возвела очи к потолку конференц-зала, — это — не моя тайна! Пресс-конференция закончена! Благодарю всех.

Журналисты расходились, переполненные странной смесью чувств: профессиональной заинтересованности и одурченности.

— Репортаж получится, но обратили внимание на последнюю ее увертку? «Это не моя тайна». Можно толковать: «это не мое дело, я вне этого, знать не знаю». Или наоборот: «Знаю, но кое-кому обещала не раскрывать», — корреспондент «Гламушвиц».

— А мой шеф возьмет эту историю, страниц на шесть. Детектив, да, она вылепила. Замкнутое пространство, одиннадцать от-шель-ни-ков. Прям Агафья Кристи и «десять негрят»...

- Только не убийство, а... «роды в Маритуме». Хха!
- Это она к тому, что, Егр — все-таки сын какого-то древнегреческого бога?
- Какое бравое нахальство!
- И ни полслова о Байонте. Шеф меня убьет!
- Так она ж как раз и бродила по России, когда Егр здесь с Байонтой зажигали.
- Ммммм. Помню, за статью «Третий тайм Егра в „бентли“ примадонны», короненькую такую, я получила двести фунтов. И отдала бы десять раз по столько, чтоб «выйти на замену» Байонты, хоть на последние десять минут.
- Фу, Дорис! Тебе пора в «Плейбой» переходить или сразу в «Хастлер».
- Или, Дорис, запишись в секту этой сибирской путешественницы. Им, говорят, всем перепадает. По паре минут.
- Да, Синди из «Дэйли» была на той вечеринке, уверяет, что его жена порой снисходит к страждущим, позволяет. Вы понимаете...
- Интересно, а за что ее Егр? Все-таки...
- За здоровые инстинкты?
- А фото Анны Блум хороши. Но насчет тайны — она ж просто посмеялась над нами. Я чувствую, внутренне она хохотала, — опять «Космополитес».
- Смеялась? Но она высыпала нам документы, достоверные факты, — «Гламушвиц».
- Милочка, в 1995-м я была на пресс-конференции по «Моника-гейту» и знаю: достоверные факты — самые смешные.

18.

На старинных советских счетах Аркадий Лисовин звонко пульнул три костяшки справа налево. Но подумав, одну вернул направо.

— Резонанс конференции Анны Блум, индекс цитирования семнадцать, обогнала речь Санджерса о Брекзите. Но это, дорогая Аннушка, только потому, что Санджерс — страшный зануда. А ты, дорогая, из фактов, собранных по России, строишь такую великую башню, что уже даже смешно. От великого до... Так-так, «Космополитес» пишет: «...курс веселого вождения за нос британской публики... Анну Блум обработали в России... похоже, российские кураторы Егра решили: поставим англичанам бога или хотя бы посмеемся над ними». Нет, Аннушка, мы так не договаривались. — И на шампуре старых счетов он вернул еще одну костяшку направо.

Раритетные, отполированные поколениями торговцев деревянные счета — память о деде, зав бакалейным отделом в... — угадал ты, Гарин, — в одесском магазине. Вывезенная в Лондон игрушка успокоения нервов, четки коммерческих молитв.

Сейчас главная молитва — о новом контракте. Как саркастически определила Нина: «опять ее муж, полуголый», с древнегреческой плавностью войдет в двери отеля рекламируемой сети «Хол-ин».

— Но может, блин, и не войдет, а войдет туда теннисист Видаль. Не так красив и «божествен», но его Уимблдону по рейтингу выше третьего места Егра среди бомбардиров лиги. И пока «холиинцы» считают, думают. Так что за право скинуть штаны и натянуть белый хитон еще надо ой как побороться! А тут Анна повела свою арию в такую тайгу. Мне что, организовать ей свидание с Егором, чтоб он сам сказал ей? Так она, поди, только этого и добивается...

Быстрое, но результативное собственное расследование открыло Аркадию Лисовину механизм «двойных»: 5 сентября и 7 ноября родов Зельды Пэмбру, а о нежных взаимных чувствах двух егromanок он догадался, еще когда в Ивангороде рассыпал им лондонские новости и торопил вернуться в Англию. Осведомленность об истинной дате

рождения мальчика Рудольфа Пэмбру, кроме прочего, может в любой момент побить выстроенное Анной «алиби»: все-таки — не одиннадцать, а ровно девять месяцев после бегства Егра с оргии в Мэдлэнсе. Хороший подход к Анне и козырь на любой случай.

Отложив счеты, он вернулся к экрану ноутбука.

— Да... упорно втыкает всюду свою версию, дату рождения мальчика. По Егру на пресс-конференции ВВС-1 понапустила тумана, а тут — строго: 7 ноября! Понятно.

На сайте «ГодЕгрНиа» Анна привела перевод с русского, дала ссылку на сайт газеты «Кингисеппский вестник» и даже выложила факсимильную копию той ее страницы. Заголовок — бравый кретинизм:

«Полку английских маркизов прибыло!

Утром седьмого ноября в роддоме нашего города произошло знаменательное событие: путешествующая по России англичанка Зельда счастливо здесь разрешилась от бремени. Мальчик родился здоровым, самочувствие матери хорошее. Нашему корреспонденту Валерию Кузнецову не удалось побеседовать с главврачом Иваном Булатовым, зато более доступной оказалась сама героиня, хотя она и принадлежит к высшим слоям английской аристократии! Есть с кого брать пример работникам нашей медицины, ведь они работают для людей и должны бы интересоваться их мнением, рупор которого — наш „Кингисеппский вестник“. А нашу гостью зовут Зельда фон Сточ, маркиза Пэмбру. Ее муж Леопольд маркиз Пэмбру заседает в Палате лордов, владелец одной крупнейших в Великобритании фирм, специализирующейся в информационной сфере, и вообще — один из самых богатых людей королевства. А его супруга Зельда давно интересуется Россией, ей слово:

— Да, я давно интересуюсь Россией и давно хотела побывать в вашем замечательном городе. Здесь древняя история удачно сочетается с современностью. Я увидела следы древней крепости и была приятно поражена чистотой улиц, широкой панорамой ваших новостроек. Наверно, это результат постоянной заботы главы Кингисеппского района. Роддом нас встретил приветливо, окружил заботой. При хорошем уровне вашей медицины роды у меня прошли благополучно, мой ребенок чувствует себя отлично. Передаю дружеский привет всем кингисеппчанам!»

Текст статьи сопровождала фотография: красивая, немного растерянная блондинка держит в руках большой белый кокон, из пеленок выглядывает лицо малыша.

Это Анна на лету подхватила фразу доктора Альберта «чем больше будет резонанса, тем лучше». И, покидая счастливые для них Ивановгород—Кингисепп, попросила разыскать редакцию районной газеты, заскочила, кратко представилась и всучила тамошнему журналисту флешку с фотографией Зельды, сканом справки из роддома, выверенными сведениями о маркизах Пэмбру, так что неведомо откуда взявшееся «фон» в фамилии Зельды и суконные похвалы главе района остались на совести местного журналиста.

«Что ж, Анна! Строишь высокую плотину, стену вокруг своей подружки. Но я нашел, всегда найду там свою ма-аленькую дверцу. Ну интриганы! Дружно копают друг под дружку. Гарин через секту тянет подкоп под Бэнкса. Бэнкс — под маркизов. А ты, Анка, с маркизой — окопались против всех. Ну а я, уж извините, буду вас обеих держать, на всякий случай. Э-эх, копатели, вы хоть за футболом-то успеваете следить?! Сегодня Егор в Манчестере играет!..»

И действительно — интриганы! Сообщение о прилете в Лондон дочери мощным паровым молотом ударило полковника Гарина — о матче в Манчестере не вспомнил. Он надеялся, что знакомство с Анной, вырванное коварным шантажом, обернется для Дарьи дружеской перепиской, совместными вздохами по своему «божеству», может, посылкой из Англии: фотография или даже футболка Егра с автографом. Максимум,

Блум сделает его Офигению эксклюзивным московским представителем ее секты-клуба или даже соредактором русской версии сайта «ГодЕгрНиа». Но прилететь сюда? Достаточных денег на флейте она не насвистела, едва ли хватит и на лондонский хостел. Или мерзавка решила поселиться у меня? Или новым шантажом пролезть в Дорси-Лейн? А на кой она там Егору, Нине? Штат заполнен, да и что она умеет делать? Заваривать чай и выпиливать на своей дудке?

Полковник Гарин ошибся по всем пунктам, и это утяжелило его ситуацию. Денег дочь не потребовала, ночевать не попросилась, пристраиваться на Дорси-Лейн не собиралась, а прямоком отправилась в лондонский дом маркизов Пэмбру на улице Дартмут-Парк.

Суровая прямота профессии указывала Гарину: если приняли ее «Офигению» на кошт, а возможно, и оплатили дорогу — значит, пойдет торговля подслушанными отцовыми секретами, ее влиянием на отца. Других вариантов нет: наследство он ей не оставлял. Чем таким особенным могла она приглануться, пригодиться Анне Блум? Тоже обжает Егора? Эка невидаль, в ее секту конкурс, поди, больше, чем у нас во ВГИК.

Владелец и редактор сайта «ГодЕгрНиа», оторвавшись от экрана, резко обернулась к госте, всколыхнув занавески рыжих куделек.

— Да! Мы — поперек всем. И нам плевать на ФА-6, КГБ...

— У нас вместо КГБ давно уже ФСБ.

— Вот видишь, Дарья, насколько плевать. Сажать в лужу твоего отца с твоей же помощью я не собираюсь. Выслуживаться перед ФА-6? Даже представить смешно. А ты умница, мы тебе так благодарны. Хотя нет, теперь не будет: ты и мы. Теперь ты — и есть мы, одна из нас. Мы прикроем Егра от этих... Но какие же с... фээсбэшные сыны! Ты не обижайся за отца, пожалуйста, наши ведь не лучше, может, даже хуже.

— Анна, за него я и не думала обижаться.

— Молодец, предупредила об этой... Наташе. Надо же, приставить к ЕГО детям такого монстра! Теперь рассмотрю ее поближе. Хотя, могу похвастаться, я и сама выделила ее из десанта твоего отца. Кулаки бойцовские — никаким маникюром не замаскируешь. Глазищи черные, взгляд — будто на вилы тебя нанизывает. Но если в разговор вступает — несет такой наив, под куклу Барби работает. Кормилицу Любу прислали — тоже анекдот. И где у вас такие красотки берутся?! Хотя она, по-моему, просто боец, переглядывается с Наташей, как сержант с генералом...

— Бог с ними, Анна. Ты лучше расскажи, что ты у нас... в смысле — в России разузнала о нем. Я все до буквы читала, видела, как ты ловко увернулась на пресс-конференции ВВС-1.

— Но ОН, кто бы ни был, увернулся еще ловчее. Никто, ни одна душа в поселке на берегу Байкала до сих пор понятия не имеет, откуда они взялись. Забавный, трогательный до слез был момент — они меня же засыпали вопросами: «Вы там наверняка что-то побольше нашего знаете. О происхождении нашего Егора. Мы-то в глухомани тут, а вы — в Лондоне!» И такие умилительно доверчивые окружили меня, смотрят. Чувствую: ну что я сейчас ни скажу — абсолютно всему поверят. Будто только меня и ждали. И я столько раз вдохновенно вещала, и все принимали, а тогда и не сумела ничего сказать. «Правда, греческой он породы или, может, вестник какой нам, дичалым?» Думаю, ну какие...

— А что — забрасывало к нам! Даже при коммунистах. Дочка Аристотеля Онасиса, вышла за кагэбэшника, жила в Москве. Хотя как представишь какого-нибудь... Ставридиса. Чернявый, в феске...

— О'кей, Дарья. Через три дня я буду на Дорси-Лейн. Лисовин и твой отец держат меня на расстоянии, несмотря на всю помощь, что им оказываю. Больше половины знакомств, контактов-контрактов — это же я, мы с маркизами Пэмбру обеспечили Аркадию. Не говоря про тринадцать миллионов подписчиков сайта «ГодЕгрНиа» только в Британии. Но информацию, порции фотографий они мне бросают, как служебной собаке, дозированно. В воскресенье Егр вернется из Манчестера, во вторник после тренировки у меня будет сорок пять минут: разговор, фотосессия.

— Прямо... с ним самим?

— Конечно. Хотя и отмеряют скупое, но понимают: без живого общения мой фан-клуб засохнет.

— Анна! А можно мне с тобой? Как ассистент, помощник?

— Будет немного странно: ты — со мной. Могла бы через отца. Ах, да, вы же с ним... Но как он посмотрит? Не сочтет ли вызовом?

— Вызов был брошен еще в Москве. Анна, я очень-очень тебя прошу. Я же Егра только на экране, в журналах видела. Даже иногда сомневаюсь: он и правда так красив?

— Нет. Красивее. Вокруг головы — такой ореол, облако. На снимках это не передается. Кудри блестят, как у детей, и глаза... А главное — что он говорит и как. Бросает нам, словно дразня: «А вот это — не хотите ли? От футболиста? Поймете ли мою игру?»

— Видишь, как меня раздражила! Теперь точно не отступлюсь. У нас есть сказка, Пушкина. Там князь один, Гвидон в шмеля превратился, чтоб с гостями попасть во дворец к отцу.

— Помню-помню. Мне в Кингисеппе один врач задание дал: найти и выучить Пушкина. Сейчас перейду на его язык, русский. Внимание... «Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись! / В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет. / Сердце в будущем живет; / Настоящее уныло: / Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило». Ну как?

— Садись, отлично! — Эти два слова Дарья тоже произнесла по-русски. Нечаянно, может, под влиянием Пушкина.

— Са-дис, от-лич-но?

— Так у нас в школе сообщают оценку. — Разговор Анны и Дарьи вернулся на язык Байрона. — «Отлично» — от существительного «отличие, разница, выделение их общего ряда», означает высший бал, оценку из пяти возможных.

— То есть и у вас выше всего ценят способность выделиться? А как же...

— Шкала старая. Коммунисты насаждали коллективизм, общее равенство, но оценку «отлично» упустили, идиоты. Так, Анна, ты устроишь мне «день веселья»? Я ради этого летела.

— Ладно, беру. Напишу охране: «Анна Блум +1». Я иногда кое-кого проводила.

— Спасибо. Да, лучше так, без фамилии — чтоб заранее не всполошить.

А в Манчестере «Арсенал» проиграл, хотя Егр и забил один мяч. Ростом ровно с «бельведерскую копию», сто семьдесят восемь сантиметров, в прыжке он сравнялся с Тайлером, двухметровым центральным защитником, но расплатился рассечением брови. Одна из редких его травм, неопасная для карьеры, стала, однако, самой заметной: британским службам опроса общественного мнения и статистическому управлению еще предстояло подсчитать, сколько англичанок рухнули в обморок, узрев во весь экран кровавую кляксу, а через три минуты — розовеющий бинт на античной голове Егра.

— «Шрамы украшают мужчину»? — «Тьфу на эту вашу банальность», — гневно шипели Анна Блум и Дарья Гарина, подъезжая к Дорси-Лейн. — Мужчин пускай украшают хоть с их тупых голов до самых пяток, но — шрам на лице «бога»?!

— Подъехали. Вон кованые ворота.

Сформированный полковником Гариным «гарнизон русской военной базы на Дорси-Лейн» часто называли примером «московского нуворишского шика, показушного мотовства»... Пять человек, из них четверо — девицы, словно выдернутые из очереди на кастинг новой серии «Джеймса Бонда», или на конкурс «Мисс Универс», или команды женского рестлинга. Нянька... и кухарка, разогнавшие прорвавшихся фанаток Егра и скрутившие четверых папарацци? Русские излишества во всем... И они еще претендуют на русское происхождение «футбольного Аполлона»! Смешно! Известный с античных времен философский принцип греков «Ничего сверх меры» на их бескрайних евразийских полях давно превратился в: «Ничего в меру!» Или: «Все сверх всяких мер!»

Примерно так отписывались незванные, остановленные, вышвырнутые теми девицами, штат которых в действительности-то был вполне адекватен. Отец Егора, узнав про переход в Англию, переезд семьи, сказал: в доме должны быть только свои, русские. Сын, как всегда, послушался, а полковник Гарин, поразивший весь Лондон своим «гарнизонам», — он же просто совместил необходимую службу с охраной (еще, правда, готовой исполнять некоторые другие поставленные им задачи).

Подошедшая к воротам высокая блондинка, цепко оглядев, поднесла рацию к губам, произнесла по-русски:

— Наташ! Тут Анна Блум, а с ней еще какая-то коза. С большой сумкой. Лет тридцати пяти.

Так с двух пощечин началось паломничество Дарьи к своему богу.

— Мне тридцать два, а в сумке аппаратура, я ассистент Анны.

— Вау, вы по-русски понимаете? Извините. Сейчас уточним... Наташ, она русская. Ваш паспорт. О боже, Дарья Львовна Гарина!

Маленькая заминка. Откуда-то вызвонили Льва Кимовича. Получили добро. Пропустили... Гарин, видно, был неподалеку, примчался еще до выхода Егора к страждущим. Анна с неумелой Дарьей раскладывали и перекладывали готовили свою аудиовидео-машинерию, ожидали. Отец не был готов к встрече, Дарьиным темпам атаки, продвижения к мечте. Дочь отметила его серо-желтые щеки, усталый взгляд.

Анне, может, и было бы любопытно проследить за внезапной встречей. Сюрприз всесильному Гарину, отчасти устроенный ею. Но гораздо более ее волновал предстоящий выход Егра: будет ли шрам на лице? Оторвать бы голову перед прыжком тому манчестерскому дебилу защитнику.

Смеясь над чем-то, в комнату вошли Нина и Егр. Дали себя рассмотреть.

«Ни малейшего следа! Неуязвим?»

— Удар пришелся точно-точно в бровь, — разгадал ее сканирующий взгляд Егр. Оглянувшись на Нину, продолжил: — Глянь поближе. Анна. Вот.

Раздвинув пальчиками густой, темный волос правой брови, она обнаружила зарастающее рассечение.

Что ж. Короля играет свита, бога — жрецы, точнее, жрицы, а шоу должно продолжаться! Желая блеснуть пред всем миром и Дарьей в придачу, сразу после обсуждения футбольных новостей Анна перескочила к давней философеме, мимоходно брошенной Егром.

— Помнишь, тебя как-то пытал один мой... коллега, — максимально уничижительная интонация, — на тему «пирамиды Кубертена». Вы вспоминали древнегреческую пословицу, или изречение Платона, или Сократа, или еще кого-то из пантеона: «Без лучшего не будет и хорошего». Тот коллега тянул нить, что «соревнование — это жизнь, это спорт всех восьми миллиардов людей». А ты ему: «Нет, всех ста!» — и дивно так

сказал про сотню миллиардов еще не родившихся душ, порхающих вокруг нас, которым родиться — тоже Соревнование, победа... Мы с Зельдой были тогда в России. Я слушала, смотрела-пересматривала, не могла успокоиться. Такое красивое откровение, даже язык холодеет и немеет. Как ты это увидел? Тех, что, может, никогда не родятся?

— Я? Это Нина увидела. Нерожденные, мотыльки — я ее пересказал. Ну-ка поделись с английскими товарищами, чурапчинка!

Ключевое слово электроразрядом пронеслось в голове Анны. Да-да-да: Россия, ярославская деревня, беседа об опасностях больших денег, мировой славы. И отец Егра так сурово-спокойно говорит: «Егор без своей чурапчинки пропадет, точно». Потом мы едем в Петербург, я слушаю вздохи Зельды, ишу по Интернету значение слова «чурапчинка». С трудом нахожу: улус в Якутии, принесший по доле населения самые большие жертвы в войну. Все. Но почему Егр пропадет без чурапчинки? Ветвь так и осталась неисследованной. И сейчас что? Все ответы — разом?..

Жена кумира, иногда с детьми рядом, семейные их переглядывания — неременный запрос дамской аудитории. Старшие играют под ногами, залезают на колени, иногда — самое ми-ми-ми! — уставляются совиными глазами прямо в телекамеру, бормочут. Но вообще-то, ЕГО дети довольно молчаливы, самососредоточенны. Тискать их позволено только Лурдес: наследница богатейшей бразильской династии уже объявляла, что будет работать нянкой своих сводных брата и сестер. Младших, Елену и Майю, порой перейдя на шепот, навещают в детской.

Суперуспех летней программы «На Рыбинском шлюзе» подтвердил: и самое искреннее обожание хорошо «заходит» только в коктейле с юмором, в стиле «Летающего цирка Монти Пайтона». Нина часто подгрывала Анне: «Давай я возьму спицы, сяду вот сюда и буду вязать. Например, новые гетры мужу». Другие необходимые ингредиенты программы: рассказы Егра, Нины о детях, путешествиях, легкие заметки о русском стиле жизни, иногда что-то посерьезнее. Вроде как сейчас.

— В Чурапчинском улусе родилась моя мама... теща Аполлона. Меня в детстве привозили на родину, к деду, бабушке. Там река Татта, красивая.

— В позапрошлом году мы с тещей и детьми летали туда, — подтянул Егр.

— Лето очень жаркое...

— ...И короткое. Как дополнительный тайм в финале. Да-да, там, в Якутии, первый тайм: осень-зима, второй: зима-весна. А лето — дополнительный тайм, его не всегда назначают.

— Егр опять плетет чушь.

— Не богохульствуй, смертная!

— Я любила убежать на Татту. Что правда короткое, так это век мотыльков над рекой и весь сезон их жизней. Всего на несколько дней появляются и порхают, танцуют над рекой. Но их так много! Перистые серебристые облака над Таттой. Ничего не опыляют, не собирают, даже не пьют — только порхание, брачная игра, любовь... Я бабушку тогда расспрашивала про все: повадки зверей, куда птицы улетают, где птенцов выводят. Только про мотыльков не спрашивала, решила: догадаюсь сама или придумаю что-нибудь красивое. Это в детстве, потом про них забыла. А вспомнила, когда услышала, прочитала про «Трагедию Чурапчинского улуса». В 1941-м мужчины ушли на фронт, а позже случилась страшная засуха. Решили оставшихся перевезти на берег Ледовитого океана, рыбу для фронта ловить, перерабатывать. Лето кончилось, переселенцы стояли на берегу Лены, ожидая баржи, предчувствуя, что многие назад не вернутся. Приплыли на Ледовитый океан, а уже осень, быстро холодает... Нет, я вам лучше дневник девочки Майи Аргуновой прочитаю, страничку.

Нина обернулась за планшетом, Егр объявил: «Младшую мы назвали Майей в память о ней». Сделав несколько пассов над экраном, Нина начала:

— 2 сентября 1942 г. Утром все белым-бело, красота необыкновенная, только очень холодно, маленький Нюргун все время плакал. Отправились дальше...

6 сентября прибыли в Бестях. Дул пронизывающий ветер. А пароходов нет. Маленький Нюргун уже не плачет. Я написала отцу... — Нина подняла глаза от планшета — Отец ее был на фронте. — 12 сентября. Сегодня умер наш Нюргун. Мама сильно переживает. От папы нет писем. Очень холодно. Взятые продукты кончаются... Заболел брат Егор. — Нина глянула на Анну. — Егор там популярное имя, — и продолжила: — 13 сентября. Нас с коровами загрузили в баржу. Егор все время бредит, зовет папу. Перед прибытием парохода получили «похоронку» на отца. Дедушка сказал: он погиб под Сталинградом. Мама слегла.

16 сентября. Деда затоптали лошади, когда он бросился их успокаивать. Говорит, скоро пройдет, приплывем, будем ловить рыбу для фронта. Я помогаю бабушке: мы ухаживаем за мамой, Егором и дедом. У него сломаны рука и нога.

28 сентября. Наконец прибыли. Голое место, никто нас не встречает. Первым делом похоронили умерших. Среди них моя подруга Айта. Кругом снег и лед. Строили шалаши для жилья и скота... Ну все-все. Там дальше только снег, снег и похоронки. Они резали рыбу, над ними висели плакаты: «Все для фронта, все для победы!», «Одна рыба в день кормит одного солдата». А рыбную жижу от разделки носили домой детям... Вы спросили же про порхающие души. Я когда читала дневник Майи, вспомнила про мотыльков над Таттой и поняла.

— Это души погибших? — осторожно спросила Дарья.

— Нет. Это те, кто могли бы родиться. У Майи, Егора, Нюргуна, всех... Кто войдет или не войдет к нам.

Вернулась к планшету:

— Вот последняя запись. «18 мая Умерли все. Осталась одна. Писать уже нет сил». Случайно проходили рыбаки, нашли Майю, прижимавшую к груди тетрадку. Покормили, но она умерла. Старший брат Майи в то время воевал под Ленинградом... Писатель Зоя Башарина в книге о Чурапче вспоминала: якуты, узнав о ленинградской блокаде, очень переживали за знаменитую девочку Таню Савичеву, чей дневник окончился точно такой же фразой: «Умерли все». Только в конце 1980-х годов численность довоенная Чурапчи восстановилась, зато люди там лучше чувствуют жизнь.

Глаза женщин были на мокром месте. Встрепенувшись, проверив камеры, Анна обратилась к Егру:

— Значит, родиться — это победить?

— Да. И с этим, кстати, поздравляю всех присутствующих.

Встав, он подошел и заглянул в объектив телекамеры, выкачивающей из комнаты красоту, веселье и печаль компании.

— Но мы же забыли! Але-е, друзья-я! Работают все радиостанции Соединенного королевства Чурапчи и Великобритании! Официально сообщая, Нина снялась в клипе Байонты, выходящем в конце весны. Танцует и поет с Сальсой ее новый хит.

— О, я только краем мелькаю. И «пою» — это слишком, издали подпеваю. Бэк-вокалистка у нее.

— А Байонты у вас — бэк-жена?

И снова пошел «Цирк Монти Пайтона». Прокладывать курс передач по своему компасу — суверенное право Анны.

Сорок пять минут пролетели быстрее жизни мотыльков над якутской рекой Таттой, вошли Гарин и Лисовин. Понуро-сероватый и сияющий, словно подсвеченный

золотыми отблесками восьмимиллионного контракта, сотрудники корпорации «Егр» сожалеюще развели руками: «До следующих встреч».

Провожая их до самых ворот, Наташа так и не бросила «пардона» или хоть извиняющегося взгляда за «козу тридцати пяти лет с большой сумкой».

Анна, задумчиво поглаживая руль, ждала от навигатора картины пробок на пути до Дармут-Парка. Дарья еще оглянулась на кованую ограду: «Кто-кто в теремочке живет? Я мышка-наружка, я лягушка-прослушка, я лисичка-под прикрытием сестрички, я волк-резидент, а ты кто?! А я? Я — крот». — «Что-что?» — «Так, русская народная сказка».

19.

И полковника Гарина весьма занимала фраза отца Егора: «Без своей чурапчинки он пропадет». Мотаясь последние месяцы меж Лондоном и Москвой, он заехал в ярославскую деревню за разъяснениями из первых уст. В прошлом году именно Петр Леонидович Камов, приказав сыну, вернул Льва Кимовича в игру. Но дело даже не в благодарностях: полковнику было крайне необходимо постичь характер своего подопечного, просчитать возможные траектории. Так офицеры-диспетчеры ПВО страны сидят, прикованные взглядом к зеленоватым экранам, где на разграфленных картах планеты следы «расчисленных светил» военных спутников и «беззаконные кометы»: следы ракет, которые обязательно надо распутать.

Вот прекрасное начало, знакомство в кафе, Егор с Ниной сдают детей, предвкушают отдых на Байкале. Вот Гарин удачно заходит, обращает внимание на медосмотры Егора, в три-четыре раза более долгие, чем у любого футболиста испанской «Ла Лиги». Показывает, как прекратить эти исследования, получить компенсацию за вторжение в частную жизнь. Вот Егор, улетаая, дает Гарину все полномочия. Вот — разрыв, торжество коммерсанта Аркадия, а прединфарктного Гарина откачивает дочь и примчавшийся Бекасов. А вот и «кам-бэк», хитрые пардоны Лисовина. А потом предательство дочери, оказывается, ради этого «божества» готовый убить и отца родного. И вот он теперь едет в гости к Петру Леонидовичу, отцу своего некоторым образом — работодателя (!). Издержки профессии: даже когда едешь к единомышленнику, хорошему человеку, для разговора, возможно, и душевного... ты все равно едешь, вооружившись «досье», ну, или хотя бы — справкой. Даже душевный разговор не может провисать, тряпично болтаться в воздухе. Вроде ничего даже близко унижительного для Петра Леонидовича не было в выяснении судьбы его супруги Инны Гордеевны, ни разу не появившейся в деревне, в доме Камовых. Оказывается — ушла в... монастырь! Версия архимандрита Павла — не замаливать какие-то грехи, а только — по здоровью. Будто полтора десятка лет в суровом для нее южноамериканском климате вызвали букет болезней. Разными путями пробовали лечить, но только одна вода... источника, на котором стоит монастырь, а потом и воздух, общение с сестрами помогли ей. Решила твердо. Супруг сделал внушительный вклад, пожертвование монастырю (бразильские заработки), Инна Гордеевна стала сестрой Ираидой, а Петр Леонидович если и не ожесточился, то, можно сказать, взял курс на угрюмое доживание среди своего собрания военных мемуаров и карт. Остроты, ясности ума не убавилось, хотя теперь, возможно, эта ясность лишь добавляла скорби. Примерно так же и «папка информации к размышлению», врученная перед поездкой в Ярославль, радости, облегчения Гарину не прибавляла. Во многом познании — многая... известно чего.

Так думал пожилой полковник, летя в пыли (снежной) на служебном «мерсе».

Карты планеты, а более карты Европы, рассеченные синими и красными стрелами, висели по всем стенам комнаты Петра Леонидовича — его кабинета и, видно, гостиной. Редчайшие заезжие посетители должны были «брать под козырек», принимать вкусы и странности отшельника. Шкафы, стеллажи и колонны книг от пола и до пояса человека среднего роста довершали обстановку. Мемуары маршалов, генералов, истории историков, на рабочем-обеденном столе — Уинстон Черчилль (Гарин узнал черно-голубую обложку харвестовского издания) и несколько новых: «Вторая мировая. Перезагрузка», «Гитлеровская Европа против СССР».

Распознав по первым фразам — единомышленники! — Камов и Гарин не сразу перешли от историографии, войн XX века — к жизни и приключениям Егора. Занятым образом, словно в сюжете детективного романа, старые фотографии, с показа которых начал Петр Леонидович, совпадали с показанными Анной на пресс-конференции ВВС-1. Качеством, конечно, похуже, но содержание: практически один в один. Тот же самый берег Байкала, от истока Ангары — до станции Слюдянка. И правда, за двадцать четыре года на брошенной Кругобайкалке мало что изменилось. Те же три поселка по несколько домов.

У истока Ангары (как вычитала в Интернете Анна и вывалила свой страх на Гарина): «В 1972 году утонул „советский Чехов“ — драматург Вампилов». А на станцию Слюдянка, как она же сообщила на ВВС-1: «В дни Русско-японской войны 1904—1905 годов переселился министр князь Хилков, строивший Кругобайкальскую железную дорогу».

Все то же, тем более в очертаниях берега самого глубокого и древнего озера планеты — убедился Гарин, просматривая фотографии в старом альбоме Петра Камова...

— Вы, Лев Кимович...

— Лучше: «ты» и «Кимыч»

— Ты помнишь тот... 1993 год. Траур, тревога. Вся страна в холодном поту, бултыхается в ледяной тревоге, а мне с женой, представь, выпадает совсем другое! Тут всем в грязи, кровью умыться, а нам на белом самолете в банановый рай лететь. Пятнадцать почти лет в Бразилии, Южной Америке продавал наши карбофосы, карбамидами, калийные удобрения... Ты знаешь, Кимыч, если и было у нас что-то, как выражаются, «предначертанное Судьбой» — это наш с женой отпуск перед командировкой. Не помним абсолютно, как, когда решили на прощание съездить именно на Байкал? Как собирали чемоданы, все тряпки, справки — помним. До одной. А кто первым придумал, сказал: Байкал? Кто нам подсказал? Намертво не помним.

Еще уникальность: тогда во всех поселках на брошенной дороге проживало, максимум, человек семьдесят, но среди них — самый знаменитый писатель страны, Валентин Григорьевич Распутин. Дачу там построил. Мы когда познакомились, заходили: простой сруб, пятистенка. Сейчас, я слышал, там много дач поставили, наверно, писатели потянулись за вдохновением. А когда мы в 1993-м приехали, лишь несколько их было. А еще раньше, в 1970-е вообще только двое: Распутин и его друг, тоже писатель, но драматургического жанра, Александр Вампилов. Он там и утонул...

— Да-да, слышал.

— И ничего удивительного, что мы тогда познакомились с Распутиным. На бережку Байкала с лодкой возились двое местных, а мы с женой, приезжие гуляки, выделялись.

Он нам и рассказал, как пять лет назад в Маритуе, тоже поселок на брошенной дороге, двух младенцев нашли. Невероятно, все равно что на орбитальной станции МКС утром экипаж, что запустили с миру по нитке, проснулся, а в каком-то отсеке — бац! — два ребенка спеленутых... Но это я сейчас ерунду напорол, сравнение ерундовое, в 1993 году никакой МКС не было, только наша станция «Мир» летала. Распутин

тогда сказал: послание, может, нам? Такое тревожное время, все на волоске, а тут дети как с неба свалились. Он, наверно, рассказ про это задумал, настолько красиво изложил, точных слов не помню, но прекрасно, очень взволновало. И я как бы... не благоговения, просто, что ли, разрешения у него попросил. Он нам адрес детдома сообщил. Расстались. В Иркутске нашли, пятилетние, записаны: Егор и Алексей Слюдянские. Один, сами представляете каков: наш Егорушка, «Егр» нынешний. Второй чахленький, ногу подволакивает и говорит сам с собой, неразборчиво. Да-а. Двадцать лет прошло, а все не прошу себе, что не обоих усыновили! Получилось, словно костюм в магазине подобрали. Вроде... вспоминаю в оправдание, сложности какие-то были: нам через десять дней в Бразилию вылетать, а по Алексею справка еще какая-то нужна, медицинская.

Теперь отбрасываю те оправдания. Разлучил семью! Распутин, наверно, полагал, что обоих усыновим. А мы как щенка себе подобрали после выставки: без родословной, но красивый, здоровый...

Известно, как в минуты педагогических провалов, ссор даже родных детей пугают: «Ты не наш, ты приемный! Тебя взяли из приюта! Будешь так себя вести — сдадим обратно». Бывает, так пугают и настоящих приемных, что более жестоко. Егор, дававший порой поводы для родительского гнева, подобной угрозы за все года не услышал ни единого раза. Но особенность жизненного случая, инаковость его судьбы сказались. Однажды, когда эгоизм Егора или какая-то особая форма самососредоточенности особо сильно задела приемных родителей, мать Инна Гордеевна произнесла-таки сожаление. Хотя и прямо противоположное «сдаче в детдом», но воздействием на сына схожее. Потянувшись к сердцу, не показушно, наоборот, пытаясь скрыть движение руки под кофтой, Инна Гордеевна сказала: «Надо, надо было взять, усыновить и твоего брата Алексея!»

Сын дернулся, как от удара, тот упрек/«угроза» сыграл значительную, хотя и не ясную роль в формировании характера Егора Камова. Пробудил ли совесть, склонность к самоанализу, склонил ли к своей исключительности?..

После ярославской поездки Лев Кимович убедился в благотворности, силе влияния Петра Леонидовича. Несколько лет назад Егор купил, установил отцу антенну спутниковой связи, они часто говорят по скайпу. Одно из откровений Егора, когда Анне Блум удалось затащить его на поле истории, было прямым повтором мыслей ярославского отшельника. Объяснением его «теплого» отношения к скандинавам. Освобождая Северную Норвегию, погиб отец Петра Леонидовича. Пару абзацев из камовского «досье» Гарин с удовольствием отбарабанил генералу Бекасову:

— Дания «сопротивлялась» три часа, и король Кристиан поздравил германского генерала Химера «с блестяще выполненной работой». А шведы всю войну откупались поставками железной руды. Все танки, пушки, пули в тела наших солдат, если проследить «мечеными атомами»: из шведского рудника Кируна. Разбомбить его и единственную нитку железной дороги — одного налета хватило бы, но... «шведский нейтралитет»! Чемпионы мира по лицемерию. Когда к Егору на пресс-конференции пристали прокомментировать датско-шведский матч, блеклую ничью ноль-ноль, он ответил: «Игра была равна. Играли два говна». До сих пор ему припоминают.

А знаешь, Пал Иванович, как он по США завернул? Я-то, в общем, собирался на футбольную все же тему свернуть, а он...

— Когда Америка прекратит гадить миру? Сказать точно? Когда выиграет Чемпионат мира по футболу — тогда и прекратит.

— На радостях победы? — спрашиваю его.

— Нет, просто потому, что станет нормальной страной, латино, африкано. Там и сейчас игру сборной форсируют разные гонсалесы, а когда страна станет совсем комплитли, как Уругвай, Бразилия, Нигерия, тогда, значит, там снобы бейсбольные закончились васьовская гордыня, беготня с регбийной дыней, «американский футбол» тоже зачах. Тогда и будут играть со всем миром в мировой футбол, может, обыграют Бразилию. Это и будет критерий: выросли, значит, там...

Гарин подтвердил генералу Бекасову: связь Егора Камова с Родиной держится на отцово-сыновских чувствах... Сказав это, вспомнил про Дарью и не знал, как, куда спрятать глаза. А на чем держится его фланг? Дочь практически предала его, но ведь и он — свою службу.

По счастью, тот раз у них с Бекасовым обошлось без дежурных расспросов: «Ну как твой Вадим? Ну как твоя Даша?» Генерала очень интересовала Нина. Куда клонит жена Егора? Что за брак у них такой «постмодернистский», с «Байонтой на подхвате»? Или кто у кого на подхвате? Егор открыто живет на два дома, уйдет ли к миллиардерше-примадонне, когда она родит от него? А Нина терпит — из-за детей? Денег? Или славы: будет танцевать, петь в одном клипе с суперзвездой? А! Еще ж вариант — любит... Так что думает Петр Леонидович? Чем вообще занят?

— Военной литературы собрал — как в ленинской библиотеке. Может, сам что написать задумал, не понять, но Егора воспитал и продолжает — правильно. Непросто же, увезя пятилетнего в Бразилию, вырастить русским. И сейчас их семью цементирует. Ну а почему Нина позволяет? Вычислить очень сложно, по-моему, она и сама не вычисляет, по инстинкту живет. Они там, откуда ее предки, наверно, все такие.

— Какие, Кимыч?

— А-а, такие... Дети есть? Есть! Не умирают? Нет! Все здоровы? Да! Голодные? Нет! Все сыты, вчера бог послал, тушу кита к берегу прибило! Ну так, значит, жизнь продолжается. Об-ла-ди, об-ла-да, лайф из гоин, бро. Помнишь ту фразу, мудрость, Маккартни у какого-то племени африканского взял. Еще споры были об авторских правах: один черный растафара требовал с битла денег за «облады».

— Да. Похоже, лет через полста только такие и останутся. А мы...

— Значит, туда нам и дорога! С нашими сорокалетними сопляками, игрушками, гаджетами. А твой Егра, он вроде апостола здоровых инстинктов?

20.

Вброшенный когда-то Анной Блум залихватский афоризм «Егр — ответ на любой проблемный женский анамнез» очередное подтверждение получил из Швейцарии. Хотя врачи частной клиники Монтре, принявшие роды у Сальсы Байонте, считали, что подтвердился престиж их заведения со всеми вытекающими рекламно-финансовыми последствиями. Но журналисты, а за ними и общественное мнение решили: «Ну! Это же Егр!» Тяжелая, всем известная предыстория Сальсы (аборты, выкидыши, сын с синдромом Дауна) — и счастливое разрешение, пять недель от роду, а уже видно: здоровая красавица, вторая Лурдес. Конечно, Егр!

Года четыре, как легенда работает сама на себя. Публике нравится: на полочке «Загадки природы» рядом с буддийским монахом, что семьсот пятьдесят лет лежит с температурой двенадцать градусов, и совсем рядом с Криштиану Роналду, почти остановившим свое физиологическое старение, и прочими подобными феноменами лежит и «Казус Егр». Потомок античных греков/греческих богов, каким-то торнадо занесенный на берег Байкала.

Сравнить только читательские рейтинги: занудная похвальба, интервью швейцарского врача, перечни препаратов, процедур и — чудо-фотогалерея: Лурдес, Марина, Юра, Елена, Майя и... вот — Анжела.

Четыре-один, четыре дочери на одного сына — еще одно подтверждение еще и старой английской поговорки «Риал лавер мэйкин дотерс» (настоящий любовник делает дочерей). В общем, Егр — рулит!

А бедняжки Рудольфа, дважды рожденного в необъезжаемом русском граде Кингисеппе, и быть не могло в том блестящем ряду. Тут сошлись резоны: двухмесячное «алиби» матери, страх возможного отвращения Егра... И, наоборот, радость «отца», Леопольда Пэмбру — вся эта подправленная реальность заслонила реальность первичную, «сырую», вышвырнула ее, как птенец кукушки выбрасывает из гнезда родных детей мухоловки-пеструшки. В принятой, подправленной реальности Рудольфу приносят восьмимиллиардное наследство, титул двенадцатого маркиза Пэмбру, благодарность и неформальный титул «спасителя от притязаний мерзавцев Хэрифоров». А в зачахшей и отмирающей «первичке»: бастард или дурныш, выбрасываемый со скалы разгневанным отцом. Единственная, кто может это совместить, все знать наверняка — конечно, мать, и в этом многом знании — многая и печаль...

— Что-что? Золотой укол?

— Точней сказать: золотая доза. Две таблетки, в сумме шестьдесят миллиграмм вещества, но потенцированы, усилены алкоголем. Джин. Его дозу определить не могу, полпинты, если эта бутылка была полная, но вряд ли. Растирайте ей руки, живот, сильнее, не бойтесь. Сейчас. Надо стащить и джинсы... Трите сильнее, можно с пошлепыванием... Анна, я сейчас обязан сообщить маркизу.

— Погодите, Альберт, не сейчас... Зельда! Зельда! Ты меня слышишь?

— И по контракту, и по совести я должен его оповестить. Три минуты назад ввел ей налоксен, внутривенно. Сейчас приподнимем ей голову, попробуем уголь с водой.

— Обязаны, да. Оповестим, когда ей станет лучше. Ей же станет?

Почти заискивающая интонация Анны сменилась мощным выдохом ее «вещества английской веры», абсолютной убежденностью в том, что она в эти секунды произносит:

— Альберт. Мы сейчас ее откачаем, успокоим, спасем. А завтра сообщим маркизу. Доктор, мы же прекрасно понимаем друг друга, мы столько чего прошли! Россия, Кингисепп... Вместе испытали, втроем.

Доктор Альберт кивнул на распростертую в одних трусиках Зельду, синюшную от губ, щек и до пяток:

— Для маркизы, может, даже слишком много чего мы прошли.

— Но она же сама вам позвонила. Значит, она не хотела умирать, по-настоящему. Последнее ее желание все-таки было: жить, и мы с вами исполним его... Прочее — потом. Зельда? Давайте, Альберт, вы — ноги, я — руки и грудь.

Доктор чуть улыбнулся взявшей командование Анне, и через двадцать минут растираний и шлепков Зельда смогла проглотить и запить дюжину таблеток угля. Еще через полчаса они слышали, в общем-то, ожидаемое. Что картинка: Егр, танцующий с поднятой на руки счастливой Лурдес, — это не для нее и не про нее. Она, Зельда, провалила свою попытку: «Мой мальчик для него — оскорбление. Как его брат-компромат, бедный Алексей... Раньше приказал бы сбросить со скалы, жестокий бог».

«Заигрались, — устало думал доктор Альберт, подбирая меж тем утешительную генеалогическую справку: — Зельда на генном уровне не виновата. Неизбежно присут-

ствие рецессивных аллелей и в гомозиготных, и в гетерозиготных клетках. Нет, изложу проще: рецессивные гены через поколения дают проявления рецессивных признаков, не бывает только доминантных, даже у вашего Егра».

Через пару дней Анна и попыталась, используя драгоценные минуты своего сеанса, объяснить их «божеству» законы Менделя (генетика). Но права была Зельда, Егр страшно напоминание о ее мальчике, как комочек грязи, пылинку. Именно тогда Анна впервые дала себе труд додумать, допредставить подробности истории, популярно отштампованной в ее мозгах, да и в мозгах сотен миллионов читавших о судьбе неудачных младенцев в древности.

«Сбрасывание со скал, конечно, театрально. В Древнем Риме отцу семейства приносили новорожденных, и некоторых он просто запрещал выкармливать. И что? Каждый школьник знает, я в своих дурацких очерках миллион раз писала: Борьба против вырождения, естественный отбор, совершенствование... И еще сто тысяч болтунов твердили это. Повторяли за Ницше: „Падающего — толкни“. Чертов Заратустра! А я, несчастная графоманка, только сегодня задумалась: ведь не с садистским же удовольствием они тогда их швыряли! Не следили же взглядами за летящими вниз, брызгающими кровью по скалам! А как тогда? С чувством глубокого генетического удовлетворения?.. И в чем вообще ложь нашей писанины?»

Внезапный поворот давно заболтанного сюжета, яркий гнев на себя, и... слезы Анны не потекли, прямо брызнули из глаз. Привыкший осчастливливать явлением себя народу, Егор или не заметил перемены, или его отвлекла подошедшая бэби-ситер, нянька Наташа. Прикрыв обычно весьма пронзительные черные глаза, она что-то прошептала Егору на ухо, возможно о детях. Паузу использовала и Анна, промокнула глаза, собралась. В стиле и праве своей передачи болтать о чем угодно, она резво развернула беседу чуть в сторону от своей внутренней бури:

— Егр, а что ты скажешь о самом известном афоризме Фридриха Ницше «Падающего — толкни»?

— Ну-у... — квазимхатовская пауза, отстраненная и отстраняющая улыбка, — толкнув, можно заработать желтую карточку. Если толкнешь в своей штрафной, то и пенальти. Кстати, «Соккер ньюс» вчера написала: я в Манчестере редко помогал обороне. А я просто опасался... падающего толкнуть. Тем более если судья посчитает, что был «срыв атаки» — это ведь красная карта, удаление.

— Прекрасно, — всхлипнула Анна, — как всегда.

«Сны, например, про молодость, жену (Царствие Небесное!) — утешение, сеансы веселья, или даже просто сон — выключение перегретых мозгов, это теперь не про мою честь!» — судил себя полковник Гарин, накручивая бесчисленные обороты под одеялом. Внутренние прения адвокатов, прокуроров, свидетелей защиты и обвинения не прекращались всю ночь. Суд все никак «не удалялся на совещание», чтоб вернуться наконец с приговором. О, обжаловать он не будет: ведь эти бесконечные «прения сторон» сами по себе хуже ...дцати лет каторги строгого режима.

Не осталось сил и на пикировки с Лисовиным. Последний раз почти вспыхнул, когда тот объяснял кому-то в Москве роль Анны Блум: «Сказать вам проще, по-нашенски, Анка эта — центровая лондонская говорунья и суперворожея в секте своей!» И явно говорил это не столько в телефон, сколько Гарину, с вызовом: «Ворожея. По-нашенски...» Лев Кимович вскинулся было: «По-каковски это по-вашенски? Лисовинер!» — но осел тающим снеговиком, вспомнил про дочь.

«О! Дарья умеет быть мерзавкой. И сколько еще дней провисит сей абсурд? Дочь перебежчица или просто сбежала в приживалки у маркизов. Меняет служебные секреты отца на минуты лицемерия своего „божества“. Через сколько дней сигнал дойдет до Москвы? Никто из девчонок моего „гарнизона“ пока не донес. Может, считают: дочь шефа в Лондоне — часть плана? Не нарушают служебную субординацию, благодарны мне за роскошную командировку: Лондон, светская жизнь ключом. Опять же Егор каждый день рядом, не может быть, чтоб не влюбились, по-доброму, по-нашему, товарищески, так что при случае „сам погибай, а товарища выручай“. Сама Нина, чуткая хаска, их приняла, оценила: лучшая защита детей в сумасшедшем городе. И все-все-то прекрасно, но... в самом основании — он, „ситуативный предатель“.

И шершавые чертовы таблетки дормиталакса — не сон, а лишь: „опция отрубиться“. Может, вообще лучше попросить Василису или Наташу: обмотают кулак полотенцем, один удар — и тот же эффект. Даже без нагрузки на печень. Хотя теперь, печень ли мне беречь!.. Бэнкс, Бэнкс, Тони Бэнкс должен поддаться уговорам своей Нэнси — в постели он же так любит ей поддаваться. Должен приехать в Мэдлэнс. С любой охраной — это наш будет вопрос. Детальный план замка — в руках, спасибо, Лео! Там осталось уточнить только схему электроразводки... А Наташа раскупорит Бэнкса. Всего пятнадцать минут „амиталового интервью“: блиц-допрос под амитал-натрием и Наташей — и все. Да хоть сорок его слов вытянуть про „план Боздромион“ и кто такой Сигнум, кротяра? — и все усилия, страдания покрыты. И я уже — не „ситуативный предатель“, а „ситуативный герой!“»

Только на этом выраже внутреннего монолога, мечтах о «ситуативном герое», шершавые таблетки дормиталакса прекратили мучения полковника Гарина на два с половиной часа.

А «приживалка у маркизов» понимала: праздник заканчивается, «пора и честь знать». Посидела «на хлебах» Пэмбру, два раза повидала Егра живьем. На второй осмелевшая «ассистентка блогерши Анны Блум» даже получила подписанную футболку, правда, увы, взятую из стопки, ни разу не ношенную. «В Москве обзавидуются и такой? Уверю всех, что ношенная, прямо с плеч стянул?» — нет, мысли Дарьи летели выше и дальше возможного торжества среди московских подруг. Напоследок она рвалась послужить, чем могла, Егору, умнице Анне, доброй маркизе. Она постеснялась признаться им в досадной потере: потеряла или украли сумочку с ее запасом наличных — двести тридцать два фунта. Денег на карточке на билет не хватит, но просить у радушных хозяев она не решится ни за что на свете. Лучше уж (два дня набиралась решимости) — у отца.

Самоотверженное русское сердце колотилось вовсю — Дарья слушала «боевую инструкцию»:

— Они называли нашу койнонию сектой? Пускай! Будет им секта, суровая тоталитарная секта! Появем кровью, станем — плевать на всех — «бесами». Как та секта у Достоевского... Дарья, как по-русски будет женская форма бесов?

— М-м, бесовки? Нет, чертовки.

Анна Блум примерила на слух «be-sov-ki», «cher-tov-ki».

— Ладно, будем: бесы. Я и правда готова застрелить эту Магду Хэрифор за все, что она причинила Зельде. Ей даже Егр не столь важен, хотя, конечно, не отказалась бы прилепиться, присосаться. Она ближайшая наследница маркиза Леопольда... если Зельды не станет или брак признают недействительным. Она затем и сестру Нэнси выдала за FA-6, то есть за Тони Бэнкса. Подавливала нас, присылала маркизу тайную съемку в оранжерее, где мы с Зельдой... Приняла ту кровавую клятву

в Мэдлэнсе, когда мы спасли Егра от распаленных бесовок. Столько гнусностей — и все это... ради каких-то семи с половиной миллиардов... жалких фунтов стерлингов, ты представляешь, Дарья?

Флейтистка полунищего подмосковного оркестра покорно кивала, хотя — занятно! — как она могла представить семь с половиной миллиардов фунтов стерлингов? Ошибалась Даша и в оценке подслушанного тогда «компромата». Обвиняла отца в покушении на своего кумира, а вот игетис койнонии (глава сообщества) Анна Блум, впитав все факты, посчитала Гарина с его «гарнизонам» «третьей силой», может, даже союзником, во всяком случае, «врагом моего врага». А саму Дарью для предстоящей «схватки» в Мэдлэнсе признала более подходящей, чем нежная, слабая Зельда с восьмимесячным сыном.

Разговор с Дарьей Анна совмещала с просмотром форумов своего сайта.

— Анна. Ты сказала, Магда Хэрифор тайно фотографировала вас в оранжерее...

— Не сама, куда такой корове тайком? Попросила, и Тони Бэнкс отправил спецов FA-6, наверно лучших.

— Хорошо, неважно, сама не сама. Но значит, вы... с Зельдой? А как же Егр?

— О, наивная москвитка! Мы же и когда близко вместе — продолжаем познавать его. Лишь три-четыре талантливых сестры нашей койнонии способны отражать, каждая по-своему, стороны его образа. И когда я смотрю на Зельду, я ищу в ней отражение Егра и, разглядев, целую. Это игра зеркал. Но такая услада, сверкание страстей доступны лишь тонким натурам, харитам.

Анна наконец закрыла свой лэп-топ, подкатилась на офисном колесном стуле к дивану. Привстав властно, притянула к себе и склонилась над «москвиткой». Занавески рыжих куделек, подобно шорам, вешаемым на пугливых лошадок, закрыли Дарье весь обзор. Только распахнутые игетис, повелительницы. Растерянная, более всего она боялась показаться «не тонкой натурой», которой «не доступны игра зеркал, сверкание страстей»...

Дарью пригласили остаться у маркизов еще пару недель, помочь Анне в операции «Мэдлэнс-2». Праздник продолжается. Будет ли он «со слезами на глазах», самозабвенную москвитку это не пугало.

21.

«Самый красивый скандал столетия!», «Открытое сожительство звезд футбола и поп-музыки!», «Новый клип Байонты записала вместе с женой отца своего ребенка!», «Брак де труа?», «Байонты и Егр смело добивают остатки британской морали!» И еще ...надцать подобных заголовков. Даже статья, вроде оправдывавшая «безнравственность» Егра перечнем несчастий и женских недугов Байонты, словно не выдержав давления крикливых соседок по газетным ларькам и сайтам, тоже собралась выдала заголовков: «Егр — скорая гинекологическая помощь!»

Подобно малышу Рудольфу Пэмбру, «дважды рожденной» чувствовала себя и Сальса Байонты.

Когда в 2012 году умерла Уитни Хьюстон, скоты журналисты пережевывали аналогии, твердили, что заступившая на Уитнино место Байонты повторит и ее мировой успех, и судьбу. И даже, подонки, предлагали пари: дотянет/не дотянет Сальса до сорока восьми лет несчастной Хьюстон. Байонты проклинала их публично — а внутренне, в крайнем душевном разломе тихо соглашалась: «Но для чего и тянуть? Длительную тошноту жизни среди этих тварей». Далекая от европейского футбола, она мало слыхала о Егре, и вдруг Лурдес! Живой смуглый ангел Лурдес, сложившая ладошки перед экра-

ном VIP-ложи, молившаяся за отца, забивавшего гол «Барселоне», — она словно отдернула портьеру, показала измученной певице: там дальше узкий коридор ее жительства-жития — он все-таки продолжается, ведет, может вести — есть куда.

А журналоги никуда не делись, они, похоже, живут и по сто сорок восемь лет и успевают переключать регистры. Теперь в топе скандальных сенсаций: «Секс-контракт века». Перечисляли пункты уверенно, будто видели, держали в руках подписанные листы: Егр делает ей Лурдес-два, она берет его жену в бэк-вокалистки. Егр получает (оценки разнились): двенадцать, пятнадцать, семнадцать, двадцать два миллиона долларов, снимается для всех видеоклипов и рекламных роликов нового альбома и мирового тура Байонты.

Утверждение, что Егр получил деньги за сделанного ребенка, стало бы оскорблением любому мужчине, но... поведение «божества» не давало разгадать его чувств. Долгие усилия Блум, Лисовина позиционировали Егра как стоящего выше или хотя бы в стороне от обычных стандартов поведения. Сестры койнонии Анны радостно брали на себя грех и гнев публики, повторяя: «Это мы, мы его донимаем, развращаем своим почитанием. Завидуйте!»

Телеканалы, журналы «Космополитес» и «Глаушвиц», «Дэйли абсцесс», опровергая друг друга в деталях, в общем продавали читателям единую романтическую историю... Хозяйка Мэдлэнс Эстейт, прекрасного родового замка маркиза Зельда Пэмбру и ее подруга историограф и новеллистка Анна Блум создали тайную языческую секту егроманок... Но наша редакция сумела получить список членов. Боже, это вся женская половина английской элиты! Финансовое могущество секты позволило им пригласить (для отвода глаз) всю команду «Атлетик» Бильбао — ради ее центр-форварда Егра. Услаждала слух футболистов и сектанток сама Байонте. Тогда она впервые увидела его и почувствовала... он увидел и почувствовал... они почувствовали...

Именно в этом замке миллиардера Леопольда Пэмбру пройдет презентация сингла «Дважды рожденная» с нового альбома Байонты и премьерный показ видеореализа. Главное светское событие сезона... Нам удалось получить список приглашенных счастливых и аккредитованных СМИ... Эксклюзивные права на съемку приобрела ANNA-TV... Строжайшие меры безопасности... По слухам, сам Энтони Бэнкс, директор FA-6 (контрразведка Соединенного Королевства) будет лично руководить охраной и поддержанием порядка...

Парковка перед воротами Мэдлэнс Эстейт была забита уже в полдевятого утра, и маркизу Пэмбру пришлось просить любезности соседей. Наследники пивоваренного короля Джониблора не отказали — за право присоединиться к сонму приглашенных. Правда, им вместе с размещенными надо было пройти четверть мили пешком, до ворот — нет — уже «врат» Мэдлэнса.

— Смотри Зельда! Прямо как паломники в «Тангейзере».

— Точно. Пилигримы. Закрой окно, Рудольф простужен.

«Да, здоровье не байкальское, не егровское!» — мысленно вздохнула Анна, готовясь к выходу, собирая папку газетных вырезок, пресс-релизов, сканов документов.

Другие пять окон давали панораму внутреннего двора, где среди офицеров, детективов иксил директор FA-6 Бэнкс.

— Анна, похоже, лет через семь Тони совсем ожиреет. Про его спортивные усилия, борьбу с лишним весом знает вся Британия, но смотри, видишь: коленки слипаются иксом, как у самых конченных толстяков.

— Свинья. Нагнал полк своих агентов, да еще полицию. Уверена: сигналы, угрозы арабских террористов, русских шпионов и вчерашняя статья в «Гардиан»... он все

сам организовал. Для этого парада. — Анна кивнула на двор. Там полноватый взъерошенный блондин что-то внушал группе мужчин в штатских, но однотипных пиджаках, а из подошедшего автобуса выскакивали крепкие ребята в форме: для поддержки своих агентов, физической работы по сдерживанию, выдавливанию толпы Бэнкс вызвал два взвода полисменов.

— Наш герцог Веллингтон при Ватерлоо...

Егору было мало приятства вновь оказаться в Мэдлэнсе, да еще с теми же маньячками. Но теперь убедили: будет не тайная шабаш-оргия, а большой сэйшен, более сотни человек, и... гонорар девятнадцать миллионов обязывал участвовать в продвижении нового альбома — на всех площадках и стихиях. Детей, конечно, оставили на Василису (повар) и Алину (помощница по хозяйству, шофер, телохранитель). С собой взяли Лисовина, Гарина и его отборных: няньку Наташу и бывшую кормилицу Любу.

«Красивые девушки, прижились в Лондоне, мечтают о сцене, подиуме, хотят осмотреть старинный замок, завести знакомства в шоу-бизнесе... Ну кто может быть против?» Да любой из секьюрити на входной рамке пропустил бы их за милую душу, предварительно тща-ательно обыскав, с пристрастием. Но увы, по принятым правилам досмотр провела лейтенант Кони.

Насчет «девок гарнизона Гарина» она была проинструктирована строго. Отвела девушек в кабинку, вызвала помощницу, сержанта Фрэнсис. В тщательности ее обыска не было ни грамма от игривости рядовых на рамке. Понимала: перед ней — солдаты, потенциальный противник. Зато, сбивая настрой лейтенанта, море игривости расплескивали нянька и бывшая кормилица: громко хихикали, вздрагивали, ойкали, изображая страх и «первый в жизни такой обыск».

На манипуляции Кони, связанные с касанием тела, Наташа (прочитав беджик) сладострастно стонала, вероятно, на русском: «Чуть помедленнее, Кони, чуть помедленнее!»

Выпустив нахалок из кабинки, лейтенант Кони доложила Бэнксу.

— Да, сэр. Нет. Не пьяные, сэр. Смеются да, громко, но вроде не накуренные. Просто валяют дурака и притворяются. Да, сэр, мы идем!

Для первой, самой массовой части праздника маркиз Пэмбру отдал газон перед восточным флигелем, но жертва не была принята. Утренний дождь грозил превратить самый блестящий сэйшен сезона в скотный двор, и набухавшую толпу пригласили перейти в курдонер. Над уютным внутренним двором гвардейцы Тони Бэнкса помогли натянуть тенты, и презентация стартовала. Байонта и Егр — живьем, малышку Анжелу мама оставила в Лондоне.

Более всех ворчали бригады телекомпаний, терявшие часть видеоряда:

— Остолоп Бэнкс нагнал страхов... Три взвода!

— А я бы тоже не рискнула везти пятимесячную дочь на такой военный полигон...

— Чего и ждать от этих тупых лицемеров!

— Говорят, метит в министры...

Только примадонна могла утишить волны недовольства. В старину моряки, спасаясь от шторма, лили за борт масло, и до сих пор ученые, не только британские, спорят: помогала ли та мера? Бенджамин Франклин опытным путем установил: масло гасит волны. Презентация в Мэдлэнс Эстейт добавила бы ему подтверждений. Явление Байонты (кожа мулатки всегда сияла, как натертая маслом), ее сладкая улыбка и правда утишили гневные волны, а «дочку Анжелу live» заменило слайд-шоу.

Вот девочка улыбается у мамы на руках, помавает ручкой, будто приветствует маминых фанатов.

Примерно в это время на смартфон Анны осенним листом упала картинка, фотография с подписью: «7 октября. Маркиз Рудольф Пэмбру за месяц до своего рождения». Сродни ехидному титулу фильма: «А я знаю, что вы делали прошлым летом». Номер закрыт, но и так понятно: прислала Магда или Нэнси, или подключили самого Бэнкса. Мгновенно заработал внутренний «поисковик»: Кто «крот»?.. Доктор Альберт? Тот русский врач, принимавший в сентябре роды в Кингисеппе и оформивший седьмым ноября? Или кто-то из трех телохранителей, сопровождавших по России? В любом случае «алиби» Зельды провалено. Кошмар. И бедняжка Рудольф здесь. Увести их в западный флигель, закрыть наглухо? Провести, накрыв плащами по анфиладе? А, в стилабате есть глухой коридор.

Нахлынувший страх за Зельду теснил прочие опасения. О предстоящем празднестве, презентации клипа Байонты—Егра вспомнила уже немного иная Анна, не та, чье выдыхаемое «вещество веры» магнетизировало английскую тусовку, превращая футболиста в божество.

Аркадий Лисовин одобрил нежелание Егора выходить на сцену вместе с Байонтой. Такое «цепляние за подол» только повредит имиджу, тем более (ха-ха!) — подол в ее облегающем мини-мини? Он не хозяин, а гость (номер один) на шоу Байонты. Герой ее клипа, который на сей момент не видел никто, кроме создателей и героев: премьеры — сегодня в два часа пополудни. Далее должна сыграть «утечка информации» о рекордном (девятнадцать миллионов долларов) гонораре Егра плюс скандал, который обещала разогнать на премьере Анна Блум... После этого войти в игру будет гораздо результативнее.

— Слово выйдешь на замену против измотанного соперника и забьешь.

Сравнение Лисовина Егор гордо отверг: это его, используя уникальную «физику», до сих пор ставят в стартовый состав. Это он всех «изматывает». Более подошла другая аналогия: использовать гравитационное поле чужой планеты как катапульту, разогнаться — и лететь далее. Только это «поле», даже если оно не совсем «чужое» (не вдаемся в подробности сделки с Байонтой), надо использовать стратегически правильно — и тогда поднимутся планки всех гонораров: банки, ювелирные и одежные дома, сети отелей, бренды бритв, мужского белья и спорткаров...

Итого: первое отделение отработывала Байонта, держала паузу (хотя вряд ли слышала о Станиславском), сколько могла, оттягивая премьеру клипа, и, только почувствовав (сродни секс-академическому опыту) самый пик напряжения, выдохнула: А теперь: «Дважды рожденная»!

Музыка: Вилли Диксон (ее давний чикагский соавтор) и Сальса Байонты.

Слова: Сальса Байонты.

Энергичный монтаж клипа представлял Сальсу на невольничьем корабле, на помосте рынка, на плантации, в поместье рабовладельца и в студии — записывающей эту песню.

На корабле, невольничьем рынке и на плантации наготу Байонты прикрывали только кандалы. Во избежание цензурных придирок для прикрытия некоторых мест прекрасного тела кандалы вылепили столь внушительными, что будь они правда из железа, эти якорные цепи не поднял бы и Майк Тайсон. И на хлопковой плантации у Байонты — самые сексуальные лохмотья, какие только можно представить. В финале, у студийного микрофона — она в мини, в котором предстала сегодня. Розовый

топик и даже здоровенные наушники и микрофон перед ее губами смотрелись возбуждающе. И прекрасная, тянущая душу музыка: Вилли Диксон, как и все черные чикагцы, был фанатом «блюза дельты», то есть нью-орлеанского.

Общее впечатление подтверждало: самая эротичная вещь на свете — ну конечно, рабство, рабовладельческий строй, недаром царящий своими атрибутами в наборах для ролевых игр. В этом сезоне движение BLM (Black Lives Matter), запущенное еще в 2013-м, сделало мощный рывок, и клип целил в тренд. Но все это вкупе с почти пародийными кандалами — лишь первый пласт повествования. На втором ожидаемо царил Егр. Прекрасный, аполлоноподобный (но слава богу, не сам Аполлон — образ надоед Егру по рекламным сюжетам) капитан невольничьего корабля. Прогуливается по палубе с положенным хлыстом в руках, но — печально-красиво-задумчив. В него и влюбляется закованная рабыня. Выставленной на рынке Нью-Орлеана рабыне особенно достается: ее хватают, лапают, дергают за цепи. Но Егр в синем мундире армии южных штатов всех прогоняет, швыряет монеты и увозит покупку. Потом он — плантатор с сигарой в зубах: самый неприятный момент для Егра, сделали несколько фальшсигар, но режиссер требовал дыма. Пытка уравнивалась: именно в этой части шли его жаркие объятия с Байонтой. Любовь и музыка переносила «рабыню» через века — прямо на сцену. Толпа ее фанатов на концерте весьма остроумно сопоставлялась с толпой окружавшей ранее на невольничьем рынке Нью-Орлеана.

Дополнительная пикантность для тех, кто в курсе (в Мэдлэнсе это сто процентов, а среди прочих потребителей видеомузыкальной продукции около того): жена Егра тоже снялась в нескольких слоях клипа. «Прямо вместе с любовницей своего мужа!» Мальчиком-юнгой на корабле она приносила Байонте воду, потом она же — жена плантатора и, наконец, в студии поет рядом с примадонной.

Примерный перевод текста, сочиненного Байонтой, как она уверяет, за одну ночь:

— Мы были рабами, держали нас за зверей — и мы были невинны, как звери. Служанка-мулатка, я знала лишь два движения: снять трусы и задрать платье. Трусики вниз, быстро-быстро, только чтоб не споткнуться, переступая. А платье медленно-медленно вверх-вверх-вверх, пунцовая и набухая. Но с ним, с ним я узнала другие движения. Узнала: душа тоже движется. Упорхнет вверх — восторг, ухнет вниз — страх. Любовь — это второе рождение (ударная строка припева).

Музыка, блюз, соул плюс ритмичный припев, оставляла место только восхищению. Но текст, градус эротики, видеоряд со звездой-миллиардершей, рядящейся в якорные цепи и явно заигрывающей с Black Lives Matter, «Черными пантерами» и прочими движениями, вызывал желание придраться. Тем более что рецензии с одними восторгами мало ценятся редакторами.

— Норман. Ты заметил: везут-то африканских рабов, а Байонта — мулатка, с немалой долей белой крови

— Неуч ты, Хельмут, болван, как вся ваша «Дэйли мирор». Со второй трети девятнадцатого века рабов везли уже не из Африки. Из Бразилии. Там запустили специальные фермы: разводить дешевле, чем ловить по Африке. Хозяева тоже включались в рабочий процесс. Мулатили.

— У-у! Тут я пас, Норман, пас... Эх, мне бы такую ферму!

— Твои мулаты получались бы слишком тупыми даже для сбора хлопка. Годились бы только писать репортажи в «Дэйли мирор». А Байонта — красотка и талант...

— Дарья, ты обратила внимание, в финале, где Байонта с Ниной поют, Егр совсем исчезает, растворяется.

— Он еще когда идет по Новому Орлеану — уже такой отдельный ото всех, палящий. Был момент, заметила? Ворота невольничьего рынка сквозь него, его тело, видны. По-моему, автор клипа, пока снимал, уловил их отношения. А ты, Анна, хотела бы сама сделать этот клип?

— Нет. Я столько уже наговорила, понаписала, что просто нечего больше выдавить. Наверно, надо было просто любоваться, Аполлон Савроктон, Антиной, Аполлон Кифаред, Аполлон, забивающий со штрафного, Аполлон Бельведерский, Аполлон Мантуанский... а не выдумывать другую историю человечества. Дурочка из «Космополитеса» думала меня укусить, написала, что это я своим веществом веры надула шарик секты егроманок. Или наоборот, она этим хотела польстить — тем более дурочка, — будто я продолжила борьбу Фридриха Ницше, сотворила «белокурую бестию», сверхчеловека.

— Ницше, постой... он же с ума сошел?

— Называл себя Дионисом Распатым, мочу из сапога пил. Приставал к вдове Рихарда Вагнера, сватался к дочке вашего Александра Герцена...

— Еще не легче.

— Но главное — тут космополитеска попала в точку: Ницше тоже считал всю историю после античной Греции — вырождением. А Иисуса — виновником и покровителем этого вырождения. А я, дескать, вместо иконы поставила мраморную скульптуру, «Аполлон с мячиком», и жалуюсь, что с ней холодно обниматься. Намекнула там и на другие мои безуспешные манипуляции, эротические с мраморным богом.

— Конечно, читала — ф-фу. Но, Анна, ты сама даешь впечатление, что обожаешь его — именно такого, отдаленного, холодного. Как там: «...вечно молод... тарарам и светлый холод». Я в Москве, следила и раньше соглашалась: именно так и надо! Мы своим негативным отбором испортили, так далеко отошли от совершенства, что нас оно пугает... Но тебе лучше знать, ты уже столько лет возле него.

— А ты знаешь, что сейчас из всех лет у ног Его Совершенства — лучшее мое воспоминание? Одна теплая черта, один живой момент.

Дарья впилась, навалилась на подругу.

— Это ночь «побега из Мэдлэнса». Мы запрыгнули с ним в мини-вэн маркизова гаража. Понимаешь, да — наши с Зельдой планы, надежды? Мягкие кресла, просторный салон — подходили как раз. Я так близко дышала на него, что, наверно, убедила, от какой страшной опасности мы его спасли, что ему в Багряном зале угрожало. Багряный — это этаж вниз, под западным флигелем, зал собраний нашей койнонии. Я сама тогда верила, что наши бешеные могут случайно и... В Эдинбурге они одного парня залюбили до смерти. Испуг Егр скрыть сумел, но благодарности нам — нет. В смысле — нечего было скрывать, — грустно пошутила Анна. — Довезти его надо было если не до Лондона, то хотя бы до Челнема, а нас с Зельдой так трясет, что едва можем вести машину. Она два раза съезжала, врезалась в кусты, в столб — хорошо, что мы еле плелись. Хотя не исключали погони. Я села за руль — ничуть не лучше. Пришлось Егру. И хотя мы обе были — того, полупомешаны, но заметили: как же он плохо ведет автомобиль! Хуже любой девчонки, хуже Зельды. Еле-еле, дергаясь, хватаясь за все рукоятки. Еще и шептал что-то все время. В общем, трогательно. Только въехав второй раз в кусты, он сообразил, как будет надежней, скорее ему доехать. Обернулся к нам и... В ту ночь и был зачат Рудольф. Времени и старания он уделил нам немного, но все ж достаточно, чтоб мы перестали дрожать и клацать зубами. Умиротворились. Я погнала машину к Лондону, где мы его и «сдали на руки» той, что сначала приняли за японку, Нине то есть. В дороге он от нас отключился совсем, словно мы с Зельдой — так-

систки. Говорил в телефон на русском, который я тогда совсем не знала. Похоже, кому-то рассказывал, что сейчас едет в Лондон, и, кажется, еще что-то, про нас. Хорошо запомнила одно его слово, но так и не знаю, как перевести. М-м... «я о-то-драл обеих».

— Представляешь, Дарья, так хотелось узнать, что он думает про нас. Но и потом, когда мы носились по вашей стране, не попало, кого бы расспросить. Да и стало не до этого, Байкал, Кингисепп, роды Зельды. Сейчас вот вспомнилось, хоть ты переведешь: «о-то-драл обеих»?.. «Обеих» я потом поняла, это про нас с Зельдой, «бос оф ас». А что есть «отодрал»?

Дарья искренне наморщила лобик, но... порой социокультурные барьеры выше языковых! Среди ее интеллигентных знакомых, субтильных коллег по оркестру это слово, кажется, ни разу и не произнеслось. Даже не потому, что ругательное, матерное — просто не слыхали. В книгах популярным грубым обозначением было «трахнул, трахаться». Им же Рита Райт-Ковалева переводила с английского «это» во всех культовых книгах московской интеллигенции... Плюс то самое... ужасно матершинное слово на «е...», тоже ею слышанное. Но это «о-то-драл» как-то прошло мимо... Дарья недоуменно развела руки, намереваясь дослушать «романтический побег из Мэд-лэнса», но окончание было Анной смято:

— Однажды я все-таки рискнула, спросила Егра о той ночи, дороге. До лжи он, конечно, не унизился, но бровью повел, посмотрел так, что я сама засомневалась: а было ли это?

22.

Глухой, без окон коридор в стилобате главного корпуса — не самое приятное место в замке. Анна быстро провела Зельду с Рудольфом на руках в восточный флигель. Глянув фотографию в смартфоне с разоблачающей подписью «7 октября. Маркиз Рудольф Пэмбру за месяц до своего рождения», Зельда была на грани панической атаки. Самое ужасное, что фото было сделано на закрытом дворе коттеджа под Ивангородом, где они выжидали два месяца до даты регистрации мальчика. Значит, вариант утечки через русского врача, и ранее маловероятный, снимался полностью. Доктор Альберт, шестнадцать лет работы у маркиза — тоже вряд ли. Значит, скорее, кто-то из секьюрити маркиза, они все трое сегодня здесь. Допустим, предатель — один, значит... «три наперстка»! И в своем замке в эти часы — небезопасно. Весь флигель обыскать за минуты — нереально. Винтовая лестница вела к башне над флигелем, там лишь две спальни.

— Запрись, отвечай только на мои звонки. В крайнем случае я пришлю Дарью. — И Анна побежала в главный корпус, по пути стараясь прийти в себя, переключиться на презентацию, Байонту, Егра.

Вернувшись к микрофонам, Анна Блум начала еще одну войну, открыла еще один фронт. Аркадий Лисовин заказывал легкий скандалчик. Ньюсмейкер сегодня, безусловно, Байонту, и Егр не должен подчеркивать, педалировать свою «привязку» к героине. То, что Лисовин назвал «не держаться за ее подол». Крепко привязать его к героине должны сами журналисты, а следом и публика. Самая выигрышная позиция — не становиться на цыпочки, выкрикивая: «Это я! Это я ее...», а лишь снисходительно разводив руками: «Вы так считаете? Ноу коментс».

— Помните девиз ордена Подвязки? — горячился Лисовин. — «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает!» А ведь тут плохо подумают все. Всем будет стыдно. И стыдно — до чего же им это интересно.

Анна тогда послала ему воздушный поцелуй, отсалютовала рукой к виску. «Кул. Клево. Умница, русский! Сделаем!»

С пачкой газет Анна вышла к микрофонам, объявила:

— Коллеги! Благодарю всех корреспондентов, обозревателей изданий и телеканалов, вместе с нами посмотревших этот прекрасный клип, терпеливо ждавших новый альбом Байонты «Дважды рожденная» и старт нового мирового тура. Благодарю и всех вас, подогревавших ожидания, рассказывавших о новом ребенке Байонты, ангеле Анжеле и... и о том, кому вы и английская публика присудили честь отцовства этого ребенка еще до первого признания нашей примадонны. В течение полугода более восьмисот сорока шести тысяч участников голосования на форуме нашего сайта определяли лучшую статью и лучший заголовок этой информационной кампании. Мы учредили специальные призы: две тысячи фунтов за статью, телепередачу и восемьсот фунтов за лучший заголовок, анонс... И сейчас я имею честь сообщить, что с большим отрывом в обеих номинациях победил Джон Теккерей из газеты «Мейли емейл»! Как остроумно и бесцеремонно, в стиле британской прессы он перечислил все несчастья и женские недуги поп-дивы, как изящно сделал вывод, ставший заголовком статьи «Егр — скорая гинекологическая помощь!».

Анна подняла над головой газету. На первой странице выше крупных фотографий Егра и Байонты яркая красная строка: «Мейли емейл» — и эмблема.

И под названием — слоган, девиз «Твоя неделя», расположением и шрифтом очень напоминавший знаменитый девиз «Нью-Йорк таймс»: «Все новости, пригодные для печати». Анна протянула в телекамеры два чека, да: две тысячи и восемьсот фунтов, дождалась салюта фотовспышек и, вернув их на поднос, продолжила:

— Да, фамилия победителя явно намекает, что это псевдоним какого-то молодого журналиста. Поздравим нашего начинающего коллегу.

Надеявшиеся на призы коллеги неохотно похлопали, оглядываясь, ища взглядами молодого нахала, прикрывшегося фамилией великого писателя, автора «Ярмарки тщеславия». Пауза.

— О! Мы дозвонились до редакции «Мейли емейл»! — Раздвинув телефоном занавеску рыжих кудрей и прижав его к уху, Анна разговор с залом продолжила только округлившимися глазами и сигнальной мимикой.

— Ю мин рили? Фэнтэстик! (Это правда? Фантастика!) Что ж, прекрасно. До свидания! — и, выключив телефон, продолжила: — Извините, коллеги. Оказывается, статья-победитель была написана искусственным интеллектом, то есть нейросетевой программой — генератором текстов РитерАИ. Какая жалость! Две тысячи восемьсот фунтов уходят... куда? Что купить генератору? Новые провода, винчестеры?.. Вау! А сейчас к нам подходит сам герой статьи, форвард «Арсенала», номинант на «Золотую бутсу» УЕФА прошлого сезона и лучший бомбардир Премьер-лиги — сам ЕГРРР!.. Что вы скажете по поводу нашего конкурса?

— М-м. Полный хеппи-энд. А то я думал: кому дать по шее за эту статью?

Звонкая пощечина пишущей братии, искры ненависти у половины аудитории, смех у другой. Победа нейросети на конкурсе сайта «ГодЕгрНиа» стала одним из «первых звонков» пишущему сообществу, только через год пошли скандалы, забастовки голливудчиков, у которых программа-генератор текстов перехватила работу, написав сценарий семидесяти двух серий мыльной оперы «Друзья Стеллы».

— Ловко подстроила эта Блум.

— Мстит за пресс-конференцию на ВВС-1, — объявила дама из «Космополитес». — Мы тогда ее прижали, посмеялись над российской экспедицией, бестолковым поиском тайны происхождения Егра.

— Нет, какова! — И затрещали электронные перья. Еще не покинув Мэдлэнс, корреспонденты наговорили на диктофоны и телекамеры, каждая стараясь отхлестать нахалку, ее свихнувшуюся секту, поиздеваться над их «Аполлоном в бутсах» — и все-таки превзойти кремневые мозги нейросети.

Взлетевшее число интернет-запросов «Егр», «ГодЕгрНиа» опять дало повод многим заподозрить: «Это все тори пытаются отвлечь внимание от провалов Камерона и Брекзита».

Столов и столовых приборов, алкоголя и форели хватило бы, наверно, на половину прибывших в Мэдлэнс, топтавшихся на курдонере. Но у дверей главного корпуса замка гвардейцы Бэнкса устроили «самую жесточайшую сегрегацию... апартеид хуже, чем в Родезии» — по оценке одного из отсеянных. Глава FA-6, ссылаясь на требования безопасности, упивался властью столь зримо, что к хозяину маркизу Пэмбру претензий не было. Кроме списка Егра и Байонты, в замок вошли только двое из ANNA-TV, «несколько друзей маркизы», половину из которых Анна с удовольствием утопила бы в мэдлэнсовском пруду, и сотрудники Бэнкса, казнь которым она пока не придумала.

Почти год, начиная с появления первых признаков, половина журналистов, спикеров на ток-шоу утверждали: никаких браков «дэ труа», Байонте нужен только ребенок. Что ж, сегодня эти аналитики выиграли все пари, которые наверняка заключали: после нескольких обычных фраз примадонна умчалась в Лондон к дочери...

— Анна, мы благодарны вам с Зельдой за сегодня и почти простили. Осталось лишь ненадолго оторвать его от жены и свиты. Главное — вон от той русской блондинки-кикбоксерши...

— Знаю, Магда, это его бэби-ситер Наташа.

— Знаешь не все. Но тут поможет Тони. Будет момент — я тебе просигналю. А Егра надо пригласить...

— В тот же зал?

— Необязательно, но лучше, чтоб тоже в бэйсменте и без окон. А где Зельда? Скажи ей: может уже не прятаться. Да, мы все-все, и я как свояченица директора FA-6, мы благодарим вас за сегодня. И объявляем амнистию.

— Ты лучше скажи, кто тебе слил кингисеппские фото? Из секьюрити?

— Не-ет, — кокетливо протянула Магда Хэрифор — Лучше ты подозревай их всех. — И оглянулась на сновавших по залам сотрудников Бэнкса и нескольких секьюрити маркиза...

— А дальше, — она протянула Анне трубочку для коктейля, — никаких подсыпаний порошков из перстней, как в средневековых фильмах. Ни капель из флакончиков. Просто воткнешь в его стакан вот эту соломинку.

— И что там за ведьмино зелье? Спящий бог, «умер великий Пан»?

— С ума сошла? Расслабляющий, веселящий эффект. Мы же Егра обожаем не меньше тебя! Просто не такие языкастые, не так изливаемся в медиа и на сайтах. Наши язычки — для другого.

Анна схватила с проносимого подноса бокал шампанского, ткнула в него Магдину соломинку и грозно надвинулась:

— Пей! Сейчас же.

— Да пажалста. Смотри... Даже с удовольствием. Буду просто веселая, более внушаемая и возбужденная. Хочешь, попробуй и сама. Только через эту соломинку еще не более бокала, препарат весь растворится. Но вот тебе парочка запасных. М-м, и еще парочку на любой случай. Угости и Нину. Хорошо бы и Наташу, но это нереально...

Да что ты губы поджимаешь, как вдовствующая герцогиня? На тусовке у Бойдж Майкла целые барханы порошка надували. Давай еще и Нэнси воткнем такую соломинку? — Она окликнула и заменила трубочки в коктейльном бокале покорно подошедшей младшей сестры.

— Все. Допила. — Магда вручила Анне пустой бокал. — Ради твоего теста пришлось так вульгарно: шампанское через соломинку! Ужас, кем меня сочли те, кто это заметил. О, начинает действовать. Через десять минут можешь со мной делать все, что с Зельдой тогда в оранжерее.

— Стукачка.

— Ф-фи. Могла бы сестре по своей койнонии подыскать что-то поизящнее. Автор «лучшей поэтической книги 2010 года».

— Тебе — это самое изящное. — Игривые словесные щипки и пощечины только подчеркивали: остроненавистная фаза пока миновала. И дружелюбные гримасы Тони Бэнкса подтверждали: прямые угрозы сняты. Анна тут же просигналила об этом запершейся в башне западного флигеля Зельде.

23.

Формат фуршета соответствовал вкусу Егра. Ненавидя высидивания за столами, он терпел лишь тусовки, оставлявшие простор движению. На вечеринку у Брендзы Лавэй он взял с собой мяч и, меняя бокалы, разгуливал, жонглируя, демонстрируя дриблинг, обвел хозяйку, потом Стеллу Маккартни (дочь самого), заработав высокоценный приз — репутацию оригинала и остроумца.

Магда, пристально следившая за Анной, дождалась: Егр допил мохито через ее трубочку — и отправила смс Тони Бэнксу.

Обещанная Магдой «помощь FA-6» грянула в форме сигнала тревоги. С ходу успокаивая сообщество, Бэнкс объявил: «Ничего форс-мажорного. Просто в зале лежит бесхозная дамская сумочка. Три минуты, и мы все выясним».

В принципе британцы сработали грамотно: «обнаружили сумочку» в момент, когда Егр, окруженный сектантками, был у дверей, ведущих в стилобат, а все прочие на другой стороне зала. Рассекшие толпу бэнксовцы и привлеченные полисмены с самыми вежливыми извинениями, но энергично потеснили: Егра с дамами к подземным коридорам, а прочих — в зеркальную галерею. «Необходимо укрыться на несколько минут, пока мы не исследуем и обезвредим сумочку».

Кто-то был готов объявить «паническую атаку», но некоторые — Магда, Нэнси, адмиральша Нэстингс и еще пара сестер — беззаботно орал: «Как хорошо, что мы успели схватить по два бокала. Несколько минут? Продержимся. Егр, не бойтесь, мы закроем вас от взрыва своими жаркими телами!» По разнице реакций Анна безошибочно определила тех, кто был в курсе заговора. Ее верный оруженосец Дарья Гарина? Конечно, нет! Кусая побелевшие губы, самоотверженная москвитка и правда стала близ Егра, закрыв его со стороны, где лежала «сумочка-бомба».

Тони Бэнкс отделился от группы полисменов и своих агентов, совместно разрезавших тусовку пополам, и, подойдя к дамской половине, придал сектанткам импульс: «Мои леди. Господин Камоф. Все, все в коридор! И дальше вниз, в коридор бэйсмент. Пока тут наши саперы не разберутся».

— Вау, Егр! — В эвакуационном потоке каждая норовила коснуться, схватиться. Продлить касания-прижимания препятствовал не Егор — сестры-конкурентки.

— Вау, как кстати нам — эта сумочка! Твоя, Шейла?

— Да, теперь — пускай хоть с гексогеновыми конфетами.

— Егр, мы успеем провести вас по нашим залам.

— Помните, почти два года назад мы так хотели показать вам ритуалы нашей койнонии.

— Но вы тогда так испугались!

— Я? Испугался?!

— Но вы же сбежали тогда, мы помним. Испугались-испугались!

Даже не самый смелый мужчина в ответ на *это* обвинение готов встать на дыбы, пойти на подвиги.

— Да-да-да. Сбежали.

— У меня была назначена важная встреча.

— Знаем, знаем! С Ниной, но на следующий день.

— Вас пугала ночь нашего обожания?

Смешки и возгласы с совсем уже развратными интонациями. «Похоже, они все напились через трубочки Магды», — определила Анна.

— Да, с Ниной. Оу, она же сейчас там! — Егр вытащил мобильник, scomандовал на русском: — Тихо, бабы! — Интонация заменила перевод, замолкшая компания уставилась на скульптуру «Аполлон со смартфоном». Пауза.

Вступил единственный, к кому формально, команда «бабы» не относилась

— Здесь стопроцентная изоляция. — Тони Бэнкс ткнул стену. — Словно в восемнадцатом веке маркизы предусмотрели защиту от волн сотовой связи. Но моя и тут работает. Дуплекс-рация.

Достал трубку размером чуть больше телефона, вытянул антенну:

— Робби, как обстановка? Как русские? Что-о?! Черт возьми, вы все осмотрели? Проклятие!

И заметив, как его эмоции напрягли, напугали компанию, обернулся.

— Извините, мои леди. Нет-нет, господин Камоф, с вашей супругой все в порядке, вы можете сами убедиться. Робби, попроси госпожу Нину. — И передал трубку Егру.

Озаботило директора FA-6 другое. Вторую половину тусовки удачно релоцировали в зеленый каминный зал, блокировали. Бэнкс перевел было дух, уединившись с дамами и их кумиром в роскошных подземельях под западным флигелем, и вот болван Робби докладывает: из русских у него только Нина, Гарин и Лисовин, куда пропали две грозные девицы, неизвестно...

«Считал, что заманил Гарина в ловушку — по служебной надобности, а Егра в „медовую ловушку“ — по просьбе жены. Но теперь... А может — это его заманивали? Все смешалось в замке маркизов».

Вереница дошла до Багрового зала. Название неофициальное, именно здесь почти два года назад сектантки планировали свою шабаш-оргию. Здесь так и стояло большое зеркало в дубовой оправе, глядясь в которое сектантки давали клятву мести. Даже засохшие рыжие кляксы — капли крови из левых мизинчиков в полном отсутствии солнечного света — сохранились.

Посреди богато убранного зала стоял хоть и небольшой, но по всем дизайнерским «примочкам» — трон.

— Ой, какая роскошь! — невольно воскликнула Дарья.

— Отец Леопольда, десятый маркиз, обустроивал здесь бомбоубежище. На случай прилета ракет из твоих краев, — негромко пояснила Анна.

Безумно расширенными зрачками Дарья вбирала в себя зрелище, действо, о котором столько мечтала. Восторг, ужас и... Низкой басовой нотой в аккорд вливалось

разочарование: Неужели все так просто, грубо, откровенно до цинизма? Что, они сейчас облепят его и...

Анна тоже не могла сосредоточиться. Приближается пиковый момент, главная, «уставная» цель (если б секта имела письменный устав), а она вдруг думает лишь о Зельде. Бедняжка, ей-то сейчас не до веселья и похоти сестер, наверно, приведет сюда Рудольфа. Единственный шанс показать мальчика отцу, поймать взгляд, выслушать приговор. И предчувствие того, что Зельда и Рудольф услышат, погружало Анну в ледяной колодец. «Хоть бы она сейчас не дошла. Остановили б ее агенты Бэнкса или привлеченные полисмены. Лучше бы...»

— Джорджи, мы-то здесь — у себя дома, а как вот девчонки сюда сунулись — смелые!

— Да-а. У них-то никакого прикрытия, ни дипломатического иммунитета. А Бэнкс запросто повесит на них и эту сумчонку, и что угодно, от ирландского террора до приступов малярии Дэйва Кэмерона...

— А которая черноглазая, пронзительная? Фигура... Грудь — балкончиком стоят, задница оттопырена! Я б хотел на пять минут превратиться в женщину, в Кони, когда она их там обыскивала.

Два коротких удара прервали сей служебный диалог. И мечтавшие раздеть сотрудниц Гарина сами быстро лишились брюк и кителей. Но на этом, увы, их обнажение, интерес девушек закончились. Маленькая губка, поочередно прижатая к лицу, погрузила полисменов в глубокий сон, избавив от обострения секс-переживаний: ведь передевались в их форму Наташа и Люба прямо здесь же, в маленькой электрощитовой комнатке...

Отвечая щебечущему хору «Не бойтесь, не бойтесь!», Егор подошел к трону, воссел, держа надменным взглядом своих харит? менад? — пока на расстоянии большем, чем протянутая рука. С дрожью и пресекающимся дыханием Тони Бэнкс приблизился к хороводу. Раздерганная секс-ориентация директора не влекла его напрямую к Егору, но увидеть раздевающихся пред ним свою Нэнси, Магду, Анну... это было бы бонусом всей операции, желанным не менее, чем арест Гарина. Тут сумочка, похищенная неделю назад у его дочери Дарьи и начиненная в лаборатории FA-6, сыграла бы двойную роль. Вопрос сейчас подвисал только один: куда делись две русские стервы?

Но в самый момент дрожи Тони Бэнкса в зал медленно вошла, приблизилась к распаленному собранию маркиза Зельда, держащая за руку примерно полугодовалого ребенка. Странное зрелище: хозяйка замка Мэлдэнс эстейт подходила к своим гостям нетвердыми шагами нищенки, попрошайки. Дарье даже вспомнился певучий подмосковный монолог: «Простите, что я, такая молодая, обращаюсь к вас. Сами мы не местные...»

«Боже! Какой...Какой неподходящий момент!» — взгляд Анны.

«Другого, я чувствую, не будет никогда! — безмолвно отвечала решимость матери. — Я столько слушала твои проповеди о генах, отборе, о шансе приблизиться к совершенству. И сейчас меня трясет, как три тысячи лет назад на краю Апотеоновой или Тарпейской скалы. Я боюсь за своего мальчика, смертельно боюсь. Один его повелительный взгляд будет равен сбрасыванию в пропасть. В чужих глазах я уже читала: „Твой мальчик совсем не такой, каким должны быть Его дети“. Но... Но если он хотя бы секунды посмотрит на него моими глазами, он, может, разглядит свои черты! Или послушает и убедится, что Рудольф знает уже двадцать семь русских слов и может...»

Нэнси, Магда, впервые увидевшие маленького Рудольфа, двенадцатого маркиза Пэмбру, и не думали скрывать торжествующего презрения. Словно на кастинге, борь-

бе за суперзвездную роль, конкурентка «дала петуха», позорно провалилась. Курносый, прямые слипшиеся волосенки (хотя Зельда, наверно, применила все чудеса бытовой химии), какие-то... костистые лицо и фигура хотя и не несли печати уродства, но все же были безнадежно далеки от требуемого, тысячелетиями утвержденного канона, ныне отпечатанного на личике Лурдес, на детях Нины, Анжеле.

А Дарья и Анна, не раз видевшие мальчика, думали о другом, но примерно схоже, словно синхронно решившись на бунт. Переглянувшись, они словно прочитали друг у друга: «Вчера было рано, завтра — поздно, значит, сейчас». Восстание! Но перевести единые свои мысли в действия или хотя бы в слова, они не успели. В зале погас свет.

Сначала визги, потом включенные мобильники, а потом и бурные наперебой благодарности Бэнксу. Они решили, что свой гениальный план по силовому разделению тусовки и сведению их с Егром в этом самом подземелье он теперь довершил таким подарком. Все стеснялись начать раздеваться, боялись надменного взгляда Егра, и тут... «Темнота — друг молодежи», — шутили в краях, откуда пожаловала Дарья.

— Умница, Тони! — Нэнси стащила шелковый топик, вцепилась в застёжки и переступила через упавшую юбку.

— Тони — душка, хитроумный Одиссей!

Едва скользнув фонариком и взглядом по бледному, напряженному лицу директора FA-6, Магда не заметила, насколько далек он был от принятия комплиментов. Страшно далек, потому что знал: никаких планов, указаний по выключению света он не давал.

Через несколько тревожных мгновений открылась дальняя дверь, вошли два полисмена. Очертив фонариками веселое собрание и даже козырнув, они быстро направились в сторону Бэнкса.

И еще быстрее помчались мысли в голове «герцога Веллингтона», как его утром окрестила Анна Блум. Мгновенное озарение номер один открыло зияющую дыру в плане его операции. Для управления толпой он привлек два взвода полисменов. Сами по себе парни надежные, но ни он, ни его сотрудники никого из них не знали в лицо. Не было, так сказать, «боевого слаживания», и сейчас в лабиринтах этого дурацкого замка на любого вклинившегося любой из двух его отрядов подумает: «А, это парень из этих!»

Подойдя, полисмены объявили: «Сэр, замок в страшной опасности, вас срочно ждут наверху».

Они даже особо не старались подделаться под звук английской и вообще — мужской речи. Более полагались на мгновенный укол и крепость своих объятий. Обмякший Тони Бэнкс едва переступал ногами. Единственно, на что хватило сил, — обернувшись, сиплым шепотом выдать: «Помогите, это не полисмены, это диверсанты». Дамы ничего не поняли, и не потому, что похитители затыкали ему рот. Голоса его лишили озарение номер два. Наверно, нет, абсолютно точно, за всю историю всех спецслужб всего мира не было такого... даже не позора, а дичайшего, занебесного абсурда: директор контрразведки просит помощи у десяти голых жен и дочерей британской элиты. А причина провала (озарение номер три) — его собственный игривый, эротический настрой. Или нет, виновата проклятая пресса! Ведь все же знали, что эти няньки-поварихи — бойцы, головорезы полковника Гарина, а все равно смаковали пикантное сочетание красоты и атлетической мощи. «Ах, что они, наверно, могут вытворять!» Придумали, из пальца высосали «гладиаторский бой», будто на вечеринке у Егра они, обнаженные по пояс, развлекали гостей поединком «хом-бо» на подручных предметах: «подушка против скалки и фена». Фарс и эротический фарш. И у бедолаги дирек-

тора FA-6 (не приглашенного тогда на раут у Егра) как засела в распаленном воображении картинка того чертового «репортажа» — так и вела его, и привела к сегодняшнему разгрому... Последнее, что высветил блуждающий луч мобильного перед тем, как его развернули к выходу, — его жена Нэнси, в одних туфельках, чулках чуть выше колена, и в стороне правее маркиза Зельда, схватившая на руки ребенка.

Сестры — члены койнонии — застыли в недоумениях. «Может, просто пьяному Бэнксу его бойцы помогают выйти на воздух? Ну и пускай! А мы-то, мы можем продолжать?» Но сей неуверенный самообман, если и был озвучен, не мог повернуть вектор общего настроения, катастрофически резко сменившегося. Они оглядывались, словно пытаясь уловить сигналы своей игестис. Но Анна ни взглядом в бликах фонариков, ни дыханием, рассеивающим по догадке маркиза Пэмбру ее «вещество веры», не хотела или не могла поддержать свою секту, когда-то уверовавшую в приход античного бога...

— Опять предательство! — воскликнула Магда и разразилась таким длинным и ужасным ругательством, что Зельда закрыла Рудольфу уши. Правда, в отличие от предательства двухлетней давности Анна и маркиза были вне подозрений: столь явно и стопроцентно всем здесь командовали FA-6, полиция и этот осел Тони Бэнкс.

С какой-то оборонительной мыслью Анна и Дарья подошли, стали рядом с Зельдой и Рудольфом, или, может, им просто неловко стало, единственно одетым среди мечущихся, разыскивающих свои одежды сектанток.

— Анна! Я поняла, почему...

— Что?

— Помнишь, когда усмехались: «Бог — футболист?», ты всех сбивала с ног: «А кем считался Иисус две тысячи лет назад? Врач широкого профиля? Рассказчик поучительных басен? Гипнотизер?» Я в России часто это читала. Восторгалась: как же здорово ты придумала. Парадокс, а верно!

— Знаешь, как мне осточертел тот парадокс. В Англии повторяют, в Европе... вот уже в России повторяют. У меня не осталось ничего, кроме чувства вины, желания бежать, выпрашивать прощения — под честное слово: «все исправить». И получать эти прощения, зная: «Исправить? Безнадежно!»

Луч фонарика выхватил Анну, как ночной бомбардировщик в военных фильмах.

— Госпожа Блум, вы, кажется, стоите на моих слипах!

— Ой, простите, графиня. — Подцепив носком туфли, Анна подняла трусики и чуть не с книксеном подала их Магде Хэрифор.

— Почему безнадежно, Анна? Погоня за античным совершенством — все равно что за своей юностью. Кажется, старение мира — это как старение тебя: чем дальше от начала, тем хуже. Как наша кожа — с годами все хуже. Но мы же не ящерики, не сбрасываем слои себя самих. Они же все на тебе: и твои шестнадцать лет, и двадцать, и тридцать...

— И тридцать пять, — вздохнула Анна.

— Перед тем как ехать сюда, я с отцом очень сильно поссорилась. Спорила, а он сказал: «Жутко вообразить город — идешь, а навстречу все Егоры Камовы, пусть и здоровые как кони». Понимаешь...

— Нет, Дарья, Его надменная отстраненность, что порой нас убивает, — это и есть Свобода! Освобождение от библейских запретов, Иисусовых заповедей. Поколения бунтарей, Ницше, Кроули... тяготились — так вот, получите! Рисуйте на белом, что хотите, а его, Егра — нет! Не знаю, как у вас, а по-английски свобода, «фри» — отсутствие. «Фри оф чадж» — нет оплаты.

— Да?

— Да. И порхающих вокруг мотыльков, мириады нерожденных, это же не он, это Нина на нем, поверх него нарисовала.

— Именно так, Дарья! Выхватывает и превращает — в рожденных.

— Потому и такая спокойная насчет Сильвии, Байонты. Она еще матерью-героиней станет.

— Что?

— Что «что»?

— Героиней чего?

— Орден у нас такой. Награждают: За здоровые инстинкты.

— Шейла, у меня заряд кончается... И у меня... Сколько можно!.. — Сестры безуспешно тыкались в двери. — В эту, кажется, ушел Тони?

— Зельда, это же твой замок, ты что, опять нас дурачишь?

Отставив философские штудии, Анна энергично вмешалась:

— Только, помнишь, Нэнси, сюда нас привел твой муженек. Решил нас попугать какой-то паршивой сумочкой, еще неизвестно чем набитой. Привел под свою ответственность и бросил! Спроси-ка лучше его, когда он думает нас вернуть?

— Здесь сигнал не проходит.

— Синтия, это мои стринги!

— Убери руки!

— Негодяи! Они нас забыли.

Окруженные снованием мобильных фонариков, криками, метанием дам, разбирающих, где чьи платья, танга, бюстье, заслоня Зельду с Рудольфом, Анна и Дарья все выясняли: почему могучие Аполлон, Зевс и компания победили Кроноса (то есть — само Время), титанов, хтонических монстров, но проиграли худенькому, невзрачному палестинскому врачу-баснописцу и почему Реванша не будет?

— Люди перестали ценить физическую силу, красоту, здоровье...

— Нет, они теряли их и потому перестали ценить! Что толку почитать неверного супруга, сбежавшую кошку?

Горячий спор о старении мира среди криков, швыряний белья, мелькания иссякающих фонариков был неостановим...

В те же самые минуты на полу дальней башни западного флигеля, при самом ярком освещении, необходимом для видеосъемки, беседа с Тони Бэнксом быстро превращалась в монолог «амиталовое интервью». Все нужные вопросы были заданы, в трубку своей дуплекс-рации он уже сказал требуемое «Вернусь через десять минут», и теперь под вколотым амитал-натрием и под умелыми, властными и — ох! — сильными руками Наташи директор FA-6, сбиваясь на стоны и всхлипы, рассказывал о «Плане Боэдромион», находясь в самой унижительной для мужчины позе (сняла экс-кормилица Люба). Еще по дороге в башню заплетающийся Бэнкс увидел освещенные залы и дальние окна восточного флигеля, где сейчас его армия караулила ненужные остатки русского десанта. Общее замыкание, блэкаут стал бы сигналом тревоги — но нет. Похоже, девки Гарина как-то изучили не только план замка, но и схему электропроводки.

— И сумочку верни Дарье Гариной, кааз-зел! Там двести тридцать два фунта было. — Такой внезапной репликой закончился сексо-химический допрос.

А в хаосе и панике Багряного зала сектантки, словно участницы некоего (не существующего пока) телеконкурса, игры с выбыванием, оделись по большей части

«перекрестно». На графине Магде дичайшим взрывом безвкусыя сошлись под своим синим шелковым шарфиком чья-то красная (как потом выяснилось) блуза, оранжевая кружевная перчатка (своя, но одна!) и белая юбка в золотых пайетках (кажется, Шейлы, никогда не имевшей понятия о стиле). Впрочем, и другие сектантки оценивали оказавшиеся на них наряды подруг схоже: «Да я скорей бы умерла, чем надела эту дрянь...» Но часть воплей все же отражала реальный трагикомизм их положения:

- А вдруг все-таки будет взрыв и нас здесь завалит?
- Или хуже: включают свет и войдут репортеры, а мы в таком виде?
- Ужас, ужас, ужас.
- Зельда, да где тут выход к анфиладе? Или сразу во двор.

Но маркиза словно полностью отеклась от титула хозяйки замка, растерянно молчала, прижимая к ногам голову Рудольфа. Подергав ручки нескольких дверей, сектантки наконец нашли подавшуюся.

- Кажется, в эту ушел Тони Бэнкс?
- Он не ушел, его увели силой два полисмена.
- Ерунда, это были переодетые русские девицы, мерзавец Тони ушел с ними развлекаться.

- Любимая ролевая игра. Как тебе это, Нэнси?

Зал таинств и несостоявшихся оргий сектантки покидали, как горожане обреченную Трою, не оглядываясь. Может, это было достойное отмщение, справедливое «в расчете»? Два года назад из этого же Багряного зала Егр сбежал от них.

Но все равно как-то странно: никто из сектанток не обернулся, не потратил ни одного блика угасавших фонариков, чтоб глянуть на трон, куда они такими огромными трудами заманили своего «Аполлона». Даже не визжали, спотыкаясь, соударяясь в унылой полутемноте. Исчез уважительный повод побеситься, покуролесить типа «битломании» у родителей, и теперь только сорок лет скуки, потом еще десять лет немощи, борьбы с идущими в свите Старости недугами и...

Или все же причиной их страстей было «вещество веры», выдыхаемое Анной Блум, убедившее в явлении античного бога избранному народу? А теперь его действие закончилось. И рой рабочих пчел, вчера беззаветно охранявших, служивших «королеве своего улья», почуяв ничтожную химическую подвижку, смену нескольких атомов ее дыхания, спокойно бросают свою божественную повелительницу (а во взаправдошнем улье и разрывают на части).

Анне Блум теперь стало гораздо важнее доспорить, договорить с Дарьей. Зельда с мальчиком только переводили взгляд с умолкнувшей на отвечающую.

- Алистер Кроули буквально цитировал Фридриха Ницше!..
- Нет-нет! Заратустра так не говорил!..

— Олимпийского реванша не будет потому, что они не знали настоящей агапе. Первая подлинная Любовь была девочка, давшая себя растерзать вместе с сестрами Верой и Надей. Да-да, не было агапе! Любовь к себе не считается. Универсальное утешение? А Нина даст ему заработать еще сотню миллионов и увезет. Сделает каким-нибудь якутским богом, а раскормит — так и Буддой.

- По-моему, у нас в Якутии — православие.
- Да? Ловко устроились, гиперборейки. Мамонты, теперь и Егр, и мерзлая Вечность!
- Вечная мерзлота, — неуверенно поправила Дарья.

Спор о старении мира, утраченном совершенстве, продолжился и после того, как все сектантки скрылись, пока Рудольф, покорно вслед взгляду матери молча крутивший головой, вдруг не произнес что-то вроде «Предатэй». Спорщицы мгновенно пресеклись, со-

ображая. Анна, Зельда и подключившаяся Дарья научили кроху маркиза, готовя к сегодняшнему экзамену, встрече с отцом, двадцати семи русским словам. Если это «предатель», получается неизвестно откуда взявшееся двадцать восьмое? Или это все же «предэйер» — predator (хищник, поедающий других)?

В восточном флигеле, куда после «обнаружения сумочки» вытолкнули другую половину тусовки, — свет, связь, спокойствие. Официанты даже успели выкатить из зачищаемого зала большую часть столиков. «Фуршет маст гоу он!» Не успели только кулер: казалось не столь важный девайс с учетом успешно эвакуированных виски, коньяка и моря шампанского. Но Аркадий Лисовин гордо вышагивал мимо извиняющихся секьюритистов, официантов, почти заискивающе протягивающих подносы с бокалами, и торжественно объявлял в телефон. Таким тоном «отцы-основатели» когда-то зачитывали Декларацию прав и свобод:

— Тут у нас какой-то криптотеракт. Егор куда-то пропал, возможно со своими менадами. Одна там классная, графиня... А эти, сославшись на каких-то... кр-пто... — со вкусом прорычал понравившийся термин, — криптотеррористов, нас держат под арестом. Без чая, Карл! Четверть седьмого, уже час пятнадцать от начала файф-о-клока. Представь, я уже сжевал два чайных пакетика, поддерживая их же гребаные традиции. А что делать? Пробовал: в коньяке, шампанском чай не заваривается. Такие дела, — и, встретившись взглядом с Гариным, строго добавил: — Ой взй.

А полковник Гарин туманно далеко от этой театральщины, далеко и от их подшефного, обернувшегося просто симпатягой футболистом, собирал самые последние свои силы, ждал сигнала от Наташи, результатов «амиталового интервью». Если удача, если получены — радиоволна уже несет их вверх, куда-то к чутким сенсорам спутника, и все страстные обыски Бэнксовых похотливцев уже не помогут. А мне, Гарину, хоть здесь и умереть. Но не «ситуативным предателем» — героем, пускай даже трижды «ситуативным»...

Но тут незаконная комета памяти добила его внезапной вспышкой, картинкой из тринадцатого года жизни. Невероятно, вспомнил только сейчас и здесь, а не два года назад, когда его пытала программа «Лаокоон-880», эвристический детектор лжи, разработанный для испытаний кандидатов и опробованный, «верифицированный» на безусловно верных сотрудниках-ветеранах. Когда тест именно полковника Гарина вдруг показал: «Вероятность конфликта интересов, ситуативного предательства равна тридцати девяти процентам».

Ну как же тогда не включил он хваленый самоанализ, не вспомнил?

В комнате деда висела картина, точнее, фотография знаменитой скульптуры «Жрец Лаокоон с сыновьями». Голова могучего жреца запрокинута, буйные власа, борода. Был бы похож на Карла Маркса, если б не такое страдание на лице. Обычно все видят: положение Лаокоона и обоих сыновей одинаково безнадежно — прочно обвиты гигантскими змеями. Но маленький Лева Гарин только что «проглотил» учебник истории древнего мира, сверял историю Троянской войны с картинкой. И ему казалось: один из сыновей — точно спасается. Тот, что справа... стаскивает, как трусики, змеинный виток с ноги, с досадливым сожалением смотрит на отца и брата, «погрявших в клубке противоречий».

Дед разгадал взгляд Левы. Или сам думал о том же?

— Бойтесь данайцев, дары приносящих? А жена Зевса, болея за греков, послала змей? Вот и мне, Лева, тоже видится тут другое. Свои так постарались...

Внук вглядывался, ожидая развязки. Змеинные виражи вокруг тел — как американские горки или электрокабель.

— Доблестные времена, — вздохнул дед, — десять лет воевали. Героев там и тут! Ахиллесы, Гекторы. Еще война не закончилась, а легенды по миру разошлись. Но вот троянцы ослабели духом. Дело их «неправое», Елену украли... Но как сдаться героям? Рабство, позор. Детям, внукам будет не разогнуть колен: отцы трусили! Но и грекам отступить нельзя: вся будущая история, Марафон, Перикл... на них висит. И тут этот конь, находка! Пусть греки «хитростью и коварством» возьмут город. Все герои останутся героями, а дети попробуют переиграть. От троянцев кто произошел? Римляне! А Лаокоон, бедняга, тянет свое: «Бойтесь данайцев!» Троянцы переглядываются: как не понять такой простой вещи? Нельзя перехитрить настоящее мужество, нет такой хитрости. Просто иногда уже и мужества нет.

Дед отцепил взгляд от картины, засмеялся, потом закашлялся.

— Так что, Левушка, страшные эти змеи — из городского зоопарка города-героя Трои, «павшей от хитрости, коварства Одиссея»...

Столько лет прошло! «Пусть герои останутся героями». А теперь все объяснилось, составилось осколками старой скульптуры. Угрозило же их назвать программу-детектор «Лаокооном»! Обмотанный змеями детекторных проводов ветеран-полковник на тест-допросе не вспомнил свой детский розыск, но... Видно, «подсознание» — не выдумка Сигизмунда Фрейда. Сквозь решето вопросов просыпался Гарин «ситуативным предателем» и теперь, разве что боец Наташа исправит, принесет весть о победе. Богатая история подсказывала полковнику Гарину: у нас победителей еще как судят, но хоть для себя он разматал старый змеиный клубок.

Печатается в авторской редакции

Данила КРЫЛОВ

ЭРМИТАЖ

ТИЦИАН, «СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН»

Этот мрак клубящийся, а не
солнце нестерпимых вечных мук
зримее, увы, на полотне,
ибо факел веры, римский лук
и лучи разящих острых стрел
хаоса не в силах побороть,
сколько бы влюбленным ни смотрел
взором на терзаемую плоть.

БАТТО, «САВОЯР С СУРКОМ»

Попрошайка с золотым гобоем
обнял прорицателя-сурка.
Веришь им, обманщикам, обоим:
жизнь волшебна, смерть, как сон, легка.
Этот мир лишь в сказках настоящий,
и, совсем как в сказке, может быть,
только нищий, скипетр держащий,
в силах этот мрак остановить.

РУБЕНС, «ВАКХ»

На холсте не дяди и не тети:
горы бедер, ягодиц, грудей, —
парадиз бесполой, праздник плоти.
За здоровье всех живых людей
кубок поднимает бог дебелий.

Данила Андреевич Крылов родился в 2001 году в Липецке. Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Аврора», «Наш современник». Лауреат премии журнала «Звезда» за лучший дебют (2022). Студент ИТМО. Живет в Санкт-Петербурге.

Я, клянусь торжественно, служу
этой вечно пьяной, обалделой,
тигра попирающей, всецелой
жизни, отвергающей ханжу!

РЕМБРАНДТ, «ДАНАЯ»

Не напрасно муж ревнивый прячет,
укрывает нежную во мглу.
Но о чем-то плачет, плачет, плачет
бог обезоруженный — в углу...
И герои землю не покинут,
не придут последние века,
если будет полог отодвинут
и вперед потянется рука...

Илья АНСЕРОВ

ГАЗОВЫЙ КЛЮЧ

Повесть

Это было в две тысячи седьмом году. Который год подряд стояла засуха. Пятый или шестой. Каждое утро начиналось с новостей про сельское хозяйство, которое погибает от неурожая. К тому времени я совсем забыл о временах, когда меня особенно не волновала погода. На что она влияет? Ну, припечет иногда, ну, дождь прольется, снег и так далее. Нормальная погода. Какая есть, такая и есть. А иногда даже обидно было, что летом как соберешься купаться, так дождь начинается. Но зато потом грибов можно набрать. Я и прогноз специально не слушал. Зачем? Не так много у меня было одежды, чтобы выбирать, что надеть. Так и жил, пока не началось...

Утром встанешь и надеешься первые десять секунд после пробуждения, вдруг тучки набегали. А потом понимаешь, что будет, как вчера и позавчера. Я летом на полу спал, под облезлой китайской простыней с какими-то журавлями. Придумал способ борьбы с жарой — горячий воздух легче холодного и поднимается вверх. Так, по крайней мере, не просыпаешься мокрым от пота...

В тот день так и было. Когда я проснулся, сын Миша еще спал. В пять лет дети температуру воздуха не ощущают, по себе помню — не жарко и не холодно. Пошел завтракать: кишиневский хлеб с сырным продуктом и опостылевший «Golden Eagle». По местному радио те же утренние новости про «бедствия аграриев». Поел, почистил зубы. В комнате встал с кровати Миша, надо и ему позавтракать. Хорошо заниматься такими необходимыми, естественными делами. Пока их делаешь, не надо выбирать, чем заняться. Но именно на тот день я как раз и выбрал занятие серьезнее некуда. Правда, сразу этого нельзя было сделать.

— Миш, пойдем сегодня к бабушке?

— А бабушка даст мне поквутить свейную масынку?

— Обязательно.

— Она мне говоила, сто даст. А когда мы пойдем?

— После обеда, сынок.

Хватало бы мне швейной машинки для радости, вообще бы от нее не отходил.

Таня, жена, в тот раз уехала на четыре дня к своей маме, с огородом помогать. В такую-то погоду. Меня она не звала, наверное, специально. Но и Мишу не взяла с собой.

Илья Ансеров родился в 1998 году в г. Чите, окончил Забайкальский государственный университет в 2020 году. Проживает в г. Рыбинске Ярославской области. Член Рыбинского отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России. Победитель фестиваля им. Л. И. Ошанина (2023), лауреат третьей степени (2022). Публиковался в альманахе «Солнечный круг», журнале «Пролиткульт».

Защита от дурака, что ли, это была? Типа, в его присутствии я не стану. И в детский сад мы тем летом его не повели, чтобы я один не сидел... Хотя там кормили. Неважно, конечно, кормили, но дома не лучше.

Утром я малость волновался от своего решения. Вдруг все-таки случится что-то, что заставит передумать. Но лето было хуже всех предыдущих. Первое лето без работы, Таня с матерью на меня обозлились, а отец уже был явным кандидатом *туда*. Даже никакого футбольного чемпионата, ни мира, ни Европы. А нашу лигу к тому времени уже не смотрел. Вообще, кроме «Галилео», ничего хорошего, но до него еще дожить надо. Из Таниных сериалов мне ни один не нравился. И с самим телевизором тоже все было плохо. Почему-то вечером он ловил с подоконника, а утром антенну нужно было переставлять на высокую коробку, стоящую на самом телевизоре. А иногда вообще куда-нибудь на пол.

После завтрака надо чем-нибудь заняться. Я в те годы, конечно, хотел компьютер. С ним хоть весь день сиди. Но куда уж там. Ладно, хоть китайский DVD-плеер смогли купить, целый праздник был. Новых дисков нет. Книг тоже особо нет. Да чего тут сказать, не хочется абсолютно ничего. Ну, это обычно. В тот конкретный день уже не так было. Тогда я просто ждал, когда смогу остаться один. А Миша все-таки молодец. Как будто помочь хотел, поэтому не капризничал и не бесился. Мог даже сам себя занять. Сядет рисовать и рисует. Судя по тому, что на улицу не рвался, наверное, отдыхал от сада.

А что-то все-таки надо было делать, не просто ждать. На большом столе у меня стояла недостроенная, без мачт, модель греческой триеры сантиметров пятьдесят длиной, я ее в предыдущем году начал. Любил корабли с детства, в смысле, такие старые. И мастерил их из деревяшек разных. В райцентре у нас раньше даже кружок был. Но уж этот момент точно не подходил для того, чтобы за триеру браться. За полдня я ее все равно бы не закончил.

Смотрю, за окном солнце палит уже почти вовсю, посреди комнаты молотит вентилятор. Нет, надо все-таки, чтобы Миша погулял. Таня тоже всегда говорила, что надо. Ему и жара пока нипочем, ведет себя как обычно, не жалуется. А мне уже было все равно. Так даже лучше: когда гуляешь, по крайней мере, занят ходьбой. Можно не придумывать себе ничего.

— Миш, пойдем-ка погуляем.

— А ты говоил, сто после обеда к бабуске.

— Нет, сейчас мы просто погуляем.

— В поле?

— Да...

Я открыл шкаф, чтобы переодеться, а там висела моя серая спецовка. Увидел ее и вспомнил опять о работе, на которой последний раз был в январе того года. Таня предлагала ее выкинуть, но вряд ли бы от этого стало лучше. Со спецовкой в шкафу или без нее я бы все равно не мог не думать о работе. Лучше оставить на память. Вот подумать только, работа у меня была совсем недавно, а теперь нет.

Работал я на кабельном заводе бронировщиком. Еще пацаном, помню, в родном райцентре, видел по телевизору короткий сюжет про этот завод. Родители тогда специально сказали мне: смотри, это нашу область показывают, *это у нас*. А передача вроде как шла на всю страну, почему они мне и сказали-то. Там диктор называл огромные цифры в метрах продукции, а потом показали женщину в косынке, которая нажимала кнопки на машине. Завод известный был. Даже слышал вокруг: «Да я вот в город, на кабельный поеду». Но это в детстве. Потом стали говорить: «Да кто туда те-

перь идет!» И мне так говорили. Добавляли еще, что это для баб. А я не то чтобы горел желанием кабеля делать, но про завод хоть что-то знал. Вот этот сюжет по телевизору, например.

Последний раз довелось побывать там в начале апреля, когда нам все-таки решили вернуть часть долгов по зарплате. Смешные, в общем, денежки, десятая часть того, что не выплатили за три года. Но очередь была такая, что я полдня там простоял. Это недалеко от центра, такой небольшой скверик с тополями, за которым стоит проходная. Там еще были всякие поржавевшие стенды: Доска почета, ассортимент и «где работает наша продукция». Последний мне больше всего нравился: карта страны, ну, той, которой уже нет, наш город отмечен звездочкой, и из нее расходятся три десятка лучей. Типа, кабельный завод — это спрут, опутавший проводами целый континент. Там и другие страны были. Я вот про страну Лаос раньше вообще не знал, пока не увидел на этом стенде. Над проходной здоровые красные буквы из металла, которыми выложено название завода. Они даже когда-то были с неоновой подсветкой, но я уже этого не застал. И вообще много чего не застал.

Тогда, кстати, погода тоже была жуткая. Жара ведь не начиналась в один момент: раз, и все. Только сходил тонкий слой снега, как начинали гореть леса. Они почему-то раньше почти не горели, а стали вдруг гореть. Каждый год, почти в одно и то же время. Чуть потеплеет, и воздух наполняется вот этой гарью. Вроде бы вокруг ни одного пожара, но ты знаешь, что где-то горят деревья, а их в нашей лесостепной местности и так немного. Когда мы ездили с Таней к ее матери, я замечал, что лесополоса вдоль дороги отдаляется все дальше и дальше. И самое страшное, ты понимаешь, что за всем этим будет летний кошмар. Тяжело это — знать, что в такое-то время наступит какая-нибудь гадость.

В такой дымный день я, пройдя за проходную, стоял в очереди и последний раз оглядывал завод. Вот слева управление, где сидят инженеры и начальство и где была касса, вот справа большая столовая. За ними пять цехов, а в самом конце — большая площадка, где сотнями стояли деревянные катушки с кабелями. Дальше, за бетонным забором, начинался небольшой пригорок, на котором стояли двухэтажные дома, а по краю шла дорога. Классе в четвертом мы с мамой ездили в город за чем-то и шли по этой дороге. С пригорка открылся вид на площадку, и я увидел эти катушки в первый раз вживую. Тогда казалось, что их было бескрайнее море, разделенное только полосой, где стояли козловые краны, которыми катушки загружали в полувагоны.

Тут в очереди произошло оживление, и до меня донеслись знакомые голоса. Те, кто уже выходил из управления, собирались в группы и что-то обсуждали. Им, видимо, трудно было уйти, не дождавшись конца смены. Оказалось, что больше всего народу собралось вокруг невысокой бойкой женщины и коренастого дядьки с черными волосами. Это были замначальника моего цеха Нина Николаевна Ковардаева и старший мастер Александр Геннадьевич Кузнецов.

— Вот тебе, Сашка! Забыл, как за акционирование голосовал!

— Ой, Нина...

— Акциями хотел владеть, буржуй! Теперь пожалуйста, ни акций тебе, ни работы.

— Да сейчас-то какая разница, кто за что голосовал. Не могли мы знать тогда. Мы должны же были все дивиденды с прибыли получать...

— Должны они были! Ты до этого мало получал? Черта с два твои дети квартиру сейчас купят, а ты получил.

— Он получил, а я? Так и не дождался.

— Геннадьич прав, чего сейчас это все ворошить? Дальше-то, дальше-то что будет?!

— Ты вот, Нина, кричишь, а тебе до пенсии рукой подать. А мне целых десять лет еще, и дома орава бездельников. Хоть бы один сам себя обеспечивал...

— Будто на пенсию прожить можно! Только на коммуналку и хватает. За электричество снова подняли!

— На митинг пойдем, дадим о себе знать!

— Правильно, теперь один хрен, делать нечего.

— Да, против монетизации льгот ходили как, помните?

— Вот-вот! Тогда хоть отвернули маленько назад.

— Ну, значит, тряхнем.

— Тряхнешь ты, ага! Сам-то в прошлый раз не ходил.

После этого заговорила Нина Николаевна:

— Завод, конечно, пропал. Обмоточные машины каждый день вывозят. Но надо хотя бы долги с этого бандита Шелопугина вытрясти.

— Какая же мразь, а! Уже всех отпрысков в столицу перевез, на наши деньги! Вот они, Геннадьич, твои акции с прибылью!

— Так толку с этого митинга? Губернатор его шайку всю дорогу крышует.

— Без паники! Там все-таки разные люди есть. Арсланов точно поддержит. И вся их фракция. По телевизору в любом случае покажут. Так что идти обязательно надо!

Тут очередь зашевелилась сильнее. Люди стали прислушиваться, ходить туда-сюда, передавать то, что услышали. Другие, те, кто наш цех совсем не знали, оставались на местах, боясь потерять место в очереди, но постоянно перешептывались. Я как раз зашел в здание и перестал слышать то, что происходило снаружи, но передо мной заговорили два мужика лет под сорок, молчавшие до этого:

— Шелопугин... Я с ним в одном классе учился.

— Да ну?! Ты не говорил раньше.

— Чего про него говорить. У вас в школе учебный комбинат был?

— Ну да, я на шофера ходил.

— А мы на слесаря, и Саша тоже. Пару раз в локомотивном депо были, так он все говорил: вот бы, мол, блок тиристоров спи...ить!

— Какой-какой блок?

— Это полупроводники какие-то, дорогие очень. Видишь, тогда уже он знал, как жить надо.

— Так ты попроси его по-дружески, чтоб он с нами со всеми рассчитался! — вмешался третий.

Вышел я примерно через час, и во дворе было уже тихо. Участники оживленного разговора разошлись, и стояли с сигаретами и без, не желая сразу уходить, уже другие люди. В наш цех зачем-то ломился незнакомый мне дед в облезлом пальто, которого отпихивал угрюмый охранник. Посмотрев на него немного, я вышел за проходную. Там тоже сновали люди. Я остановился сначала, но заметил у стенда «Где работает наша продукция» компанию парней и девчонок, тоже с нашего завода. Они лузгали семечки и матерились, вообще были похожи на большинство моих поселковых одноклассников. И на тех, которые собирались у нас в подъезде, садились на деревянные ящики, стоящие на лестничных клетках, и всем мешали. Я двинулся мимо них на остановку.

Там стоял Кузнецов. Он в это время года всегда одевался в светлые джинсы, футболку «DIESEL» с китайки и старую шерстяную кофту, а на плече висела черная тканевая сумка, тоже с китайки. Тогда почти все шмотки там покупали. Такая же сумка была у меня в старшей школе и в институте. Я стоял в паре метров от него, а он огля-

дывался по сторонам и вдруг посмотрел на меня, поздоровался. Я ответил ему, а он продолжал смотреть на меня с растерянностью и досадой и, видимо, ждал, что я ему что-то скажу. А я и не знал, что надо говорить, поэтому сделал вид, что занят другим вопросом, отвернулся. Моя маршрутка приехала раньше, он остался там, а я поехал домой и думал об этих «стариках»... Да мне ведь самому тогда уже было под тридцать, но они, кто старше лет на десять, пятнадцать, а уж тем более двадцать, были очень далеки. Особенно последние, да. Они постоянно чего-то ждали, ждали, что им кто-то поможет, надеялись, цеплялись за это все. Ведь понятно, что заводу конец, был он, да сплыл. Понятно, что больше им ничего не дадут. К чему понапрасну верить? И ведь я даже умудрялся злиться на них. А вдруг им все-таки что-то еще достанется.

Елки-палки, какая же глупость! Ведь они, эти люди относились ко мне так хорошо, как никто и нигде. А я просто с детства не привык общаться со старшими, в смысле с сильно старшими, а не с теми пахнущими куревом парнями, которые приходили на футбольное поле со своим мячом и обрывали нашу игру на самом интересном месте. Папа с мамой, дядя, тетя — они родные, с ними само собой говоришь от случая к случаю. А так они все были замученные, занятые чем-то своим. В школе, по-моему, учителям было пофиг на нас, а нам на них тем более. Я школу в конце прошлого века окончил.

Поступил в институт на бюджет. Специальность была новая, но такая, что я толком и не мог близким объяснить, где и на кого я учусь. То ли обустройство природы, то ли что-то экологическое. Вообще, я люблю природу. Папа часто водил нас в райцентре по сопкам, а я оттуда фотографировал на пленочный «Зоркий». Наверное, на этих сопках мне было лучше всего, из всех мест, где доводилось бывать. Но с институтом сразу не пошло. Меня почему-то не признали, хотя ребята в основном так же, как я, с области съехались. Но у себя ко всем привык, а эти сразу записали в те, над кем подшучивать надо. Как будто роли распределяли, кто кем будет. Кто там более или менее учился? Все кое-как, включая меня. Чуть ли не после каждой стипендии в клуб ломились, на рейвы, кое-кто потом и про вещества рассказывал. Вот только сосед по общежитию у меня был — тот никогда не подшучивал и по клубам тоже не ходил. Слушал «Пурген» и Александра Лаэртского. Мы с ним и его знакомыми в компы ходили вместе. В квесты играли всякие, в первых еще «Дальнобойщики», или просто в пинбол. На парах он сам меня к себе подзывал, спрашивал про всякое, я ему рассказывал про модели парусников... А вот второй сосед — гоппик натуральный. За первый год в КПЗ попадал несколько раз, но ко мне неплохо относился.

А преподавателям в основном все надо было, чтобы мы активность делали. За оценки в зачетке тоже спрашивали, но все больше за активность, участие во всякой фигне. И оказалось так, что я в группе самый неактивный. С меня и спрашивали, вот куратор со мной беседовала: почему, мол, учишься кое-как? А почему у меня спрашивать надо, а не у Карпачева, например, ведь этот наглый лось не лучше меня учился. К нему претензий не было, за все опоздания и пропуски угодливо извинялся. Я так не умел. Да и в чем вообще смысл этой специальности? Куратор говорила, что надо хвататься за то, за се, успевать раньше других и все такое. А если нет, так иди чахни на кабельный. И чего, говорит, ты хочешь вообще? А я и не знал.

Еще случай был. Предмет типа культуры русской речи. Женщина лет сорока вела, во всякие астрологии и мистики верила. Так меня угораздило при ней сказать про пенсию отца по инвалидности, что мы подсуетились и нам ее дали. Так эта тетя всю оставшуюся пару рассказывала, какое это дьявольское слово «подсуетился» и как я плохо говорю. Так с тех пор одноклассники говорили: «Ну че, Степашка, подсуе-

тился?» В общем, три семестра отучился, стипендию на компы извел, и в армию меня забрали. Мать боялась, что на Северный Кавказ попаду. Попал в Ленинградскую область, из гранатомета пострелял. Вернулся и на кабельный устроился.

Работа пошла. Рутини, конечно, хватало, кабель штука не самая хитрая. Сан Геннадич поставил одну тетку-бронировщицу мне в наставники, она научила тому, что надо. Помню, один раз по моей вине кое-что поломалось, и брак вышел. Вызвало меня к себе начальство цеха. Самого начальника я и не запомнил толком, а говорила Ковардаева в основном. Сначала, конечно, про технику безопасности, что я должен был так-то и так-то сделать, потом перешла на ту тему, о чем меня куратор в институте спрашивала, чего я хочу. С тех пор я не узнал толком, чего хочу, но сказал, что семью надо кормить. Таня была уже у меня, и Миша должен был скоро родиться. А дальше я удивился. Ковардаева сказала примерно так: «Да, зарплаты у нас небольшие, но не мы их устанавливаем. А так ты, вообще-то, правильно сделал, что к нам пошел, такой молодой, молодые к нам сильно не идут, все пенсионеры дорабатывают. Работа есть (была еще тогда!), но зарплату начальство невысокую держит, иначе кабеля будут намного дороже китайских». Сказала еще про участок, что из-за ошибки одного все страдают. Вот примерно так было.

Когда я вышел, с радостью понял, что с завода меня не выгонят, во всяком случае, пока он работает. А еще поймал себя на мысли, что я на Ковардаеву не злюсь так, как злился на куратора. Стояло что-то за ней такое, что позволяло мне допускать эти вопросы. Вот куратор наглого лося уважала, а Ковардаева — Кузнецова. Мастер ведь нормальный мужик, его как бы и уважать есть за что. Кстати, меня в цехе даже хвалили за то, что я «не наркоман какой-нибудь». Я почти не отзывался, отмалчивался. Отрабатывал то, что было нужно, уходил и забывал о заводе.

А спустя месяц после похода за расчетом я понял, что Нина Николаевна — это та самая женщина в косынке из репортажа по телевизору. Именно она нажимала на кнопки и сказала про достойную встречу великого семидесятилетия, или как там. Тот же самый человек! А прошло лет пятнадцать. Тогда мало кого показывали по телевизору. Это был какой-то совсем другой телевизор, и мне вообще с возрастом стало казаться, что таких, как она, никогда и не показывали.

Спецовка осталась в шкафу. Я надел футболку и шорты, переделанные мамой из порвавшихся ниже колен штанов. Они, конечно, так себе, но кому какая разница? Тем более что я принял решение.

Миша медленно натягивал комбинезон с китайки. Ему, видимо, не очень хотелось идти в поле. Мне тоже не очень. Там плохо, и в квартире плохо, но в квартире плохо немного по-другому.

— Папа, а давай ты купи батонтик «Мавс»?

— Ой, Миша...

— Мы с мамой ходили в киоск, я пвсил купить, а она, она сказала, сто ты папу попвси.

— А мама не говорила, что зубы портятся?

— Пво зубы не говоила.

Мы спустились и вышли из подъезда во двор. Во дворе еще не так страшно, как за домом. Он обычно в тени дома, и там не так жарко. Но хорошего мало. Две карусели — одна ржавая и не крутится, а вторая еще ржавее и выдернутая из земли. Металлическая горка, куча, напоминающая песочницу, и все. Дальше газгольдеры за серебристым заборчиком, а рядом с ними тополь. Один на весь двор. За следую-

щим домом остановка, откуда желтые «газели» уезжают в город. В этом районе всегда так говорили — «ехать в город». Мы с Мишей еще оба посмотрели в ту сторону. Он, думаю, потому, что на остановке были почти все магазины, и там можно было купить «Марс». А я, конечно, вспомнил о том, как ездил на работу. Но мы не сказали друг другу об этом и пошли обходить дом, чтобы выйти в поле.

Район назывался ЗЯБ. Я очень долго не знал, что это значит, но когда первый раз услышал, сразу подумалось о чем-то далеком от центра и очень странном, если даже не страшном. Ну а как еще, если все говорили: «С вашими деньгами квартиру только на ЗЯБе купишь». Чтобы туда попасть из города, нужно было долго ехать через бесконечный частный сектор из низких кривых домов, которые топят дровами. Потом этих домов было все меньше и меньше, растворяясь в степи, пока по одну сторону дороги не появлялась кирпичная стена высотой метров пять с надписью «ЗЯБ 1987». Один раз зимой Таня сфотографировала меня с годовалым Мишей на руках на фоне этой стены. Я там в старой дубленке и желто-зеленом шерстяном шарфе, связанном мамой. Шарф был страшно колючий, кстати. А за стеной чуть больше десятка домов, это если не считать недостроенных, пара магазинчиков, детский сад да котельная. Она как раз за нашим домом, ее было хорошо видно из окна.

Я не знаю, как это возможно, но на ЗЯБе почти все выглядело так, что чего-то не хватает. Была целая куча больших и маленьких пустырей со скошенной травой и выкопанными котлованами разного размера, явно говорящими о том, что тут что-нибудь собирались делать, но так и не построили. Повсюду битый кирпич и обрывки проволоки. Деревья были только во дворах, а снаружи район казался почти голым. Только вдоль дороги из города высадили прерывистый ряд тополей. Улица всего одна, на все дома. И здесь ты не ощущал себя ни в городе, ни в селе, ни даже в чем-то промежуточном. Нет, дома, конечно, городские, но в городе же должно быть много людей и какая-то основательность. А здесь ничего подобного.

Когда мы с Мишей подошли к краю дома и вышли на солнце, я сразу увидел на асфальте в паре метров от себя двое длинных усов, торчащих из черного пятна, — это стригун так называемый. Здоровый черный жучара, размером обычно с трех тараканов. А усы у них бывают в два или три раза длиннее их самих. Они в тех краях попадались летом и раньше, по детству я их помню, но как началась эта засуха, их стало много. Наступит середина июня, воздух прожарится, и везде визжат женщины (иногда и мужчины), на которых стригуны садятся. Жучары летали по-дурацки, медленно и как бы стоя. И если ты с ним сталкивался, то ему непременно нужно было на тебя сесть. Стригунами их звали потому, что они как будто могут усами волосы отстричь, хотя ни на что такое способны не были на самом деле.

Это вообще история целая. Я когда работал еще нормально, ходил на рынок за продуктами. Пришел один раз туда, и мне на плечо стригун сел. Я его схватил за ус и швырнул не глядя. Швырнул, а потом только стал думать, куда он полетит. И сам он крылья не расправлял, летел, как мертвый. Смотрю, тетка идет по рынку, такая широкая, взмокшая, с тяжеленными сумками. Конечно, жучара на нее и упал, прямо за спину. Такой вопль раздался, что я поспешил оттуда подальше уйти. Таня один раз домой принесла в волосах, только в душе обнаружила. А еще я как-то летом на балконе полки делал для Таниных цветов. Стригун сел на руку, а я от неожиданности ее отдернул и об угол доски кисть поцарапал. Жучара упал на перила балкона. Ну, я разозлился и со всей дури бахнул по нему. Оказалось, внутри они зеленоватые.

— Папа, а это и есть ствигун?

— Да, сынок, он...

— А мне в садике мальтик сказал, сто у него бват подзывает ствигунов бензином. Во дает! Я-то их просто в костер кидал в детстве, а этот догадался бензином жечь!

Вышли за дом. Можно было прямо пройти в поле мимо котельной, но не хотелось ломиться через овраг, и мы стали обходить ее. Здесь шла, можно сказать, граница жилой зоны, прочерченная теплотрассой, уложенной в широкий бетонный короб. Миша любил, когда мы ходили по этому коробу, а не по тропинке. Я поднял его за руки и поставил на короб, а сам запрыгнул следом, и мы двинулись дальше. Теперь котельная была слева, а справа — соседний с нами дом. Посередине этого дома, на одной из лоджий первого этажа зачем-то висели большие уличные часы, на которые Миша каждый раз смотрел, когда мы проходили мимо этого места. Когда он был помладше — говорил «Сисй». А потом стал так:

— Папа, сясы! — говорил и дергал меня за руку.

— Угу, — кивал я.

Уже за тем домом теплотрасса заворачивала влево и ныряла под котельную. Дальше были ворота котельной, куда самосвалами завозили уголь. Когда ворота были открыты, было видно два стоящих за ними старых бульдозера, один желтый, а второй — красный. Миша тоже их любил. Однажды даже упросил меня зайти за ворота, чтобы близко на них посмотреть. Я боялся, что выгонят, но находившимся там мужикам было пофиг. А в тот раз ворота были закрыты.

— Папа, а твактовов сейсяс не видно.

— Не в-в-видно! — ответил я, отмахиваясь от стригуна.

Потом мы завернули за котельную и уже прямым ходом пошли в поле. Справа там была большая заброшенная стройплощадка с вырытым котлованом — по ней даже нельзя было понять, что там хотели построить. Еще дальше была пара домов, и район с той стороны заканчивался. Чуть-чуть пройти, постройки по краям глаз исчезали, и открывалась пустота поля.

А там к стригунам еще кое-кто добавлялся. Уже метрах в двухстах от построек всю летала саранча. Вот ее я до этой засухи никогда не видел и думал, что у нас не юг какой-то, чтобы тут она летала. А она возьми и прилети. Ей, оказывается, необязательно были нужны богатые урожаи и хватало, видимо, тех дурацких кустов бледно-зеленого цвета вроде полыни, которые в этом поле росли. Она, конечно, не сплошной стеной летала, но от нее небо все равно казалось грязным стеклом в маршрутке, которое нужно протереть снаружи. Намного больше было кобылок. Это почти как саранча, только нелетающая, ближе к кузнечнику. Только кузнечики другие, они поприятнее. Есть ярко-зеленые, есть бурые. А эти ни то ни другое. Спереди они темно-зеленые были, а сзади коричневые, и сгибы задних ног как будто поджаренные. В общем, сразу было понятно, что это что-то нехорошее. Песенку детскую про них бы точно не написали. И их была тьма. Они сбивались в почти сплошные ручьи, которые струились по намертво разошедшей земле. Я на эти ручьи старался не наступать и следил, чтобы Миша не наступал. Иначе всю подошву облепят, и обувь будет скользить.

Поле непрерывно стрекотало и трещало. Окаменевшая желтая твердь. Хорошее слово придумали — марево. То есть не хорошее, а точное. Это горячий слой воздуха, в котором размывается свет. Оно хорошо передает ощущения от жары. В нем чувствуется такая вот пленка, которая обволакивает тебя так, что ты будто бы лишаешься некоторых своих способностей. Теряется сознание, нарушается ход мыслей. Ты вроде уже не ты, а иное существо, приспособившееся к новым условиям. Вот оно — главное чувство. Под конец мая чувствуешь, как марево медленно, но верно наступает. Недели пол-

торы — и все. Я начинал тяжело дышать, переходил на какой-то автопилот, переступая через кобылок и таща за собой сына. Мы были одни наедине со стрекочущими существами в их мире, растворялись в нем. В поле, на котором, наверное, уже ничего никогда не вырастет, которое может только убивать живущих, поглощать их. Говорят, саранча может съесть хлопковую одежду...

Для нас с Мишей это не впервой было, но он почти не обращал внимания на саранчу и кобылок, как и на стригунов. А тут я увидел, что он таким растерянным выглядел. Не то что испугался, а только догадываться о чем-то начал. Эх, да хоть бы ему всего этого не чувствовать!

— Па-а-па, а, а, а с-сто это?

Я задышал еще тяжелее. Сынок, что же я могу тебе дать? Что я сам узнал в жизни, чему научился? Ковыряться в «москвиче», клеить кораблики и бронировать кабели? Что я хочу? Ничего и никогда не хотел. Не научился хотеть. Я знал, что есть какое-то «надо», а «хотеть — не вредно», мне мама это чуть ли не каждый день говорила в детстве. Все. К горлу подбирался ком. Нет, только сегодня! Но пока надо Мише помочь. Я отпустил его руку и, насколько мог изобразить бодрость, сказал ему:

— Смотри, Мишаня, как мы ее сейчас!

Потом вышел чуть вперед, расправил руки и стал поднимать правую ногу, выцеливая саранчу. Вот одна летит на меня. И я, как настоящий форвард, замахнулся и выбросил носком вперед ногу:

— Н-н-на!

Получился даже стук крылатой твари о кроссовок. Она, переворачиваясь, красиво полетела от меня вперед и шлепнулась вверх ногами. Я попал. Чем тяжелее существо, тем сильнее оно ощущает удары. Комара с ноги не убьешь, а саранчу, выходит, можно. Миша засмеялся.

— Папа, давай ессе!

И я стал делать еще. Сначала пару раз махал ногами мимо и чуть не падал, а потом пошло. Пинал с подъема, подбрасывал саранчу вверх, одну запнул с дороги далеко в кусты. Миша, глядя на меня, тоже давай махать, пытаюсь какие-то новые движения придумать. Высоко ноги поднимать у него не получалось и сильно пнуть тоже. Тогда он стал подпрыгивать и прихлопывать саранчу стопой. Сандалики надо будет теперь отряхивать от нее. Но ему понравилось, и он больше не тревожился. На двоих мы с полсотни задавили, пока я не устал. Ведь всех не передавишь, от всего не отпинаешься. Но у меня получилось сделать так, чтобы Миша не боялся. Хотя это.

Мы дошли до развилки. Широкая тропинка заворачивала налево, а вперед уходила узкая. В этом месте уже было неплохо видно то, что находилось в конце поля, — цеха за бесконечно широким забором. Зброшенные, конечно. То есть там и крыш-то со стенами не было. Были колонны с поперечными фермами, такими, с отверстиями. Вот это, оказывается, и был ЗЯБ — Завод ячеистого бетона. Мне это только года через четыре после переезда полупьяный мужик на остановке рассказал, которому на пиво не хватало. Дотуда идти было еще километр. Я сдуру один раз потащился туда с Мишей вместе, он сам меня заставил, чуть не плакал. Подошли почти, стало видно, что в этот ЗЯБ насыпь для путей заходила. А там раз, и тетка с ротвейлером. Ну, пес нас учуял и как побежит. Я думаю, что делать, душа в пятки ушла, но тетка вовремя окликнула его, и он к ней вернулся. Тане не стал рассказывать, а то загрызла бы хуже ротвейлера.

Шли дальше... А на следующей развилке велосипедиста встретили. Такого профессионального, в шлеме. И как он только от саранчи отмахивался? Он поехал даль-

ше в поле, а мы пошли к дому. Я там еще раз повеселил Мишу пинанием насекомых. И он смеялся. По левую сторону район как на ладони, даже наши окна видно. С правого края родительский дом, куда мы пойдем после обеда. Почти самый последний. А еще правее метров на пятьсот и подальше в поле была другая наша достопримечательность — три недостроенных панельных башни. Они стояли, как дети, которых из общей компании выгнали или даже не принимали в эту компанию.

Одна панелька была почти достроена. То есть в ней уже были все положенные десять этажей, но внутри было пусто. Правда, на первых трех этажах даже были вставлены оконные рамы, но их еще до нашего приезда расколошматили. И почему-то именно она выглядела самой злоеющей. Две других, брошенные на третьем-четвертом этажах, не были видны издали, а эта торчала почти отовсюду. И особенно злоеющей она казалась мне летом, в ясную (хотя ясно было почти всегда) погоду. Вот подойдешь к ней с главной дороги, со стороны района, а она отсвечивает солнце такими маленькими светло-синими плиточками, которыми облицованы панели, и зияет пустыми окнами. Можно было встать в нужное место и правильно голову повернуть, и тогда казалось, что она стоит совершенно одна на голубом горизонте, торча из высохшей земли. И если смотреть очень долго, начинало казаться, что вокруг тебя все исчезает, что еще чуть-чуть, и, оглянувшись по сторонам, не увидишь ничего, кроме земли и горизонта, даже сопки вдаль. У нас дома книжка была про Маленького принца с картинками, и там одинокие люди на маленьких планетах. И вот у меня бы была такая планета, на которой я и эта панелька.

А прямо за ней стоял башенный кран без стрелы. Чтобы его увидеть, надо было пройти дальше, за дом. Вот так идешь, видишь недостроенный дом, само по себе зрелище, а за ним еще и кран этот, как какой-то бомж, прячущийся от людей. Когда дули сильные ветры, он раскачивался и скрипел, но до сих пор не шлепнулся на землю. Ограждения давно развалились, поэтому можно было совершенно свободно подойти к нему вплотную и даже залезть наверх! Я-то, конечно, не лазил, но у местных пацанов было такое развлечение. Говорят, кто-то и падал. Вот такое место.

И я приходил туда из раза в раз и иногда даже Мишу водил, хотя Таня ругалась. Мог бы туда не ходить, но надо было хоть что-то менять. Я круг делал, по сути. Во всех местах круга было погано, но погано по-разному. Вся жизнь тогда стала хождением по этому кругу. Часто ловил себя на странном желании, чтобы все стало каким-то совсем страшным, совсем злоеющим. Казалось, что уже только страх меня двигал. И не такой страх, как бояться каких-нибудь мышей или вот саранчу ту же самую. Испугался, отряхнулся и дальше пошел. А большой и постоянный страх, не с конкретной вещью связанный. Возле панельки с краном сильнее всего казалось, что жизнь уже перешла в другое состояние, мир перестал быть таким, каким мы его знали. Где людей осталось очень мало, а вместо них — призраки их существования в виде навеки брошенного металла и бетона. Вообще, в любое время года, не только летом, на ЗЯБе было мало людей. Конечно, лучше жить в другом районе, да где бы мы денег взяли без кредитов? Так хоть зарплату могли на себя тратить. Пока она была.

А с поля кран как раз было хорошо видно. Миша спросил тогда:

— Папа, а ты говоил, сто кван больсе не дей... дей... свуюсий.

— Да...

— И он больсе не будет ваботать?

— Ну я же говорил тебе, что не будет.

Я действительно говорил. А Мишу это почему-то разочаровывало.

— Папа, а я наисую кван, котовый дом ствоит. Он будет дейсвуюсий. И ессе кваны будут.

Ему очень понравилось, видимо, слово «действующий». Интересно, дети не боятся по-настоящему, так как боятся взрослые. И им кажется, что если что-то нарисовать, оно и будет на самом деле существовать, достаточно будет тебе нарисованного. Я пацаном тоже так думал про свои нарисованные корабли.

Мы пришли домой, и Миша сразу стал краны рисовать, а я смотрел телевизор. То есть не смотрел, а просто сидел. Все, что я делал, это ждал. Обедать еще рановато, поэтому осталось ждать. Как-то просуществовать до обеда. Потом Миша стал свои работы показывать — он нарисовал широкую улицу, а по обе стороны — высокие дома с кранами. Ну, похвалил его. А дальше стали по DVD «Ералаш» смотреть, который просмотрен и пересмотрен раз по сто пятьдесят. Но лучше он, чем те мультики, которые идут по Девятому каналу. Эти жуткие трехмерные дети с огромными лбами или кривые животные, названные с какого-то перепугу бобрами. Чего там только нет. Лучше было по несколько раз объяснять Мише, в чем смысл сюжета «Ералаша». Он их плохо понимал, но очень любил. А смысл некоторых старых сюжетов и я сам не всегда понимаю. Там три минуты как целый фильм. Вот где один мальчик у доски отвечает, а второй появляется из доски и удивляется: чего ты, мол, Витек? Витек за доску заглядывает, а тот там поет на сцене. Как объяснить? Я даже о своих планах ненадолго забыл, пока смотрели. А новые серии не надо объяснять, в них самое смешное в конце, поэтому всегда понятно, где смеяться надо.

Вот когда эти новые серии начались, я уже пошел обедать. Тогда мы очень часто ели покупные вареники с картошкой и грибами. Сносно, в принципе. Главное, что дешево и быстро. Только иногда попадались горькие и противные. Вот так наварить кастрюлю целую и есть потом горькие вареники, пока не кончатся. Я больше любил у себя на кабельном есть — там какой-никакой, но все-таки комплекс.

После обеда одел Мишу и долго ходил туда-сюда. Не надо было, конечно, вызывать у него подозрений, но сдерживаться было сложно. Ну вот ходил так, зашел в санузел и смотрю — маленький газовый ключ лежит. Старый, советский ключ голубого цвета. На нем еще цена была выбита. «Ключ надо отнести», — думаю.

- А засем бабуске ключь? — спросил у меня Миша. Я, оказывается, вслух сказал.
- Не бабушке, а дедушке.
- А сто, дедуска будет ключем ваботать?
- Нет, уже не будет.
- А засем ему тогда?
- Ну, это его ключ.
- А засем ему, если он не будет ваботать?
- Действительно!

Но ключ решил отнести. Это будет дополнительный предлог для похода. Одетый Миша меня ждал, смотрел рекламу по телевизору. Ему нравилась та, где две блондинки жвачку изображали. Он потом спрашивал на улице:

- Папа, а посему одна говоит «подвужка», а втовая говоит «подуска»?
- Не знаю, платят им за это, вот и говорят.

Я, наверное, слишком сильно тащил его к родителям тогда. Он чувствовал, что что-то не так.

Родители жили в такой же десятиэтажке, как те недостроенные. На ЗЯБе мы поселились одновременно с ними. Я с Таней тогда уже расписался, и жили вдвоем в большом общежитии, где и кабельный своих селил, и то ГПТУ, где она училась. Родители

решились уехать из нашего райцентра в город. Дом у нас там хотя и очень хороший был, с гаражом, с участком, но с его продажи мы сделали целых две квартиры — однушку и двушку! Еще, правда, отцовский «москвич» пришлось продать, его, конечно, жалко. А так только рады были. Таня потом говорила, зачем моим родителям двухкомнатная, пустили бы лучше нас туда. Может, и пустили бы, если б не младшая сестра. Она года через три после переезда школу окончила и уехала учиться во Владивосток.

Когда мы въезжали, во дворе их дома трава росла, а к тому времени она вся высохла, и машины ее изъездили. Деревьев не было, один только кустик чуть поодаль, у ковровой выбивалки. У нас хоть целый тополь стоял. И главное, дом родительский не до конца заселенный был. Десятка два пустых квартир. Маме соседка рассказывала, что в них даже не заселились. А кто-то продать не смог и просто уехал. Вот в одном месте была квартира с раскученной дверью, открытая. Там собирались всякие целый год, пока не закрыли. Вот живи так, когда рядом с тобой пусто.

Когда мама открыла дверь, я поздоровался с ней, и сразу напряжение возникло. Мой вид, похоже, ее не радовал. Но Миша здорово разрядил обстановку:

— Пивет, подуска-а-а! Хы-хы-хы!

— Ты что такое говоришь, а? Бабушка, а не подушка! Из телевизора научился, — киваю маме.

— Да понятно. Мишка, чай будешь?

— Да какой чай, мы пообедали только что.

— Знаю я, как вы пообедали. Пойдем, маленький!

— Бабушка, а у тебя есть «Мавс»?

— «Рыжий Ап» есть, сырок для суперагентов!

Мама с Мишей на кухню ушли, а я поздоровался с отцом. Он тогда уже редко ходил и в основном лежал на диване. Говорил тоже редко и мало. Бывало, часами не говорил, а иногда раз, и заговорит, как до инсульта. Но нечасто. Вот он так лежал, и никуда не денешься. Не вылечишься. Осталось только лежать и дожидаться. Я пытался себя убедить, что мне надо хотя бы дождаться его, но думать об этом ожидании было невыносимо. Тогда хотелось просто посидеть с ним в одной комнате. Оставался еще в нем дух *того* человека, который был раньше.

Телевизор у них тоже неважно показывал, потому что телебашня от ЗЯБа очень далеко стояла. Телик корейский вроде, его кому-то из родителей дали вместо зарплаты в девяностые. По экрану шли сверху вниз кривые полосы ряби. Если бы не звук, вообще ничего не было бы понятно. Я поковырял антенну и сел в старое кресло у голый крашеной стены. А напротив, у другой стены, диван с отцом в зеленых трусах в горошек и темно-синей футболке, заложившим руки за голову и согнувшим в колене правую ногу. Бывало, что он не вставал часа по четыре, и в это время у него было два режима: он либо просто дремал, либо «бодрствовал», заложив руки и согнув ногу.

Хорошо помню, как мы с ним смотрели нашу последнюю игру на чемпионате мира 2002 года. Да, то как раз было первое засушливое лето, и Таню с Мишей только выписали из роддома. Я начал смотреть у нас и видел, как мы пропустили, а к перерыву Миша заснул, и я пошел к родителям досматривать. Прихожу, а счет уже сравнили. Но игры не было никакой. Камера постоянно показывала Романцева с сигаретой, какого-то пустого, прозрачного. Тренер соперников все бегал, руками махал, а наш всю игру просидел с этой сигаретой на одном месте. Даже ничья гнилой казалась. Ну, потом второй пропустили, третий. Комментатор (их два было) стал рассказывать, что проиграли мы потому, что двух защитников не подготовили. Только и делов. Вот же чушь какая! Когда под конец один гол отыграли, стал говорить, хватит ли мол, времени, чтобы отыграться. А второй комментатор «прибил» его сразу же. Уверенно так сказал:

«И даже если хва-тит! Все равно-о нужно делать правильные вы-ыводы! С такой игрой на чемпионате мира делать не-ечего!»

Это реально удар был. Вот тогда впервые в жизни появились ощущения какого-то конца. Отец еще шевелился более-менее, но стало ясно, что он станется на этом диване навсегда и больше не поднимется. Он все любил говорить, как раньше «за идею» игра-ли, а мне было ясно, что эта идея куда-то далеко улетела. И та позорная игра подтал-кивала его в то же самое место. И засуха опять же началась... Хотя чемпионат инте-ресный был. Когда наши вылетели, мы за корейцев болели.

А тут уже Миша ко мне подбежал с пустой упаковкой от сырка.

— Папа, смотри! Я съел сывок для су-суп-супев-агентов!

— Молодец...

Что я еще мог ему ответить?

По телевизору шел наш старый боевик, где милиционер на «шестерке» гонялся за бандитами на угнанном тягаче. Там еще музыка была из восьмидесятых, с таки-ми постоянными синтезаторными хлопками. Мише это все очень понравилось, только он почему-то стал «болеть» за бандитов на тягаче, а не за милиционера, кричать ерун-ду всякую. Когда мама услышала, ее это очень разозлило, она даже пригрозила телеви-зор выключить, и я попросил Мишу смотреть спокойно. Когда тягач въехал в гору пе-ска, мне показалось, что уже можно уходить, но при этом хотелось какой-нибудь ма-миной реакции, чтобы мы молча не расставались. Тогда я резко встал с кресла, а она попросила помочь снять белье с лоджии.

Я пошел за ней и взял с тумбочки в коридоре принесенный ключ.

— Вот, — говорю, — газовый ключ возвращаю, отцовский.

— Держал бы у себя.

И когда мы уже отошли от комнаты с лежащим папой, тихо добавила:

— Ему уже не понадобится.

— А мне теперь тоже не понадобится.

Мама насторожилась, но ничего не сказала. Мы вышли из второй комнаты, где жила она, на лоджию, и я пошел к стоящему на полке старому инструментальному ящику, чтобы положить туда ключ. Сразу не положил и стал вертеть его в руках. Задумался.

Тогда я еще не пошел в школу. Папа с соседом чинил наш «Москвич-412». Мне было, конечно, интересно, что они там делают, но крутиться возле взрослых мужиков стремно. Ладно бы отец один, а тут сосед. Я ходил по двору туда-сюда, играл с собакой. И слышу их разговор про то, что они что-то поставили и надо закрутить, а руки заня-ты, иначе трубка упадет и все такое. А папа сказал:

— Вот мы сейчас Степана попросим! Степа, иди сюда!

Я сразу прибежал.

— Важное дело тебе доверяем. Возьми-ка ключ.

А там только вот этот газовый лежал. Для машины он и не подходит, но другого там не нашлось. Папа тоже это заметил, и выяснилось, что обычный ключ у них куда-то завалился. Пришлось взять газовый. А я еще и не доставал до капота. Ну, сразу чурку какую-то подкатил, залез на нее.

— Вадик, подвинься, дай дорогу мастеру! Ну, давай, сынок, все от тебя зависит.

Тяжеловато было крутить газовым ключом винты, но я закрутил. А папа с соседом давай меня хвалить. Потом пошли мне конфеты покупать. Себе еще пива заодно.

— Ну, клади уже! — окликнула мама. — На держи таз.

Я положил ключ и взял таз. Родительская лоджия выходила прямо туда, где стояли недостроенные панельки. Мимо их дома и шла далеко в поле широкая дорога, на обочине которой они стояли. Там, видимо, хотели сделать целую улицу и асфальт положить, но осталась только изрытая следами тракторных гусениц земля. Вот попробуй продай такую квартиру теперь, в которой утром из темноты появляются эти панельки в пустом поле.

Мама стряхнула стригуна с высушенной наволочки и кинула ее в таз.

— Да почему же это все, а? — говорю.

— Вроде бы какие-то дожди обещали.

— Они постоянно обещают. Недели две назад наобещали, и что? Тучи ходили весь день, а ни капли не упало.

Мама не ответила, продолжая собирать белье.

— Этим летом пыльных бурь почти нет. А помнишь, в прошлом году в июле в полдень свет включали? Темно когда было?

— Да, числа десятого, кажется.

Она собрала белье и собиралась уходить. Тогда я сел на старую табуретку и поставил таз на колени.

— Мама, ты в городе когда была последний раз?

— Три дня назад, за нитками ездила.

— Ордуи, поди, высох совсем. Я был последний раз недели две назад. Страшно переезжать стало через него на маршрутке. Помнишь, раньше вода на плитах плескалась, ну, которыми берег укреплен? Теперь вообще до плит не добирается, и на голых камнях мусор, стекло битое.

Мама в ответ вздохнула.

— Я в тот раз Карпачева встретил, одноклассника. Иду, смотрю, стоит у белой «короллы», по телефону болтает. «Сони Эрикссон» раздвижной, камера, поди, два мегапикселя. Думал, не заметит меня, а он такой сразу: «О-о, Степка, ну че, все суетишься?» Хотел отвязаться от него, а он давай на озеро звать. Затусим, говорит, девочки будут. Я ему говорю: иди ты со своими девочками, я, мол, женат. А он говорит: так и я женат. Ну, потом сказал ему: «Да скоро высохнут все ваши эти озера к чертям собачьим, и вам в этой пустыне бухать негде будет». И ты представляешь, что он ответил?

— Ну, и что?

— Да вот что! «Поедем в другое место, на наш век воды хватит». Так и сказал.

— Отдай таз, я унесу...

— У-у, опять ты не слушаешь. Так вот таким, как Карпачев, вообще все равно. Живут себе, как будто ничего не случилось.

— Ах, ну живут себе и живут, чего ты к ним привязался? И не знаю я никакого Карпачева.

— Сто раз рассказывал...

— И мне тоже надоели твои причитания. Одно да потому, пустыня, засуха. Нам же тоже тяжело все это переносить, живем, как на сковородке. У сестры в огороде саранча все сожрала. Но мы что можем сделать, Степа?! Что мы-то с тобой можем?! Зачем повторять каждый раз одно и то же?

— Не может быть, чтобы в этом никто не был виноват. Не могло на ровном месте все высохнуть. Кто лесополосы вырубает?

— Ой, ну откуда я знаю.

— Шелопугин точно вырубает. И Карпачев бы тоже вырубал, если бы мог. И доберется, поди, еще.

— Опять твой Карпачев. Что ты к нему привязался-то?

— А то, что сейчас хороший вот такой, как он! Который все изображает и ничего не делает. Мне говорит, ты возможностями не пользуешься. А это такие возможности, что только ему подобные и пользуются.

— Ну, умеют они, что поделаешь? Мы вот не умеем.

— Кто мы-то? И что, надо уметь, что ли, по-твоему?

— Нет, надо сидеть на месте и жаловаться.

— Ясно. Значит, я сам виноват? Танькина песня.

— Конечно, все вокруг виноваты, кроме тебя!

— Ох. Я сам кабельный закрыл, да? Я всего этого, что происходит, хочу, ты считаешь?

— На работу ты явно не хочешь.

— Вот тебе раз, не хочу на работу. Точно, устроили коалицию с Танькой. Она все говорит...

— И правильно говорит! Полгода сидишь.

Сейчас про автослесаря заладит, думаю.

— Что она, не права, что ли? Ты все в отцовском «москвиче» копался, а сейчас СТО полно. На каждом шагу. Чего бы туда не пойти. Все кругом машины покупают, работали бы. Нет, блин, не хочешь!

— И не захочу. Вы думаете, что это так просто? Сами-то не пойдете туда устраиваться. Таких слесарей пол-области, попробуй еще попади. И если я в «москвиче» копался, то мне должно нравиться «круйзеры» коммерсам делать? Или «короллы» карпачевские?

— А какая разница-то?

— Не понимаешь ничего...

— Не понимаю! Да японские машины, поди, и ремонтировать так часто не надо, не то что наши ведра с гайками.

— Чушь... Чтоб копейки получать, ходить туда, куда не хочешь. И быть тем, кем не хочешь...

— Здравствуй, жопа, новый год! Не хочешь! Все жаловался, что мы с отцом тебя хотеть не научили. А нас, знаешь, не спрашивали, чего мы хотим. Нам куда сказали, мы туда и шли.

— Неправильно. Ты, по-моему, что-то не договариваешь.

— Ну, не знаю я, что у тебя неправильно. Но заставлять нас не надо было!

— И поэтому я должен идти работать куда попало, лишь бы взяли?

— Опять, а! Вот одна я всем должна, а вокруг никто ничего не должен! От старшего сына ни сном ни духом, ты тут сидишь, за отцом выноси. Бегаю, заказы на шитье от женщин собираю.

— Хочешь, я вместо тебя шить буду?

— Нет уж, не мужское это дело.

— Так тебе всегда шить нравилось, я же знаю.

Она как будто не заметила.

— Сестра твоя вот тоже. Говорит, что на каникулы не приедет, останется там, подрабатывать будет. Конечно, к больному отцу неохота ей ехать. А приезжала зимой, а? Челку сделала, одевается фиг пойми как, в черное с розовым. Связалась, поди, с какими-нибудь наркоманами. Ладно, хоть институт не бросает, как некоторые!

— Опять... Ее, может, в педу этом и научат чему, а меня учили быть, как Карпачев. Это учеба? Зачем?

Мы замолчали на чуть-чуть, а потом мама почти что закричала:

— Да сколько ты можешь придуриваться, в конце-то концов, а?! Ты взрослый мужчина, а спрашиваешь, зачем идти на работу! Из раза в раз одно и то же. Выживать надо, Степа, выживать! Никто нас не будет спрашивать, чего там мы хотим, никого это не интересует, слышишь! Не будешь браться за то, что есть, помрешь с голоду! Дай сюда таз!

Она резко подошла ко мне и стала вытаскивать из моих рук таз. Я отвернулся от нее и ответил:

— А я не хочу больше выживать. Все, мне надоело.

— Что-о? Что это значит?

— То и значит. Не хочу, надоело. Ты все правильно поняла.

— Та-а-ак, значит, да! Ну, давай тогда, иди! Иди, Степа, иди, я тебя вытаскивать не буду, я это еще полгода назад тебе говорила!

Я поднял глаза на нее, и мне показалось, что сказано это было вполне честно. Ну, встал со стула, сунул ей в руки таз и вышел с лоджии. Она пошла за мной, кинула таз на свою кровать и сказала:

— Чего встал, иди!

И добавила приглушенно, при этом показывая пальцем в сторону зала:

— Оставь ребенка без отца!

— А что изменится? Таня прекрасно справится без меня.

— Ну вот чего ты добиваешься, а? Хочешь, чтобы я тебе свою пенсию отдавала?

— При чем тут твоя пенсия?

— Так если ты работать не хочешь.

Я процедил сквозь зубы в ответ:

— Все, хватит...

Зашагал в зал. Там Миша катал по ковру игрушечный ЗИЛ с полуприцепом, в котором лежала керамическая фигурка олимпийского Мишки.

— Дедуска, смотви, Миса везет олим-олимпийского Мису!

— Миша везет олимпийского Мишу! — повторил отец. Это вроде была первая его фраза за мое присутствие.

Я подошел к Мише и взял его за плечи.

— Пошел я домой, сынок.

— А ты завтв пвидес за мной?

— Не знаю, сынок. Ты иди к бабушке, она мне сказала, что «Марсов» тебе купит. На всю пенсию.

Пошел в коридор надевать сандалии. Мама смотрела на меня, недоумевая, но, видимо, не знала, что можно в этой ситуации говорить в присутствии внука. Она забежала по комнате, выключила телевизор, схватила Мишу за руку и поволокла в кухню.

— Иди, маленький, на кухню, сейчас шпульки наматывать будешь.

Миша не очень уверенно пошел туда, постоянно оглядываясь на меня. Мама спросила:

— Ну? Больше ничего сказать не хочешь?

— Мне больше нечего сказать.

Я застегнул сандалии, встал и... обратил внимание на отца. Он чуть приподнялся на диване, повернулся на левый бок, оперся на согнутый локоть и стал на меня смотреть через дверной проем. Я в ответ тоже. Мы это, вообще-то, редко делали. На меня смотрел безнадежно больной человек, медленно, но верно ожидающий смерти и который уже ни на что в своей жизни не может влиять. Смотрел так, по-детски, испуганно. Почти как Миша на саранчу. Это продолжалось секунд десять, а после я вышел из их квартиры, не оборачиваясь на маму. Спускаясь, я слышал за спиной, как отец начал ломано спрашивать маму, что случилось. А мама, видимо, что-то намеревалась

мне сказать, но не знала что. Чувствовал, как она стоит в дверях, но не оборачивался. Когда спустился на этаж ниже, она захлопнула дверь и громко щелкнула замком. Тогда я остановился. Постоял пару минут и пошел дальше. Зачем все-таки папа так рано свалился? Что касается мамы... Она, наверное, могла бы вести себя по-другому. Но получилось то, что получилось.

Я быстро пришел домой и ни на что по пути не оглядывался. Даже не высматривал на небе облачка, как обычно. Скоро ведь будет все равно, пойдет дождь или нет и вообще, который час. Не сказать, чтоб это радовало, но и не расстраивало. Ну, просто закончится все разом, и это главное. В эти секунды была стопроцентная уверенность в том, что перестать жить лучше, чем продолжать.

Когда зашел в квартиру, стал думать, стоит ли переодеваться. Решить ситуацию хотелось побыстрее. Я был уверен, что дома есть веревка. А ее не оказалось. План действий разваливался на глазах.

Но тут смотрю, полка с кассетами. У нас ведь своего компа не было, в телефонах тогда еще не во всех музыка была, только в дорогах, так и слушали на магнитоле кассеты, еще немного диски на ней же. Должно подойти. Взялся перебирать:

«Глюкоза». Фигня, но жалко.

«Звери». Тоже жалко.

«Т.а.т.и». Вроде подходит, но из уважения к Тане...

«Моцарт для малышей»? Это ведь теща придумала для Миши, ни в коем случае.

«Бобик в гостях у Барбоса. Аудиосказка». То же самое.

«Катя Лель». Вот, вот, вот! Идеально, лучше не придумаешь. Папа говорил «Катя дрель». Смешно говорил.

Все, теперь ничего не должно помешать. Теперь вроде бы все зависело от меня, только от меня и ни от кого другого. Со мной мое решение...

...В голове какая-то чушь, а вокруг как будто огонь. Но тело вроде мое, это я в том же виде, как и был. Так и должно быть, нет? Но точно что-то горит. Или я сам? А тут телефон звонит, вот в этом же месте. Ну, тут я открыл глаза. Лежу на полу, болит правое плечо и затылок, на шее разорванная лента. И телефон мой звонит, мобильный, из комнаты. «Сименс» был у меня тогда, такой полукруглый вверху. Таня, думаю, звонит. Я всего лишь потерял сознание на пару минут, вот и все мое решение, весь мой план. Это потихоньку приходило в голову, пока лежал и отходил от обморока. И телефон не затыкался долго. Это точно Таня.

Я в жизни мало плакал. Не потому, что не из-за чего было плакать, а просто не привык. И сейчас тоже не плакал, а вместо этого стал выть. Лежал и выл, ну так, тихо. Рассыпался план. Лента просто растянулась и лопнула. Я не решил никакую проблему. Мужество, видно, требуется не только для того, чтобы жить, но и для того, чтобы умереть. И фиг знает, что еще труднее. Что вообще такое это самое мужество, которого требовали от меня мама с Таней? Много ли я видел в жизни мужественных людей? Нет, я, конечно, читал в школе про летчика Маресьева, хорошая книга, но как быть мужественным сейчас, мне ведь не достать себе истребитель! И стало ясно, что мама с Таней были почти уверены в том, что я не смогу. Одна спокойно уехала, другая сказала, что вытаскивать не будет. Какая идиотская сценка. Но должна была быть дома веревка, окажись она здесь... Не оказалось. Можно и сейчас заново попробовать, в конце концов, взять и сигануть с балкона вниз головой. Нет, ничего не получится. Опять надо жить.

— Степан! Степка!

Это соседка Зинаида Яновна. Я, оказывается, дверь не захлопнул, когда в щиток лазил. Она осторожно подошла ко мне. А мне неохота было отвечать, и я говорил с ней так тихо, как только мог.

— Ты живой? — Она пощупала у меня артерию. — Живой! — сказала на выдохе.

— Живой...

— Встать можешь?

— Не хочу.

— Хм... Ты как это тут оказался?

— Светильник чинил.

— Светильник, значит! А это что? — Соседка стащила с меня записи Кати Лель.

— Музыку слушал.

— Ага, музыку он слушал. Ты это жене рассказывай, а я тридцать лет экспертом-криминалистом работала. Давай «скорую» вызову!

— Не вызывайте.

— Все равно врачу надо показать.

Теперь я уже заговорил поувереннее, чтобы не связываться еще и с врачами:

— Зинаида Яновна, не надо, ради бога. Я ничего себя чувствую, только плечо побаливает и затылок.

— Что же делается... Жить надоело, значит?

Ох, как неохота было разговаривать...

— Надоело. И сейчас не очень хочется. Но придется.

— Так кому сейчас хочется? У меня вот пенсия...

Тут мой телефон опять заорал.

— Ой, Степан, тебе, что ли, звонят?

Еще чего не хватало.

— Же-на, — прочитала по слогам соседка. — Мне взять?

— Нет-нет, давайте сюда.

Я протянул руку и, продолжая лежать, принял вызов.

— Але, Степа?! Привет!

— Привет, подушка.

— Кт... Чего-о? Ты пьяный, что ли?

— Почему пьяный?

Соседка тихо усмехнулась.

— Что с тобой, ты где?!

— На кухне, дома.

— Где Мишка?

— У моих, машинку крутит.

— К-какую машинку?!

— Швейную. Шпульки наматывает маме.

— О-о-ох. С тобой-то что? Что с голосом у тебя?

— Я, это, упал. На кухне. Плечо ушиб.

— Как это ты упал еще?

— Светильник хотел починить.

— Значит, светильник?

— Да.

— Степа, я завтра вернусь тогда! В полдесятого...

— Не надо. Ты же на четыре дня собиралась, зачем планы менять. Картошку-то не огребли?

— Ну, я не знаю. Светильник. Я не помню, чтобы...

— Нет, ты не переживай. Ты сама знаешь, что ничего страшного тут не случится. Лучше меня знаешь.

— Угу...

Она стала немного по-другому говорить. Не паническим тоном, а более привычным, немного пренебрежительным.

— Да вот тут у меня Зинаида Яновна, она тебе все подтвердит. Возьмите трубку...

— Да, Татьяна, здравствуй. В кухне, да, лежит. Ушибся. Я шла, а дверь была не закрыта. Да вот светильник, на подоконнике стоит. Нет, говорит, что врача не надо. Да, до ЗЯБа долго ехать будут. Ну, я смотрю, ничего. Конечно, покараулю, я дома. Хорошо, проверю. До свидания.

Я снова протянул руку.

— Алло...

— Так, соседка завтра к тебе зайдет. Точно врача не надо?

— Нет, нет...

— Ну, давай оставайся. Чтобы без фокусов, понял?

— Какие теперь фокусы.

— Все, пока.

— Пока...

Я снова протянул телефон соседке.

— Зинаида Яновна, положите куда-нибудь.

— Ты вставать-то собираешься?

— Я могу встать, просто не хочу.

— Боже ты мой!

— Вы ведь знаете, что у пола воздух холоднее?

— А, конвекция?

— Ну да, потому что горячий легче и вверх поднимается.

После этого она, кажется, поняла, что я достаточно жив, чтобы меня оставить.

— Ясно все с тобой. Пойду я к себе. Звони, если что, я дома. Завтра постучусь, проверю!

— Да-да. Вы дверь захлопните только. Она закроется.

— Хорошо. Но ляг лучше на кровать, ради бога!

— Лягу, лягу.

— Ладно, давай.

Она закрыла дверь, и я остался один. За это время я ее ни разу не увидел, так и лежал, почти не поворачиваясь. Невежливо, наверное. Но именно в это время мне меньше всего в жизни хотелось с кем-то разговаривать, но пришлось сразу с двумя людьми. Вообще Зинаида тетка неплохая и ко мне тоже относилась вполне... Она к тому времени уже одна осталась, муж умер, но дети с внуками иногда приезжали. Еще у нее пес был, Рем, списанная из милиции овчарка. Добрый пес, с нашим Мишей играл. Они его даже в какое-то специальное место хоронить возили.

Делать теперь не хотелось вообще ничего. Я выпил пару таблеток снотворного (взял как-то у родителей) и лег на то же место, куда упал с крючка. В том, чтобы лежать на полу, было хоть что-то интересное. Необычное, по крайней мере. Неужели все-таки Таня спрятала эту гадскую веревку?..

Проснулся я ночью и первым делом подумал о том, что эту ночь надо как-то проводить. Ужас. Либо надо было не пить снотворное до этого, дожидаться вечера и заснуть,

как обычно. Но случившееся чуть-чуть отдалилось, и я теперь поменьше расстраивался из-за того, что моя затея не удалась. Но что делать ночью? На кабельном, помню, рассказывали, что раньше завод мог работать в три смены, значит, и ночью тоже. Но при мне такого уже не было, а потом и одной смены не стало. Да, что ни мысль, все не в ту сторону. Я выпил кипяченой воды и стал ходить по квартире. Просто ходил из угла в угол, не мог ничего придумать. На часах было полтретьего. Никаких планов теперь не осталось, не осталось как будто вообще ничего.

Да, осталась жена, которая никуда от меня не девается. Но мы с ней к тому времени уже и не помнили, что, вообще-то, нравились друг другу. Только жизнь взаимно отравляли от бедности и безысходности. И как могло быть иначе в таких условиях? Она, наверное, и не могла не гнать меня в автослесари? Что, говорить «не ходи никуда, сиди дома»? Нельзя же совсем ничего не предлагать. Но от таких предложений выть хотелось. Что такое, когда ты чинишь японские тачки тем, что торгует запчастями от японских тачек, и стремишься заработать себе на японскую тачку, и если подфартит, тоже торговать запчастями. Ну, или лес пилить. Вот я в те годы постоянно слышал по телевизору и радио, что ВВП растет, и всякие аналитики рассказывали про рост рынка. Но для кого это считают, если ВВП рос, а у нас на кабельном было все хуже и хуже? А я на Танины возмущения только огрызался. Ну вот не хочу я, а дальше то что? Я по-прежнему не знал, что предложить самому. Предложил вот сам себе вариант, да и то не получилось. Еще я вспомнил о сестре. Как мама сказала, «с наркоманами связалась». Интересно, она ведь что-то такое для себя нашла. Не думал я, конечно, что это прямо наркоманы, просто мама не понимает. Это же субкультурой назвали, кажется.

Не знаю, в общем, сколько ходил по квартире, на часы не смотрел. Придя в очередной раз в кухню, я наконец собрал обрывки магнитной ленты. Да, муси-пуси больше звучать у нас не будут, по крайней мере, на кассете. А ведь Таня ее какое-то время вместо будильника заводила. Думаю, может, послушать что-нибудь? Я и к музыке-то толком не приучен был. Завидовал даже соседу по общаге, который Лаэртского слушал, что он себя занять этим может. Ну, стал, значит, кассеты перебирать, которые разбросал, и взгляд упал на этого самого Моцарта. Если что я и хотел делать, то только что-нибудь необычное, чего раньше не было. И Моцарта я как раз и не слушал, в смысле, специально. Так-то у нас в школе в кабинете музыки его портрет висел. Только я, как и все, считал, что классическую музыку нормальные люди не слушают, что это фигня невыносимая. Может, в другой ситуации бы не стал, а тут подумал: почему бы и нет? Теща придумала это для Миши, но мы, кажется, ему и не ставили. Вот она эту классику любила, хотя и деревенская. Хотя и я, вообще-то, не городской.

На обложке было написано, что для малышей. Ну и ладно, какая разница? Включил негромко, ночь все-таки. Хожу дальше по комнате, слушаю. Нет, все-таки ведь не зря его портреты в кабинетах вешают. Что-то в этой музыке есть. Да это, наверное, и есть самая музыка, тут же не поют. Вот говорим «слушать музыку», а слушаем песни. Я как-то и привык к этому. У нас в райцентре был кружок, куда дети ходили на инструментах играть. И был один парнишка, скрипач, давал типа концерта в актовом зале. Он отыграл, все разошлись, никому это не было интересно. Но мне было чуть-чуть интересно, я, по крайней мере, не мучился ждать, когда это кончится. А признаться боялся...

И я даже отвлекся чуть-чуть с этим Моцартом. Даже стал представлять себе его самого, как он в каком-нибудь замке сидел при свечах и писал пером с чернилами. Может, и не в замке, не знаю, что у них там было. Замки же у королей, а этот королем не был. Какая, вообще-то, была у них жизнь, интересно, когда все другое было во-

круг? И много чего не было, а музыку они писали. Вот засухи там, пожалуй, не было. От засухи ничего хорошего не напишешь. А я как раз подумал про засуху и отвернулся от Моцарта обратно к себе в противную духоту. Сторона «А» на кассете кончилась.

Перевернул кассету на вторую сторону и попытался дальше думать про что-то в таком духе. Только уже не получалось. Тогда я постарался вслушиваться именно в музыку. И вот так хожу, хожу туда-сюда, вслушиваюсь. А тут посторонний звук. Я сразу насторожился и звук убавил до самого тихого. Еще раз тот же звук. И вдруг понял, что это со стороны окна. Удар о стекло. Потом еще один. А если удары о стекло, то это... *дождь!*

Мне в это трудно было поверить, я просто не ждал дождя. Его ведь обещали! Утром не стал слушать прогноз, а мама потом сказала, что пообещали. Из десяти этих обещаний сбывались, дай бог, два, но это сбылось. Значит, кому-то можно верить. У нас над балконом был небольшой козырек, и я вышел к самому ограждению. Стою, чувствую, как капли падают на меня и тело охлаждается. В тех краях при дожде всегда холодало. Как радостно было оттого, что тебя не обволакивает жгучая гадость. Я тогда все наши рамы распахнул в комнате и кухне, насколько они распахивались. Примерно в те годы, кстати, стали появляться пластиковые рамы, но мы о них и мечтать не могли. У нас деревянные были, которые приходилось утеплять на зиму.

Когда начинался дождь, я непрерывно смотрел минут десять и следил, продолжается ли он. Боялся, что быстро закончится и его опять очень долго не будет. Тогда было понятно, что все это надолго. Но я все равно смотрел с балкона в пустоту. Когда идет дождь, обычно не полная темень. Чуть-чуть угадывались по левую сторону недостроенные панельки. Окошки в котельной тускло светятся. Надо, думаю, будет обязательно узнать, прошел ли дождь у Таниной мамы. И как только люди не сходят с ума, когда их урожаи засушиваются? А тут раз, и звонок, я даже испугался. Опять Таня, что ли? Нет, я же не собирался так быстро узнавать у нее про то, идет ли дождь в деревне. Подхожу, беру телефон, написано «Мама». Время, оказывается, было четыре десять. Отвечаю и слышу:

— Сын, это я.

Он говорил почти как здоровый, я удивился и замешкался.

— Ты как? — спросил он меня.

— Живой... — в этот раз я произнес это не так обреченно, как в разговоре с соседкой.

— Хорошо. А то тут...

— Ты почему не спишь-то?

— Да какое там, и так весь день сплю. Неохота. Мать-то до трех по квартире бродила, я говорю, позвони, а она молчит. Тогда сказал: выпей хоть капель, рукой махнула, ушла к себе. А потом слышу, на кухне шуршит. Сейчас заснула вроде. Взял вот ее телефон.

— Подожди, мы ж тебя вроде и не учили мобильным пользоваться?

— Так я видел, как мать звонит.

— А Миша как?

— Спит... — отец сдавленно кашлянул, — кажется.

А я все удивлялся. Тогда уже у отца нечасто бывало, чтоб он говорил почти что так, как раньше, а не обрывками. И бывало это в неожиданное время. Я снова растерялся, не знал, что говорить. Пауза.

— Степа, ты... Знаешь же... Ну, мать так на самом деле про тебя не думает.

— Наверное, не думает.

— Точно, Степа. Я ведь ее получше знаю. Ты не делай ничего такого, а! Не надо, сынок.

- Да все, папа. Ничего такого не будет. Теперь уже не будет.
- Оно понятно, конечно, ситуации всякие бывают. Но не надо.
- Я понял.
- Внука-то заберешь завтра?
- А он надоел вам, что ли?
- Не-е-ет, почему. Просто про тебя спрашивал. Понимает уже, не маленький.
- Завтра заберу. Заберу, заберу.
- Ладно, Степа. Ну, ты понял же, да?
- Я понял, что не надо.
- Правильно, Степа, не надо.
- Хорошо, отец. Спокойной ночи.
- Давай.

Хотелось как-то подольше с ним поговорить, пользуясь случаем, но я не знал о чем. Да еще и посреди ночи. Зачем он все-таки так рано свалился, а?

Я вернулся на балкон и чуть свесился за перила. На волосы и спину капала вода. Волосы все равно сильно не намокнут, потому что жесткие и короткие. Длинных у меня никогда не было. Стало уже прохладнее, и я еще малость походил туда-сюда по балкону и зашел в комнату. Вторая сторона Моцарта уже давно доиграла, ее пропустил почти всю. Перемотал, запустил снова. Потом перенес матрас с пола обратно на диван и лег в постель прямо так, мокрым. Не хотел вытираться. Лег на бок и лежал, слушал Моцарта на пару с дождем.

Это здорово. Вот капли с головы стекают на подушку. Будто лежал с какой-нибудь лихорадкой, и вот она медленно стекает с тебя тонкой струйкой на пол, где находит щель в плинтусах и сливается в пропасть. Так отступала жара, как болезнь. Всегда приятно, когда болезнь отступает. В эти минуты я почти что ни о чем не думал, мне было достаточно того, что сейчас идет дождь, и я этому радовался. Есть время порадоваться. Когда становится хорошо, то не хочешь, чтобы это время заканчивалось, и оно быстрее уходит. Но зато не думаешь, как бы все вперед отмотать. Редко такое бывало, я же привык к тому, что в основном как-то плохо. Вот осенью вроде хорошо, когда жара заканчивалась естественно, так сказать, но не особо. Ведь природа не засыпала, чтобы потом, как ей нужно, проснуться и встать в полный рост. Нет, она как бы теряла сознание, чтобы потом снова мучиться от спазмов. Поэтому лучше летнего дождя погоды не было.

Я даже немного зябнуть стал. Натянул китайскую простыню до головы, подогнул ноги и стал засыпать, хотя до этого проспал часов восемь. Моцарт, вообще-то, неплохая штука. Не помню уже, закончилась ли кассета до того, как я заснул, или после. А снилось мне вот что. Иду я как бы к родителям, со стороны остановки. Если так идти, заходишь в широкий, длинный двор, и по бокам будут две пятиэтажки, а папина с мамой десятиэтажка в конце этого двора стоит, ближе к левому дому. И вот захожу я в этот двор и вижу, что в конце этого двора вода стоит. Вроде как берег моря, но вода, как в большой луже, гладкая и стоячая. Десятиэтажка родительская в воде стоит. При этом я во сне точно понимал, что в домах никого нет, что они пустые. А дальше стало интересно посмотреть на те недостроенные дома в поле, как они в воде выглядят. Я пошел вперед и проснулся.

Было вроде начало десятого часа. Дождь продолжался. Уже прохладно так стало в квартире, пришлось даже окна немного прикрыть. Когда после жары начинался дождь, мне почти всегда хотелось на улицу. Успеть поглядеть ее в таком виде, пока

снова все не высохнет и не налетят насекомые. Я соседке сообщил, что живой, и пошел в поле мимо котельной. Те, кого мы до этого с Мишей пинали, были прибиты к земле. Кобылки, перевернутые вверх ногами, плавали в лужах. Вот хорошая вещь дождь — идет и всю нечисть бьет наповал, чтобы ее потом смыло в помойные ямы. Я быстро промок, но не обращал на это внимания и бродил по полю туда-сюда. Конечно, хотелось в такое время думать о том, что там природа не умрет, что она сейчас восстановится и все такое. В такое уже не верилось, но хватало просто того, что она, по крайней мере, перестает умирать в этот момент.

Домой вернулся уже во втором часу. Высушился, вареники доел. И тут впервые за очень долгое время захотелось с кем-то поговорить. До этого действительно не хотелось, буквально каждый раз тяжело было. А здесь по-честному захотел. Но с кем? С папой скучновато, Таня не поймет. Лучший школьный друг тогда уже далеко на западе страны был. И вдруг понял, кому надо звонить. Взял телефон и выбрал самый нужный в тот момент контакт...

— Алло?

— Сан Геннадич, здравствуйте! Это Степан.

— А, здравствуй.

Он был повеселее обычного и явно был рад звонку.

— Я...

— Ну, ты как сам? Работу-то не нашел?

— Нет, не получается пока. А вы?

— Да взял тут калым на следующую неделю. На одной даче полы постелить. До конца лета, поди, доживу. А ты чего звонишь?

— Я, знаете, думал тут... Гм... Хочу спросить.

— Что спросить?

— Знаете, а... Мне нужно узнать... Почему вы пошли на кабельный работать?

— В смысле, почему?

— Ну, почему именно на него?

— Да-а-а как тебе сказать... Я вот в школе учился, и нас на экскурсию туда сводили. Говорили, приходите, мол, к нам работать, мы вам рады будем. Мне понравилось, я и пошел. Только не сразу, конечно, сначала-то в училище учился, в шестом, ну а потом пришел мастером. Я вообще рад, что там работал. Считаю, крупнейшее предприятие области, почетно вроде как. Квартиру вот дали, живу, слава богу. Кабеля ведь всегда нужны, и сейчас тоже А ты зачем спрашиваешь, кстати?

— Да просто некоторые говорят так... Знаете, что нас никто не спрашивал, нам куда сказали, мы туда и пошли.

— Кого не спрашивал?

— Ну вот вас, людей вашего возраста. Вот они делали, что заставляют.

— Не знаю я, гм. Говорю же, сам выбрал. В нашем городе вариантов и тогда немного было, но кто хотел кем-нибудь другим стать, уехали. Друг вот у меня в Приморье в мореходное училище поступил.

— Ну и как?

— Окончил, ходил в Японию на контейнеровозе. А у них сейчас тоже распродали все, флот развалился, его на берег списали. Он теперь фрукты и овощи с дачи продает. Там же все растет, не то что у нас.

— У меня вот тоже сестра там учится, в пединституте.

— Хорошо, пускай. Только учителям сейчас тяжеловато работать. Хотя школы так, как заводы, не закрываются.

— Действительно не закрываются... Очень жаль, что так получилось с заводом. Мне тоже ведь нормально было, правда.

— Ну, понятно, что жаль. Говорят, уже все станки вывезли, к следующему году планируют цеха снести.

— Зачем?

— Черт его знает, земля в городе востребована, так сказать. Поди, сам Шелопугин чем-нибудь и застроит.

— А вы ходили на этот самый... на митинг?

— Ковардаева обзванивала, но все от жары прячутся, прятались то есть. Сейчас, может быть, и соберемся. Потом поздно будет.

Пауза.

— Семья-то у тебя как? Жена, сын?

— Более-менее. Таня все так же, в химчистке работает, с сыном сам сию. Только сейчас к бабушке отвел.

— Ну, давай там. Ты ведь молодой еще, можешь поехать куда-нибудь. На вахту там.

— Не знаю даже...

Еще одна пауза.

— Сан Геннадич, вы... если будете с Ниной Николаевной разговаривать, передайте ей от меня спасибо.

— Ну, передам, а за что?

— Так, просто. За работу.

Я уже не знал, о чем говорить, но вдруг вспомнил.

— А знаете, что еще! Я вспоминаю, вот пацаном еще, смотрел по телевизору сюжет про наш завод, и там Нина Николаевна была! Сказала что-то и на кнопки нажимала. Было ведь такое?

— Было! А ты раньше не спрашивал.

— Только сейчас вспомнил!

— Снимали, снимали, да! Приезжала группа на рафике. Я помню, крутились там с ребятами рядом, я чуть осветитель им не уронил, ха! Мужик там был, типа режиссера, прогнал сразу. И Нина тоже, иди, говорит, работай, станки стоят. Она же такая была всегда... Найти бы этот сюжет сейчас. В телецентре должны бобины лежать.

— Да, может быть.

— Ну чего, давай тогда, Степа, удачи тебе.

— Спасибо! Вы, это самое, звоните, если там что...

— Угу, я понял.

— До свидания!

— До свидания.

Хороший тогда был день, Может быть, лучший в жизни на тот момент. Как-то вот только к тому времени я стал понимать, что у меня было и что я потерял. И главное, что сам себя не убью. Важно было это понять. Глупо умереть, ничего не узнав о жизни.

А я, кстати, и сейчас живой.

Потом ведь в августе все-таки собрался митинг на центральной площади. Кузнецов мне позвонил, и я решил поехать. Даже не ради долгов по зарплате, а так, на интерес. Приехал — народу толпа, в основном, правда, все старше сорока лет. У некоторых в руках были старые красные флаги, под памятником Ленину трибуна с лозунгами «Шелопугина — к ответу!» и «Долой компрадоров!», а на самой трибуне стояла Ковардаева вместе с каким-то депутатом. Они много говорили про «варварское присвое-

ние» и попустительство чиновников, выходил седой старик, зачитавший целую поэму о заводе, какой он был могучий и как его растащили. Много кто еще выходил, требовали губернатора явиться и «держат ответ». Один в толпе заикнулся, что неплохо подать сюда самого Шелопугина, но ему на это сразу сказали, что тот сейчас «болтается на яхте где-нибудь в Средиземном море и о нас, болезных, не думает».

Так и шло, час, два, три. Люди бегали за пирожками, ходили журналисты, выцепляли кого-нибудь и брали интервью. Я оставался и не уходил, потому что там было как-то хорошо, приятно находиться. Мне мало кто из собравшихся был лично знаком, но у меня быстро появилось ощущение единства с ними, с таким множеством человек. Необычное ощущение, его, наверное, у меня не было ни до, ни после. У нас у всех оказалось *такое вот* положение, что мы собрались там, на площади. Я как будто снова был на заводе. Без цехов, без катушек с кабелями, но, работая в одном цехе, мне трудно было увидеть, что на самом деле такое завод и что он состоит из тысяч таких людей, с которыми на самом деле так много общего. И я был *вместе* с ними!

Но видимо, долго так продолжаться не могло. Все речи уже были сказаны, а губернатор так и не появился. Депутат, стоявший рядом с Ковардаевой, говорил про какие-то иски и петиции, люди стали передавать друг другу листки, в которых расписывались. Я тоже расписался, но дальше стало казаться, что все уперлось в тупик, и настроение уже сменилось. Стало даже жалко. Чего не хватило, чтобы дело дальше пошло? Не знаю, не разбираюсь в этом. Может, просто молодости? Таких, как я, раз, два и обчелся. Не самому же было туда выходить... Когда стали расходиться, кто-то вдруг залез на трибуну и стал махать горящей газетой с большой фотографией Шелопугина. Больше ничего, пожалуй, и не было. Некоторые, видимо, собирались оставаться и на ночь, но я понял, что главное уже прошло. Когда я уходил оттуда, сразу почувствовалась пустота. Все выглядело Кузнецова, но не увидел.

Но это не все. Там я познакомился с одним мужиком, который ходил туда-сюда с банкой пива, и было видно, что он не с нашего завода. И почему-то пристал ко мне, может, потому, что я там такой молодой был. Что, спрашивает, делается. Я сказал ему то, что знаю, а потом спросил, кто такие компрадоры. Он ответил: «Да х.. его знает» — и сказал, до чего, мол, дошли. Как двадцать лет назад эти флаги на шествиях носили, а теперь с протянутой рукой стоят. Ну и все так, что на пять слов одна нота «ля» приходилась, но, вообще-то, доброжелательным показался. Глаза у него были такие добрые. И оказалось вдруг, что работает в той же химчистке, что и Таня.

Вот тут он и начал говорить, что сейчас только на Севере заработать можно, что сам хоть сейчас бы поехал, у него там и знакомые есть, потому что он после армии работал где-то на буровой. Деньги, говорит, были сказочные, только труд тяжелый, да и жить в «бочке Диогена» (жилье такое в форме цистерны) непросто. Накопил, мол, на «запорожец» и вернулся домой. Но сейчас ехать не может, здоровье не позволяет, а тебе, молодому, говорит, в самый раз. Хотя не совсем верилось, что он на самом деле работал на Севере и что у него там есть какие-то знакомые, я обрадовался и сказал, что подумаю. Тане, как оказалось, этот дядька не очень нравился, но зато очень понравилось то, что я «наконец решил за дело взяться». Немного погодя мы с ним связались с его северными товарищами (они действительно были), которые сказали, что чем-то конкретно помочь не могут, и только посоветовали, куда лучше ехать, где больше людей нужно. Гарантий не было никаких, и желания у меня поубавилось. Но хуже быть уже не могло, и примерно в октябре того же года я поехал.

Таких, как я, там оказалось много, на все приличные должности образование нужно, а у меня только профессия бронировщика кабелей. Стал кататься по поселкам, вся-

ким занимался, в основном слесарил по вездеходам. Считай, тот же самый автослесарь и есть, по Таниным заветам. Только по вездеходам интереснее, чем по «круйзерам» и «чайзерам». По-другому воспринимаешь. Иногда и ездил на них — пригодился наш поселковый ДОСААФ, где я КамАЗ мучил. Но все это, конечно, ненадежно было, и на деньги кидали пару раз. Всякое, в общем, там случалось. Слышал про одного якута, у которого даже на дорогу домой ничего не осталось, так он чуть ли не пешком пошел к себе в Якутию. Поэтому мне, наверное, и жаловаться не на что.

Потом мне посоветовали ломануться в техникум на заочное, ну я и поехал. На бюджет мне было не попасть, поэтому все заработки на учебу пустил. Таня ругалась по этому поводу. Так и учился четыре года. Без меня уже и отец умер, и Миша в школу пошел. Но зато потом все как будто прояснилось. Взяли машинистом на газокompresсорную станцию под Новым Уренгоем, там я и поселился в съемной квартире. Уже можно было не бояться, что зарплату отберут. И в первый отпуск я поехал за Таней и Мишей, чтобы увезти их. Вот с тех пор мы там и живем.

Квартира у нас в таком районе, который выглядит так, как, наверное, выглядел бы наш ЗЯБ, если бы его достроили. И снова квартира с видом на поле, ну, если его можно так назвать. Кое-какое сходство есть у этого Уренгоя с малой родиной. Мне вот казалось, что там, на ЗЯБе, был край света, в смысле какой-то конец жизни человеческой. А здесь тоже край света, только не конец, а, наоборот, начало. Дальше на север только редкие вахтовики с оленями и Ледовитый океан, а отсюда, видимо, вся наша страна начинается и весь тот самый ВВП. Я все еще не вполне понимаю, кому он нужен, но точно понимаю, что берется он отсюда. Здесь вообще мало что есть, и почти все, что есть, это работа. Нелегкая, зато очень полезная и, в конце концов, высокооплачиваемая. Хотя работу на кабельном я бы себе с радостью вернул, без вопросов, но такой нет и, может быть, уже и не будет. Я не знаю. Но знаю, что газопровод уж никуда не денется. По крайней мере, пока газ не кончится. Начальник меня придурочным называет, но тут чуть не каждый надеется подзаработать и на какой-нибудь юг уехать, а я никуда не денусь.

А вот нет здесь много чего. Но главное, что жары и засухи не бывает никогда, а всякая саранча бы просто не выжила. Не выжила бы, и все. Приятно об этом думать. Поля здесь болотистые, в них растут тонкие елочки и ягель, это такой лишайник белого цвета. Красивый, по-моему. Мне хватает. Тане вот не хватает, но мы с ней катаемся в отпуска. Нормально, пожалуй. Где-то так же саранча посевы жрет и люди без работы сидят, а я тут на начальном краю света сижу себе и газ прокачиваю. Удобно. Но наверное, не очень честно. С одной стороны, не просто так сижу, а с другой...

Да, у нас ведь еще дочка и младший сын теперь есть. Они полные северяне, так сказать. Другие уже люди, не такие, как Миша. Всю жизнь живут в тундре с ягелем. Странно, но и Миша засуху эту почти не помнит. Не замечал, видимо, не успел заметить. А как сюда я их перевез, мы с ним постоянно по тундре шарились, он и забыл. Удивляется даже, когда я вспоминаю. Не помнит ни кобылок, ни саранчи. Помнит, правда, вкус песка во рту. Это когда пыльные бури были, всегда в рот попадало. А кто-то ведь и сейчас там живет...

Арина ОБУХ

Я ТУТ БЫЛ, Я ТУТ БУДУ ЕЩЕ ДОЛГО

Рассказ

1.

Я родилась в демографической яме.

Вылезла из ямы. В земле, грязи, глине, стряхнула пыль времен и...

Всем привет.

— Посмотрите на них: два изнеможденных хиппи и кустодиевский младенец, — приветствует Люся.

«Два изнеможденных хиппи» — это мои родители. Они не хиппи, но в моде свобода и клеш. Она — писатель, он — художник.

Хиппи смеются и говорят, что я умна, как породистая собака.

Породистая собака рядом — красивый дымчатый королевский пудель по имени Али.

Мы с Али всегда в стороне от пиршества. Острые закуски, пирожные и звон бокалов — это все не про нас.

Пудель деликатный, интеллигентный, с гордой посадкой головы. Похож на скульптуру — почти не двигался.

У него своя культура: не подбирать упавшую еду, не клянчить, не скулить, не вертеться. Он спокойно, с достоинством наблюдает за течением жизни. Ждет. И ест только по приглашению Люси, своей хозяйки.

Я веду себя примерно так же: сижу в прогулочной коляске, жду и ем то, что дают мне два изнеможденных хиппи. Мама и папа. Красивые люди.

Старая киноплёнка, 1997 год: мама похожа на иствикскую ведьму — ту, которая черненькая, из фильма. А Люся похожа на рыжую, Ира — на белую. Их волосы развеваются на ветру, бушуют — воздушная тревога, штормовое предупреждение. Жены художников.

Близ Маркизовой лужи всегда сильный ветер. Холодный, назойливый. Зато костер от него бесится и вздымается все выше.

Арина Обух родилась в 1995 году в Санкт-Петербурге. Выпускница Художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. Член Союза российских писателей и Союза художников России. Лауреат Молодежной премии Правительства Санкт-Петербурга, премии журнала «Знамя», Международного конкурса «Волошинский сентябрь» и др. Публикуется в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Знамя», «Юность». Автор книг «Выгуливание молодого вина», «Муха имени Штиглица». Книги и рассказы переведены на испанский, болгарский, турецкий, словацкий и китайский языки.

Взрослые говорят о чем-то. Мы с Али человеческих слов не понимаем. Только интонации различаем. Мир к нам добр, интонации ласковы.

Финский залив, пляж, песок, камни-валуны, ракушки... Али вольно бегает по просторам...

Обрыв пленки.

2.

Детство как рана: обветривалось, покрывалось корочкой, а мы сдирали ее — и детство не заживало.

3.

Нет мыслей, только скорость. Я бегу.

Просто бегу. И в какой-то момент даже начинаю взлетать.

Видимо, Земля ко мне еще не совсем привыкла и гравитация на меня пока не распространяется.

Мне пять лет. Я ошалевший воздушный шар. Сейчас улечу.

Но меня видят взрослые. Их взгляд заземляет. Теряю высоту.

Скольжу по асфальту. Колени плачут кровью. Друзья бегут на помощь и прикладывают к ранам дурацкие пыльные подорожники.

Дома на колени льют перекись водорода, и кровь шипит, красно-яростная: она возмущена. Красивый цвет, хорошая краска.

...Потом будет все время больно.

Нет, коленки, конечно, заживут, но... Исчезнет эта скорость, появятся земное приращение и тяжелые мысли.

4.

— Давай жениться?

— А что такое «жениться»?

— Это поцеловать друг друга и улыбнуться.

Мир вокруг был — сплошная свадьба.

— Ой, — вздохнула она.

— Что с тобой?

— Влюблена.

— В кого?

— В друга моего.

— Как звать?

— Мама.

— Ой!

— Что с тобой?..

И так по кругу. Без конца. От Васильевского острова до дачи в Строганове. На со-
том «ой!» у родителей уже нервный смех, но она уверена, что они просто счастливы.
Это ведь лучшая игра на свете. Любовь.

Ей четыре года. Ее голос сотрясает стены больницы:

— У меня любовь! Я влюблена! Влюблена! Любовь!

Этот обход по палатам она совершала каждый день.

Все уже привыкли.

...А через некоторое время она стала водить за руку мальчика. Сначала по его лицу было видно: он не понимает, что происходит, но потом понял — любовь.

В конце концов он сам стал брать ее за руку, и они вместе ходили по коридорам больницы, заглядывали в чужие палаты и оповещали больных:

— У нас любовь!

Врачи и пациенты звали их «влюбленными».

Любовь заключалась в словах.

— Ты меня любишь?

— Да.

Ну вот и все. Поговорили. Теперь можно идти есть кашу.

Но потом наступил срок выписки. Она уходит из больницы, он остается. Врачи и родители замерли. Сейчас будут слезы. Двое прощаются навсегда.

Мальчик молчал. Смотрел. Герой немого кино. Сузил глаза. У него большие ресницы, они не пускали слезы на волю. Девочка подошла к нему и пожала руку.

— Ну пока.

Все.

Она села в машину, вернее, легла на заднее сиденье — и смотрела в окно. Крыши домов плыли по небу.

Родители приготовили утешительные слова, но те не понадобились.

Она ни разу его не вспомнила.

Мол, то была одна жизнь, а теперь другая.

5.

Люди вокруг меня рычали, мычали, пели, мыли раму, роняли в речку мяч и пытались мне объяснить, что все происходящее можно сложить из букв.

Каждый божий день я прячу «Азбуку» в угол, за телевизор. Там она и стоит, виновная во всех моих печалях.

— Так, ну давай. Обещаю: мы не будем ссориться. Дружно, весело... А где «Азбука»?!

— Не знаю.

Родители понимали, что «Азбука» — в углу; я никогда не прятала ее в другое место. Это был мой мирный протест: да, вы знаете, где эта книга, да, вы найдете ее, да, я против этого. Я против букв.

Еще несколько лет назад мир состоял из одних интонаций. «Азбука» была лишней. Есть чувства, есть слова — давайте говорить.

— Ей скоро в школу, а она не умеет читать!

Сию с раскрытой «Азбукой». Соленые волны из моих глаз размывают текст. Вижу только нечеткие силуэты гусей. Я думаю о гусях. Гуси говорят «га-га». А я читаю: «г», «а», «г», «а». Я не могу подружить буквы, они не соединяются. Гуси на картинке — могут, а я — нет. Каждая буква самодостаточна и живет отдельно.

Все нехорошее, что я думаю про «Азбуку», тоже состоит из букв. Мысли состоят из букв. Ужас.

Родители отдали психологу-логопеду последние деньги, чтобы она рассказала мне, что буква «Ё» — это инопланетянин: психолог подняла руки к голове (получились рога) и стала сжимать и разжимать пальцы, хищно, со страстью приговаривая «Ё! Ё!». А буква «Э» — это отрывок, когда наелся; и она продемонстрировала мне эту отрыв-

ку. Это были две самые эксцентричные буквы алфавита, но и к остальным тоже были приделаны какие-то эпатажные подробности.

Между буквами психолог выстраивала отношения. Буква «Д» пошла знакомиться с «О». Буква «В» превратилась в воробья, которого я нарисовала.

— Смотри, буква «Р» не поет, а с «А» — поет: Р-А-А-А...

Все это было очень хорошо, но я все-таки не читала.

Родители были в отчаянии.

Но однажды в гости пришла знакомая и, выслушав горестную историю про буквы, сказала:

— Я научилась читать в три года. Мой старший сын — в пять, а младший — в шесть. А сегодня мы все читаем одинаково.

Она была провидицей!

Мир усложнился. В нем теперь так много всего, что ты уже лишний. Но ты цепляешься за мир собственной памятью. Я тут был, я тут буду еще долго.

6.

Бабушка раскладывает пасьянс на погоду.

Дождя не будет. Значит, мы пойдем в Удельный парк.

Удельный парк — это машина времени.

Там старинные железные качели и ракеты-лазилки со времен СССР, они Гагарина видели, в космос провожали.

А у входа в парк всегда сидит одна и та же бабуля — продает семечки и орехи: сворачивает газетку, зачерпывает из ведра и протягивает страждущим.

Да это и не парк, а дремучий лес. Если повезет, то он выведет тебя к качелям. Нам всегда везло.

А в конце путешествия мы попадали на площадку-пустырь. Все дети носились по этой вольной пустоте совершенно счастливые. Перелетая с камня на камень, играли в пятнашки.

Я бежала к детям — и рассказывала, что приехала к ним из России, что я петербурженка. В руках я держала российский флаг. Я всегда отстаивала свое гражданство на этом пустыре.

Дети в недоумении бежали к своим родителям, рассказывали, что я из Петербурга — и спрашивали, откуда же тогда они. Потом возвращались и докладывали:

— Мы тоже из Петербурга!

— Нет-нет, это я из Петербурга! Я очень долго сюда ехала.

Дело в том, что на Черную речку (к бабушке) меня везли на машине. Машина пересекала линии-меридианы Васильевского острова, а я смотрела в окно и прощалась с Родиной.

— Но мы тоже из Петербурга, — не унимались чужеземцы.

— Вы тоже из Петербурга?!

Радость от встречи со своими на чужой земле переполняла меня.

— Так мы и сейчас в Петербурге!

— Да нет!.. Ну вы посмотрите вокруг, тут все другое!

— А где мы, по-твоему?

— Думаю, что в Москве.

Мои дорогие соотечественники озирались по сторонам и видели: повсюду Москва (я была убедительна).

А мы из Петербурга. Нам надо держаться вместе.

А ближе к вечеру на старой танцплощадке Удельного парка собирались люди черно-белого кино. Они танцевали, в середине их круга стоял гармонист. Гармонь набирала воздуха и...

«Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой...»

Моя бабушка Катя не танцевала, но смотрела — и одобряла: это о ней поют.

Это она выходила на высокий берег, на крутой, и это от нее надо было передать привет бойцу на дальнем пограничье.

А бойца этого звали Виталий.

Теперь его пост — это линия горизонта.

Жизнь Катюши и Виталия была сложнее, чем песня.

Но сейчас — это песня. Под нее танцуют люди черно-белого кино.

Уходя из Удельного парка, я сообщала всем, что возвращаюсь обратно, на Родину, в далекую Россию. И махала флажком.

— Я скоро к вам опять приеду!

— Приезжай скорее, петербурженка!

Мы с Катей покидаем машину времени, Удельный парк расстилает нам дорогу до дома.

7.

Сломанной балерине никто не верил.

Ну еще бы. Она же сумасшедшая. Все так считают.

Хотя эти «все» тоже с приветом, лежат в палате неврологического отделения вместе со сломанной балериной.

Ее, кстати, Вика зовут.

Палата, естественно, женская. Всем семьдесят плюс, а Вике, кажется, пятьдесят. Не знаю, была ли она когда-то балериной, но она точно была сломана: необыкновенно длинные балетные ноги не двигались. Когда сын брал Вику на руки, чтобы посадить в кресло, ее ноги болтались, как русалочий хвост. Но при этом во всем теле сохранялась грация. Более того, в ее неподвижности было некое величие, аристократизм. Словно не человек это лежит, а ваза. Или, скорее, статуэтка, балерина Императорского фарфорового завода.

Захожу в палату и слышу, как Вика беседует с пустотой:

— Лена, выключи чайник.

В палате нет ни Лены, ни чайника.

— Он сейчас взорвется. Мы все сейчас взорвемся.

Балерина не паникует, но говорит твердо:

— Все разнесет к чертовой матери...

Обреченная на неподвижность, она просто внимательно смотрит в пустоту, ожидая взрыва. Увидев эту покорность судьбе, я решила вмешаться. Вдруг правда все сейчас разнесет.

— Что случилось, Вика?

— Ты видишь кипящий чайник?

— Нет.

— Посмотри, там, на полу.

- Не вижу.
- А вот там, между девочками?
- Смотрю между койками.
- Нет, ничего нету.
- То есть ты не видишь такой маленький электрический кипящий чайник?
- Не вижу.
- Он телесного цвета.

Пол тоже был телесного цвета, поэтому смотрю пристальнее.

- Нет.
- Ну и слава богу, — усталый взмах руки.
- Смотрит в пустоту, не ожидая взрыва.

Через некоторое время она просит меня подойти ближе, присесть рядом. И очень серьезно, спокойно с легкой ироничной полуулыбкой говорит:

- Я понимаю. У нас больше нет доверия. Это все мираж.

Эти слова сломанной балерины остались со мной на всю жизнь. Не потому, что они были так важны или помогали понять что-то, нет. Скорее, даже наоборот. Они просто сохранились. Как сохраняются редкие виды листьев между страницами толстых книг.

Гербарий. Положишь лист. Забудешь. Потом откроешь книгу, а на тебя лист падает: здравствуй, помнишь меня? Помню. Было лето, страшное лето. Июль, август...

Рядом со сломанной балериной, на соседней койке, лежала Катя. Диагноз у Кати был необычный: «Удачный инсульт». И врач изо дня в день писал в карте о некой «положительной динамике», хотя с каждым днем Кате становилось все хуже. Ее покидала речь, поэтому сломанная балерина всегда подробно докладывала мне, как Катя себя вела, что пила, что ела.

А однажды Вика закричала дурным голосом:

- Вы посмотрите, что она делает! Она фоткает мертвого человека! Это аморально! Она прячет фотик! Вон он! Под кроватью!

Палата смотрела на Вику с интересом. Словно она им кино пересказывает. Но случались у балерины и приступы доброты, когда она делилась фруктами, конфетами, воспоминаниями:

- Девочки, я тут вспомнила: еду в метро и смеюсь. На весь вагон. Все оборачиваются на меня, думают я сумасшедшая...

Все девочки осторожно переглянулись между собой, мол, да, сумасшедшая.

- А я просто в телефоне Филатова смотрела «Про Федота-стрельца», ну и как не смеяться, когда смешно, девочки?!

Но в какой-то момент сломанная балерина исчезла, растворилась: сын взял ее на руки, мелькнул русалочий хвост, «до свидания, девочки!».

Слова у Кати совсем уже не получались, поэтому она просто помахала ей вслед: пока, Вика!..

8.

— Мы все понимаем, — скажет главврач. — Для вас это эксклюзив, эксклюзивная история, а для нас это будни, каждый день...

Это и правда было каждый день. Нас перевели в палату «для улетающих».

Смерть — это когда больничная кровать пуста и аккуратно застелена.

...Кати четыре года как нет. А мы все идем и идем с ней по Удельному парку...

Александр МЕЛИХОВ

САМЫЙ ДРАГОЦЕННЫЙ И ОПАСНЫЙ ДАР ПРОМЕТЕЯ

Хорошо было при советской власти — все было понятно: если она преследует генетику, значит, генетика хороша, если она загоняет в подполье магию и астрологию — значит, магия и астрология безупречны. Зато теперь, скептически отозвавшись о порче и сглазе, рискуешь прослыть мракобесом.

Поэтому, прежде чем вести речь дальше, спешу очиститься от самого непростительного в эпоху сплошной спиритуализации обвинения в позитивизме, склонном обожествлять материальное и проверяемое: я многожды повторял как печатно, так и непечатно, что важнейшие потребности человека — его стремление ощущать мир и себя в нем красивыми, справедливыми, защищенными и бессмертными — могут быть удовлетворены лишь в мире иллюзий. Я убежден, что история общественной мысли есть в первую очередь история общественных грез, а упадок этих грез и является главной причиной самоубийств, наркомании и немотивированной преступности.

Но вместе с тем невозможно не понимать, что для физического выживания и комфорта всем нам абсолютно необходимо предельно точное знание о реальности, то есть знание, позволяющее с предельной точностью предвидеть хотя бы наиболее важные для нас события. Извечный конфликт мечты и реальности — типичный трагический конфликт, в котором смертельно опасна победа как той, так и другой стороны. Людей, совсем не считающихся с реальностью, она безжалостно убивает, люди, видящие реальность слишком далеко и глубоко, убивают себя сами.

С тех пор как человек сделался человеком, то есть существом, способным испытывать страх перед еще только воображаемыми, отдаленными опасностями, перед ним предстали две одинаково важные, но постоянно борющиеся за первенство задачи: предвидеть будущее и примириться с результатами этого предвидения, ибо они всегда ужасны, стоит заглянуть в реальность подальше и поглубже. Человечество потратило тысячи и тысячи лет, пытаясь решать эти задачи одновременно средствами магии, — сразу познавать и утешаться — и только многие века неудач заставили наиболее мудрую

Александр Мотельевич Мелихов родился в 1947 году в городе Россошь Воронежской области. Окончил матмех ЛГУ, работал в НИИ прикладной математики при ЛГУ. Кандидат физико-математических наук. Как прозаик печатается с 1979 года. Литературный критик, публицист, зам. гл. редактора журнала «Нева». Произведения переводились на английский, венгерский, итальянский, китайский, корейский, немецкий, польский языки. Набоковская премия СП Санкт-Петербурга (1993) за роман «Исповедь еврея». Премия петербургского ПЕН-клуба (1995) за «Роман с простатитом». Премия интернет-конкурса «Тенета.ринет»-2002 в номинации «Литературные очерки, публицистика». Премия им. Гоголя от правительства Санкт-Петербурга и СП Санкт-Петербурга за роман «Чума» (2003), за роман «Интернационал дураков» (2009) и за роман «Тень отца» (2011), премия правительства Санкт-Петербурга (2006) за роман «В долине блаженных». Премия им. Гоголя за роман «Свидание с Квазимодо» (2017). Премия им. Искандера (2022), премия правительства Санкт-Петербурга (2023) и премия «Книга года» (2023) за роман «Сапфировый альбатрос». Премия им. Гончарова за роман «Тризна» (2023).

его часть отделить познание (предвидение) от утешения и отвести для каждой из этих функций собственный социальный институт: для познания — науку, для утешения — религию, искусство, социальный утопизм и некоторые другие воздушные замки в царстве грез. Несомненно, на первых порах (тоже длившихся целые века) и наука тоже оперировала мало на чем основанными фантазиями и аналогиями (алхимия сегодняшнему химику показалась бы почти полной ахинеей), но ее фундаментальное положение, отделившее ее от магии, всегда оставалось неколебимым, пока она желала оставаться пусть крайне наивной, но все-таки наукой: наука исходит из того, что все естественные процессы протекают по их собственным законам и мы должны эти законы как-то разгадать, чтобы затем ими воспользоваться, — магия же полагает, что миром правит некая воля (целые сонмища воль), на которые можно воздействовать мольбами, подкупом, послушанием, распознаванием тайных команд (паролей), которым они повинуются, другими волями (колдунов и пророков), еще более могущественными...

Словом, магия была попыткой перенести законы социальной действительности на внесоциальную природу, — именно расставание с этой химерой и было первым и едва ли не важнейшим шагом ко всем будущим «чудесам науки». Именно так: наука начинается с признания того, что в мире, кроме нас самих, никаким высшим волям до нас нет ровно никакого дела (по крайней мере, у нас нет никаких существенных средств на них воздействовать), что у природы нет любимчиков и что каждый из нас, и святой, и гений, и герой, подлежит ровно тем же законам, что и какой-нибудь червяк или булыжник. А потому сегодняшние маги пытаются поодиночке или разрозненными партизанскими соединениями взять реванш в войне, уже проигранной много веков назад могущественнейшими регулярными армиями, когда-то полностью контролировавшими весь подлунный мир. Сегодняшние шарлатаны и «добросовестно заблуждающиеся» простаки и маньяки любят защищаться тем аргументом, что ученые твердят какие-то вчерашние догматы, тогда как маги осуществляют некий новый поиск, однако дело обстоит ровно обратным образом: именно маги пытаются утверждать зады тысячелетней давности.

Поэтому те общественные силы — конфессиональные, художественные, политические, — в чьи функции входит утешение страждущих, возбуждение в них хотя бы иллюзорных надежд, имеют все основания восстать на колдунов и ворожей как на недобросовестных конкурентов: ведь все уважаемые религиозные институты и построенные на утопических основаниях политические партии (а таковыми в какой-то степени должны быть все они, дабы выдержать состязание с другими утопиями) уже давным-давно молчаливо сошлись на том, чтобы не соблазнять паству твердыми и конкретными обещаниями чудес, относя их исполнение в неопределенное будущее, а то и вовсе в какой-то иной мир, и сделали это именно потому, что с горечью убедились в невозможности воскрешения мертвецов, в невозможности гармонического сожительства львов и ланей, в невозможности исцеления неисцелимых и вообще пришествия царства божия в какие-то гарантированные и обозримые сроки. Конфессиональные и политические лидеры сделали бы весьма благое и целесообразное дело, если бы воспользовались имеющимися в их распоряжении административными ресурсами, дабы удалить с уважаемой, публичной части общественного поля арьергардные осколки давным-давно потерпевшей поражение великой армии, продолжающие использовать неконвенциональное оружие.

Подчеркиваю: не полностью и окончательно удалить их с общественного поля вон, как худую траву, но лишь из его уважаемой, публичной части — из газет, телевидения, общественных залов и площадей. Шопенгауэр когда-то очень точно назвал астрологию величайшим проявлением человеческой самонадеянности: люди мнят, что даже звездам есть дело до их разборок, — так что астрологические прогнозы в солид-

ных СМИ он наверняка бы считал национальным позором. А также сигналом всем остальным магам и пророкам: налетай, братва, наша взяла!

Разумеется, полностью защитить простаков от жуликов невозможно: как выразился один знаменитый либеральный реформатор далекого прошлого, если люди хотят избавиться от своих денег, никакой закон не сможет им в этом воспрепятствовать. Все, что мы можем для них сделать, это затруднить их обирание, — загнать наперсточников и шулеров в тараканьи закутки, а побежденных хранителей тайны и веры — в катакомбы, пустыни, пещеры. Пускай торгуют надеждами распивно, а не навывнос. Пускай слухи о творимых ими чудесах расходятся эзотерическим путем, от посвященного к посвященному, но не через объявления на газетных страницах или телеэкранах отвергнувшей их и отвергаемой ими цивилизации.

Не беспокойтесь, наиболее отчаявшиеся сумеют их отыскать и заключить договор «надежда в обмен на деньги». Для самых безнадежных договор действительно выгодный. Кое-что может дать и эффект плацебо, но главным эффектом все же чаще всего бывает обезболивающее воздействие иллюзий. Я сам наблюдал безнадежно больную женщину, которой врачи отпускали не более полугода, а знахарка гарантировала полное здоровье при условии регулярного наложения не так уж сложно приготавливаемых припарок. Они и помогли, как мертвому припарки, но зато несчастная женщина провела весь отпущенный ей срок в приятных хлопотах и надеждах, в коих, как известно, и заключался самый драгоценный дар Прометея. Не помните? Огонь и ремесла прикованный титан признавал менее ценным даром, нежели *незрячие надежды*. Дар настолько могучий, что он способен, подобно пожару, пожрать все мыслимые ремесла, если не держать его в узде. Гитлер, кстати, тоже подкреплял свой дух разными магическими выкрутасами...

И не надо путать именно что божий дар с яичницей, обещания чудес с заблуждениями и авантюрами, порождаемыми самой наукой: прежде всего, необходимость маскироваться научной терминологией типа «ген», «поле» и «энергия» уже служит серьезным ограничителем шарлатанской фантазии. Хотя, увы, и стимулом тоже... И вообще развитие науки лишь увеличивает разрыв между ее авангардом и способностью среднего человека воспринимать ее открытия — уже давно появление новых понятий лишь увеличивает количество слов, употребляемых без достаточного понимания. Но все же паранаука не запирает ворот для научной критики — главным средством борьбы ученых с изменниками в собственных рядах. Что говорить, нет в мире совершенства — контроль ученого сообщества не может полностью перекрыть дорогу мономанам и прохвостам (коих полностью разделить невозможно: Н. А. Тан-Богораз отмечал, что шаманы ухитряются сочетать самую искреннюю веру с самым бесстыдным шарлатанством), и все же паранауки, вроде марксизма, расизма, фрейдизма или лысенковщины, обретали социальную мощь лишь тогда, когда их брала на вооружение либо толпа, либо власть. Сама вознесенная на престол толпой.

Уточняя: антинаучными марксизм и фрейдизм сделались не тогда, когда выдвинули некие смелые гипотезы, а тогда, когда вместо проверки собственных принципов принялись экстенсивно распространять их на все новые и новые сферы, апеллируя к профанам. Науку же как социальный институт — именно институт, а не отдельных, хотя бы и крупных ученых — одурачить пока еще никому не удавалось: свои заблуждения она всегда замечала и отвергала раньше всех. Ученые как избранный народ имеют массу пороков — главным образом, склонностью к редукционизму: теплофизик считает человека двигателем внутреннего сгорания, зоолог видит в человеческом обществе обезьянье стадо, математик пытается найти аксиомы справедливости...

И все же для поисков наиболее достоверного знания у человечества, увы, нет другого инструмента.

Виктор КОСТЕЦКИЙ

ЭСТЕТИКА УЛИЦЫ В РАННЕЙ АНТИЧНОСТИ: истоки западной философии

Начало — половина дела.

Платон

...А хорошее начало — больше
половины дела.

Аристотель

Так называемая «философия Древнего Востока» не возникает на улице. Место ее появления — это монастыри и придворные апартаменты. Истоки западной философии не имеют никакого отношения к жречеству и дворцовой жизни. То, что называют «античной наукой» и «античной философией», возникает именно на улице, только «улица» в античном полисе не сводилась к проезжей части.

В русском языке, например, «улица» означает свободное пространство между рядами домов «лицом друг к другу». Это не переулок, не закуток, не площадь, не тупик. С другой стороны, улица означает «вне дома»; дети говорят: «пошел на улицу». В древнегреческом языке улица (обос) тоже означает «выйти за порог» (οὐδός — порог); улица одноименна с дорогой, точнее, с городской дорогой. Но поселение под названием «полис» является не простым городом, и дороги там тоже не просто дороги. В полисе дороги по своему возникновению и содержанию являются «дорогами к своему дому». В выражении «свой дом» надо чувствовать очарование. Это не квартира, не съемное жилье, не халупа, — а материальное право на гражданскую и семейную благодать.

Слово «дом» в таких языках, как русский, древнегреческий и санскрит, звучит почти одинаково: «дома» в санскрите, «домос» в древнегреческом. Во всех трех языках слово дом имеет двойное значение: 1) жилище; 2) проживание семей. В полисе дом стал чаще называться «экос» («ойкос» в другом произношении) — как жилой дом-фабрика на одну семью. В экосе уже нет «семейного уюта»: на первом месте производство и экономика. Аналогично в русском языке: два значения слова «дом» все больше расходятся: дом как любое здание; дом как семейный уют.

Надо понимать, что в античном полисе (городе-государстве) феномен семейного уюта исчезал в экосе, но появлялся на «дороге к своему дому». Смысл уюта обретался не в доме-экосе как частной собственности одной семьи, а в «дороге к своему дому». В современной философской литературе оскомину набилло понятие «агоры» (площади). Площадь в античном городе возникла из пустыря на пересечении дорог и архи-

Виктор Валентинович Костецкий — доктор философских наук, профессор. Родился в 1955 году на Крайнем Севере, учился в Ленинграде, жил и работал в Сибири. С 2000 года преподает в разных вузах Санкт-Петербурга, в настоящее время — профессор Академии художеств.

тектурно оформилась в довольно поздний период античной цивилизации. Изначально и долгое время агора — это пустырь, базар, рынок, ярмарка, сходка, судилище, отнюдь не место для философии и науки. Иное дело улица как «дорога к дому», причем с учетом всей метафоричности этого выражения.

Когда археологи делают раскопки античных городов, они мечтают о дворцах и храмах. По отношению к ранним цивилизациям это уместно. Во втором тысячелетии до нашей эры на Крите и в Аттике действительно существовали дворцы и храмы. Но после ряда землетрясений, после Троянской войны почти на пять столетий дворцовые цивилизации исчезли, территории пришли в запустение. Лишь к VIII веку до н. э. стали оформляться новые поселения: но без дворцов, храмов, мазанок и землянок. Город застраивался «средним классом»: у всех капитальный дом на одну мастеровую семью. Новые поселенцы для своего постоянного обитания выбирали странный ландшафт: не берега рек и морей, не горы или долины, не степи или лесные равнины. Поселенцев привлекала исключительно мелкохолмистая территория с укромным выходом к морю. Туристы могут иметь представление о ландшафте полиса по Афинам и Риму.

Освоение территории начиналось одновременно с верхушек холмов. На холме силою одной семьи возводилось каменное домостроение (материал песчаник) в двух уровнях с закрытым внутренним двориком. Иногда говорят «с домом вокруг двора». Первый этаж использовался для производства одного вида товара силами самой семьи, второй отводился под жилье. Семья включала в себя не родственников (приживальцев), которые жили в рабочей (служебной) зоне, отчего сформировалось античное представление о «рабах» (без уничижительного значения). На момент формирования поселений нового типа существовал только один тип «рабства» — приживальцы, например, жертвы кораблерушений, беженцы. Историки называют это «домашним рабством». Довольно примечательно, что в поэмах Гомера о рабстве не упоминается; есть только «служанки», реже «слуги». Изначально античное «рабство» было формой гуманизма: человека приютили; он, естественно, не ел свой хлеб даром; но и в свои жилые покои его ночевать не пускали. В истории человечества всегда были «формы зависимости», среди которых очень немногие можно отнести к рабству, хотя в метафорическом плане — все.

Слова «домос» и «экос» почти синонимии, но для культуры имеют значение их отличия. Домос ориентирован на уют домашнего очага и теплоту родственных отношений, поэтому домос украшается изнутри всеми доступными средствами: коврики, мебель, игрушки, памятные дары, красивая утварь. Иначе в экосе: это фабрика, ночлег, харчевня. Экос изнутри не украшается, в интерьер не вкладываются деньги. Экос украшается снаружи, причем не ради строения; у экоса на вершине холма четыре фасадных стены — и все они видны с дороги. Дома в античном полисе раскрашивали не менее ярко, броско, кричаще, чем современные рекламы.

Дорога к своему дому, часто не в единственном экземпляре, приобретает не только важное хозяйственное значение, но и конкретно-символическое: это торговая марка, престиж, политический вес домовладельцев («демоса»). Экономика экоса, основанная на семейной рабочей силе, да еще при отсутствии конкуренции (на основе договорных отношений), приносила весьма ощутимый доход. Сложилась практика большую часть финансов вкладывать в «дорогу к своему дому»: лестницы, портики, балюстрады, зеленые ограждения. Естественным образом город превращался в парк.

Улица — в широком культурологическом значении — существенно зависит от климата и погоды. При иных погодно-климатических условиях улица при самом лучшем благоустройстве может оказаться необитаемой. Не так было в Северном Средиземно-

морье. К вечернему моциону даже в самые жаркие месяцы наступала прохлада. Трудовые будни «семейного подряда» заканчивались, и наступало время досуга: облачение в наряды и мерный проминад («перипатос») от холма до холма по пологим мраморным мощениям. Как пронцательнo отмечал О. Шпенглер, «любая античная этика есть этика осанки» [Шпенглер, 1993. с. 531]. Улица была тем местом, где осанка была не выправкой, а присягой горожан добродетели и гражданству своего отечества.

Античная улица всем располагала к досуговому общению (в отличие, кстати, от агоры). Кроме обычной соседской болтовни, сложилась практика на ходу слушать рассказы путешественников: о войнах, болезнях, праздниках, религиях, о животных и растениях, об обычаях у разных народов. Каждый вечер новые люди рассказывали новые истории и несли новые знания. Тогда и сложился «образовательный досуг» («схолэ») — своего рода школа на свежем воздухе в свободное время.

Неудивительно, что новая форма поселения у самих поселенцев вызывала восторг, оборотной стороной которого явился всенародный патриотизм. Между тем гражданское общество имело свою «ахиллесову» пята: кризис семьи в условиях товарного семейного производства. М. Вебер с полным основанием мог называть тип хозяйствования в экосе «античным капитализмом», который со временем выродился в рабовладение. Классики марксизма, предлагая «учение о формациях», недостаточно знали раннюю историю Европы, а частично и вовсе не знали ее, особенно древнюю. При семейном товарном производстве «рабочей силой» становятся дети: чем их больше, тем лучше. Дети заводятся бесплатно, работают за еду; ребенка часто сдавали работником в аренду соседу на три года. Из семьи стали устраниваться родственные отношения. Детей заводили, чтобы они работали, подростки ждали наследства. Оборотной стороной семейного финансового благополучия стал кризис семьи. Как писал Геродот: «Больше не будет меж братьев любви, как бывало когда-то, старых родителей скоро совсем почитать перестанут <...> Правду заменит кулак <...> Где сила, там будет и правда <...> Стыд пропадет» [Античная литература, 1989, с. 63].

Право (если не долг!) быть богатым в родном городе никто не отменял, но возникла проблема совмещения этого права с нравственностью. Первый философский вопрос западной цивилизации возник еще до появления западной философии: это вопрос о совмещении богатства и нравственности — в сфере воспитания детей и взрослых. Полис в античной цивилизации был не просто городом в экономико-политическом значении, но всегда был городом с принудительным воспитанием детей и взрослых. Об успехах такого воспитания свидетельствует тот факт, что богатые жили скромно, старательно избегая роскоши и даже впадая в аскезу.

Ответ на философский вопрос о воспитании дала улица. Появились рассказчики, которые одновременно были богатыми и нравственными, а с появлением законов государства еще и законопослушными. По их примеру сформировался идеал горожанина (гражданина, у римлян «цивитас»): надо быть одновременно богатым, нравственным и законопослушным. Ушлым в практических делах грекам было понятно, что это невозможно: богатым трудно оставаться нравственными и законопослушными; нравственным труднее разбогатеть и легче оказаться под судом. Людей, способных представлять идеал нации в форме «богатый, нравственный, законопослушный» стали называть «софосами» (мудрецами); их было меньше, чем городов в Элладе, а в некоторых городках и странах не бывало никогда.

Первый этап античной философии, подготовительный, получил название «эпоха семи мудрецов». Софосы гуляли по улицам в часы «образованного досуга» и вели беседы на тему «лучше потеря, чем дурная прибыль», «жадный всегда беден», «ничего сверх меры». Даже богатым надо быть не сверх меры, и доброте есть предел. Пока-

зателен совет Солона, обращенный в закон: «Кто выколет глаз одноглазому, тому выколоть оба» (мораль: живешь рядом с одноглазым, даже в ссоре будь внимательным). Античная педагогика зывала к мудрости. Софосы оказали влияние на формирование писаных законов и возникновение правового государства на основе принципа разделения властей (реформатор Солон сам был известен в качестве софоса). Софосы привили горожанам «любовь к мудрости» еще до появления собственно «философии». Довольно забавно, что в русской культуре нет понятия «мудрость». Слово «мудрец» звучит или архаично, или иронично. В античном полисе «мудрец» означало такого человека, которому удавалось одновременно быть богатым, нравственным и законопослушным, о чем я писал четверть века назад [Костецкий, 2000] без надежды быть услышанным. В стране тысячами издавались учебники с сентенциями типа «философия — это мировоззренческое мышление или мыслящее мировоззрение» [Чанышев, 1981, с. 25], «античная философия в целом — философия рабовладельческого общества» [с. 123]. О софосах не вспоминали.

Советы софосов передавались из уст в уста в виде коротких изречений («гномов»); позднее римляне называли гномы сентенциями. Одна из сентенций имела особое значение, в качестве принципа: «Жить надо по природе». Дело в том, что в правовом государстве надо соблюдать законы, но чем определяется справедливость законов? Законы создаются людьми, людям свойственно ошибаться: даже нравы могут быть вредными, равно как экономический рост. В качестве общей меры нравственности, правопорядка и коммерческого успеха софосы потребовали обращения к «природе» («фюсис»).

В культуре «перипатоса» возникла новая плеяда рассказчиков, получивших название «физиологи» (говорящие о природе). Тема «О природе» оказалась востребованной, в том числе по причине изрядной доли остроумия в доводах рассказчиков. Например, все видят, что линия горизонта имеет вид дуги. Варианты: земля — это диск; земля — цилиндр; земля — это шар. В рассказах появляются факты наблюдений, выдвигаются гипотезы, приводятся аргументы — и все это на улице, на виду всех гуляющих. Античная наука зарождалась в форме интеллектуального озорства, родственного в культурном отношении загадкам и шарадам Древнего Востока. Никакого отношения к рационализации мифов, к десакрализации мировоззрения, к трудному пути «от мифа к логосу», к рефлексии над астрономией и математикой Вавилона наука античности не имела. Первоначально науку даже к «знанию» не относили, не то что к «мудрости». Фалеса отнесли к софосам не за тезис «все есть вода», а за умение наживать богатство, не вступая в противоречие с нравственностью (известная история с оливковыми маслобойнями). Предсказание солнечного затмения лишь укрепило авторитет Фалеса как софоса. Об остроумии Фалеса, сопряженного с трагическим миропониманием, история не забыла сохранить свидетельство. На вопрос, почему он не заводит детей (это же выгодно!), Фалес ответил кратко: «Потому, что люблю их». «За что благодарен судьбе? — За то, что человек, а не животное; за то, что эллин, а не варвар; за то, что мужчина, а не женщина».

Можно сказать, что физиологи (натурфилософы), в отличие от софосов, со своей задачей «понять природу» при всем обилии попыток не справились. Чем больше вникали в тезис «надо жить по природе», тем меньше понимали природу. В итоге, уже после Сократа, пришли к выводу, что природа распознается через человека, а не через звезды, моря, флору и фауну. С возникновением христианства в философии возник тезис, прямо противоположный мудрости софосов: «Не надо жить по природе!» Надо жить по духу.

В XVIII веке в русле эпохи Просвещения стали появляться книги с попыткой дать систематическое изложение греческой философии; обзор работ представлен Э. Целле-

ром [Целлер, 1996, с. 15–20]. Естественно, что авторы монографий увязали возникновение западной философии с научными прожектками физиологов, начав с Фалеса. В силу колоссальной филологической и исторической эрудиции немецких авторов не мог не возникнуть вопрос «о предпосылках античной философии». Неожиданно вопрос при всех усилиях оказался неподъемным.

Проблема в том, что все социально-экономические, культурные факторы повторялись в разные времена и по всему миру неоднократно, но западная философия возникла лишь однажды и только в Элладе. Рим, во многих отношениях повторяя культуру Эллады, философию вынужден был заимствовать. Столетние усилия многоопытных и эрудированных историков философии закончились признанием Э. Ренана: возникновение западной философии есть «греческое чудо». Сверхталантливый народ, сверхблагоприятные ландшафт и климат, сверхуникальная организация города — вот и «греческое чудо». Собственно, и Э. Целлер склоняется к тому, что с этим должно согласиться. «Подлинные причины возникновения греческой философии, — писал он, — заключаются в счастливой одаренности греческого народа, в возбуждающем действии на него его географического положения и истории...» [Целлер, 1996, с. 23]. Другой его современник, известный антиковед Т. Гомперц придавал особое значение колонизации: «Решающее влияние на судьбы духовной жизни Греции оказали, однако же, колонии <...> Колонии были как бы огромными „опытными полями“ эллинского духа, на которых он мог испытывать свои способности при наибольшем разнообразии условий и развивать все дремлющие в нем задатки» [Гомперц, 1999, с. 9–11].

Надо заметить, что столетие спустя после Целлера и Гомперца ситуация в исторической науке мало изменилась: те же переливы «от мифа к логосу», те же «мифогенные» и «гносеогенные» гипотезы, апелляции к разложению родового строя, отсылы к рефлексии и рационализации мышления. Не ново, не оригинально, не убедительно. Что касается России, то она шла в русле немецкого антиковедения, не делая ни шага вперед. Останавливаться на мнениях А. Ф. Лосева или В. Ф. Асмуса и даже работ, вроде специально посвященных этому вопросу [Донских, Кочергин, 1993], не имеет смысла.

Французский филолог и историк Ж.-П. Вернан в 1962 году издал трактат «Происхождение древнегреческой мысли», начав издаেকে — с крито-микенской цивилизации. Далее, как всегда, «темные века» (пять столетий), миграции племен, переселенцы, колонизации, — в итоге все свелось к пресловутой «рационализации» (жизни и мышления). В «Заключении» своего трактата Вернан писал: «Становление полиса, рождение философии — весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления» [Вернан, 1988, с. 156]. По непонятным причинам французский автор для выяснения «происхождения древнегреческой мысли» прибегает к подробному разбору крито-микенской цивилизации, что совершенно бесполезно для понимания истоков античной философии. С другой стороны, Ж.-П. Вернан не обращает внимания на то, почему переселенцы, в среде которых и возникла философия, для полиса выбирали мелкохолмистую местность, в каком порядке шла застройка холмов: сверху вниз или снизу вверх; городская застройка начиналась с центральной площади или ею заканчивалась, чем экос отличается от домоса, какими были внутрисемейные отношения и почему «рабам» доверяли покупку ювелирных украшений при самостоятельной поездке в другой город. Культурологические подробности, безусловно, возвращают историческим мыслям конкретность, и, должен признаться, я благодарен Вернану за сам ход мыслей.

Складывается впечатление, что у историков нет понимания того, что в «эпоху архайки» миграции населения часто носили не этнический («родо-племенной»), а сослов-

ный характер. Например, мигрирует военная аристократия — возникает «дворцовая культура»: дворец, армия, ремесленники, сельские окраины цитадели. Мигрирует после крупного военного поражения часть армии — возникает «культура казачества»: военизированные деревни и хутора на основе местного поселения (и местных женщин). Точно так же возможна массовая миграция ремесленников в так называемые «медвежьих углы» (в европейском средневековье). Поселения мигрировавших ремесленников обязательно образуют особый тип поселения под названием «полис», — неважно, будет ли он за бугром («бурги» в эпоху феодализма) или на холме (античность). Античные «полисы» в эпоху архаики (времена Гомера и Гесиода) образовались в результате массового переселения ремесленников со своими кузницами, сыроварнями, маслобойнями, ткацкими станками. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Древней Греции жильем стал не домос, а экос — дом на одну мастерскую семью.

В процессе сословной миграции возникает такая закономерность: культура переселенцев на свободных территориях повышается до уровня более высоких сословий. Так, рабы при миграции становятся рабовладельцами (как минимум, по своей психологии и тяге к роскоши), вассалы — сеньорами, пролетарии — капиталистами, холопы — шляхтой. Так было и в развитом европейском средневековье, когда купеческие «цеха», «гильдии» обзаводились рыцарскими штандартами, эмблемами, пирушками, корпоративным образом жизни. Купцы ощущали себя рыцарями. Аналогичным образом в античном полисе мастерские домовладельцы позиционировали себя не подневольным мастерским сословием, а суверенными «басилеями» (царьками).

В результате массовой миграции мастерского населения на свободные территории экономика стала «капиталистической», а культура «аристократической» (как бы «дворцовой»). Свободная территория (не предполагающая значительного сопротивления) сама по себе вызывает «пассионарность», энтузиазм. Философы, нагруженные «материалистическим пониманием истории», отказываются верить в капитализм «темных веков» (а он был), равно как в аристократизм вне дворцовых культур. Историки, в свою очередь, довольно вздорно понимают динамику образования полиса в качестве «разложения родового строя», «утрату патриархальных традиций». Антиковеды, вторя историкам, изобретают свои формулы типа «от мифа к логосу», довольствуясь красотой этой фразы.

Соседние народы, окружающие полисы Эллады, все без исключения были тоже «переселенцами», только из разных сословий. Македония на севере и Персия на юго-востоке были «дворцовыми цивилизациями»; Фракия на северо-востоке тяготела к «казачеству»; по островам хозяйничали переселенцы-пираты со своей субкультурой в виде городков, мастерских, питейных заведений. Рано или поздно сословная культура переселенцев становилась традиционной: появлялись свои формы хозяйствования, традиции досуга, культ, формы искусства. Что-то становилось типичным и затем повторялось в истории «архетипами». Например, пиратство воспроизводится в любой цивилизации, как и деспотии с яркой дворцовой культурой по типу Древнего Востока. Повторяемость типов жизни О. Шпенглер называл «морфологией мировой истории». Эллинские «полисы» тоже повторялись в истории, начиная с Древнего Рима и кончая «городами-коммунами» Европы, породившими бюргерство (буржуазию — во французской транскрипции).

В разных типах культуры типы поселения были разными, разными были и «улицы». В дворцовых культурах вряд ли можно вообще говорить о существовании такого понятия: внутри цитадели нет улиц, это скорее «коридоры»; среди трущоб за пределами дворцов улицы более напоминают «проходы». В казачьих станицах улица тоже понятие условное: проезжая часть между домами, никак не оформленная. В городах

Европы и Востока улица предполагает не только проход и проезд, но и наличие магазинов, лавок, мастерских. В античном полисе у улицы своя специфика — «дорога к своему дому», в которую семья вкладывает большую часть своих доходов. Это именно тот элемент культуры «полиса», который привел к феномену «схолэ» (образованного досуга — публичного, открытого, на свежем воздухе, в нарядных одеждах), без которого феномен философии (в ее западном варианте) никогда бы не состоялся.

Довольно показательно, что вся философская деятельность Сократа проходила на свежем воздухе, на улицах. В диалогах Платона в качестве обычной завязки сюжета фигурирует рассказ о том, что кто-то кого-то встретил на улице. Философствовать в закрытом помещении, даже в условиях вечерней пирушки друзей («симпосиума»), было не принято. Платон организовал свою школу на спортивной площадке вокруг статуи Аккада, Аристотель тоже выбрал себе парк вокруг статуи Аполлона Ликейского; еще одна крупнейшая философская школа Зенона-стоика возникла в галереях портика Пестрого (в росписях Полигнота). Одна из причин «уличного» источника философии связана с тем, что улицы были благоустроеннее интерьера зданий, не говоря уже о доступности, публичности, зрелищности всех бесед. Улица, особенно с учетом портиков, была, по сути, одновременно сценой, кафедрой и даже частью домашнего интерьера.

В теории культуры существует понятие «сакральное пространство». Им может быть храм, а может быть кладбище. Может быть спальня или, напротив, кухня. Может быть кабинет, гостиная, а может быть тюрьма или военный плац. В античном полисе таким «сакральным пространством» была улица. Улица была не только «видовой» — с организованным видом на окрестности, — но сама была той выставкой, на которую экспонатами являли себя граждане полиса. Принято было «видеть друг друга насквозь»: по осанке, по жестам, по одежде, по взгляду, по разговору. Формировалась культура пронизательности, характерная изначально для придворного общества. Улица регулировала нюансы поведения и чувственности, без которых эстетика «изящных искусств» вообще невозможна. Улица приучала не только смотреть, но и видеть: замечать малейшие детали, читать чужие мысли, видеть невидимое. В какой-то степени улица приучала к выставке, еще до появления самих выставок и даже изящных искусств.

Довольно странно, что во всей исторической литературе «улица» в античном городе как будто не существует; все разговоры об «агоре». Даже такой внимательный исследователь античности, как Вл. Татаркевич, улице не уделяет никакого внимания [Татаркевич, 1977]. Казалось бы, для уяснения исторических деталей было бы резонным обратиться к истории и трудам историков. Однако там ждет конфуз. Историки не уделяют внимания не только улице, но и дому. Они не знают различия экоса и домоса. Например, один из авторов многотомной «Истории Европы» походя изобретает странную конструкцию — «аристократический ойкос» [Андреев, 1988, с. 227], видимо, понимая под ойкосом «дом вообще». Но ойкос (экос) — не дом вообще, а дом, совмещающий жилье с мастерской. И ничего «аристократического» в таком доме быть не может. В той же главе исторической энциклопедии под названием «Архаическая Греция» автор объясняет о двух противоречащих формах раннегреческого полиса: один в Афинах, другой в Спарте. «Причем, — уточняет он, — мы не должны упускать из виду то общее между ними, что позволяет считать их двумя разновидностями одного и того же типа государства, а именно полиса» [там же, с. 253]. О том, что в Спарте не было «ойкосов», без которых нет и «полиса», автору не приходилось задумываться. И это неудивительно: «В роли основного градообразующего элемента, — пишет ученый историк, — выступало свободное крестьянство» [там же, с. 241]. Возникает вопрос: весь город-полис занят ремеслом в расчете на рынок, а населяют его «крестьяне»? Следующее «уточнение» тоже обескураживает: «Сам город мыслился греками

в первую очередь как политический (административный), военный и религиозный центр государства...» [там же, с. 241]. Но город — не центр государства, а само государство. Более того, государством в определенной мере является каждое домовладение, так что поселение, состоящее из домовладений, есть нечто подобное конфедерации или империи. Сельские окраины полиса вполне можно назвать римским термином «провинция», то есть «завоевание».

Историки, конечно, замечают, что крито-микенская цивилизация — это один тип цивилизации, а Эллада после архаического периода (XII—IX вв.) — другой. Все «объяснения» появления цивилизации другого типа у историков сводятся к «появлению железа» (X в. до н. э.), «великой колонизации» (VIII—VII вв.) и «разложению патриархально-родового строя». Хорошо, что у медиков такого рода «объяснения» остались в прошлом: у больного температура, потому что он заболел.

Конечно, историки философии вынуждены обращаться к истории, археологии, лингвистике, филологии, — только само состояние этих наук очень часто приводит к разочарованию. Иногда история философии начинает идти на поводу конкретных наук. Тогда появляются однообразные заявления о происхождении западной философии: «греческое чудо», «переход от мифа к логосу», «зарождение науки», «рационализация мышления», «секуляризация», «колонизация». Как будто после всего набора «факторов» до философии остается один шаг.

Конечно, набор уникальных факторов имел место: и климат, и изрезанность береговой линии, и колонизация, и наличие письменности — да мало ли что еще. Но вопрос о происхождении западной философии не сводится к «влияниям», а стоит жестко: почему в некоторых странах философия не возникает никогда? Почему в некоторые исторические эпохи философия не возникает ни у кого? Почему, наконец, в числе оригинальных философов никогда не бывает женщин (что не исключает их философской эрудиции)? Почему философия западного типа возникла лишь в одной стране (Элладе), лишь в определенный период (VII—VI вв. до н. э.) и далее лишь распространяется подобно диффузии культуры по другим временам и странам?

Конечно, идея связать истоки западной философии со спецификой «полиса» совершенно оправданна, только ее вряд ли следует заполнять абстрактными фактами. Факты нужны, но совсем другого рода. Когда О. Шпенглер утверждает, что «античная этика была этикой осанки», — это факт, но не музейный и не археологический. Об этом факте говорят все пластические искусства античности. Точно так же О. Шпенглер заявляет: «Дом — наиболее чистое выражение расы из всех, какие только бывают» [Шпенглер, 2009, с. 155]. Факт состоит в том, что дом не сводится к зданию. Дом может быть даже «домом на колесах», «машиной для жилья» (Л. Корбюзье), руинами, халупами, улицей — человек не может жить без «своего дома».

О том, сколь трепетным было отношение горожан в полисе к своему дому, красноречиво свидетельствует Ксенофонт, современник Сократа (и спасенный им во время боев). Оказавшись в изгнании и став писателем, Ксенофонт оставил потомкам не только «Воспоминания о Сократе», но и трактат «Домострой». По ходу повествования Сократ желает лично увидеться с человеком, которого характеризовали «прекрасным и хорошим человеком». Таким оказался домовладелец по имени Исхомах. В его домовладении все идеально, все вещи на своих местах, даже любимая жена нравится без белил и румян. Домохозяйка, муж и жена, сознательно заняты физическими работами: и делу полезно, и здоровью. Слуги помогают по хозяйству, исполняют работы — хозяйка не забывает их похвалить и наградить за аккуратность и исполнительность. Домовладелец любит собак и лошадей, любит выезжать за город смотреть за полевыми работами, очень нахваливает труд на земле. И доход, и здоровью полезно. Сократ:

«Клянусь Герой, Исхомах, сказал я, мне нравится твой образ жизни: такое одновременное сочетание способов для укрепления здоровья и силы с военными упражнениями и работами о богатстве — все это, по-моему, восхитительно» [Ксенофонт, 1993, с. 235].

Дом, город, цивилизация связаны между собой, и это тоже факт. Архетип городов Древнего Востока ясен: город возникает вокруг храма, на равнине, на искусственном холме. Храм окружается крепостными стенами, во дворе строится дворец с «мегагоном». За пределами цитадели хаотичная застройка «временного жилья», сквозь которую при необходимости прокладывают прямые улицы. К краям улицы пристраиваются торговые лавки. Появляется «знать» — население цитадели, часть которого никогда не покидает дворца.

В Элладѣ ойкос (экос) возникает в результате миграции не крестьян, не заблудившихся воинов, не в результате завоевания новых территорий тем или иным деспотом, а в результате переселения на свободные территории ремесленного населения вместе со своими семьями. Экос и полис семейны по существу, но не в результате «патриархальных отношений родового строя». Архитектура экоса предзадана не предыдущими формами жилья, а символом цитадели: дом-крепость на горе (в другой исторической эпохе тем же символом станет замок). Но мастерская на горе не практична из-за логистики. Возникает архитектурно-экономический компромисс: свой каменный дом (с внутренним двориком) на холме. Не дворец, но каменный дом; не гора, так холм. Домовладелец вполне может позиционировать себя в качестве «басилея» («царька») с соответствующими функциями военного вождя (главы домашнего ополчения), священнослужителя и хозяйственника.

Античный город возникает на холмах и застраивается сверху вниз; между холмами никто строиться не желает по символическим соображениям — так на пустыре возникает «агора» (у эллинов) и «форум» (у римлян). Каждый домовладелец ощущает свое домовладение в качестве собственного государства, заключая с соседними домами-государствами письменные договоры. Грамотность в полисе становится всеобщей. Полис — городское поселение ремесленников, поэтому в каждом доме специализированная мастерская, что делает неизбежным существование рынка и товарного производства на продажу. Поэтому в полисе возникает особый экономический уклад, который уместно называть «античным капитализмом».

Насколько эффективным был античный капитализм, могут свидетельствовать такие факты. Кредит был доступным всем домовладельцам, исходя из ста и более процентов годовых. Товаропроизводители были монополистами в пределах полиса. Рабочей силой при «семейном подряде» являлись дети. Ребенка можно было сдавать в аренду в счет погашения кредита: по одному из законов «не больше чем на три года». Не без цинизма действовало правило «Деньги делают человека». Рабства на момент возникновения полисов не существовало, но в перспективе оно было неизбежным.

Возникновение «эпохи семи мудрецов» совершенно понятно с точки зрения того, что такое экос и полис, одос (улица) и схолэ (досуг) в их конкретном и специфичном наполнении. Но начало античной философии связывают не с мудростью, а с «физикой» («физиологией» — слово о природе). Все учения «о природе» вписывались в терминологию ремесленной мастерской — стоит ли этому удивляться? Полисы, в которых появлялись «физиологи», были городами, собранными из мастерских. Удивительно не ремесленное содержание первых «философских учений о природе», а сам факт того, что мастерской люд, включая домовладельцев, посмел выдвинуть свое понимание мира (пусть сколь угодно ущербное). Учения Фалеса, Анаксимандра, Гераклита не столько учения, сколько манифесты с требованием понимать природу по аналогии с мастерской, без обращения к преданиям. Надо признать, что манифесты нравились

публике, вызывали живой интерес на протяжении пары столетий. Со временем амбициозные манифесты «натурфилософов» трансформировались в «учения» со своей аргументацией, наблюдениями, пояснениями, принимая тем самым вид науки (аналогичным образом в средневековых университетах сложилось богословие). Таковы, например, учения об атомах Левкиппа и Демокрита, апории Зенона Элейского, «музыка небесных сфер» Пифагора.

Что было «философского» в учениях натурфилософов, так это дерзость. При своем возникновении западная философия не придерживалась девиза «Один за всех, и все за одного». Скорее, девизом было обратное: «Один против всех, потому что прав». Важен не спор ради спора, и даже не победа в споре, а правота за счет вскрытия ложности популярных взглядов. Первые натурфилософы выдвигали концепции, ложность которых вскрывали друг у друга. В этом, между прочим, был момент шоу, «веселой науки».

До Сократа античная философия колебалась между шоу и наукой; софистика лишь зафиксировала этот момент. Сократ, типично «уличный» философ, своей «иронией» придал всей западной философии серьезный характер. Серьезность состояла в обнаружении того, что художники не знают, что такое красота; музыканты не знают, что такое музыка; врачи не знают, что такое здоровье; педагоги не знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Всем взрослым людям хватает навыков и опыта, но не хватает проницательности; обидно это или смешно, каждый решает сам. Сократ изобрел простой путь в глубину понимания: надо взять слово и попытаться его «определить». Оказалось, что сделать это чаще всего не просто: слова ускользают от определения.

Античная философия «классического периода» (Сократ, Платон, Аристотель) под «мудростью» понимает умение раскрывать в словах знания. Уместно провести такую аналогию: люди принимают пищу — они знают, что едят? Люди называют продукты, знают названия блюд, различают съедобное и несъедобное, но могут ничего не знать о витаминах, жирах, углеводах. Человеческий опыт аккумулирован в языке, но переход от слов к знанию требует особых усилий, чему призвана способствовать философия. Классическая античная философия привела к возникновению «науки логики», а с опорой на логику философия приобрела строгий характер и затребовала знаний, которые стали «наукой».

Естественно, что логика применима к терминологии из разных сфер жизни: к военному искусству, к медицине, к литературе, к повседневной жизни, — поэтому посредством логики классическая античная философия приобрела универсальный характер. В каждой сфере деятельности есть своя терминология: у военных своя, у медиков своя, у политиков своя, у физиков своя. При логическом подходе к профессиональной терминологии появляются соответствующие разделы: философия войны, философия здоровья, философия политики, философия науки, философия искусства.

Чтобы не перечислять разные направления философской мысли, иногда используют выражение «мировоззрение», оговаривая, что это мировоззрение не повседневное. Является ли философское мировоззрение «научным»? Этот вопрос лишен смысла. Философское мировоззрение является философским. Это означает, что профессиональная терминология любого знания, включая научное, подвержена логическому анализу. Естественно, что профессиональные термины в любой науке логически связаны между собой (формулами, принципами, классификациями), однако эти связи всегда не полны, а все определения терминов в конечном счете определяются друг через друга. Когда логический анализ вскрывает алогичность профессиональной терминологии, он называется «метафизикой».

Как выглядел метафизический анализ во времена античной философии, можно показать на таких примерах. Например, деньги: в быту это «богатство», у экономистов «особый товар». Метафизически деньги — это орудие при активной позиции гражданина в городе. Житель деревни может быть активным без денег, житель города не может. Из этого можно сделать много выводов, в том числе такой: если активность горожан направлена на процветание города, им нужны деньги (кредиты, фонды); если не направлена, они им не нужны (налоги). Другой метафизический пример: частная собственность — это не вещи, а отношения между людьми по поводу вещей (Аристотель). Точно так же в математике: числа — это не количество вещей при счете, а отношения: равенства, неравенства, превышения, обращения. Например, на чашах весов приравниваются друг другу и вступают в отношения совершенно разные вещи. Многие виды чисел возникают в результате «обратных отношений». Так, если из меньшего числа вычитать большее, возникают «отрицательные числа». А если извлечь корень квадратный из числа два, то возникнет иррациональное число без строгой величины. Математическая терминология требует значительных метафизических рассуждений. Метафизика профессиональной терминологии не является теорией, но она требует перехода от опытных знаний к теоретическим. По этой причине математика Евклида или Архимеда стала возможной после метафизики Аристотеля, то есть применения логики к профессиональной терминологии.

Когда речь заходит о логике, возникает искушение объявить о рационализации, о переходе от мифа к логосу. Но история науки свидетельствует о другом. С XII века в Европе стали возникать университеты, где наряду с философией, медициной и юриспруденцией ввели «науки о Боге» и открыли богословский факультет. Богословы точно так же, как античные натурфилософы, были не лишены юмора: «Может ли Бог создать такой большой камень, что сам не сможет поднять?» Университетские богословы столетиями творили мифологию Абсолюта с субстанциями и акциденциями, модусами и атрибутами, интенциями и ипостасями. Богословие по методу (логика) — наука, по предмету — миф.

Возникновение логики в разные времена и в разных странах не редкость. Применение разное. Можно строго логически строить мифы или математические теории. Можно саму математику выстроить логически. Можно естествознание излагать математически. В античный период западной философии логику обратили друг против друга. Сначала это было забавно, потом полезно. Ирония Сократа не была дружеской, не была лицеприятной и комплиментарной. Это само по себе не соответствует, например, индийской этике: не говори правду, если она неприятна; не говори приятное, если это неправда; говори правду, когда она приятна. Для западной философии характерна, как я уже сказал, дерзость: не знаешь — не говори; знаешь правду — не молчи. Позднее Данте добавит: «Следуй своей дорогой, пусть люди говорят что угодно». На этом пути были жертвы, начиная с Сократа.

Сравнивать философию Запада и Востока не очень уместно, особенно с точки зрения их истоков. На Востоке вся философия существует в качестве обновления традиций, традиционного знания по цепи ученической преемственности. Традиции восходят к «откровениям», к пророкам — в традициях много правды. Времена, народы, языки меняются, скрывая правду откровений. На Востоке мудрые ей внимают и к ней возвращаются. В западной философии такая позиция называется «теософией» и известна со времен Пифагора. Если бы западная философия возникала среди аристократии придворного общества, она обязательно бы нашла себя в теософии (например, масонство), но западная философия возникла среди ремесленного люда с правами домохо-

зяев, в городе мастеров. Ксенофонт считает величайшими добродетелями, когда жена богатого домовладельца учит слуг ткать на станке, сама хлопает половички, подает пример аккуратности и рачительности, а домовладелец организует производство товаров на продажу и сам сажает деревья в собственных садах. Такими были горожане той эпохи в своем большинстве. Им нравилось жить в своем доме в здоровом климате, трудиться, богатеть «не по дням, а по часам», общаться с равными себе соседями и сообща решать проблемы водопровода и обороны. Кризис семьи оборвал идиллию, жадность до денег смела патриотизм. Спасла улица: встречались, обсуждали, горевали, смеялись. Потом принимали сообща решения. Философия, наука, искусства появлялись по случаю, но замечались, приветствовались и вдруг становились обязательной культурой.

Обычно у всех народов другая ситуация: неумение оценить любое мастерство, хоть малое, хоть большое. Вот типичная ситуация российской повседневности:

Я написал стих.
«Не Пушкин», — мне говорят.
Я наиграл сонет —
«Ты совсем не Башмет».
Я ходил на этюды
И написал полотно.
«Уймись, — мне говорят, —
Ты не Анри Моро».
Я пошел на войну.
Шлю оттуда письмо.
«Ты не Стендаль», — говорят
И не читают его.
Я ближнему сердце отдал.
«Ты не Христос», — говорят.
А сами вы кто,
Живущие напрокат?

Литература

- Античная Греция. Антология. Часть 1. М.: Высшая школа, 1989.
Андреев Ю. В. Архаическая Греция // История Европы. Т. 1. М.: Наука, 1988.
Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли. М.: Прогресс, 1988.
Гомперц Т. Греческие мыслители. Мн.: Харвест, 1999.
Костецкий В. В. Вводный курс философии. Тюмень: ТюмГУ, 2000.
Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
Татаркевич В. Античная эстетика. М.: Искусство, 1977.
Целлер Э. Очерк истории греческой философии. М.: Канон, 1996.
Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. М.: Мысль, 1993.
Шпенглер О. Закат западного мира. Очерк морфологии мировой истории. Т. 2. М.: Ак. проект, 2009.

Александр ВАСЬКИН

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ: ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В МОСКВУ

Корней Иванович Чуковский — автор не только многих знакомых нам с детства прекрасных стихов, но и очень верного и точного афоризма, который можно было бы использовать в качестве транспаранта на родильных домах. Вениамин Каверин рассказывал: «Он не провожал меня до выходных дверей (надо было спускаться по лестнице), а выходил на балкон, провозглашая с неизменным, поучительным выражением: „В России надо жить долго. Долго!“ <...> Его семидесятилетие было отмечено единственным подарком: соседи по дому отдыха (кажется, в Болшеве) подарили ему гипсовый бюст Мичурина. Уезжая, он „забыл“ его под кроватью, и соседи немедленно прислали бюст на городскую квартиру». Кто бы из нас сомневался, что в России надо жить долго и что долго жить (в принципе) никому не помешает.

Чуковский прожил (выполняя собственное предназначение) 87 лет. Из них последние три десятка лет — в Москве. Хотя где он только не жил. Например, в Петербурге, где появился на свет 19 (31 по н. с.) марта 1882 года в семье полтавской крестьянки Екатерины Осиповны Корнейчуковой и студента Эммануила Соломоновича Левенсона. Под фамилией матери он и начал свое земное существование — Корнейчуков, а звали его Николаем (Корней Чуковский — это псевдоним писателя). Детство прошло в Одессе, тоже неплохом городе с литературной точки зрения.

В Государственном музее истории русской литературы имени Даля хранится автобиография Чуковского, датированная 1946 годом. В что я в ней прочитал. Корней Иванович пишет, что после того, как его отец «покинул мою мать, она с двумя детьми переехала на житье в Херсон, так как в одной из херсонских деревень жил

Александр Анатольевич Васькин — писатель, культуролог, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Московский государственный университет печати. Лауреат Горьковской литературной премии (2009), лауреат конкурсов «Лучшая книга года», лауреат Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского (2019), автор множества публикаций и книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Вопросы литературы» и др. Живет в Москве.

ее брат, крестьянин. Впоследствии она переселилась в Одессу. Очевидно, отец давал ей вначале деньги на мое иждивение: меня отдали в одесскую гимназию, из шестого класса которой я был исключен. Впоследствии я сдал экзамен на аттестат зрелости. Перепробовав много профессий, я с 1901 года стал печататься в «Одесских новостях»...»¹

Приходилось Николаю-Корнею жить и в Лондоне, в Берлине, в Киеве и Минске. Так что адресов он оставил после себя превеликое множество. Но! В Москве у него была одна-единственная квартира на улице Горького, именно о ней и упоминает Вениамин Каверин, когда пишет о странном подарке соседей по дому отдыха. При чем здесь Мичурин, кстати? Иван Владимирович тоже был поборником идеи долговременного существования на планете Земля.

И по сей день все, кто, поднимается от Охотного Ряда вверх по Тверской улице, натываются взглядом на мемориальную доску с ликом «дедушки Корнея» — по чьей-то воле она приделана слишком высоко, потому дотянуться до нее непросто (чтобы не клали что ни попадя?). Без лестницы не обойтись, если захочется возложить букет гвоздичек. И все же небольшие букетики искусственных цветов там можно увидеть часто. Вероятно, кто-то из родни специально приходит к «сталинскому» дому № 6 со стремянкой. И ведь есть за что благодарить: своих потомков плодovitый «дедушка Корней» обеспечил авторскими отчислениями на много лет вперед.

Корней Иванович можно назвать счастливым человеком, ибо он попробовал себя почти во всех литературных ипостасях: поэт, прозаик, публицист, критик, переводчик, литературовед, журналист, драматург, сценарист. И не только попробовал, но и реализовался. Где-то с большим успехом, где-то просто хорошо. А еще — фантаст, да-да. А как же иначе? Ведь у него самовар и умывальник разговаривают. В те времена это было невозможно представить, а сегодня — пожалуйста! Люди разговаривают с пылесосами, холодильниками и даже телевизорами, отдавая им приказания включиться или замолчать... Фантаст, мечтатель, фантазер Корней Иванович Чуковский.

Впервые в Первопрестольной двадцатидесятилетний Чуковский оказался в 1903 году, к тому времени его успели уже исключить из одесской гимназии (в 1898 году — жалели небось потом!). А в 1901 году вышла его дебютная публикация в «Одесских новостях». В этой же газете в апреле 1903 года увидели свет и «Московские впечатления» — своеобразный отчет о состоявшейся поездке. О самой Москве автор статьи сообщает крайне мало, уделяя место рассказу о посещении московского литературно-художественного кружка, что собирался в те годы **на Воздвиженке, в доме Базилевского**. Позднее на этом месте было выстроено здание Военторга (совр. адрес **Воздвиженка, 10**). Кружок был вовсе не «кружком», а полноценным творческим клубом, где с 1899 года собирались видные деятели русской культуры и науки: художники и писатели, ученые и артисты, общественные деятели. Приходили в кружок, чтобы «чувствовать себя свободно, отдыхать и общаться со своими людьми, с товарищами по стремлениям, попросту и без церемоний, как в своей семье», как говорил Николай Телешов. Позднее, начиная с 1930-х годов, эту важнейшую функцию приняли на себя отдельные клубы «по направлениям»: Дом литераторов, Дом архитекторов и т. д.

Чуковский пишет о кружке: «Представьте себе вот такой вечер. Тема лекции: „Леонид Андреев, как художник“ или что-то в этом роде. Лектор, педагог по профессии, отчетливо и ясно пересказывает „своими словами“ содержание всех рассказов г. Леонида Андреева. Так и мелькают фразы: „Горе от ума“, эта бессмертная комедия Грибоедова, „Сентиментализм, сменивший ложно-классицизм и сменившийся романтизмом“, „произведения Леонида Андреева, разбитые на три группы“, „реально-бытовая сторона творчества Л. Андреева“. Описывает Корней Иванович и «тяготение к буфет-

¹ Чуковский Корней Иванович. Автобиография. ГЛМ КП 54835/1122.

ным подкреплениям». И не случайно — благодаря богатому ассортименту клубного буфета — семейная атмосфера наступала еще быстрее. Побывал Чуковский и у самого Леонида Андреева, что жил тогда **на Средней Пресне (совр. улица Заморенова, 34)**. О визите в Москву Корней Иванович теперь мог поделиться и с молодой женой — в мае 1903 года он венчается в Одессе с Марией Борисовной Гольдфельд...

Приезжая в Москву и позже, останавливался Корней Иванович в основном в гостиницах, коих было на любой вкус — больших и малых, дорогих и дешевых. Правда, где бы он ни жил, результат был одинаков: Чуковского мучила бессонница. А как известно, нет ничего хуже, чем человеку плохо засыпающему, ночевать в новом месте. Бывал он в редакциях журналов и газет, навещал знакомых. С 1905 года Чуковский живет в Петербурге, откуда до Москвы куда быстрее, нежели из Одессы. Постепенно растет и его известность не только как журналиста, но и критика, печатающегося в столичных изданиях. В 1908 году выходят новые книги: «От Чехова до наших дней», «Леонид Андреев, большой и маленький» и другие. Растет и переводческая активность. Узнают Чуковского и за границей — в 1916 году он вновь отправляется в Англию в числе приглашенных британскими властями журналистов. Уделяет Корней Иванович время и произведениям для детей. Октябрьский переворот 1917 года открыл перед ним большие перспективы как «специалистом» по Николаю Некрасову, творчество которого отвечало новым веяниям времени. И недаром советское правительство впоследствии наградит Чуковского самой высшей в СССР премией — Ленинской — именно за изучение Некрасова.

Вообще кажется странным, что Корней Иванович «не застал» Некрасова, родившись через десятилетие после кончины автора строк «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Ведь когда Чуковский появился на свет, были жили-здоровы Тургенев, Гончаров, Лев Толстой, Чехов, Лесков... А вот Некрасов как-то мало пожил, даже не догадываясь, кому он будет обязан своим изучением и новым прочтением после смерти. Благодаря Чуковскому были найдены и опубликованы многие произведения «народного поэта». Как-то раз в гости к Корнею Ивановичу заглянул однофамилец Николая Алексеевича — тоже Некрасов, но Виктор Платонович. В прихожей его спросили, как доложить: «Доложите, что пришел Некрасов!» И вдруг «из комнаты рядом с прихожей раздался веселый молодой хохот». Это смеялся хозяин дома: «Неправда, неправда... Некрасов давно умер. Это я знаю точно. — И опять хохот. — А ну-ка введите этого самозванца». Виктору Некрасову «запомнились, конечно, нос, веселый рот и еще более веселые озорные глаза Чуковского».

А еще Корней Иванович отличался весьма высоким (даже для писателя) ростом. Как выяснилось уже в 1940-е годы, в его внешности было и вправду что-то общее с генералом Де Голлем — президентом Франции:

Он был носатый, стройный, старый,
Овеянный военной славой,
Которой не забыли вы.
И в то же время не старик.
Не тень из прошлого, вернее.
Де Голль напоминал Корнея
Ивановича в тот миг.

Так казалось Константину Ваншенкину. Интересно: а самому генералу во время визита в Москву в 1966 году говорили, что он сильно похож на выдающегося советского поэта? Могли бы их даже познакомить и опубликовать совместное фото в «Советской культуре»...

Важнейшей основой изучения биографии писателя (в том числе и московского периода) служит дневник, который Чуковский вел всю сознательную жизнь — с 1901-го по 1969 год. Благодаря дневниковым записям можно судить и о том, чем занимался Корней Иванович в Москве, где бывал, с кем встречался. Но зачастую адрес он не указывал, что вполне понятно: дневник-то пишется для себя (хотя в те суровые времена читать его могли и другие «компетентные» люди). И потому мы попробуем установить эти адреса, хотя это и непросто, поскольку давно пропали с карты нашего города и дома, и даже целые улицы, по которым ходил Чуковский. Работа эта кропотливая и ранее в необходимом и полном объеме не осуществлялась.

Исследование московской биографии Корнея Ивановича позволило выявить и те здания, что остались даже спустя сто лет. Например, в июне 1919 года он приезжает в Москву читать лекции во Дворце искусств, что располагался в ту пору в национализированной усадьбе Соллогубов. Здесь нашли свое спасение от голода и холода оставшиеся в Москве писатели, художники, скульпторы, художники. Дворец искусств — и своего рода общежитие, и очаг культуры, где можно было получить и материальную пищу, и духовную пищу в виде концертов, спектаклей, различных учебных курсов.. Лекции Корнея Чуковского пришлось очень кстати, тем более что во дворце можно было и переночевать, и пообедать. В Петербурге на Невском проспекте открылся свой Дворец искусств — ДИСК, где Корней Иванович непременно бывал. Но Чуковскому не суждено было радовать московскую аудиторию долго: 9 февраля 1921 года Дворец искусств был закрыт «ввиду несоответствия деятельности задачам Наркомпроса и неоднократного нарушения отчетного порядка». Десять лет спустя в усадьбе надолго обоснуется Союз советских писателей, где не раз приходилось бывать Корнею Ивановичу (и частенько) в кабинетах всевозможных литературных шишек. Нынешний адрес усадьбы — **Поварская улица, 50/52.**

Два года спустя, весной 1921 года Чуковский приезжает в Москву уже в компании с Александром Блоком. К этому году Корней Иванович уже многодетный отец. У него было четверо детей: литератор и переводчик Николай Чуковский (1904—1965), прозаик Лидия Чуковская (1907—1996), инженер Борис Чуковский (1910—1941), Мария Чуковская (1920—1931). Чтобы прокормить семью, ее глава много работает. И труды его во многом связаны с Москвой. В частности, 15 декабря 1922 года Чуковский отмечает: «Бездельничая после Москвы. Все валится из рук. Печатаем „Мойдодыра“ и „Тараканище“...» Слово безделье следует воспринимать в ироническом смысле — такого трудягу надо было еще поискать. Ведь сам он называл себя «многостаночником», говоря о том, то жить не способен без работы. Отними у него перо — и перестанет дышать!

Почти весь предшествующий процитированной записи ноябрь 1922 года Корней Иванович провел в Москве (с 1918 года — столицы Советской России). Здесь он переводит пьесу ирландца Д. Синга «Плэйбой», которая будет издана уже в 1923 году под новым названием «Герой» в 1923 году.

Благодаря переводимой пьесе и тому, что Чуковский задержался в Москве на три недели, появился в дневнике и первый большой портрет города: «Живу в 1-й студии Худож. Театра на Советской площади, где у меня отличная комната (лиловый диван, бутафорский из „Катерины Ивановны“ Леонида Андреева) и электрич. лампа в 300 свеч. Очень я втянулся в эту странную жизнь и полюбил много и многих. Москву видел мало, т. к. сидел с утра до вечера и спешно переводил Плэйбоя. Но пробегая по улице — к Филиппову за хлебом или в будочку за яблоками, я замечал одно у всех выражение — счастья. Мужчины счастливы, что на свете есть карты, бега, вина и женщины; женщины с сладострастными, пьяными лицами прилипают грудями к оконным

стеклам на Кузнецком, где шелка и бриллианты. Красивого женского мяса — целые вагоны на каждом шагу, — любовь к вещам и удовольствиям страшная, — танцы в таком фаворе, что я знаю семейства, где люди сходятся в 7 час. вечера и до 2 часов ночи не успевают чаю напиться, работают ногами без отдыха: Дикси, фокстрот, one step и хорошие люди, актеры, писатели. Все живут зоологией и физиологией. <...> Психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками и проч. Но во всем этом есть одно превосходное качество: сила. Женщины дородны, у мужчин затылки дубовые. Вообще очень много дубовых людей, отличный материал для истории. Смотришь на этот дуб и совершенно спокоен за будущее: хорошо. Из дуба можно сделать все что угодно — и если из него сейчас не смастерить Достоевского, то для топорных работ это клад. (Нэп).» — запись от 27 ноября 1922 года.

Какая интересная картина нарисована Чуковским! Можно по ней сегодня изучать, что такое новая экономическая политика и как быстро изменились москвичи. Вот и знаменитая филипповская булочная вновь ожила, чтобы радовать покупателей своим богатым ассортиментом. Но почему автор дневника поселился «в 1-й студии Худож. Театра на Советской площади»? И где теперь этот адрес? Разберемся. Корней Иванович выполнял заказ для театра — премьера пьесы «Герой» ожидалась в январе 1923 года в постановке Алексея Дикого. В Театральном музее им. Бахрушина ныне хранится даже программа спектакля. Вот Чуковскому и предоставили «служебное» жилье. Но где в 1922 году показывала свои спектакли труппа 1-й мхатовской студии? Откроем «Избранное» Алексея Дикого — книгу его мемуаров, вышедшую в 1976 году. Режиссер описывает «затемненный зал маленького театра на Скобелевской площади». Но ведь такой площади не было — памятник «белому генералу» Михаилу Скобелеву открыли в 1912 году, но площадь так и осталась Тверской. Это уже в народе ее переименовали в Скобелевскую. В 1922 году площадь уже называлась Советской, о чем и упоминается в дневнике Чуковского.

А особняк, где жил Корней Иванович осенью 1922 года, сохранился? Нет. Это был дом купца Варгина, где с 1913 года и давала спектакли 1-я студия МХТ (хорошо, что на старых афишах можно прочесть адрес театра!). Большой усадебный дом с привычным московским фронтоном стоял на углу с Тверской улицей и был снесен во время реконструкции уже «улицы Горького» в 1935 году. Ныне на его месте — огромная домина с книжным магазином на первом этаже (**Тверская улица, 8**). Интересно, что впоследствии Чуковскому придется жить совсем рядом, как говорят, рукой подать. Примечательно и другое: Алексей Дикий будет сидеть в одной камере с физиком Матвеем Бронштейном, зятем Корнея Ивановича. Дикому удастся выбраться из сталинских застенков, а Бронштейна расстреляют в 1938-м.

Пьеса «Герой» должна была выйти с предисловием переводчика. Однако «вдруг из Москвы бумага: „Так как Чуковский выражает свои собственные мысли — выбросить предисловие“. Еду в Москву бороться — за что? с кем? Признаюсь, меня больше всего уязвило не то, что пропала моя долгая работа, а то, что какой-то безграмотный писарь, тупица, самодовольный хам — смеет третировать мою старательную и трудно давшуюся статью, как некоторый хлам, которым он волен распоряжаться как вздумает» — из дневника от 12 февраля 1923 года.

Это было только началом — всю последующую жизнь тупицы и хамы с партбилетами будут донимать Чуковского похлеще, нежели голод и безденежье в те самые годы, когда он подростком разгружал баржи в одесском порту, клеил афиши по городу и счищал с крыш старую краску. Даже детские стихи не стали для него своеобразной отдушиной, куда влияние советской цензуры не распространялось. Нападки на Чуковского начались еще в 1920-е годы, особенно невзлюбила его мадам Крупская, кото-

рая, числясь после смерти Ленина в Наркомпросе, постоянно критиковала и нападала на писателя и его детские стихи. А творчество его и вовсе обозвали «чуковщиной».

Вот, например, резолюция общего собрания родителей кремлевского детсада: «Чуковский и его единомышленники дали много детских книг, но мы за 11 лет не знаем у них ни одной современной книги, в их книгах не затронуто ни одной советской темы, ни одна книга не будит в ребенке социальных чувств, коллективных устремлений. Наоборот, у Чуковского и его соратников мы знаем книги, развивающие суеверие и страхи („Бармалей“, „Мой Додыр“, „Чудо-дерево“), восхваляющие мещанство и кулацкое накопление („Муха-цокотуха“, „Домок“), дающие неправильные представления о мире животных и насекомых („Крокодил“ и „Тараканище“). Но кроме Крупской и родителей кремлевского детсада, было кому травить Чуковского. Детишки из этого садика подросли и вслед за своими папами и мамами принялись шерстить творчество Корнея Ивановича. Но это уже были не детские шалости.

В результате доносов публичному разгрому подверглись две сказки Чуковского «Одолеем Бармалея» (1943) и «Бибигон» (1945). Поэтому они и стали для него последними в этом жанре. Чуковского вынудили уйти на время из детской литературы. Одну только его книгу «От двух до пяти» не издавали полтора десятка лет! Что уж говорить об издании других прежних стихов и сказок. А кто гнобил Чуковского? Вот один из тех, о ком поделился в своем дневнике Корней Иванович: «Когда умер сталинский мерзавец Щербаков, было решено поставить ему в Москве памятник. Водрузили пьедестал — и укрепили доску, возвещавшую, что здесь будет памятник А. С. Щербакову. По культурному уровню это был старший дворник. Когда я написал „Одолеем Бармалея“, а художник Васильев донес на меня, будто я сказал, что напрасно он рисует рядом с Лениным — Сталина, меня вызвали в Кремль, и Щербаков, топая ногами, ругал меня матерно. Это потрясло меня. Я и не знал, что при каком бы то ни было строе всякая малограмотная сволочь имеет право кричать на седого писателя». Хорошо написано, с душой. И главное — правдиво.

Где находится Кремль, мы все знаем: **на Красной площади**. Это тоже теперь один из адресов Чуковского. А еще на него орали и кричали **на Старой площади**, в здании ЦК ВКП(б), где также был кабинет товарища Щербакова, секретаря ЦК, занимавшего с десяток государственных должностей: первый секретарь Московского городского и областного комитетов партии, начальник Главного политического управления Красной армии, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а еще депутат Верховного Совета СССР, и это еще не все.

А что до театральной студии на Тверской площади, то в ее здании Корней Иванович останавливался и позже. «Поездка в Москву. <...> Первый раз спал в вагоне — правда, под утро. Но спал. В Москве мороз. В Студию — комнат нет. Встретили растерянно, уклончиво: никому нет дела. Из уклончивых ответов я понял, что Синг провалился... Напившись в Студии чаю — в Госиздат. Новое здание — бывший магазин Мандля — чистота... Оттуда в „Красную Новь“ — издательство, вонючее, как казарма. Грязь, табачный дым, окурки, криво поставленные столы... Устал. Снова в Студию — там часа два канитель с устройством комнаты... Студию, оказывается, никто не приготовил ни одеяло, ни простыни, и я в обмороке. Наконец-то лег и спал минут 40» — запись от 14 февраля 1923 года.

Госиздат — Государственное издательство РСФСР — располагалось в бывшем торговом доме готового платья «М. и И. Мандль» на **Рождественке, 4/8**. Чуковскому туда нужно было обязательно попасть, как и любому советскому писателю, претендующему на издание своих произведений. Эта крупнейшая издательская организация, с 1919 года монополизировавшая право выпуска книг. Дружить с Госиздатом было вы-

нужденно необходимо. А вот и «Красная новь» — первый советский литературный журнал, редакция которого с 1921 года помещалась на **Сретенском бульваре, 6**. С него началась история «толстых» литературных журналов в СССР, чрезвычайно востребованных и писателями, и читателями. В «Красной нови» публиковались почти все пролетарские писатели. В 1937 году журнал проехался по новой книге Чуковского «Коттауси и Мауси», оценив ее как «формалистическое кривлянье и рифмованное сюсюканье», закрепляющее «неправильности языка, встречающиеся у детей», и мешающее «развитию их речи». Спасибо, хоть не расстреляли... А через четыре года журнал перестал выходить. А на **Страстном бульваре, 11** устроился журнал «Огонек», в редакцию которого Корней Иванович «забегал» неоднократно.

Неудача с постановкой пьесы «Герой» в 1923 году не лучшим образом отразилась на московских зарисовках Чуковского: «В Москве теснота ужасная; в квартирах установился особый московский запах — от скопления человеческих тел. И в каждой квартире каждую минуту слышно спускание клозетной воды, клозет работает без перерыву. И на дверях записочка: один звонок такому-то, два звонка — такому-то, три звонка такому-то и т. д.» — 15 февраля 1923 года. Корней Иванович так пишет, будто в Петрограде атмосфера была совсем иной...

В апреле 1924 года Чуковский приезжает в Москву читать лекцию об Алексее Толстом: «Москва. Сегодня приехал. Лежу на постели в гостинице „Эрмитаж“ — через полчаса надо идти выступать в „Литературном Сегодня“, которое устраивает журнал „Рус. Современник“... Ночью я спал лишь благодаря вероналу — от 11 до 5. Ехал в международном со всеми удобствами — на счет Магарам. Москва взбудоражена — кажется, мы чересчур разрекламированы. В Эрмитаже остановились также Замятин и Ахматова. Ахматову видел мельком, она говорит, не могу по улице пройти — такой ужас мои афиши. Действительно по всему городу расклеены афиши: „прибывшая из Ленинграда только на единственный раз“. Сейчас я зайду за нею и повезу ее в Консерваторию. Она одевается. Эфрос очень недоволен сложившейся обстановкой: говорит, слишком много шуму вокруг „Современника“. Особенно худо, если увидят в нашем выступлении контрреволюцию» — 17 апреля 1924 года.

Гостиница «Эрмитаж», где остановились питерские писатели, находилась там же, где и известный ресторан, — на **Неглинной улице, 29**. А Н. Магарам — это издатель журнала «Русский современник», выходившего в Ленинграде в 1924 году. Он-то и привез на московские «гастроли» Чуковского с Ахматовой и Замятиным. На **Большой Никитской** в Московской консерватории Анна Андреевна побывала вместе с Чуковским.

Из Москвы приходили к Корнею Ивановичу самые разные новости — и приятные, и грустные. В начале 1925 года узнал он о том, что в Москве ставится балет «Мойдодыр» на музыку композитора Бориса Фомина. «В Москве всюду афиши о постановке моего „Мойдодыра“. Как же Мойдодыра-то ставить?» — озадачился Чуковский. А действительно: как танцевать главного героя? Щетку с мыльницей еще можно себе представить танцующими на сцене. Но умывальник с краном? В итоге 22 марта 1925 года Корней Иванович записал: «Очень туго пишется „Самоварный бунт“. Сижу по пять часов, вымучиваю две строки. Жаль, что я не сделался детским поэтом смолodu: тогда рифмы так и перли из меня. Дней пять назад были у меня из Москвы устроители детского балета на тему моего „Мойдодыра“. Они рассказывают, что на первом представлении к ним явились комсомольцы и запротестовали против строк: „А нечистым трубочистам — Стыд и срам“, так как трубочисты — почетное звание рабочих, и их оскорблять нельзя. Теперь с эстрады читают: „А нечистым, всем нечистым, т. е. чертям“». И такое бывало... Сегодня музыка (как и трубочисты!) балета прочно забыта, остались лишь ноты...

Москва с каждым новым годом советской власти превращается для Чуковского в своего рода скопление ветряных мельниц, с которыми зачастую бороться совершенно бесполезно. 15 августа 1925 года ему говорят прямо о том, что «решено в Москве — посократить Чуковского, пусть пишет социально-полезные книги. Так или иначе, не давать вам ходу. В Гублит поступила рецензия обо всех ваших детских книгах — и там указаны все ваши недостатки». И таких «рецензий» все больше. Через десять лет, 9 января 1936 года, он делает откровенное признание: «Всякая поездка в Москву стоит мне года жизни, и узнав о предстоящей поездке, я уже перестал спать за 5 дней до нее. Вчера принял вероналу...» А вот годом ранее: «Уезжаю из Москвы, ограбленный, морально изъязвленный». Нелепые цензурные придирки доводят автора «Мухи-Цокотухи» до изнеможения.

Но надо ехать, делать нечего! А мест в Москве все меньше. В «Националь» не пробьешься, в гостинице «Метрополь» все номера заняли делегаты очередного съезда, в итоге «опять для отдыха нет никаких перспектив. Пошел я в Б. Московскую, сел на диванчик — хоть плачь». А перед этим: «Вчера приехал в Москву. Ночь, проведенная мною в вагоне, была ужасна — вторая бессонная ночь. В Москве не оказалось в гостиницах номеров. <...> Наконец меня привезли в ун-ет (МГУ), зеленого, старого, с налитыми кровью глазами» — 19 января 1934 года. А еще Игорь Ильинский, должный выступать с Чуковским на утреннике, не выучил его стихи... И пришлось Корнею Ивановичу все внимание публики отвлекать на себя. А Большая Московская гостиница находилась в **Охотном Ряду**, рядом со строящейся гостиницей «Москва». Чуковский мог бы (если бы захотел) составить путеводитель по московским гостиницам.

Удивительное и другое — в тот самый день, когда в жизни столицы случилось бесповоротное событие, а именно взрыв храма Христа Спасителя, Корней Иванович не только оказался в городе, но и своими глазами видел происходящее варварство. Глаза эти были потухшими, выцветшими от слез: 10 ноября на двенадцатом году умерла младшая дочь Мурочка, похоронили ее в Алупке (могила долгое время считалась утраченной). Спустя 11 дней безутешные родители приезжают в Москву: «Нищие, осиротелые, смертельно истерзанные. Ночь не спал — но наркотиков не принимал, потому что от понтапона и веронала, принимаемых в поезде, стали дрожать руки и заболела голова. Москва накинута на нас, как дикий зверь, — беспощадно. С тяжелым портфелем, с чемоданом вышли мы оба на вокзал — М. Б. захотела ехать к Шатуновской». С Казанского вокзала, что на **Каланчевской площади**, они направились в Дом на набережной (**улица Серафимовича, 2**), дабы остановиться у Ольги Шатуновской, их хорошей знакомой, далеко не последнему человеку в московской партийной иерархии.

Пока ждали Шатуновскую, Корней Иванович чуть с ума не сошел: «Я приезжаю к Дому Правительства, ее нет. Ждать холодно, пальто у меня летнее, перчаток нет, я сажусь на чемодан, прямо на панели, на мосту — и вглядываюсь, вглядываюсь в прохожих. Ее нет. Тоска. Вот я — старик, так тяжело проработавший всю жизнь, сижу, без теплой одежды, на мосту, и все плюют и плюют мне в лицо, а вдали высится домина — неприступно-враждебный, и Мурочки нет — я испытал свирепое чувство тоски».

В Доме правительства обитала и семья Михаила Кольцова, также хорошо знакомого Чуковскому. У Кольцова он тоже впоследствии останавливался переночевать. Шик и блеск, с которыми жила в Москве советская партийная и культурная верхушка, поразили Корнея Ивановича прежде всего «великолепием своей жизни, по сравнению с нашей алушкинской. Мебель изящнейшая, горячая вода день и ночь, комфортабельные диваны, лифт, высокие комнаты. Сказано: Дом Правительства. У них я почувствовал себя даже слишком уютно». Это у Шатуновской. А вот у Кольцова: «Роскошь,

в к-рой живет Кольцов, — после Алупки ошеломила меня. На столе десятки закусок. Четыре больших комнаты. Есть даже высшее достижение комфорта, почти недостижимое в Москве: приятная пустота в кабинете. Всего пять-шесть вещей, хотя хватило бы места для тридцати...»

И надо же такому случиться. Накануне 5 декабря — даты взрыва храма Христа Спасителя — Чуковский должен был покинуть столицу на «Красной стреле» с Ленинградского вокзала. Но — билетов не достать! С огромным трудом по партийному благу удалось достать билет. Словно все захотели в тот день срочно оставить Москву! И вот: «День солнечный, морозный, с серебряными дымами, с голубизною неба. Трамвай № 10 повез меня не на Каменный мост, а на Замоскворецкий, так как поблизости взрывают Храм Христа Спасителя. Выпала пушка — три раза — и через пять минут, не раньше, взлетел сизый — прекрасный на солнце дым. Красноносые (от холода) мальчишки сидят на заборах и на кучах земли, запорошенных снегом... И новый взрыв — и дым — и средняя башня становится совсем кургузой. Баба глядит и плачет. Я подошел по другому берегу Москва-реки — и когда подошел почти к самому Каменному мосту — нельзя, патруль...» Чуковский уже ехал в «Красной стреле», а вандализм на Волхонке все продолжался. Снести столь огромный храм в за день большевикам ударникам оказалось не под силу...

Разница в уровне жизни ленинградских и московских инженеров человеческих душ была для Чуковского очевидна. «Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь. В Проезде Худ. Театра против здания этого театра выстроили особняк для писателей. Я вчера был там у Сейфуллиной. У нее приятно то, что нет этого сытого, хамского стиля» — 24 ноября 1931 года. Лидия Сейфуллина жила в одном из первых писательских кооперативов, что и по сей день стоит в Камергерском переулке.

Журнально-издательская канитель в Москве продолжается, и кажется, что никогда не закончится: «О, как надоело мне это мыканье по редакционным передням, которому не видно конца», — пишет он 4 марта 1932 года. Непонятно — когда же все это закончится? «Но каково Марии Борисовне после всего, что она пережила, гонять в виде отдыха по финотделам и канцеляриям! Казалось бы, ну много ли нам нужно: ведь всего два человека. А между тем оба работаем каторжно, и вот уже 3-й месяц не могу положить в Сберкассу 300 рублей, и продал книги, и весь в долгах. <...> Вчера ездил в „Лит. Газ.“ за деньгами трамваем „А“. И смотрел из окна на Москву. И на протяжении всех тех километров, к-рые сделал трамвай, я видел одно: 95 проц. всех проходящих женщин нагружены какою-ниб. тяжестью: жестянками от керосина, корзинами, кошелками, мешками. И чем старше женщина, тем тяжелей ее груз. Только молодые попадают порою с пустыми руками. Но их мало. Так плохо организована добыча провизии, что каждая „хозяйка“ превратилась в верблюдицу. В трамваях эти мешки и кульки — истинное народное бедствие. Мне всю спину моего пальто измазали вонючею рыбою, а вчера я видел, как в трамвае у женщины из размокшей бумаги посыпались на пол соленые огурцы и когда она стала спасать их, из другого кулька вылетели струею бисквиты, тотчас же затоптанные ногами остервенелых пассажиров. Это явление обычное, т. к. оберточная бумага слабей паутины». Написано в 1931-м, а кажется, что и в 1971 году. Придя домой, эти женщины (несколько поколений подряд!), сварганив на коммунальной кухне нехитрый ужин, принимались укладывать своих детишек спать, читая им на ночь стихи того человека, которому всю спину изгадили какой-то рыбой. Вероятно, пятно на пальто не удалось вывести, и потому несколько лет спустя, осенью 1938-го Корней Иванович напишет сыну Николаю: «Очень хочется в Ле-

нинград. О Москве думаю с тошнотой». В те дни он уже будет «как бы» москвичом, дачу в Переделкине уже получит (теперь уже это территория столицы!). А вот квартиру еще нет — в ожидании жилплощади жить пока приходится в гостинице «Москва». Но совсем скоро дадут и квартиру, и даже машину, так что на трамвае «А» — «Аннушке» — ездить не придется.

Переезд семьи Чуковских в Москву в 1938 году интерпретируют по-разному. Часто причиной называют желание покинуть Ленинград, который в те годы захлестнула волна репрессий. С этой точкой зрения трудно согласиться, поскольку масштабы арестов были огромны и пострадать можно было независимо от места жительства. Будь то крупный город или заштатный райцентр. Растет значение Москвы и в другом отношении: только здесь находится та сила, которая способна облегчить положение невинно осужденных. Вот и едут в столицу люди с надеждой на чудо, обивая пороги приемной «дедушки Калинина» на Воздвиженке, стучась в приемную главных карательных органов на Кузнецком Мосту.

Москва все дальше и дальше отдалается от Ленинграда, превращающегося в «великий город с областной судьбой». В одном из своих писем тех лет старшая дочь Лидия даже называет его «провинциальным». И не случайно 20 июня 1934 года Чуковский отмечает: «Теперь в Москве ко мне относятся так, будто я ничего другого не написал, кроме детских стихов, но зато будто по части детских стихов я классик. Все это, конечно, глубоко обидно». А классикам полагаются в Советском Союзе совсем иные условия жизни, нежели всем остальным писателям. Можно ли сказать, что Чуковского «назначили» классиком? Вполне.

Переезд случился ни в один день, это было, судя по записям Чуковского, вымученное решение. Смерть в 1931 году от туберкулеза Мурочки — любимой, последней дочери (как говорят в народе, «последыша»), необходимость делить жилплощадь ленинградской квартиры — где когда-то звучал звонкий девичий смех — с чужими людьми (Чуковского уплотнили, подселив к нему жильцов) — все это не могло не привести к мысли покинуть Ленинград. «Корней Иванович начинал хлопоты о переезде в Москву через Детиздат. Поначалу казалось, что его усилия увенчались успехом. В 1936 году заведующий Детиздатом Григорий Цыпин обещал Чуковскому пятикомнатную квартиру на 1-й Мещанской улице, это обещание было выдано даже на фирменном бланке. Корней Иванович начал обсуждать с женой план переезда более конкретно. Но все сорвалось: в конце 1937 года Григория Евгеньевича арестовали, через год расстреляли. Следующих благодетелей Чуковского постигает та же судьба, что и Цыпина. Вопрос с переездом решался еще какое-то время. И только в 1938 году, когда Корней Иванович обратился в ЦК комсомола, Литфонд выделил Чуковскому сначала дачу в писательском поселке Переделкино, а затем уже и квартиру в Москве на Тверской — в обмен на его жилье в Ленинграде. Новую квартиру жена Корнея Ивановича Мария Борисовна обустроила по своему вкусу. Стены были синего цвета оттенка индиго. Мебель в гостиной была из карельской березы. Гостей принимали в центральной комнате за круглым столом. Она же обставляла и переделкинскую дачу», — сообщает чуквед Юлия Сычева.

«Москва поражает новизной. Давно ли я был в ней, а вот хожу по новым улицам мимо новых многоэтажных домов и даже не помню, что же здесь было раньше», — удивляется Чуковский 1 декабря 1934 года. В одном из таких новых домов на улице Горького нашлась квартира и для Корнея Ивановича. И не в Лаврушинском переулке — писательском муравейнике, а на главной улице советской столицы, где, словно на витрине, живут самые достойные деятели культуры, науки, наркомы. И не только на витрине — а еще и под микроскопом. Каждая квартира густо заселена невидимыми жиль-

цами — жучками. Травить их бесполезно, они недохнут. А «видеонаблюдение» осуществляют лифтерши и дворники, они же неперенные понятия при арестах. А что, удобно: дело свое знают, да и фамилии их сотрудники НКВД уже почти выучили наизусть, удобно в протоколы вносить во время обысков.

Валентин Берестов, не раз бывавший у Чуковского в гостях, рассказывал о своих прогулках с ним по Москве: «Провожая Чуковского домой. Последние круги по двору. Идем против часовой стрелки. А по часовой стрелке прогуливается какая-то неясная фигура. Чуковский говорит о Некрасове, о Панаеве, и вдруг: „Нужно учиться работать у Иосифа Виссарионовича. Вот мы с вами ляжем спать, а свет в его кабинете будет гореть до самого утра!“ И как ни в чем не бывало возвращается к Некрасову и Панаеву. Завершаем еще один круг, и опять ни с того ни с сего: „Нет-нет, «Двенадцать стульев» и вправду может оказать нежелательное влияние на часть молодежи!“ Что такое? Он же любит Ильфа и Петрова! Темная фигура проходит мимо нас. Чуковский прощается. Скоро девять, а в пять утра ему снова приниматься за работу». Чуковский сыграл эту сценку специально для предполагаемого топтуна, коих во дворах улицы Горького было великое множество (не говоря уже о самом «московском Бродвее»).

Жить на улице Горького было Чуковскому удобно: под боком Московский университет **на Моховой**, где он не раз выступал, многие издательства, да взять хотя бы «Советский писатель» **в Большом Гнезниковском переулке, 10**, любимая сберкасса, магазин «Канцтовары», а главное — Ленинская библиотека на углу **с Воздвиженкой**, которую однажды он сравнил с санаторием: и тихо, и соседи на полках стоят хорошие и знакомые. Диккенс, например, а еще Чехов, Пушкин, Толстой. Не так далеко и Политехнический музей **на Новой площади**, в аудитории которого Чуковский выступал и давным-давно, и по случаю своего восьмидесятилетия в 1962 году.

Вообще будет справедливым сделать такой вывод, что нынешняя Тверская — это улица Корнея Чуковского. Удивительно, как эта ассоциация раньше никому не пришла в голову. Пожалуй, это единственный писатель, так кровно к ней привязанный. Здесь можно было запросто встретить его гуляющим. Как Евгений Шварц: «Ты знаешь, иду вчера вечером по улице Горького мимо телеграфа и вдруг вижу навстречу — кого ты думаешь? — Корней Иванович! Ты не согласишься, я сам удивился, до чего ж меня обрадовала эта встреча! А главное, ведь и он тоже обрадовался. Честное слово! Так обнимал, такие симпатичные, удивительно положительные слова по моему адресу употреблял... И добавил уже другим тоном, даже с некоторой грустью:

— Ты, конечно, был прав, я ошельмовал Корнея в своем „Белом волке“. Написалось с маху, сгоряча, под влиянием минуты...

Найду время, непременно перепишу. И — не нашел, не переписал, не успел». Так он рассказывал Леониду Пантелееву.

В очерке «Белый волк» Шварц — не только известный драматург, но и в прошлом литературный секретарь Чуковского — нарисовал его портрет. И многие подлинные черты, надо сказать, он подметил. Но это был Чуковский 1920-х годов, еще ленинградец. Не стоит шварцевский рисунок превращать в многогранное полотно, запечатлевшее для нас всего Чуковского. Да это и невозможно по той же причине — почти за девяносто лет человек не мог не измениться.

С 1939 года маршрут улица Горького — Переделькино станет для Корнея Ивановича обыденным. Прервется он с началом войны, когда советских писателей отправили в эвакуацию в Среднюю Азию. Чуковский вернется в Москву задолго до победы и обнаружит в квартире чужих людей — семью работника НКВД. А кто же еще мог внаглую занять пустующую жилплощадь на улице Горького? Только они и способны были на это. Благодаря некоему волшебному номеру телефона оккупантов

удастся быстро выселить. А то пришлось бы вновь жить в коммуналке, как давеча в Ленинграде.

В другой раз Лидия Либединская встретит одинокого Чуковского в **Центральном Доме литераторов** на Поварской улице — осенью 1942 года, в дубовом зале ресторана: «Я увидела Корнея Ивановича. Мы были знакомы раньше. Впрочем, назвать это знакомством трудно. Мне было лет тринадцать, когда мама, отправляясь к Чуковскому по какому-то редакционному делу, взяла меня с собой. Надежды на то, что Корней Иванович запомнил меня, не было никакой... Я набралась смелости и поздоровалась. К моему удивлению, Корней Иванович сразу узнал меня». Корней Иванович усадил Либединскую за стол, рассказал о недавно постигшем его горе — гибели на фронте сына Бориса. А в Москве он затем, чтобы встретиться со старшим Николаем, которому дали отпуск для встречи с отцом. С собой из Ташкента Корней Иванович привез новую сказку «Одолеем Бармаlea».

«Сейчас вы пойдете со мной. Очень не хочется возвращаться одному в пустую квартиру», — сказал Чуковский. И они прошли на улицу Горького: «Комнаты, в которых целый год никто не жил, зрелище грустное. Беспорядок, затхлость — свидетельство беды, заставившей хозяев покинуть свое жилище. Впрочем, вокруг Корнея Ивановича становилось сразу обжито и уютно. Стоило только управиться с пылью, покрывавшей большой письменный стол и книжные полки, подмести пол и растворить настежь окна, а Корней Иванович уже расположился в кресле, прикрыв пледом колени. С улицы тянуло сентябрьской свежестью, после жаркого Ташкента прохлада казалась непривычной, он зябко кутался. Стемнело. Пришлось закрыть окна, опустить маскировочные шторы. В комнате сразу стало тихо. Длинными своими руками, почти не меняя позы, Корней Иванович доставал с полки то одну книгу, то другую, бережно листал и аккуратно ставил на прежнее место. Казалось, он здоровается с ними. Я возилась на кухне — варила рис, привезенный Корнеем. Ивановичем из Ташкента в белоснежном полотняном мешочке. Вдруг он позвал меня».

Он устроил Либединской экзамен, «гоняя» ее по датам рождения великих русских писателей. И лишь на Тургеневе и Некрасове она «срезалась». Чуковский отчитал девушку: «Не помните? Вы пишете стихи, вы собираетесь, насколько я понимаю, стать профессиональным литератором, даже учитесь в Литературном институте!.. А что может быть страшнее полуграмотного литератора?!» И затем подарил томик тургеневских писем 1884 года издания. Накормив ужином, еще до комендантского часа Корней Иванович отпустил ее домой, читать Тургенева.

На следующий день они поехали в Переделкино, где Корней Иванович захотел показать в саду то место, где в прошлом году он думал зарыть «Чукоккалу». Хорошо еще, что выкопавший ее соседский сторож не пустил бесценные страницы на самокрутку. Так она и сохранилась. А в переделкинском доме стояла в те дни военная часть.

В годы войны Чуковский даст приют всей большой семье. «В годы войны мы жили вместе с Корнеем Ивановичем в его московской квартире — с марта 1943 года. Он только что вернулся из ташкентской эвакуации. Побывавшему в Москве до этого (в сентябре 1942 года) моему отцу Николаю Корнеевичу московская жизнь показалась раем после ленинградской блокады, и он стал просить К. И. взять нас в Москву из Перми, где мы голодали и холодали. К. И. был тогда достаточно „могущественен“ для этого. Перевод состоялся быстро. Мы получили пропуска на въезд и прописку. Выигрыша не оказалось никакого, кроме климатического. Москва была прифронтовым городом: Смоленск был в руках гитлеровцев. Часто нас беспокоили ночные тревоги, хотя ни одного состоявшегося налета уже не припоминаю. Карточки плохо и неполно „отоваривались“, причем за всеми продуктами, кроме хлеба, надо было стоять в очередях.

Большинство домов было „законсервировано“, то есть там не было ни газа, ни отопления, а электричество включали „по лимиту“. Исчерпали лимит — вас отключают! А жили-то в коммунальных квартирах, как тут уследишь! К счастью, дом К. И. отапливался и даже имел горячую воду, и лимита на свет не было. Неохотно спускаясь в бомбоубежище, К. И. брал с собой только папку с „Чукоккалой“... Осенью 1943 года в квартиру К. И. переехала из Ташкента Лидия Корнеевна с дочкой Люшей, и мы стали жить ввосьмером», — свидетельствует наименее известная внучка Наталья Костюкова.

«Солнце. Теплынь. Сiju на ул. Горького с раскрытым окном. Позвонил Леонов. Не хочу ли проехать в Переделкино? Заехал за мною, — в пути стал рассказывать свой роман...» — отметил Чуковский 4 марта 1951 года в дневнике. Он и сам бы мог написать роман, и не один, если бы не мешали. Чуковский так говорил о своей долгой жизни в литературе: «Когда я начинал, то был самым молодым среди писателей, а сейчас я уже старейший писатель». Так он стал и старейшим жителем Переделкина. И одним из самых работающих. Чтобы посетители не отвлекали от работы, на стене дачи повесили табличку: «Прошу даже самых близких друзей приходить только по воскресеньям». Это был первый «фильтр», а вот второй — внутри дачи, перед лестницей на второй этаж, где был кабинет Чуковского: «Дорогие гости! Если бы хозяин этого дома даже умолял вас остаться дольше девяти часов вечера — не соглашайтесь!»

Многие восхищались плодovitостью и трудолюбием Деда — так любовно звали его в семье — особенно более юные литераторы. Очень проникновенно выразили свое почтение к нему Лев Копелев и Раиса Орлова: «С годами он постепенно убедился: чтобы вырастить колос, недостаточно самого сильного желания, — необходима долгая, упрямая, часто неблагодарная работа. И необходимо время. Он убеждался, что на высоты культуры нельзя вбежать, что ни колос, ни человек, ни книга не созревают ускоренно, досрочно. Ему посчастливилось. Годы оттепели пришлись ему как раз впору. Его сосредоточенная воля восторжествовала. Он дожил до той поры, когда его сокровенные накопления стали жизненно необходимы для множества людей. И он — щедрый скупой рыцарь — успел раздать немалую часть своих сокровищ.

Под его рабочим столом в переделкинском кабинете стоял сундучок, в котором лежали стопы пожелтевших листов, тетради, записные книжки. К. И. годами собирал рукописи Некрасова. В том же сундучке хранились рукописи Толстого и Чехова... В кабинете, где стоял заветный сундучок, Корней Иванович слушал стихи молодых поэтов, читал рукописи начинающих писателей, разбирал их, критиковал, хвалил. И тогда связь времен становилась явственной, зримой, осязаемой. Входя в эту комнату, мы испытывали и жадное любопытство, и счастливое сознание причастности. Корней Чуковский олицетворял бесконечность, непрерывность жизни русского слова. Каждый раз мы уходили от него со смешанными чувствами — стыда и радости. Стыдно было за то, что так мало сделали сами, так легкомысленно расходуем время и силы, так невзыскательны к себе и к друзьям... И всегда радовались, что он есть. Дожил. Вопреки всему — успел. Не только посеял, но и увидел хоть некоторые плоды. Он жил долго. К счастью для русской культуры».

Вот кого нужно было награждать золотой звездой Героя Социалистического Труда! А ведь каких только писателей не удостоили этой «высокой награды Родины» — попробуй сейчас вспомни! Но куда там — Чуковский столько «нехороших» писем написал, в частности, против реабилитации Сталина в 1966 году, в защиту диссидентов, что ему «Гертруда» была не положена. Да еще и дочь-правозащитницу воспитал! Зато было у него четыре ордена Трудового Красного Знамени и один орден Ленина. Всего пять орденов — как внуков, по одному на каждого.

Кстати, внуков Корней Иванович приучал к труду собственным примером, один из них, Евгений Чуковский, благодарен деду: «В нашей семье... каждый имел обязан-

ности. Кстати, после войны в Переделкине было пропасть земляники, мы собирали ее и знали, что первая кружка — Деду, вторая — бабушке, а третья — уже себе. Корней Иванович бездельников не то что не любил — презирал. Он ни разу не отдыхал в том понимании — лежать днями на пляже. Обычно, закончив большую работу, еще усталый, через несколько дней садился за стол, писал. Иначе, говорил, скучно. Сам умел многое. В молодости был маляром. По его словам, эта работа способствовала изучению английского: крася крышу, он выводил на ней разноцветной краской слова — так быстрее они запоминались, а потом закрывал все общим тоном. Когда ему было за восемьдесят, пришли маляры. Дед взбунтовался: это же тяп-ляп! Влез на крышу и продемонстрировал, как должно красить. Те вылупили глаза — его квалификация оказалась намного выше. И меня, и соседских ребят учил этому ремеслу. Устраивал конкурсы. Тому, кто лучше выкрасит скамейку и при этом меньше всех измажется, давал грушу. А как здорово он умел грести! Соберет ребят — и на пруд. Сядет в лодку, показывает, как надо держать весла, чтобы, потратив меньше сил, получить больший эффект. В школе я был плохим учеником. Корней Иванович считал, что дело не в том, кто учится, а кто учит. Разбор предложений, нудный на школьных уроках, Дед превращал в увлекательную игру. Но учить английский заставлял». Какой хороший дедушка! Хорошо известна просветительская деятельность Чуковского, превратившего свою дачу (**на улице Серафимовича, 3**) в уникальный и гостеприимный дом, где хорошо было не только его внукам, но и другим детишкам. А сколько сил и нервов потребовалось Корнею Ивановичу, чтобы выстроить библиотеку (на свои же средства!). По-соседски заглядывал он и к коллегам по цеху. Правда, не ко всем — с иными и здороваться не хотелось, такова была специфическая атмосфера и в самом Переделкине, да и в Союзе писателей, наполненном самыми разными персонажами.

А вот к Борису Пастернаку Чуковский не преминул зайти — одним из первых с поздравлением по случаю присвоения в 1958 году Нобелевской премии, на **улицу Павленко, 3**. Хотя он мог бы просто позвонить по телефону. Но в том-то и дело, что это чудо цивилизации Чуковский не очень-то жаловал (в этом он был схож со Львом Толстым). Лидия Корнеевна рассказывала, что «Переделкино заставило его до некоторой степени примириться с телефоном. Все дела его, все издательства, все хлопоты были в Москве. Без телефона не обойдешься. Особенно в самые последние годы, когда ездить в Москву он перестал совсем. Разумеется, Клара Израилевна и все мы, дежурившие при нем поочередно, сортировали звонки и старались не обременять его телефоном. И все-таки дела, собственные и чужие, вынуждали Корнея Ивановича нередко пользоваться ненавистным ему аппаратом. Дождавшись, когда Клара Израилевна (секретарь. — А. В.) или Марина Николаевна (невестка. — А. В.) раз добудут все необходимые номера, фамилии, названия, имена, отчества, пока они соединят его с городом, он сам брался за трубку». Звонить приходилось постоянно — просить всякое там начальство, врачей, ходатайствовать за других, но только не за себя. Так сказать, торговать фамилией.

Зато пешком в Москву (по примеру Льва Толстого) Чуковский ходить не отваживался. А зря — ведь он мог встретить по дороге много самых разных людей, интерес к которым был неподдельным. Особенно к незнакомым, как выразилась Лидия Корнеевна, «ему хотелось рассмотреть каждого нового человека снаружи и изнутри; рассмотреть, растормошить, или, точнее, распотрошить, как хочется детям распотрошить новую игрушку: что за пружины заставляют медведя рывкать, а солдата отдавать честь?» Но и наличие машины не препятствовало проявлению этого интереса: «Когда, уже в поздние годы, он ехал, бывало, из Переделкина на собственной машине в Москву, он не только, само собой разумеется, прихватывал по дороге каждого, кто

поднимал руку, но и сам зазывал пешеходов в машину, — увидит старика с мешком на спине или женщину с ребенком на руках и щелкнет дверцей: „Садитесь — подвезу!“ Делал он это из естественного желания облегчить путь нагруженному пешеходу, но также и из любознательности. Проехать мимо человека он не мог». Заботили Корнея Ивановича и бытовые проблемы случайных попутчиков. Если бы его выдвинули в депутаты пусть даже не Верховного Совета, а всего лишь Московской области — он был бы, несомненно, очень хорошим народным избранником. И причиной головной боли и бессонницы не только у себя, но и всяких чиновников-бюрократов. Поэтому и не выдвинули.

«Получила за лето несколько писем от Елены Мих., два последних из Переделкина, где она гостит у К. И. Чуковского, который отнесся к ней, как к родной. Кажется, сейчас все известно: и кто оклеветал ее, и какими методами добивались „сознания“. И вот нет возможности добиться снятия судимости, судимости, заведомо неправильной, порочной. Чуковский хлопочет два месяца, пришлось Е. М. поехать в Ленинград — добиться ли она чего-нибудь?» — записала в дневнике 23 августа 1955 года художник Любовь Шапорина. Речь идет об освобожденной из лагеря ленинградском литераторе Елене Тагер, о реабилитации которой хлопотал Чуковский. Сколько сил он потратил на бескорыстную помощь репрессированным — даже трудно подсчитать. Уже факт того, что в переделкинском доме Чуковского жил Александр Солженицын, говорит сам за себя.

12 апреля 1962 года Чуковского в Переделкине навесил Александр Твардовский с радостной вестью о присуждении Ленинской премии. Почему Твардовскому было важно «привезти» премию Чуковскому? Александр Трифонович ответил добром на добро. Он хорошо помнил, что когда еще до войны вышла из печати его поэма «Страна Муравия», первым, кто поздравил молодого поэта, был именно Корней Чуковский. «Тогда для меня это было письмо писателя из писателей», — признавался Твардовский критику Алексею Кондратовичу 18 декабря 1968 года. И прибавил: «Да, он всегда был немолод». Примечательно, что о литературных способностях детей Чуковского — Николая и Лидии — Твардовский был не лучшего мнения, говоря про «Н. Чуковского, бездарного литераторского сына, ставшего литератором, как и сестра, по обстоятельствам рождения, обстановки — автоматически» — запись в дневнике от 20 августа 1965 года.

Все перипетии присуждения Ленинской премии скрыты ныне в анналах Российского архива литературы и искусства. Хотя кто сегодня ее помнит? А вот степень доктора Оксфордского университета присваивают до сих пор, ее обладателем Корней Иванович стал в 1962 году. Но почему Чуковского не избрали в Академию наук СССР, куда попали и Шолохов, и Федин, и Леонов? Писателей определяли туда по специальной квоте. Корней Иванович был не менее достоин, учитывая его литературоведческие труды. Хорошо на этот счет отозвался Твардовский: «Потому и не стал академиком, что принял доктора Оксфордского университета. Ах ты... доктор Оксфордского! Так — на тебе!» — из дневника А. Кондратовича от 29 октября 1969 года.

За рубежом Чуковского хорошо знали, переводили и издавали. Корней Иванович любил вспоминать, какие казусы происходили иногда с переводами его некоторых стихов, например, когда «бедный крокодил жабу проглотил» перевели как «бедный крокодил позабыл, как улыбаться». Забавно. Разные зверюшки не обходили стороной и переделкинскую дачу писателя. Литератор Александра Бруштейн утверждала, что Чуковского знала там каждая собака: «Почти одновременно с выходом на улицу... к нему стремительно мчатся отовсюду собаки! Всякие — свои и чужие, породистые собачьи аристократы и лохматые дворовые псы, разномастные, с самыми несхожими ушами и хвостами. Всех их объединяет одно чувство: они обожают „Отшельника“! Они

бегают вокруг него, прыгают, лают, но не грозно, а радостно, словно сообщают всему миру: „Вот он, вот он, наш дорогой друг!“» Трогательно... Сегодня в бывшем переделкинском доме бабушки Корнея — удивительный музей. Здесь, кстати, висит и оксфордская мантия.... А неподалеку появилась наконец и улица Корнея Чуковского.

КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Сорж Шаландон. Сын негодяя: Роман / Пер. с фр. Н. Мавлевич.
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. — 304 с.

Сорж Шаландон (р. 1952) — хорошо известный во Франции журналист и писатель. Он освещал конфликты в Ливане, Сирии, Северной Ирландии, Афганистане и Ираке. С середины нулевых пишет книги. В «Сыне негодяя» он впервые соединил магистральные для себя темы: Вторую мировую войну, предательство и отношения с отцом. Повествование ведется от первого лица, люди, описываемые в романе, действительно жили, а события, о которых идет речь, почти правдивы. Идет двойное расследование. Одно — почти документальное. По сюжету романа рассказчик возвращается в родной Лион в мае 1987 года, чтобы освещать процесс над Клаусом Барби (1913—1991) — нацистским преступником, шефом гестапо города Лиона, известным зверской жестокостью. Он лично пытал многих героев Сопротивления, отдавал приказы о расстрелах и депортациях, в том числе о депортации еврейских детей из французской деревушки Изьё (под Лионом), где размещался приют для детей, чьи родители-евреи находились в немецких концлагерях. В апреле 1944 года по доносу все обитатели приюта — 44 ребенка и 7 работников — были арестованы гестаповцами и отправлены в лагеря смерти. Из всех депортированных детей выжила только одна девочка, ее освободила Красная армия в январе 1945 года. С посещения рассказчиком этого страшного места начинается роман. С. Шаландон присутствовал на процессе Барби и писал репортажи о нем для газеты «Либерасьон». Самыми сильными и горькими сценами в книге являются показания свидетелей-потерпевших, рассказ 86-летней француженки, участницы Сопротивления, которую после ареста лично пытал Барби, поименно зачитанный в зале суда список детей приюта Изьё. Настоящими обвинителями на процессе стали матери, потерявшие своих детей. Барби приговорили к пожизненному заключению. Параллельно большой истории в романе разворачивается камерная история отца и сына, который в десять лет услышал от деда: «Ты сын негодяя», ибо он во время Второй мировой войны был «не на той стороне». А на какой? На протяжении многих лет отец обманывал собственного сына: перед маленьким мальчиком выставлял себя героем Сопротивления; повзрослевшему сыну признался, что во время войны служил в войсках СС, уточнив: за пределами Франции. Потом «проговорился», что защищал бункер Гитлера вплоть до 2 мая 1945 года. Во всех своих красочных воспоминаниях отец оставался героем. На протяжении всего романа рассказчик ведет мысленный разговор со своим отцом: «Ты бы сказал мне, где ты был в свои 22 года, когда Барби и его псы вытаскивали детей из их Дома в Изьё. И еще раньше. Что ты делал в ноябре 1942-го, когда немцы, захватив свободную зону, вошли в Лион? Что такого ты в них увидел? Начищенные до блеска сапоги? Мундиры победителей? Чеканный шаг по улице Республики? Танки на мостовой Гамбетта? Что ты о них подумал? Чем они тебе понравились? Что заставило тебя примкнуть к ним, вместо того чтобы бороться против них? Почему ты стал предателем, папа?» Он наблюдает за реакциями отца на судебном процессе Барби, где зрителем присутствует и отец. Ведет реальные беседы с отцом, уличает, спорит, негодует. Он получил доступ к заведенному в конце войны судебному делу отца,

что хранилось в архиве на севере Франции. В конце концов ему удастся проследить жизненный путь отца в молодости. Парень без образования и убеждений, лжец и манипулятор, его отец в юности прошел войну играя. За четыре года он надел пять мундиров, дезертировал из четырех разных армий — то он носил повязку со свастикой, а завтра становился патриотом. Его манили приключения. «Ты упивался ими, не думая о добре и зле, предательстве или патриотизме. Менял военную форму, как театральные костюмы, выдумывая каждый раз новую роль и каждый раз переписывая сценарий... Ты ведь, по сути, был ребенком, папа. Изворотливым, как деревенский проказник, который что-то натворил и смылся от жандарма, — изворотливым, но ребенком. Четыре года войны были для тебя большим школьным двором, где так хорошо резвиться. Игрой на перемене. Сбежал из французской армии, из „Триколора“, из NSKK, как школьник сбегает с уроков». Ему было все равно, на чьей стороне воевать — французов, немцев, американцев или коммунистов, лишь бы стать героем. Этот роман, где большая история смыкается с малой, личная память с коллективной, особо актуален сегодня. В нем ставится вопрос о позиции рядового европейца в годы катастрофических потрясений. Иррациональное поведение юнца, каким был отец рассказчика в годы войны, отразило растерянность, неготовность обывателя разбираться в природе добра и зла и выбирать «правильную» сторону. И сын, испытывая сложную гамму чувств к отцу, чьи тайны он открыл, — от злости до жалости, от сострадания до бешенства, — осуждает отца не за его беспорядочные метания во время войны. А за то, что тот вышвырнул его в жизнь опутанным ложью, «как мусор без проблеска света и капельки истины». Роман С. Шаландона «Сын негодяя» попал в длинный список Ясной Поляны 2024 года и считается самой неожиданной французской книгой о Второй мировой войне. В книге заявлены две позиции. С одной стороны в зрелом возрасте, оправдывая себя в глазах сына, отец заявляет: «Помни, что во время войны один процент французов сотрудничал с немцами, один процент сопротивлялся, а девяносто восемь сидели с удочкой». А вспоминая свою молодежную бунтарскую организацию, С. Шаландон пишет: «У нас, в отличие от немецких, итальянских или японских товарищей, не было ни нацистов, ни фашистов, ни ослепленных восходящим солнцем, и наше прошлое овеяно славным Сопротивлением. Наши отцы и матери прогнали Гитлера и его орды, Петена и его орды. Мы — дети победы и гордимся этим. И я, сын предателя, аплодировал со всеми вместе легенде о наших отцах». Французы в поисках своей исторической идентичности. Шаландон пишет лаконичным журналистским стилем, умело, мастерски выстраивает композицию, держа читателя в напряжении. Финал неожидан.

Александр Белинский. Два лика одного века. Тема с вариациями.

СПб.: Петрополис, 2024. — 181 с.

XIX век в судьбе России навсегда останется как время, в котором пересеклись судьбы двух личностей, по которым этот век стал называться, с одной стороны, пушкинским, а с другой — николаевским режимом. Пушкин и император Николай I были почти ровесники: их рождение разделяло всего три года. Правда, Александр Сергеевич прожил 37 лет, а император, правивший Россией 30 лет, скончался в 60. В литературе давно утвердилось мнение о негативном отношении русского царя к поэту. Такая оценка господствовала не только в советской историографии и литературоведении, но была распространена уже в самом XIX веке. Хотя были и их опровергающие ее мнения. С помощью писем и свидетельств современников Александр Белинский стремится показать, насколько неоднозначны были отношения царя и поэта. В августе 1826 года Николай прибыл на коронацию в Москву, уже 8 сентября 1826 года в Чудовом монастыре состоялась первая встреча поэта с императором. Уже позади восстание 14 декабря, следствие над его участниками. «Нельзя сказать, что Николай совсем не понимал и не любил поэзию, но так как он всю

жизнь помнил о грозном декабристском каре на Сенатской площади, то в любой поэзии искал прежде всего тайные мысли, направленные против самодержавия. При этом царь хорошо знал, какую огромную силу в обществе представляют собой поэтические строки. В дни своей коронации император приказал доставить в Москву из села Михайловское опального поэта Пушкина. Главная причина этого распоряжения состояла в том, что во время следствия над декабристами стихи поэта находили в бумагах едва ли не каждого заговорщика. Императору надо было лично увидеть автора этих стихов и, в зависимости от того, как будет вести себя поэт, решить, что с ним сделать: казнить или помиловать». После встречи с Пушкиным император в тот же день на балу сообщил присутствующим: «Господа, я сегодня беседовал с одним из умнейших людей России — с Пушкиным!» С этой беседы начался диалог в письмах, длившийся десять лет, до самой смерти Пушкина. Участвовало в этом диалоге и третье лицо: «отеческая» переписка царя и Пушкина шла через шефа жандармов Бенкендорфа, который служил рупором идей и мнений Николая. Человек деятельный, жесткий исполнитель, всецело преданный императору, свою задачу он видел в неусыпном надзоре за поэтом. Порой Николаю I приходилось корректировать ситуации, возникшие при попустительстве Бенкендорфа, так по велению царя были остановлены нападки на поэта со стороны Булгарина. Царская опека распространялась и на творчество поэта: Николай Павлович пытался по-своему направить его поэтическую музу на службу правительству. Действительно, все было неоднозначно. С одной стороны, запрет публикации трагедии «Борис Годунов» (разрешение печатать ее последовало только после женитьбы Пушкина как своеобразный подарок к свадьбе), лишь после смерти поэта увидела свет и поэма «Медный всадник». Были и другие ограничения. В то же время по воле царя Пушкин был допущен в архивы для сбора материалов по истории Петра I и истории пугачевщины и получил разрешение печатать «Историю пугачевского бунта» без цензуры и на казенный счет. Неоднократно царь принимал участие в решении финансовых проблем поэта при его жизни, после смерти распорядился оплатить долги поэта (92 500 рублей) и позаботился материально о его жене и детях. Разбирая письма поэта, царя, Бенкендорфа, А. Белинский вместе с поэтом проходит весь его жизненный путь от 1826 года до последних дней поэта, отмечая тяготы «царской милости». Гнетущее чувство вызвало у Пушкина открытие, что его письма перлюстрируются. Взмешен он был Высочайшим указом о пожаловании титулярного советника Александра Пушкина в звание камер-юнкера, несолидного для его возраста. Это звание налагало на поэта и обязанность присутствовать на всевозможных приемах, молебнах и тому подобных дворцовых торжествах, — и это после двадцати лет относительной независимости от казенных мероприятий. После мучительных раздумий последовала переписка с Бенкендорфом о возможной отставке. Было и письмо поэта Бенкендорфу об анонимках и их авторе, по мнению Пушкина — Геккерне. А. Белинский подробно освещает предшествующие дуэли события. Он пишет о том, что царь хорошо знал всю интригу, которую развязали враги поэта, и мог бы только угрозой высылки голландского посланника Геккерне предотвратить смертельную дуэль. Но не сделал этого. «Исследователи русской литературы иногда видят причину гибели поэта в этом равнодушии русского императора. Но такая оценка упрощает ситуацию, приведшую к гибели поэта, в которой виновны и царь, и Бенкендорф, и петербургское общество и даже друзья поэта». А. Белинский считает, что Николай I, уверенный в своем всезнании и всемогуществе, не мог понять и по-настоящему ценить поэта. В книге дан весьма нелюбимый портрет императора: формирование его характера в детстве и юности; «испытание» декабрьским восстанием; отношения с поэтом; бесславные результаты его царствования. Хронологически выверенная сюжетная линия прерывается «размышлениями по поводу»: о независимости поведения поэта при первой встрече с императором; о том, что собой представляла Наталья Николаевна,

и ее внутреннем мире; о том, была ли любовная интрига между женой поэта и Николаем I и об отношении царя к Наталье Николаевне и Пушкину. А. Белинский отмечает неочевидное: присваивая немолодому поэту придворное звание камер-юнкера, царь не намеревался его унижить, а следовал четко усвоенному им самим правилу — давая чиновнику очередное звание, строго соблюдать установленный Табелем о рангах порядок, согласно которому никогда не перескакивать при назначениях через чин. Размышляет о стихотворении «Клеветникам России»: негативно воспринятое большинством друзей и знакомых поэта, сегодня, на взгляд человека, живущего почти два столетия спустя, очевидца нынешней оголтелой ненависти Западной Европы к современной России, свидетельствует о том, что Пушкин с исторической точки зрения был более прав, чем его друзья, упрекавшие его в «квазипатриотизме».

Юрий Нежинский. Массонский Петербург. СПб.: Нестор-История, 2023. — 336 с.: ил.

Над этой книгой историк Юрий Нежинский работал десять лет: следовало проштудировать бесчисленные первоисточники, массу научной и псевдонаучной литературы, придать серьезному исследованию занимательность и поведать, как масонство повлияло на историю Санкт-Петербурга и политическую жизнь России. И повлияло ли? В книге две части, первая посвящена истории возникновения масонства и проникновения его в Россию: зарубежные и отечественные ложи, их связи, сходства и принципиальные различия, идеи, теории, которые вдохновляли масонов. Закономерно, что именно Петербург, столица Российской империи, где кипела политическая жизнь, на два века стал сосредоточением отечественного масонства. И именно в Санкт-Петербурге разворачивается действие книги. Автор приглашает читателя в конкретную петербургскую ложу, знакомит с ее устройством: с действующими лицами, с порядком заседаний, с элементами убранства. Знакомит с иерархией внутри масонских сообществ, с табелями и катехизисом для учеников и знаниями, доступными масонам высших степеней, с масонскими ритуалами и таинствами, паролями и шифрами. А также раскрывает тайны алхимии, астрологии, каббалы, карт Таро и даже теургии. Эти «теоретические» познания согласуются с яркими историческими эпизодами. На основе архивных документов Ю. Нежинский реконструирует ритуал посвящения в масоны молодого офицера М. Олсуфьева, вступающего в ложу по поручению главы Тайной канцелярии графа А. Шувалова, которого интересовало, не ведет ли эта группа подозрительных сектантов, то есть «вольных каменщиков», разведку в помощь англичанам. Картина разнузданной шутовской свадьбы князь-папы А. Бутурлина, максимально публичной, состоявшейся в 1721 году на центральной петербургской площади — Троицкой, служит доказательством того, что Петр I не примкнул к масонам во время своего путешествия в Европу, настолько придуманный им свадебный ритуал противоречил обычаям и обрядам раннего масонства. Сцена, где Екатерина II, прогуливаясь по Эрмитажу, рассматривает полотно Рембрандта «Давид и Ионафан» с изображением иерусалимского храма, служит прологом к расшифровке символов и смыслов, связанных с храмом Соломона. Через всю книгу проходит череда знаменитых петербургских масонов в действии. Вместе с лидером русского масонства И. Елагиным мы постигаем каббалистическое знание. С графом А. Строгановым проводим опыты в алхимической лаборатории, устроенной в его дворце на Невском проспекте. Алхимическими опытами занимаемся и под руководством А. Лабзина в доме на Васильевском острове. Благодаря дошедшему до нас розенкрейцеровскому рецепту можно представить, какие именно эксперименты ставили Лабзин и Строганов. А. Куракин, русский, дипломат 23 лет, вернувшись из Стокгольма, основал в Петербурге рыцарское масонство, — автор дает возможность ознакомиться с документами, переданными Куракину его швед-

скими братьями. «Начало XIX века считалось золотым веком русского масонства. На Васильевском острове Лабзин вел занятия в масонском университете, На Невском проспекте граф Строганов порождает гомункулов в атаноре, в Михайловском замке кружилась Татаринова, а рядом с Театральной площадью Глинка лечил животным магнетизмом». Многие приходили в рыцарское масонство за роскошными ритуалами, нужными знакомствами, модным времяпровождением. Кто-то хотел истинных тайн, духовных откровений, которые могли быть явлены только в высших степенях. Подробно Ю. Нежинский пишет о роли масонства в жизни и творчестве А. Пушкина. Он считает, что степень влияния масонства на поэта была минимальной, типичной для интеллигента эпохи золотого века русского масонства, но пройти мимо масонства интеллигент этой эпохи просто не мог. Сквозной темой в книге является тема «императоры и масоны». Екатерина II, человек эпохи Просвещения, к масонству относилась плохо. Все туманное и оккультное претило ее рациональному сознанию. С масонством боролась не кнутом палача, а пером литератора, но жизнь заставила ее радикально пересмотреть свое либеральное отношение к братству. Это и попытка Мировича, в которой увидели масонский след, освободить Иоанна Антоновича из каземата Шлиссельбурга. И контакты через масонов Павла Петровича с прусским королем и герцогом Брауншвейгским, — за что просветителя Новикова, признали шпионом, готовым свершить масонский государственный переворот в пользу цесаревича, и отправили в шлиссельбургскую тюрьму. Придя к власти, Павел освободил Радищева и Новикова. И отдал предпочтение мальтийцам, враждебным масонам. После восстания декабристов, в котором с обеих сторон участвовали братья-каменщики, масоны почти на столетие ушли в подполье. И только в начале XX века вновь активизировались. Отдельная глава посвящена масонскому опыту М. Волошина и отражению этого опыта в творчестве поэта. Некоторую роль масоны сыграли в революционных событиях начала XX века, но советская власть не была к ним добра. Последних ленинградских эзотериков, имитировавших масонскую деятельность, арестовали в самом конце 1920-х годов. Остались только их символы. Вторая часть книги этим символам, запечатленным на зданиях и в интерьерах, на захоронениях в некрополе, и посвящена. Загадочные Лучезарные Дельты, циркули, наугольники, звезды, масонские и мальтийские кресты, масонский бестиарий, иероглифы и пирамиды. История их происхождения, смысл, значение, где их искать в Петербурге. Ю. Нежинский развенчивает многочисленные мифы, окружающие историю масонства в России. Он считает, что если масонский след и есть в нашей истории, то очень слабый и изучать его надо с микроскопом. На самом деле все политические заговоры масонов в России всегда проваливались. На вопрос, было ли убийство Павла I организовано масонами, дает однозначный ответ: нет. Статистика свидетельствует, что и наиболее значимое событие в истории России XIX века — кровавые события 14 декабря 1825 года — нельзя назвать масонским заговором: масоны принимали участие по обе стороны и примерно в равных количествах. А Лучезарная Дельта, масонский символ, символизирующий Великого Архитектора Вселенной, наблюдающего за трудами вольных каменщиков — треугольник с расходящимися в разные стороны лучами, пришел в Россию с Петром I, вместе с приглашенными им зодчими: в европейской традиции этот знак был принят как символ Святой Троицы и широко использовался в архитектуре. Через сто лет он и в России воспринимался обычным и ясным символом Святой Троицы.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит издательства
за предоставленные книги

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

ХАРБИН — «РУССКИЙ КИТЕЖ»

Часть 14

ХАРБИН. СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ. ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

С основанием Харбина на его окраине сразу же появилось и кладбище, позднее получившее название *Старое*. Уже в самые первые месяцы, когда город делал свои первые шаги и только планировались главные улицы, нужно было выбрать и место для упокоения ушедших в лучший мир харбинцев — под кладбище. Вдалеке, как тогда казалось, от центральных дорог и построек, в Новом Городе отвели место под первый харбинский погост. На этом кладбище были могилы воинов, погибших во время восстания «ихэтуаней» (более известного как «боксерское»), а также могилы первых строителей КВЖД и города Харбина¹.

Город быстро разрастался — всего лишь через 20 лет территория кладбища оказалась практически в центре города. В 1908 году открывается Успенское кладбище, получившее у здешних жителей название «Новое». На его территории был построен храм Успения Пресвятой Богородицы. А первое место захоронений на Большом проспекте стали именовать «Старым», хотя храма на нем не было еще долгие годы². В настоящее время это центр Нового Города, одного из главных и центральных районов Харбина. Кладбище располагалось в относительной близости от Свято-Николаевского собора, поэтому специальной кладбищенской церкви долго не строили. Отпевали покойников обычно в соборе.

В 1900 году, когда в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней, из России туда были направлены войска для защиты русского населения Маньчжурии, железнодорожного сообщения с Дальним Востоком еще не существовало, поэтому войска везли из Одессы морским путем во Владивосток. Далее путь лежал в Хабаровск и отсюда снова на паро-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Троицкая С. С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии 11/24 марта 1922 г. — 11/24 марта 2002 г. // Перл: литературный и образовательный журнал на русском языке. Брисбен, 2005.

² Жилевич Татьяна (Мирошниченко). В память об усопших в земле маньчжурской и харбинцах. Мельбурн, 2000. С. 25–26.

ходе по Амуру и Сунгари до Харбина³. Восстание ихэтуаней было подавлено; Наступило время считать потери от пронесшихся по Маньчжурии событий бурного 1900 года.

Останки погибших защитников Харбина были перенесены с временного кладбища на Казачьей на кладбище в Новом Городе. Когда через два года (19 июня 1902 года) было открыто еще одно православное кладбище (в самом конце Большого проспекта), то, чтобы различать, их стали называть соответственно Старым (Покровским) и Новым (Успенским). Прах защитников Харбина 1900 года перенесли на Старое кладбище и захоронили в братской могиле близ ограды, выходившей на Большой проспект. На могиле воздвигли изящный гранитный памятник-часовню. Ежегодно 13 июля (в день памяти отбитой атаки китайских повстанцев) здесь при большом стечении народа служили торжественную панихиду по случаю успешной защиты от «боксеров» Харбина.

В 1920 году в связи с 20-летием этого события здесь установили массивный гранитный крест. На нем выбиты слова: «На этом старом железнодорожном кладбище нашли вечное упокоение многие из первых деятелей по постройке и охране КВЖД. 12 июля 1920 года в день двадцатилетия отбития атаки „боксеров“ на Харбин воздвигнут крест сей в молитвенную память о самоотверженных подвигах и трудах, совершенных почившими. Да не изгладится в потомстве благодарная память об этих отважных пионерах русского культурного дела и да сохраняются их могилы в неприкосновенности на вечные времена. Да стоит крест сей незыблемо и да напоминает о почивших носителях русской культуры».⁴ Надпись эту можно уничтожить, но нельзя забыть. Она останется вечной памятью русским строителям и защитникам КВЖД.

В одном из приделов кладбища в 1907 году был возведен и костел Св. Станислава, являвшийся превосходным образцом готической архитектуры, с традиционными статуями святых, расположенными во внутренних нишах костела, и канонически точно воссозданными алтарями западноевропейских католических храмов⁵.

На Старом кладбище хоронили «русских воинов, живот свой положивших за Веру, Царя и Отечество». Здесь были похоронены участники Русско-японской войны, первостроители КВЖД и города.⁶ Среди упокоившихся знаменитых горожан на Старом кладбище можно отметить захоронение первого полицмейстера Харбина поручика М. Л. Казаркина. Особое место занимали могилы военачальников — командира сотни Охранной стражи войскового старшины Всевеликого войска Донского В. М. Гладкова, командира 2-й бригады II кавалерийской дивизии генерал-майора Чевакинского, Генерального штаба генерал-майора Н. В. Лебедева, командира Саперного батальона Я. И. Васильева и начальника штаба Заамурского военного округа А. М. Баранова.

К 1923 году на Старом кладбище оставалось 1743 могилы, а также участок с безымянными захоронениями. «Имена их Ты, Господи, веши».⁷ В те годы один из харбинских колледжей взял на себя обязанность приводить в порядок могилы на Старом кладбище. Особое внимание уделялось безымянным захоронениям.⁸ Сторожем на Старом кладбище, вплоть до своей кончины, был Лонгин Васильевич Прасолов. Скончался 31 июля 1922 года. Похоронен на Старом кладбище.

12 июня 1923 года, в день юбилея КВЖД и Харбина, на Старом кладбище архиепископ Мефодий при участии всего духовенства отслужил панихиду по умершим строи-

³ Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 120.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 202.

⁶ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 143.

⁷ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 202.

⁸ Русские в Китае. Шанхай, 2010. С. 145.

телям и служащим КВЖД. На панихиде присутствовали высшие руководители дороги и много публики⁹.

В ту пору, когда кладбище лишь только начиналось, оно находилось на тогдашней городской окраине, но в ходе быстрого городского строительства в скором времени «переместилось» почти что в центр, оказавшись в двух-трех кварталах от Большого проспекта. Любый желающий мог добраться туда на автобусе или трамвае. По описанию старожилов, некрополь отличался особым свойством сообщать торжественную тишину каждому входящему, несмотря на то, что за воротами его кипела самая что ни на есть бурная жизнь мегаполиса.

С течением лет мест на Старом кладбище становилось все меньше, и городские власти приняли решение о закрытии, оставив незначительные участки для особо известных горожан и старожилов Харбина¹⁰. 20 сентября 1927 года по распоряжению главного полицейского управления Старое кладбище было закрыто официально. «Никакие ходатайства о разрешении похорон на Старом кладбище отныне удовлетворяться не будут» — так гласил новый закон. Причиной запрета послужил быстрый рост города. К кладбищу, оказавшемуся в центре Нового Города, уже вплотную подступили жилые постройки.

И тем не менее даже после введения запрета хоронить умерших на Старом кладбище верующие, которые ухаживали на нем за могилами, не оставляли надежды соорудить храм в честь первостроителей города и его защитников, которых здесь хоронили изначально¹¹.

Спустя некоторое время, несмотря на запрещение, самых выдающихся людей все-таки продолжали здесь хоронить, как и в былые годы. Например, в 1933 году на Старом кладбище похоронили инженера В. К. Вельса, а в 1940 году — инженера Ю. П. Жданова. Были и другие захоронения¹².

В 1944 году, незадолго до прихода советских войск, на Старом кладбище был захоронен герой обороны Порт-Артура генерал-майор П. П. Кравченко, скончавшийся в возрасте 67 лет. В Русско-японской войне он отличился в должности командира роты, проведя в крепости все время ее осады и зарекомендовав себя участием во главе своей роты в бесстрашной атаке на Высокой горе¹³.

В редкой в наше время книге — сборнике под заголовком «Харбинский некрополь» — есть очень точное описание Старого кладбища в Харбине. Приведем из него некоторые отрывки.

В центре Нового города расположено так называемое Старое кладбище, где покоятся останки защитников Харбина и первых строителей города. Когда-то этот район являлся окраиной только что возникавшего города, сейчас же вокруг кладбища кипит жизнь, начало которой и положили люди, спящие на нем мертвым сном.

Память о них не забыта. Старое кладбище заботливо охраняется и украшается. Тщательно поддерживаются все памятники, в том числе часовня-памятник на братской могиле защитников Харбина, павших 13 июля 1900 года, крест в память всех погребенных защитников и деятелей Харбина, братская могила чинов 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, павших 13 июля 1900 г., и крест в память солдат и казаков Охранной стражи и агентов КВЖД.

⁹ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 378.

¹⁰ Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 200—201.

¹¹ Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 131.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 201—202.

Тщательно содержатся и отдельные могилы, начиная с украшенных богатыми памятниками и кончая самыми скромными. Каждый вечер на кладбище над многими холмиками благостно мерцают неугасимые лампы. Смерть, конечно, не щадила тех первых русских людей, которые пришли в Маньчжурию из далекой России, она вырывала свои жертвы из первых же рядов строителей и даже изыскателей дороги.

Так, на могильных крестах кладбища можно прочитать надписи: «Т. Карпенко. Казак Кубанского войска. Умер 3 декабря 1898 года»; «В. М. Гладков, войсковой старшина Донского Войска, командир сотни Охранной стражи, скончался 20 июня 1899 г.»; «Ф. Я. Аникеев. Умер 21 ноября 1899 г.». Кто знает, не свели ли их в могилу те тяжкие лишения, которые выпали на долю первых русских людей, прокладывавших стальной путь в диких дебрях края?

А вот многочисленные могилы и тех русских людей, которые годом позже сознательно и жертвенно отдали жизнь, защищая первых жителей города от «боксеров»: командира 6-й сотни Охранной стражи капитана Г. М. Смольяникова и командира 15-й сотни Охранной стражи штаб-ротмистра А. В. Чаленкова, погибшего при взятии ханшинного завода вблизи Харбина; могилы чинов 17-го Восточно-Сибирского стрелкового полка А. Усова, Е. Белоусова, П. Т. Андрейченко, казака 4-й сотни Охранной стражи, замученного 5 августа 1900 года в плену у «боксеров» в Ашихэ, казака Войска Донского И. Т. Шишкина. А вот могила штабс-капитана Е. Ф. Янткевича, убитого передовыми агентами «боксеров» в 1900 году на станции Куанчэнцзы, тем самым подавшими сигнал к мятежу¹⁴.

Мирно сошли в могилы кладбища многие русские военные деятели: командир 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии, генерал-майор Чевакинский; генерал-майор генерального штаба Н. В. Лебедев, начальник штаба Заамурского военного округа; полковник А. М. Баранов, совмещавший военные дарования с писательскими — по вопросам краеведения; один из защитников Харбина, полковник И. Ф. Павлевский; подполковник А. А. Вестмарк; командир саперного батальона Я. И. Васильев; подполковник Е. Н. Шах-Пирумов; первый полицмейстер Харбина поручик М. Л. Казаркин.

Бродя по Старому кладбищу, можно не только воскресить военную историю Харбина, но и самые страницы мирного созидательного труда, вписанные теми, кто сейчас вкушает на нем вечный покой.

Так, на Старом кладбище похоронены начальник службы пути инженер В. И. Александров, сыгравший огромную роль в строительстве как дороги, так и Харбина; первый начальник службы эксплуатации А. О. Максименко; его преемник на этом посту инженер И. И. Оболюмовский, которому Харбин, и в особенности Новый Город, обязан своим благоустройством.

Здесь же покоятся изыскатель и первый строитель дороги инженер Н. С. Свягин, под руководством которого, между прочим, был сооружен туннель около Пограничной, инженер Ю. П. Жданов, автор проектов красивейших зданий города, инженер П. И. Кузнецов — строитель 8-го участка, инженер Н. А. Казы-Гирей, инженер-строитель В. К. Вельс, инженер Н. Г. Варгасов, инженер А. А. Гершов, начальник одной из изыскательских партий инженер-технолог А. М. Махов, инженер путей сообщения Б. А. Ринек, много потрудившиеся в деле строительства и развития края¹⁵.

Журналист Д. Пит писал в газете «Русский голос» (Харбин. 11.06.1923): «Каких-нибудь два-три квартала от шумного чуринского перекрестка по Большому проспекту, и вы на Старом кладбище. Ревущий, гудящий и переплескивающийся звуками на все лады город сразу словно остается далеко позади. Среди дремучей, буйно разросшейся зелени кладбища гомон города почти не слышен. Извилистая тропинка, тщательно

¹⁴ В 1902 году Святейший Синод принял решение о канонизации 222 китайских мучеников, пострадавших от «ихэтуаней».

¹⁵ Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею 1932—1942 гг. Харбин, 1942. С. 331—332.

но огибающая все могильные холмики, ведет к небольшому домику-сторожке. Здесь, среди этого царства мертвых, уголок живых.

Под раскидистым шатром дерева на столе поет самоварчик; вокруг собралась целая семья; с крыльца, сделав ладошку козырьком, смотрит седоусый старик. Френч, защитная фуражка обличают в нем бывшего военного. Это Иван Федорович Павлевский¹⁶, двадцать пять лет тому назад приведший сюда первых казаков Охранной стражи. Бравым есаулом с пышной бородой и стянутый в „рюмочку“ черкесской, он вступил на маньчжурскую землю вместе со своими станичниками-кубанцами. Много воды утекло с тех пор, и далекое от города кладбище, на котором Павлевский хоронил своих соратников, оказалось в самом пекле городского центра, а чернородый есаул превратился в седенького кладбищенского смотрителя... Хитро и затейливо вьется нить человеческой судьбы!»¹⁷

Здесь же, на Старом кладбище, за которым он присматривал, полковник И. Ф. Павлевский и был похоронен.

С 1927 года смотрительницей Старого кладбища в Харбине была Гликерия Николаевна Павлевская, старейшая жительница Харбина. Она приехала в Харбин в 1899 году из Екатеринодара. Скончалась 24 октября 1937 года. Похоронена на Старом кладбище рядом с могилой мужа.

Георгий Хатковский: «Наступал день Радоницы, праздник поминовения усопших. Всегда в этот день светило солнце. Уже с раннего утра от Свято-Николаевского кафедрального собора по Большому проспекту в сторону православных кладбищ направлялись маленькие автобусы, легковые автомобили и извозчики, но большинство людей шли пешком. Тянулась вереница людей и казалось, что весь город устремлялся туда, чтобы посетить могилки своих родных и знакомых, друзей. Люди шли нескончаемым потоком.

Первым на пути было старое Покровское кладбище, где помещалась величественная церковь в честь иконы Покрова Пресвятой Богородицы. Оно было небольшим, самым первым, где были захоронены замурцы и другие защитники Харбина от „ихэтуаней“ (участников боксерского восстания) в 1899–1900 годах, а также находилась братская могила воинов, участников Русско-японской войны, умерших в харбинских госпиталях, находились могилки первых строителей КВЖД и самого города Харбина»¹⁸.

Н. Г. Шарохин: «На Большом проспекте располагалось Старое кладбище с прекрасным храмом Покрова в византийском стиле, где иногда устраивались духовные концерты. В бытность там русских людей по вечерам на могильных памятниках зажигались лампы, о чем в своих стихах писал харбинский поэт Арсений Несмелов:

А ночью там мерцают огоньки,
Горят неугасимые лампы,
Их алые и голубые взгляды
Доброжелательны, ясны, легки.
Отделены от городской реки
Чертой тяжелой каменной ограды,

¹⁶ Иван Федорович Павлевский прибыл в Харбин в 1897 году как командир казачьей сотни охранной стражи КВЖД. Участник подавления восстания ихэтуаней в Китае и Русско-японской войны. Вышел в отставку в чине полковника. Смотритель Покровского кладбища в Харбине, на котором и был похоронен в 1927 году.

¹⁷ Цит. по: Политехник. 1970. № 10. С. 144–145.

¹⁸ Хатковский Георгий Витальевич. Юность моя — Харбин // Сибирская православная газета. 2003. № 5.

Они на жизнь взирают без досады,
Без горечи, тревоги и тоски.

Невдалеке, напротив кладбища, находился католический костел, построенный в псевдогоготическом стиле. Однажды я присутствовал на богослужении, которое заметно отличалось от православного. Оно велось на латинском языке, необычно для храма звучали орган и скрипка, и хор мальчиков, одетых в белые стихари, пел тонкими голосами»¹⁹.

Н. Н. Лалетина (Николаева): «В Великий пост мы ходили к о. Николаю²⁰ в Покровскую церковь говеть. Поскольку мы были еще в младенческом возрасте, говели только последнюю Страстную неделю перед Пасхой. Этого было достаточно. Он ставил нас перед аналоем по 5 человек на исповедь, накрывал всех сразу епитрахилью, молился за нас, грешных проказников, и просил Господа отпустить нам наши нехитрые грехи. На четвертой, Крестопоклонной неделе, читалась молитва Ефрема Сирина: „Господи и Владыко живота моего...“, падали, кланяясь, на колени.

И было какое-то особенное чувство от этой молитвы и поклонов в преддверии окончания поста и начала Пасхального праздника, когда рано, на заре поднимается солнце и играет, и радуется Светлому Христову Воскресению. Сейчас, живя „в каменных мешках-городах“, люди не могут увидеть этого чуда, но отец с детства, бывало, рассказывал, как они с детьми старались не проспать это чудо из чудес, посмотреть встоящее играющее пасхальное солнце!

После службы в Покровском храме расходились по Старому кладбищу. В эту пору уже вовсю пышным ковром среди могил и памятников цвели крупные фиалки, мы их собирали и раскладывали по заброшенным могилам. Домой с кладбища нести было нельзя. Хотя мы были еще достаточно малы, но уже разбирались в кладбищенской „архитектуре“, знали, где и чей памятник лучше, богаче, красивее. А здесь вечным сном спали первые строители изначального Харбина, первые, как говорили, землепроходцы. Жаль, в то время не было ни видео, ни кинокамер, ни даже маломальского фотоаппарата, чтобы запечатлеть навеки эту кладбищенскую необычайную красоту, обилие фантазии ее создателей, стремившихся все это увековечить.

Да... напрасно надеялся харбинский поэт Несмелов, когда представлял, как забежит на кладбище с фонариком иностранный турист и будет читать надписи на могилах почивших героев — первостроителей города. Все кануло в вечность, как будто никогда и не было. И это, не одну тысячу раз отпетое и освященное молитвами по усопшим место, заняли живые живущие. Они настроили домов-коробок и как ни в чем не бывало живут и поживают на земле, хранящей память ушедших. Рассказывают, первое время жильцы домов боялись в них находиться ночами, боялись жить на кладбищенской земле так же, как боялись студенты гулять и сидеть на лавочках на Новом Успенском кладбище. Китайцы суеверны. Но время уходит, приходят новые поколения людей на смену старым, и суеверные рассказы о плачущих по ночам мертвецах уходят в прошлое»²¹.

С. Н. Карякина (Бобровская): «В „Русской Атлантиде“ № 34 (2011 г.) увидела фотографию, где снят священник о. Николай Труфанов. Я очень рада, что теперь у меня есть его фото, он венчал нас с мужем в Свято-Покровской церкви в 1946 году <...>

Когда мы зашли в храм, были зажжены оба канделябра, и вся церковь утопала в огнях. Меня поразило, как о. Николай нас венчал — венчание проходило час, надел

¹⁹ Шарохин Н. Г. Мой Харбин // Русская Атлантида. 2007. № 22. С. 50–51.

²⁰ О. Николай Труфанов, настоятель украинского храма Покрова Божией Матери на Старом кладбище.

²¹ Лалетина (Николаева) Н. Н. Японцы // Русская Атлантида. 2009. № 32. С. 47.

нам на головы венцы, потом подвел нас к амвону, поставил на колени, благословил, поздравил и обнял. Хор получился хороший, так как моя тетка знала песнопения и всю службу наизусть, у нее был хороший голос, а сестра была вокалистка, и мы с ней пели во многих храмах Харбина, был псаломщик также с хорошим голосом. У меня было розовое гипюровое платье, фаты, конечно, не было, тогда было трудно достать, да, наверное, и очень дорого. Кольца у нас были — нам достал их наш друг, но мы их и выкупить не могли, так как деньги менялись на полудиновские, и никто не знал курса, поэтому и занять ни у кого не смогли, а зарплаты еще не было»²².

О. К. Войнуш (Александрова): «Девяти лет я поступила в старший приготовительный класс гимназии им. Тургенева. Наша гимназия находилась на углу Цицикарской и Большого проспекта. Наискосок от нее было Старое кладбище с могилами воинов, погибших в русско-японскую войну, там же были похоронены строители КВЖД, напротив нашего дома было построено новое здание Конвента урсулинок — учебное заведение типа колледжа. За ним дальше, по Большому проспекту, был польский костел, а наискосок от костела стояла немецкая кирха»²³.

Свято-Покровская церковь

В Харбине всегда существовали национальные общины, которые мирно жили рядом и не конфликтовали между собой: украинская, армянская, польская и другие. 7 декабря 1907 года группа харбинцев-украинцев организовала свой Украинский клуб (общество) с культурно-просветительскими целями. Клуб возник на базе искусства, народных песен, драмы Украины. Он несколько раз распадался, затем собирался вновь. У него не было собственного помещения, и клуб «кочевал» по чужим. Украинцы собирались в Железнодорожном собрании (Желсоб), библиотеке-читальне, трактире Черевко. Но красочным и самобытным украинским искусством интересовалось все харбинское общество. В 1913 году клуб обрел постоянное пристанище в новом здании Желсоба, где регулярно устраивались украинские «субботы». Здесь сложились любительская труппа и хор, выделились свои режиссеры и хормейстеры. Проявилось и стремление создать украинский музыкально-драматический кружок. «Час добрый, украинцы... Вы служите своему искусству», — писал по этому поводу «Харбинский вестник»²⁴.

Широкая деятельность Украинского клуба и украинской колонии в Харбине наибольшее внимание привлекала к себе после 1917 года. Клуб, собрав средства, приступил к строительству на Новоторговой улице Украинского национального дома, возводившегося безвозмездным общественным трудом харбинских украинцев. «Украинцы, как муравьи, трудятся над созданием своего Дома», — писала газета. На одной из фотографий начального периода строительства на переднем плане запечатлена стройная подтянутая фигура человека во всем черном... Так было увековечено посещение стройки адмиралом А. В. Колчаком, который находился в это время в Харбине²⁵.

В 1918—1920 годах община выстроила на собственные средства на спуске Новоторговой улицы каменный дом. Он представлял собой великолепное трехэтажное здание, с флигелями и надворными постройками, в котором разместилась начальная украинская школа, Первая украинская смешанная гимназия (с августа 1920 года), библиотека и театр, обретший таким образом наконец свое постоянное место²⁶.

²² Карякина (Бобровская) С. Н. Воспоминания о дорогих людях // Русская Атлантида. 2011. № 39. С. 16.

²³ Войнуш (Александрова) О. К. Вспоминая о жизни // Русская Атлантида. 2004. № 13. С. 42.

²⁴ Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 296—297.

²⁵ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. С. 107.

²⁶ Там же. С. 107—108.

В 1922 году по благословению митрополита Харбинского и Маньчжурского Мефодия (Герасимова) в Харбине был основан украинский приход с домовою церковью в честь Покрова Пресвятой Богородицы (отсюда название ее в народе — Украинская церковь). Храм был посвящен иконе Покрова Пресвятой Богородицы²⁷. При «Украинском доме» была сделана пристройка, где и помещалась временно церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы²⁸. До 1930 года храм размещался в здании Украинского дома в Харбине. После изъятия дома из ведения украинской общины приход некоторое время арендовал подвальное помещение на Большом проспекте.

С 1923-го по 1925 год настоятелем этого прихода был *протоиерей Прокопий Гордиевский*²⁹. В 1925 году эту общину возглавил приехавший из Приморья (там он служил в селе Вознесенском) *протоиерей Николай Труфанов*³⁰. С 1925 по 1932 год в штате прихода состоял *диакон Захарий Марченко*, а с 1932-го по 1941 год он был сверхштатным священником³¹. Община была большая, достаточно активная, и вскоре возникла потребность в строительстве храма. К властям города было направлено обращение с просьбой о выделении участка на Старом кладбище. И после получения в 1928 году землеотвода начались сбор пожертвований и подготовка к строительству³².

В 1930 году верующие украинского прихода православной церкви обратились к жителям Харбина с предложением соорудить величественный храм на Старом кладбище, где находились захоронения русских воинов. В своем обращении инициаторы строительства церкви отмечали: «Усилиями горсточки верующих людей приводится к осуществлению мечта старожилов Харбина — постройка величественного храма в центре Нового города, на Старом кладбище, где покоятся останки создателей, строителей и защитников Харбина. Этим пионерам, нашедшим вечное упокоение вдали от родины, Маньчжурия обязана тем, что на диких некогда берегах возник современный город, культурный центр некогда пустынной страны. Долг жителей города — охранять место вечного упокоения пионеров культуры и почтить их заслуги величественным памятником»³³.

Земельное управление выделило общине свободный участок на Старом кладбище Харбина, примыкающий к Большому проспекту. Тогдашний митрополит Харбинский Мефодий благословил приход на столь благое дело и утвердил настоятеля прихода протоиерея Николая Труфанова председателем строительного комитета. В состав комитета из 17 членов вошли и другие представители церкви — протоиерей Леонтий

²⁷ Тыкоцкий Г. Б. Православные храмы Харбина. Екатеринбург, 1999. С. 84—85.

²⁸ Троицкая С. С. Харбинская епархия, ее храмы и духовенство. К 80-летию со дня учреждения Харбинско-Маньчжурской епархии 11/24 марта 1922 г. — 11/24 марта 2002 г. // Перл: литературный и образовательный журнал на русском языке. Брисбен, 2005.

²⁹ Протоиерей Прокопий Васильевич Гордиевский. Родился в 1872 году. До 1917 года — священник в Хабаровске. С 1923 года служил в Харбине в Покровской церкви украинского прихода на Старом кладбище и позднее в Иоанно-Богословской церкви приюта-училища «Русский дом». Есть также сведения, что он служил в Алексеевской церкви в Модягоу. Вышел за штат. Скончался 28 июля 1931 года в Харбине (Харбинский синодик. Духовенство и церковные деятели. Челябинск. 2009. С. 135).

³⁰ Сумароков Е. Н. 20 лет Харбинской епархии. Харбин, 1942. С. 122. Протоиерей Николай Иванович Труфанов служил на ст. Пограничная КВЖД в 1918—1922 годах, в церкви Старого Харбина в 1924—1925 годах. Настоятель Покровской церкви в 1925—1940 годах. Скончался в Харбине (Харбинский синодик... С. 129).

³¹ Иерей Захария Калининкович Марченко. В 1932—1941 годах служил в Покровской церкви Харбина, затем был настоятелем Николаевской церкви на ст. Чжалантунь КВЖД (Харбинский синодик... С. 154).

³² Сумароков Е. Н. 20 лет Харбинской епархии. Харбин, 1942. С. 122.

³³ Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 131.

Пекарский, основоположник украинского прихода, и протоиерей Михаил Рогожин, строитель храма Святителя Николая в Частном Затоне.

Интересной представляется и история создания проекта для Свято-Покровского храма. Еще в 1905 году, когда предполагалось возвести храм на Новом кладбище, архитектор Ю. П. Жданов составил его проект. Однако кладбищенскую церковь построили по проекту другого архитектора, а проект Жданова остался лежать в архивах КВЖД. Приступая в 1930 году к постройке Свято-Покровского храма на Старом кладбище, вспомнили о проекте Жданова, пролежавшем в архиве 25 лет. Настоятель прихода Николай Труфанов обратился к Жданову с просьбой о разрешении использовать его проект. Архитектор не только дал такое разрешение, но и согласился безвозмездно вести наблюдение за строительством церкви. Техник С. С. Бруевич откорректировал давний проект, и 1 июня 1930 года в торжественной обстановке была произведена закладка храма.

Первый камень митрополит Мефодий заложил под будущим алтарем. На памятном камне было выбито изображение креста. Другой камень под северный портал храма заложил протоиерей Леонтий Пекарский. Технический контроль за строительством взял на себя местный старожил инженер М. А. Тер-Авакимов, а подряд на работы был сдан известному в Харбине подрядчику П. Н. Ильину, который энергично принялся за строительство. Он обязался закончить работу вместе с отделкой храма к 10 октября — всего за четыре с небольшим месяца³⁴.

Судя по проекту, Свято-Покровский храм составлял в высоту 12 саженей. Для него был отведен участок в 60 квадратных саженей. Предполагаемая вместимость церкви составляла 600 человек, однако он мог вмещать, по мнению комиссии, до тысячи прихожан. Проект был довольно выразительным, и предполагалось, что новый храм, «в дополнение к другим церквям этого района, будет лучшим украшением этой оживленной части Нового города». Кроме основного придела в честь Покрова Пресвятой Богородицы, в храме планировалось устроить еще один придел — в честь святого Иннокентия Иркутского, покровителя этих мест. Любопытно, что икона святого Иннокентия была найдена обновившейся на давно забытой могиле Старого кладбища³⁵.

По подсчетам строительного комитета, на возведение церкви необходимо было около 50 тысяч местных долларов. Такую большую сумму силами одного лишь украинского прихода собрать было невозможно, поэтому строительный комитет обратился «к чувству долга и отзывчивости всей харбинской общественности, всего населения Харбина». Вот имена некоторых прихожан, оказавших материальную помощь при возведении храма.

Шелитковский Василий Петрович. Участвовал в обустройстве Старо-Покровского кладбища Харбина как памятника и в строительстве Свято-Покровской церкви.

Родился в 1881 году в г. Мариуполе Екатеринославской губернии. В 1902 году по набору направлен в железнодорожный батальон Заамурской пограничной стражи на КВЖД. Был замначальника нескольких железнодорожных станций. В 1910 году после увольнения занялся строительными подрядами. В 1921 году переехал в Харбин. По болезни переехал в Дайрен, где и скончался 28 апреля 1938 года. Похоронен в Харбине на Покровском кладбище.

Кислицин Владимир Александрович. Оказывал содействие и помощь в построении православных храмов.

Родился в 1879 году близ г. Белая Церковь Киевской губернии в дворянской семье. Отец был морским офицером. Окончил Холмскую гимназию и Одесское юнкерское

³⁴ Там же. С. 133—134.

³⁵ Там же. С. 134.

училище (1900). С 1904 года — в Отдельном корпусе пограничной стражи. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. С 1919 года сражался на Северном фронте, затем в рядах армии адмирала А. В. Колчака. Генерал-лейтенант. Участник Сибирского ледового похода. В 1920 году эмигрировал в Китай. В Харбине в 1936—1943 годах возглавлял Главное бюро по делам российских эмигрантов. Скончался 18 мая 1944 года в Харбине. Похоронен на Старом кладбище около Покровской церкви.

Заика Иосиф Петрович. Один из жертвователей на постройку Покровской церкви в Харбине.

Родился в Полтавской губернии в 1883 году. Приехал на постройку КВЖД. Предприниматель и домовладелец в Харбине. Украинский общественный и церковный деятель. Скончался 4 марта 1951 года. Похоронен на Успенском кладбище.

Подрядчик П. Н. Ильин взялся выполнить все строительные работы за 26 тысяч японских иен. Оценивая строительство храма в 50 тысяч долларов, строительный комитет не включал в эту сумму стоимость внутреннего оборудования храма — выполнения настенных росписей, иконостаса, работ по освещению и проведению парового отопления³⁶.

Строительные работы подрядчик выполнил в срок, после чего началась отделка внутреннего убранства храма, а 15 декабря 1930 года Свято-Покровская церковь была освящена митрополитом Мефодием. По своей стилистике она относится к типу византийских храмов. В харбинской газете «Заря» тех лет отмечалось, что Свято-Покровская церковь построена «в византийском стиле», как «копия Иркутского собора в уменьшенном виде»³⁷. В литературе также отмечалось ее поразительное сходство с бывшей Греческой церковью в Санкт-Петербурге на Лиговском проспекте³⁸.

Воздвигнутая на Старом кладбище (угол Большого проспекта и Мукденской улицы), Свято-Покровская церковь стала центром религиозной жизни украинцев. Особым почитанием пользовалась Ахтырская икона Божией Матери (*приложение 12*). Служба в этом храме шла на украинском языке³⁹. Надмогильные памятники или просто могильные холмики окружали этот храм⁴⁰. Окончательная стоимость постройки составила 32 тысячи иен, большую часть из которых приход получил в качестве займа.

По воспоминаниям харбинского священника Николая Падерина: «В центральной части города, на Большом проспекте, на территории старого русского кладбища был воздвигнут храм Покрова Пресвятой Богородицы, вокруг которого сосредоточилась церковная жизнь жителей прилегающего района, в большинстве украинцев, почему Покровский приход стал называться еще украинским. Придел Покровского храма был посвящен святителю Иннокентию Иркутскому, и в нем, как и в других храмах с приделами, совершалась в праздничные дни ранняя литургия. Надмогильные памятники или просто могильные холмики окружали Покровский храм и напоминали живым людям о вечных ценностях, не prestaющих за гробом, о неослабном еди-

³⁶ Там же.

³⁷ Между тем сравнение харбинского храма с иркутской Казанской церковью (построена в 1885—1892 годах) показывает, что все их сходство ограничивается лишь цилиндрическим световым барабаном с куполом над центральной частью храма.

³⁸ Пенжукова Л. Харбин, Большой проспект // Газета «Харбин» (Новосибирск). 1992. № 2/9.

³⁹ Мелихов Г. В. Манчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. С. 297.

⁴⁰ Падерин Николай, священник. Церковная жизнь Харбина. Из кн.: Церковь твою утверди: Из воспоминаний о церковной жизни Харбина. Сан-Паулу, 1967. Цит. по: Русский Харбин. Изд. Московского ун-та, 1998.

нении вокруг Церкви как верной материнской опоры и здесь, в земном странствии, и в жизни грядущей»⁴¹.

«В наше время Харбин еще оставался русским городом, по духу, образу жизни, архитектуре, — вспоминал харбинец Константин Семенович Гордеев, — планировали его в XIX веке петербургские архитекторы по радиальной схеме — от площадей расходились лучи-проспекты, а главной улицей был Большой проспект — аналог Невского. Но уже тогда китайцев там жило в 4 раза больше, чем русских, коих насчитывалось около 200 тысяч. Здесь стояло много православных церквей — 22 храма находилось только в одном городе, не считая окрестных сел. Народ был верующий, свято соблюдались все традиции, привезенные еще из дореволюционной России»⁴².

С 1925-го по начало 1940-х годов настоятелем Покровской церкви был *протоиерей Николай Труфанов*. С 1947-го по 1952 год приход возглавлял *протоиерей Михаил Андреев*⁴³. Долгие годы при Покровской церкви подвизался сверхштатный священник *Николай Постовский* (1941—1955).

В 1952 году настоятелем Покровской общины стал *протоиерей Иоанн Брынских* (1952—1955)⁴⁴, а после его отъезда в Советский Союз приход возглавил *протоиерей Антоний Иоаннович Галушко*, в 1956—1958 годах — настоятель в Покровской, Иверской и Преображенской церквях.

О. Антоний родился в 1874 году в Черниговской губернии в казачьей семье. С 1903-го по 1913 год служил псаломщиком в церкви поселка Гродеково Владивостокской епархии. В 1913 году рукоположен в сан диакона к той же церкви. В 1923 году с семьей переехал в Китай. Служил в г. Маньчжурии при святителе Ионе Ханькоуском и далее, после кончины владыки, до 1929 года. С 1929-го по 1941 год — диакон Благовещенской церкви Харбина. В 1941 году рукоположен во священника к церкви Мергенского переселенческого района (с. Вознесенка). С 1946 года настоятель церкви поселка Нанжин-Булак района Трехречья. В дальнейшем служил в г. Цицикаре (1948—1949) и в Харбине в церкви Дома милосердия (1949—1950). Настоятель церкви на ст. Ашихэ (1950—1956). В 1951 году возведен в сан протоиерея. Затем вновь служба в Харбине. В 1958 году прибыл в Австралию и был принят в клир Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ. С 1959 года жил с парализованной матушкой в церковном доме для престарелых

⁴¹ Падерин Николай, свящ. В рассеянии // Альфа и Омега. 2001. № 3 (29). С. 259—274.

⁴² Гордеев К. С. Он выбрал Россию // Русская Атлантида. 2012. № 42. С. 28.

⁴³ Протоиерей Михаил Петрович Андреев. Родился в 1882 году в селе Щучье Челябинского уезда в семье священника. Окончил Челябинское духовное училище (1899). Священник при церкви Челябинского епархиального женского училища с 1913 года. В марте 1919 года служащий Челябинского епархиального совета. В конце Гражданской войны эвакуировался в Китай. Был настоятелем Успенской церкви на Новом кладбище Харбина. С 1943-го по 1945 год служил в Трехречье в поселках Верх-Урга и Драгоценка. В период 1945—1947 годов по болезни за штатом. С 1947-го по 1952 год настоятель Свято-Покровской церкви на Старом кладбище Харбина, духовник Харбинской епархии. В 1952—1955 годах служил в поселке Улуси и на станции Якеши, а в 1956—1959 годах в Петропавловской церкви Сунгарийского городка Харбина. В 1959 году эмигрировал в Австралию, где служил при Архиерейской церкви в Сиднее. Скончался 1 июля 1964 года (Харбинский синодик... С. 118).

⁴⁴ Протоиерей Иоанн Андреевич Брынских. Родом из Пермской губернии. Во время Гражданской войны из Екатеринбургского горного института ушел в Белую армию. В 1922 году эмигрировал в Харбин, где долгое время преподавал математику. Рукоположен во диакона в 1944 году к церкви г. Дальнего. Позднее возведен в священнический сан, служил на станции Мулин. Последнее место служения в Китае — Покровская церковь на Старом кладбище Харбина. В 1955 году вернулся в СССР. Протоиерей в Вологде, затем в станице Староминской Краснодарского края. Скончался в августе 1983 года в Краснодаре (Харбинский синодик... С. 107—108).

в Кентлине, продолжая совершать требы. По болезни в 1961 году переведен в больничный дом для престарелых в Кабраматта. Скончался 9 июля 1962 года.

Сохранились имена некоторых членов причта Покровской церкви.

Диаконат

О. Константин Николаевич Затопляев служил в сане диакона в Покровской церкви на Старом кладбище Харбина (1932) и в церкви района Московских казарм (1936), в Алексеевской церкви в Модягоу. Эмигрировал в США, где был рукоположен во священника.

Лобас Николай Иванович. Бывший протодиакон. Служил в поселке Верхняя Урга Трехречья в 1932—1933 годах, в церкви при Доме милосердия и в Покровской церкви Харбина⁴⁵.

*Протодиакон Александр Хромоногов*⁴⁶ состоял в штате Покровского прихода в 1933—1937 годах.

О. Афанасий Иоилевич Хомченко. В сане диакона служил в Покровской церкви Харбина в 1939 году. В 1939—1940 годах рукоположен во иерея и определен к церкви на ст. Яомынь КВЖД.

Протодиакон Глеб Иоаннович Гуляев служил в Харбине в Покровской церкви (1954—1955).

О. Глеб родился в 1919 году в Перми. Через два года семья переехала к отцу, который ранее, будучи полковым священником Белой армии, эвакуировался в Китай и служил в Харбине. Окончил здесь богословский факультет Института Святого Владимира. Рукоположен в сан диакона в 1944 году. Служил в Ильинской церкви (1944—1945), в Богородице-Владимирском женском монастыре (1945—1946), в Чинхэ (1946—1949), в Благовещенской церкви (1949—1951) Харбина. В 1951—1953 годах служил в церкви на ст. Шитоухэцзы, в церкви Дома милосердия (1955—1956), в Свято-Николаевском соборе (1956—1957). Уехал в Австралию в 1957 году. Был принят в клир Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ и приписан к Покровскому храму в Кабраматта (Сидней). В 1965 году переехал в США, где служил в Казанской церкви в Сан-Франциско. Скончался 2 декабря 1997 года.

Псаломщики

Козловский Николай Фомич. Псаломщик в Покровской церкви на Старом кладбище Харбина в 1926—1927 годах.

Слющенко (Слищенко) Леонид Александрович. Псаломщик Покровской церкви в 1927—1938 годах.

Ланский Степан Тимофеевич. Псаломщик Покровской церкви в 1930-х годах.

Родился на Украине. Еще до 1917 года по призыву попал в Харбин, где служил в воинской части. После окончания службы остался в Харбине и работал на КВЖД. В самый разгар репрессий вернулся в СССР (1937), в г. Каменец-Подольский, где через месяц был арестован и расстрелян.

⁴⁵ В 1948 году Н. И. Лобас — начальник канцелярии митрополита Нестора (Анисимова). В середине 1950-х годов вернулся в СССР. Служил в Ставропольской епархии. Во время хрущевских гонений на Церковь снял с себя сан. Вел атеистическую работу. Данных о покаянии, к сожалению, нет.

⁴⁶ Протодиакон Александр Тимофеевич Хромоногов. Штабе-капитан Волжской дивизии белых во время Гражданской войны. В начале 1920-х годов эвакуировался в Китай; служил псаломщиком в Свято-Николаевской церкви на ст. Пограничная КВЖД в 1924—1928 годах. Переехал в Харбин. В 1928 году рукоположен в сан диакона. С 1933 года служил в Покровской церкви. Скончался 13 ноября 1937 года, будучи уже за штатом. Похоронен на Новом кладбище (Харбинский синодик... С. 167).

Перов Сергей Андреевич. Псаломщик Успенской (1933–1943) и Покровской (1943–1948) церквей.

Родился в 1901 году в г. Стерлитамаке Уфимской губернии. Эмигрировал в Китай. Жил в Харбине. Работал на КВЖД до 1933 года. В 1948–1955 годах вновь работал на железной дороге и одновременно пел в хоре при церкви Саманного городка. В 1955 году вернулся в СССР. Псаломщик Свято-Николаевской церкви села Луговое — пригород Новосибирска. Скончался в 1959 году.

Регенты

В 1930-х годах регентом Покровской церкви был *Филипп Филиппович Осипов*. Он прошел по церковной стезе путь от певчего до протоиерея.

Ф. Ф. Осипов родился в 1894 году в Самаре. В детском возрасте осиротел, воспитывался бабушкой, затем взят на попечение благочестивым семейством. Окончил гимназию в Тобольске. Был чтецом в школьной церкви. Учился на юридическом факультете Киевского университета. Не окончив университет, был призван на военную службу. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Воевал на стороне Белой армии. В звании капитана в составе Ижевской дивизии пришел в Приморскую область. В 1922 году эвакуировался в Китай на ст. Пограничная. Несколько лет здесь был певчим, регентом церковного хора и преподавателем гимназии. Директор гимназии в Харбине. Позднее — директор гимназии в г. Тяньцзине. В 1946 году рукоположен в сан иерея. Служил в храмах Пекинской духовной миссии в Тяньцзине и Циндао. В 1950 году возведен в сан протоиерея. В 1952 году служил в Пекине, занимал должность заступающего место председателя совета миссии. С 1953 года — настоятель Свято-Покровской церкви в Тяньцзине. В 1957 году переехал в Австралию, где причислен к штату Архиерейской церкви в Сиднее с назначением заведующим православными общинами в гг. Воллонгонге и Сен-Мерис-Блактауне. С 1958 года — секретарь Австралийско-Новозеландского епархиального управления. В 1960 году переведен в штат Архиерейской церкви в Кройдоне, куда было перенесено епархиальное управление. Скончался 29 ноября 1960 года от тяжелой болезни.

*Николай Михайлович Беневоленский*⁴⁷ был регентом Покровской церкви в 1941–1947 годах.

Димитрий Николаевич Немчинов. Регент хора Покровской церкви (годы служения не указаны).

Старосты, члены церковного совета, прихожане

Иван Григорьевич Сарабун. С 1924 года — староста Покровского храма.

Родился в 1878 году в Могилеве. В Маньчжурию прибыл в 1900 году, работал на КВЖД. С 1907 года жил в Харбине. В 1923 году окончил богословские курсы. Позднее окончил богословский факультет Института Святого Владимира. Скончался 4 июля 1938 года в Харбине. Похоронен на Старом кладбище.

Александр Николаевич Неповетов. Ктитор и староста Покровской церкви. Член епархиального свечного комитета, входил в состав финансовой комиссии 17-го епархиального собрания Харбинской епархии в 1940 году.

Михаил Тимофеевич Степанцов. Член приходского совета Свято-Покровской церкви. Скончался 21 сентября 1936 года. Похоронен на Успенском кладбище.

Виталий Афанасьевич Мирошниченко. Родился в 1917 году в Благовещенске. В начале 1920-х годов семья переехала в Харбин. Работал в коммерции. Хороший фото-

⁴⁷ Казачий офицер Оренбургского казачьего войска. Участник Гражданской войны на стороне Белой армии. Эмигрировал в Китай. Псаломщик-регент в церкви Корпусного городка (1947–1955).

граф-любитель. Во второй половине 1950-х годов, когда многие навсегда покидали Харбин, запечатлел на фотопленке харбинские кладбища, места погребения духовенства, церковных деятелей и большого количества прихожан. Эти кладбища теперь стерты с лица земли, но остались память и фотографии. На основе оставшихся фотоматериалов его дочерью Татьяной Жилевич осуществлено в Австралии издание книги «В память об усопших в земле Маньчжурской и харбинцах». Эмигрировал в Австралию в 1959 году. Жил в Мельбурне. Скончался 30 октября 1997 года. Похоронен на кладбище Фокнер.

В 1958 году были разрушены оба православных кладбища Харбина, Покровское и Успенское (около 100 тысяч могил). Надгробными плитами была вымощена набережная реки Сунгари. По распоряжению китайских властей для захоронения был предложен участок земли в районе Санкешу, приблизительно в 25 километрах от центра Харбина. Всем было предложено перенести прах ранее захороненных на этот участок, но немногим это удалось сделать.

Обращение советских граждан-жителей Харбина к Председателю КНР Мао Цзэду: «Разрушение русских кладбищ в Харбине совершено было в нарушение законов КНР, в частности 20 („При конфискации и реквизиции земли могилы и рощи на кладбищах должны сохраняться в неприкосновенности“) и 21 („Знаменитые древние памятники или памятники культуры исторического значения должны тщательно охраняться: Цитаны, храмы, монастыри, церкви и другие общественные здания, а также дома помещиков не должны разрушаться“), статей Закона о земельной реформе КНР, а также 88 и 97 статей Конституции КНР»⁴⁸.

В мрачный период так называемой «культурной революции» (1967—1977) богослужения в Покровском храме были прекращены, а помещение церкви было использовано под книжный склад. Долгие годы, пока храмы были закрыты, а священники томились в заключении, православный харбинец Алексей Елисеевич Шандарь помогал в похоронах прихожан Харбина, читая перед погребением напутственные молитвы.

Приложение 12. Крадин Н. П. Икона Ахтырской Божией Матери

Многие эмигранты, особенно богатые и состоятельные, привезли с собой в Харбин немало ценностей, среди которых имела и церковная утварь, в том числе иконы, украшенные драгоценностями и окладами художественной работы. Некоторые из икон попадали во вновь построенные церкви, в обустройстве которых деятельно участвовали не только священнослужители, но и сами прихожане, выступавшие дарами. Об одной из таких ценных икон в Харбине ходили легенды.

Икона Ахтырской Божией Матери, глубоко почитаемая на Руси, была тайно вывезена из СССР. Находилась она, по свидетельству очевидцев, у одного из советских служащих Северо-Маньчжурской железной дороги, который перед возвращением в СССР продал ее в числе других икон. Видимо, владелец слабо разбирался в иконописи и истинную ценность иконы определить не смог. К тому же возвращаться на родину с подобной вещью было небезопасно. В конце концов икона попала к харбинскому коллекционеру С. А. Степанову. Исследование, проведенное им, показало, что икона относится к XII веку. Когда же икону увидел настоятель Свято-Покровской церкви протоиерей Николай Труфанов, то узнал ее, поскольку неоднократно бывал в Ахтырке и поклонялся этой святыне. От иконы сохранилась лишь доска с изображением Богоматери, а драгоценные камни и оклад, украшавшие ее, оказались утраченными. Доска, на которой написана икона, имела совсем небольшие размеры —

⁴⁸ Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1900—1997). М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 156—157.

всего 32 на 24 сантиметра. На ней хорошо просматривалось изображение Богоматери, молящейся над распятым Иисусом Христом.

Согласно преданию, священник ахтырской церкви Покрова Божией Матери Василий Данилов нашел икону в 1739 году в густой траве, откуда она излучала необыкновенный свет. С благоговением и трепетом принес священник икону домой, омыл ее водой, а ночью явилась ему во сне Мать Божия и приказала воду не выливать, поскольку та стала целебной. Начиная со следующего дня стали происходить необыкновенные чудеса — все больные, прикасавшиеся к воде, моментально получали исцеление.

Весть об этой новоявленной чудотворной иконе моментально разнеслась по России, и вскоре правящий митрополит Русской Церкви сделал предписание об официальном расследовании и проверке слухов относительно обретенной иконы в Ахтырке. Проведенное вскоре расследование подтвердило подлинность чудесных явлений, и в 1751 году Синод принял постановление о том, чтобы считать икону Ахтырской Божией Матери чудотворной и совершать 2 июля ее празднование.

В дальнейшем икона хранилась в киевской Андреевской церкви, построенной по проекту знаменитого Растрелли. Вместе с иконой в церкви существовала специальная книга, в которую записывали все чудеса, произошедшие с реликвией, начиная с 1739 года. «Богоматерь Ахтырская» особенно почитаемой считалась в Харьковской губернии. Поклониться ей приходили тысячи богомольцев, а во время эпидемий икону носили во главе крестного хода в районы, пораженные болезнью.

После революции икону каким-то образом вывезли из пределов Украины и России, и она оказалась в Харбине. Новый владелец святыни, коллекционер, передал ее архиепископу Мелетию, по распоряжению которого икона Ахтырской Божией Матери поочередно хранилась в Свято-Покровском и Благовещенском храмах Харбина⁴⁹. Где теперь эта икона? Ведь Благовещенской церкви уже давно нет, а Свято-Покровская церковь хоть и существует до настоящего времени, но никто из нескольких десятков православных прихожан, посещающих ее в праздники и выходные дни, не видел в ней святыню. Может быть, ее увезли с собой эмигранты, покинувшие Харбин после 1945 года, ведь многие из них возвратились в Россию. Не вернулась ли вместе с ними и эта русская православная святыня?⁵⁰

⁴⁹ Рубеж. 1935. № 19. С. 50.

⁵⁰ Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. Хабаровск, 2001. С. 91—92.

Contents

Prose and Poetry

- Tatiana Stoyanova.** Turmoil. *Poems* • 3
Alina Mitrofanova. Paulina's Silence. *Story* • 7
Stefania Danilova. How to Calm Flicker. *Poems* • 28
Roman Razzhivin. Hard Workers on the Verge of Eternity. *Short story* • 35
Clavdia Sharygina. *Poems* • 48
Igor Fedorovsky. A Person Who Has Not Met a Person. *Short story* • 51
Oksana Sobol. *Poems* • 69
Igor Shumeiko. Egr. *Federal Novel* • 72
Danila Krylov. Hermitage. *Poems* • 171

Non-Capital Russia

- Ilya Anserov.** Gas Key. *Story* • 173

Universe of Childhood

- Arina Obukh.** I Have Been Here, I Will Be Here for a Long Time. *Short story* • 199

Journalistic Writings

- Alexander Melikhov.** The Most Precious and Dangerous Gift of Prometheus • 205

Criticism and Essays

- Victor Kostetsky.** Street Aesthetics in Early Antiquity: The Origins of Western Philosophy • 208

St. Petersburg Bookman

- Territory of Memory.** *Alexander Vaskin.* Korney Chukovsky: Traveling from Leningrad to Moscow. **Book Island.** *Elena Zinovieva's Publication* • 220

Pilgrim

- Archimandrite Augustine (Nikitin).** Harbin — „Russian Kitezh“. *Part 14* • 240

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью «Журнал «Нева»

Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18

Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9

Телефон: (812) 314-72-50

E-mail: nevaredaction@mail.ru

Страница «Невы» в «Журнальном зале»: <https://magazines.gorky.media/neva>

Сайт «Невы»: <http://nevajournal.ru>, <https://neva-journal.ru>

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет АО «Почта России», подписной индекс П1743.

Свежие номера журнала в Санкт-Петербурге можно приобрести в магазинах прессы у станций метрополитена.

По вопросам, связанным с оптовой и мелкооптовой продажей, приобретением отдельных номеров журнала за последние годы, обращайтесь:

в Санкт-Петербурге — в редакцию журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. (812) 312-49-23, e-mail: officeneva@mail.ru).

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства: <http://nevajournal.ru/book.html>, <https://neva-journal.ru>

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-83135 от 26 апреля 2022 г.

выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Учредитель: ООО «Журнал «Нева»

Сдано в набор 21.05.2023. Подписано в печать 11.06.2024.

Выход в свет 02.07.2024. Гарнитура «Октава».

Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.

Тираж 800 экз. Свободная цена. Заказ № 35

Адрес издателя ООО «Журнал «Нева»: Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 18

Отпечатано в типографии ООО «ИПК „БИОНТ“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр., 86

Тел. (812) 207-58-43